

ЧАЙКА

*Светлой памяти
первого редактора и издателя журнала
ЧАЙКА
Геннадия Крочика
(1949 – 2014)*

ЧАЙКА – SEAGULL

Copyright © 2015 Seagull Publishing.
All rights reserved

Printed in the United States of America

Editor: Irina Chaykovskaya
Illustrator: Sergey Golerbach
Cover: Izya Shlosberg

The publisher and author don't have any liability nor responsibility to anyone or entity to any damages, loss, etc. from the content of this book.

ISBN-13: 978-1512119336
ISBN-10: 1512119334

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ЧАЙКА – SEAGULL

№ 1

(2014 – 2015)

Проза

Стихи

Статьи и эссе

Интервью

Юмор

Редактор-составитель
ИРИНА ЧАЙКОВСКАЯ

Содержание

От составителя 11

Часть 1. ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

<i>Михаил Мейлах.</i> Из тюремной тетради. Стихи	13
<i>Серафима Лаптева.</i> Баклажаны маринованные. Рассказ	15
<i>Назар Шохин.</i> Среди них. Документальное повествование	18
<i>Ольга Кравчук.</i> Изгнание народа. Рассказ на документальной основе	23
<i>Юлий Зыслин.</i> К 70-летию Победы. Не могу забыть эту улицу	29
<i>Вадим Горелик.</i> К 70-летию Победы. Каждый выбирает для себя. Герой и палач по обе стороны колючей проволоки Собибора	36
<i>Ирина Чайковская.</i> Чудище обло. О фильме Андрея Звягинцева «Левиафан»	47
<i>Ирина Чайковская.</i> Пусть Россия будет ближе к Тургеневу, чем к Победоносцеву. Интервью с писателем Виктором Ерофеевым	53
<i>Николай Боков.</i> К 80-летию отца Александра Меня. Священник Александр	63
<i>Сергей Бычков.</i> К 80-летию отца Александра Меня. А в это воскресенье. Отрывок из книги	68
<i>Борис Кушнер.</i> Бабушке. Стихи	93
<i>Бауржан Тойшибеков.</i> Десять максим	94

Часть 2. ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Лариса Миллер.</i> И через влажный сад. Одно стихотворение	101
<i>Елена Пацкина.</i> Размышления. Письмо незнакомца. Перечитывая Чехова	102
<i>Лев Бердников.</i> Потешник корысти ради. Пьетро Мира	107
<i>Лев Бердников.</i> Чиновный озорник. Дмитрий Михайлович Кологривов	114
<i>Ирина Чайковская.</i> Ворожея. Рассказ	121

<i>Эмиль Дрейцер</i> . Пророк. Рассказ	135
<i>Вадим Массальский</i> . Лоббист из Самары. История России и Америки в лицах. Документальный рассказ	160
Наши дебюты:	
<i>Ангелина Злобина</i> . Любка. Дворовый романс	171
<i>Галина Бурчанская</i> . Гриша. Рассказ	186
<i>Надя Бауман</i> . Vivus. Рассказ	189
<i>Юлия Сабурова</i> . Последний убийца. Рассказ	195
<i>Олег Пряничников</i> . Свадебный гость. Рассказ	199
<i>Илья Криштул</i> . Добрые люди. Рассказ	203
<i>Павел Бычков</i> . Коты, боги, лягушки и архиереи. Несколько замечаний о «Мастере и Маргарите» Михаила Булгакова.	210
<i>Наталья Шахназарова</i> . Я чувствую. Одно стихотворение	224
<i>Юрий Хейфец</i> . Все началось с того, что свет потух. Одно стихотворение	225
<i>Ксения Хрусталева</i> . 66 сонет Шекспира, новый перевод	226
<i>Ирина Чайковская</i> . Два интервью. От Шекспира до Зайончковского. Интервью с главным редактором журнала «Вопросы литературы» Игорем Шайтановым	230
Про дедушку говорить всегда симпатично. Интервью с писателем, радио и телеведущим Иваном Толстым.	240
<i>Михаил Лемхин</i> . Как это все случилось... Рецензия на фильм С. Михалкова «Солнечный удар»	248
<i>Михаил Лемхин</i> . Трудно быть богом. Рецензия на фильм А. Германа-старшего по роману Стругацких	259
<i>Лейла Александер-Гарретт</i> . Стокгольм Андрея Тарковского. Отрывок из очерка «Стокгольм-Помпеи»	266
<i>Юлия Добровольская</i> . Мемуар в трех частях	272
<i>Соня Тучинская</i> . Вы не знаете, что такое Люша. Памяти Елены Цезаревны Чуковской (1931-2015)	277
<i>Виктор Фет</i> . Атлантида. Одно стихотворение	288
<i>Сергей Голлербах</i> . Запятая. Эссе	289
<i>Елена Дубровина</i> . О портретах Антониса Ван Дейка	292
<i>Самуил Кур</i> . Блистательный Бакст и его эпоха. Художественное панно	306
<i>Юлий Зыслин</i> . Марина Цветаева как художник	336
<i>Вера Чайковская</i> . Русские сезоны еврейского искусства	346

Часть 3. РОССИЯ И АМЕРИКА

<i>Саша Немировский</i> . Ботаника. Одно стихотворение <i>Джудит Виорст</i> в переводе Галины Ицкович.	355
Посмертное (на русском и на английском)	357
<i>Александр Сиротин</i> . Внимание: наркомания. Почему наши дети могут стать или уже стали наркоманами	359
<i>Альберт Маковоз</i> . Подводя итоги. Размышления русского американца	371
<i>Элеонора Мандалян</i> . Две кинорецензии. К Черному морю на «Черной вдове», Золушка по англо-американски	380
<i>Александр Сиротин</i> . В этой деревне даже месяц – много. «Месяц в деревне» Тургенева.	399
<i>Владимир Нузов</i> . Лермонтов в Америке Вечер в клубе «Вечера на Гудзоне»	401
<i>Валентина Синкевич</i> . Евгений Евтушенко в XXI веке	404
<i>Виктор Родионов</i> . Французский Пигмалион и американская Галатея	412
<i>Виктор Родионов</i> . Акулы, бурбон и виски	418
<i>Леопольд Эпштейн</i> . В декабре Мерида кажется идеалом. Одно стихотворение	425
<i>Вадим Массальский</i> . Строить мосты сотрудничества в духе Эльбы.	427
<i>Вадим Массальский</i> . Интервью с Сюзан Лерман, спонсором Института российской культуры	
<i>Вадим Массальский</i> . Русские американцы. Под крутым байдевиндом, или мастер-класс профессора Леонтьева. Документальный рассказ	431
<i>Михаил Бузукашвили</i> . «Жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее» (о книге «Феномен еврейской культуры» Юрия Окунева)	444
<i>Евсей Цейтлин</i> . Другие глаза. Из книги «Дневник спящих...»	456
<i>Лора Завилянская</i> . Три стихотворения	463

Часть 4. ФАНТАСТИКА И СКАЗКИ

<i>Ирина Чайковская</i> . Мечта. Из стихов для детей	467
<i>Элеонора Мандалян</i> . Последний. Рассказ	468
<i>Алексей Зайцев</i> . Сегодня конец света. Рассказ	484

<i>Дмитрий Петунин. Уличные псы</i>	511
<i>Александр Дубинин. Хорошая сказка</i>	524
<i>Анастасия Буркова. Миша и Гор Горыныч</i>	528
Победители нашего Новогоднего конкурса творчества детей и для детей (ноябрь 2014 – январь 2015)	
<i>Евдокия Бражникова, 9 лет. Елочка</i>	539
<i>Наталья Бестужева. Две сказки</i>	542
<i>Наташа Филимошкина. Крылья</i>	544
<i>Семен Мизрах. Болдухины и Дед Мороз</i>	549

От составителя

Первый номер Альманаха ЧАЙКА вместил материалы, печатавшиеся в нашем Интернет-журнале с августа 2014 по март 2015, период, когда с нами уже не было Геннадия Крочика. Я постаралась отобрать все лучшее, что было напечатано у нас за это время в различных жанрах – в прозе, поэзии, эссеистике, интервью. Читатель увидит в Альманахе, наряду с авторами, печатавшимися в крочиковской ЧАЙКЕ, свежую поросль, большое число дебютантов. В сборнике представлены произведения 56 авторов из Франции, Германии, Австралии, Израиля, Казахстана, Узбекистана и Украины. Большая часть текстов пришла из Америки и России. Именно эти две страны – Америка и Россия – составили основной авторский костяк нашего Альманаха. Мы надеемся, что сотрудничество с этими авторами продолжится и что к ним присоединятся новые талантливые писатели, поэты и публицисты. В Альманахе вы встретите двуязычные публикации, говорю о переводах стихов с английского на русский, сделанные русскоязычными поэтами. Есть у нас и переведенное на русский язык интервью с американкой, спонсором Института русской культуры. И еще одна особенность: детский раздел. В нашем Интернет-журнале, а следовательно, и в Альманахе, он присутствует.

Хочу поблагодарить всех оказавших мне помощь в работе – Марка Мейтина, Вадима Массальского, Изю Шлосберга, Александра Марьина. Все эти люди работали безвозмездно, из любви к журналу и из доброго отношения к памяти Геннадия Крочика. Надеемся, что наш Альманах будет хорошо принят читателями – и новыми, и теми, кто еще помнит полет крочиковской ЧАЙКИ.

Ирина Чайковская

Часть 1. ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО:
ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

С. Колли

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО: ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ

Михаил Мейлах
Страсбург, Франция

Из тюремной тетради

Петербургской поэтики пленник
и Парнаса российского гость,
с молчаливою Музой, изменник,
месяцами немотствуя врозь;

петербургской поэтики данник –
легкий пепел по ветру развеи
над зырянской тайгою, изгнанник,
оглянись – пред тобою Рифей:

не твоей ли он стражник неволи,
евразийский стоглавый дракон,
о котором в тридцатые, что ли,
не смолчал старина Арагон,

– что ура, мол, Урал, стерегущий
пуще тайны смарагдовых гор,
сердоликов и яхонтов пуще
входы-выходы каторжных нор.

Но когда отступает все это,
пред тобою является вдруг
незабытый, воспетый, всепетый
из лазоревой мглы Петербург.

Трижды умерший и не воскресший,
трижды вдовый, он все-таки жив,

но я вижу яснее и резче
чем имперское чудо – залив,

низкий берег закраины дальней,
до которой как будто – рукой...
и столичности провинциальной
безмятежно-трезвящий покой;

вавилонского ив многострочья
в мертвых водах плакучую ложь;
темной зелени белою ночью
словно вдруг подконвойную дрожь.

И над островом, городом, садом,
в легкий купол столкнув облака,
пьет незримого света громада
от воздушной свободы стиха.

...Пленник, данник, изгнанник, изменник,
в нутр рифейский сходящий Орфей!
Хлеб горчит, крутоваты ступени,
выпит мед, воздух пуст... соловей

не поет... Что ж, простимся...
– минута,
и раздвинут во времени щель
трубадуры и обэриуты,
Хармс, Введенский, Арнаут Даниэль*.

1985

*Арнаут Даниэль – провансальский трубадур XII
века (прим. редактора)

Серафима Лаптева
Сидней, Австралия

Баклажаны маринованные

Мне исполнилось пятнадцать лет. Надо мной сияло яркое солнце. По вечерам благоухали ночные фиалки. Кролики, ежи и котята шмыгали под ногами. Куры каждый день несли яйца, пчелы приносили мед, а корова поила теплым парным молоком. А однажды в высоком, чистом небе мама показала мне еще одно чудо – таинственно мерцающие, вытянутые в длину, слоистые облака.

– Серебристые облака можно видеть только один раз в году. Тебе повезло, дочка.

Жили мы в то послевоенное время в маленьком лесном поселке, прилепившемся на склоне большой горы. А на горе, в каменных карьерах, добывали щебень, нужный для строительства железных и шоссейных дорог и еще для многого. К отцу, начальнику камнедробильного завода, постоянно приезжали люди из разных городов и просили щебня, щебенки. Останавливались приезжие люди у нас – больше негде было – и по вечерам снова просили, доказывали, умоляли дать им «камень» сверх плана, то есть вне очереди.

Однажды за один или два вагона щебня прислали вагон эмалированной посуды. И через толщу лет помню праздник и радость, с которой женщины прижимали к груди разноцветные снаружи и ярко-белые внутри миски, кружки, тазы, ведра, кастрюли. Ведь порой воду с ладони пили...

В то утро, о котором я рассказываю, мне понадобились ножницы, и я открыла средний ящик письменного стола в отцовском кабинете.

Тут хранилось много интересных и нужных вещей: отвертки, молоточки, плоскогубцы, гайки, фонарик, ножницы, шарикоподшипники... Нам с братом разрешалось открывать ящик и пользоваться инструментами по своему

усмотрению. На тусклом металлическом фоне странно выделялась стопка каких-то бледно-зеленых листочков. Раньше их тут не было. Я взяла один. На нем был изображен белый кабачок с каплями еще невысохшей росы на светлой коже и написано «Баклажаны маринованные». Такие ярлычки наклеивают в магазинах на банки консервов. Оценив «огородный юмор», я перевернула ярлычок на другую сторону. «Дорогой товарищ Сталин! К вам с последней надеждой обращаются заключенные подземной тюрьмы...» Среди жаркого дня меня сковал холодный ужас, я чувствовала, что держу в руках что-то запретное, недозволенное. «Мы живем и работаем глубоко под землей, и совсем не видим солнечного света». Страшные слова были написаны хорошо отточенным карандашом, очень мелкими буквами, твердым мужским почерком. Мужественным почерком. «Мы умираем от проказы, холода, сырости...» Письмо Вождю. Но как, почему, зачем эти «баклажаны» оказались у нас, в нашем доме, в нашем лесном поселке? Неужели кто-то думает, что отец сможет отвезти их в Москву, передать Сталину и ...и вернуться домой? Меня билa крупная дрожь, стучали зубы. Совсем недавно я читала рассказ про лепрозорий, отчего чужая тайна становилась еще страшней. Не дочитав до конца, я сложила листочки аккуратной стопкой и положила на прежнее место. Ни отец, ни мама не должны знать, что я их видела, что я их читала. Я еще не доросла, мне еще рано. Это касается только взрослых.

Все комнаты у нас в доме смежные, по кругу, и я из тесного кабинета отца вышла сразу в самую большую комнату. Она и столовая, и гостиная, и библиотека. Старая черепаха выползла из-под стола. Ежик напился молока из блюдечка и убежал за буфет. Мама вытирала пыль с подоконника, обернулась, услышав мои шаги. Мы обе хотели пожелать друг другу доброго утра и обе застыли на полуслове – по ступенькам крыльца быстро поднялись два человека в военной форме, в блестящих на солнце сапогах и протянули маме какую-то бумагу:

– Ордер на обыск. Оставайтесь на местах.

В ту же секунду я сорвалась с места и пересекла комнату наискосок, туда, где возле книжного шкафа стояла на полу большая картонная коробка. В ней хранилась вся моя бурная переписка с подругами: лето, каникулы, мальчишки, тайны, любовь, вечная дружба... В ловком прыжке один военный поймал меня за руку и отшвырнул назад. Как раз туда, куда мне было надо. Мама застыла соляным столбом, а я, чуть не плача, глотая незаслуженную обиду, под пристальным взглядом второго военного ушла в детскую, а оттуда напрямик к отцу в кабинет. Я была как натянутая струна, в голове билась только одна мысль: спасти отца, маму, нас всех. Бесшумно открыла средний ящик, взяла стопку «Маринованных баклажан» и прижала их к животу тугой резинкой от трусов. Письмо Вождю скрылось под моим цветастым сарафаном. Все еще переживая глубокую обиду, я прошла на крыльцо мимо стоящего в дверях офицера, спокойно вышла за калитку. Через две минуты я уже скрылась в лесу, раскопала ямку в мягкой земле, положила туда письмо товарищу Сталину и присыпала землей. Вернувшись домой, я увидела бледную как полотно маму, стоящую на том же месте; проклинающего все на свете офицера, перлюстрирующего три-четыре десятка длинных глупейших писем и второго офицера, открывающего ящики письменного стола... Как только они ушли, я вернула «Баклажаны» на прежнее место.

В большой комнате за столом четверо: мои родители и два незнакомых человека, приехавших «за камнем». Сквозь закрытые двери, уже лежа в постели, я слышу удивленный голос мамы: «Не могу понять – ведь они лежат на самом верху. Их нельзя не увидеть». «Не увидеть нельзя, но не взять можно», – многозначительно произносит мужской голос. Судя по всему, в гостиной идет обсуждение таинственных утренних событий. Но меня это не касается. Мне пятнадцать лет, и я ничего не знаю. Не знаю и молчу. Молчу. До сегодняшнего дня.

Назар Шохин
Узбекистан

По следам репрессий

Среди них

Художественная версия событий 21-24 июня 1937 года

В одном из трехкомнатных номеров столичной гостиницы громко вещал репродуктор. Диктор бодро рассказывал о первом советском дизельном тракторе, успешном чкаловском перелете, боях на испанских фронтах. В глубине кожаного кресла лежали доставленные курьером центральные и ташкентские газеты.

Поселившийся здесь гость вставал по старой армейской привычке совсем рано. Но гостиничного номера старался не покидать: ждал звонка по своему, отправленному неделю назад в Кремль служебному письму. Впрочем, вызова туда, если учесть тон сегодняшних радиосообщений и газет, вполне могло и не быть.

Вот уже неделю, как перед ним стояла адова дилемма. Попытаться доказать высокому начальству собственную невиновность, пожертвовав при этом друзьями и близкими. Или же согласиться на самооговор, уронить себя, и угрозой гибели спуститься напрямик в лефортовский подвал. Ад был в том, что столкнулся с уму непостижимым, нечеловеческим, животным.

Риск ареста пока не был явным. Он еще не расстался в полной мере с властью. Пользовался льготами партноменклатуры. Его по-прежнему соединяли по телефону с влиятельными кабинетами.

Там, на родине, фамилия его уже была вычеркнута из всех телефонных справочников. Здесь же его, – в принципе не такого большого по московским меркам начальника, – сопровождала казавшаяся пока не столь опасной безысходность.

Make the best of a bad job – «Делай всё возможное, даже если дела плохи», – учила его в детстве гувернантка. Он вспоминал теперь и другое из рассказов иностранки, муж которой погиб в сибирской ссылке: «На допросах много не говорят, а то запутаешься и не вылезешь; нужно следить, как следователь записывает ответы, а то подпишешь совсем не то, что говорил»...

Конечно же, если б не природный ум, ежовские костоломы не стали б медлить, а давно превратили его во врага народа. И, если надо, они уложат всех-всех, находящихся на самых далёких развилках родства, соседей или даже улицу. Устроят показательное зрелище, молниеносный процесс, с признанием себя военным преступником. Расстреляют где-нибудь в подмосковном Дрожжино. А потом включат в отчет о разоблаченных шпионах. И ничто их не остановит.

Давно известно, они действуют по законам волчьей стаи: для охоты выбирается ослабшая либо больная жертва.

Интересно, а как, каким образом, и под каким предлогом станут «виноватыми» дети? И что им инкриминируют? И что станет с ними после его ареста? Отправят в лагерь?...

Нет, про няню и семью он, конечно, подумал зря. Этак можно накаркать на свою голову.

...При звуке швабры в ванной жилец комнаты дрогнул от неожиданности и повернулся.

Горничная этажа, как оказалось, никуда не уходила и продолжала убирать номер.

– Вы всё еще тут, Марья Павловна? Не закончили?

– Закончили – не закончили... Да велено мне следить за вами!... И я вот, как видите, согласилась!... А что ж еще делать-то?... Вон что вокруг происходит!... Никому сейчас верить нельзя!... А вдруг и впрямь начнете писать листовки, а потом сбрасывать их с балкона, – а меня потом пособником врага народа объявят?

– Да хватит убирать, довольно!

– Когда надо будет – уйду.

Он расстегнул воротничок и, оторопев от услышанного, поспешил на балкон. Положил руки на горячие от солнца поручни, попытался забыться, но опять опешил: на соседнем балконе, боком к нему, стоял как-то странно, незнакомый сосед и лукаво курил...

Похоже, и поговорить уже не с кем, – казалось, все всё знают и пристально за ним наблюдают. Или следят. Или подсматривают. Или подслушивают. Или вынюхивают... Не исключено, что вынюхивали все эти трое суток.

Интересно, а давно ли поселился в гостиницу этот сосед? И как общаются между собой уборщица и постоялец справа? И кто ими верховодит? И много ли людей надо поставить на все точки, которые ты посещаешь?...

Перед взором вдруг предстала карта с Садовым кольцом, масса осведомителей, то тут, то там сидевших в новых немецких автомобилях...

Плотно закрыв дверь на улицу, он прошел в кабинет, взял с серванта бутылку, налил коньяку в рюмку и выпил, не закусывая.

Депрессия не проходила и даже усилилась.

Да, подумал он, цель достигается: при такой неизвестности постепенно ломается воля к жизни. Начинаешь чувствовать себя загнанным животным. Остается вот это, ранее неведомое – пытка страхом, ожиданием неизбежной беды, беспокойством за жену и малолетних детей. И эти внезапные, неожиданные аресты по ночам.

А ведь, как дизельным трактором, мелят, всех без разбору, виновных и безвинных, младенцев и стариков, – медленно, но беспощадно!

Простым увольнением по собственному желанию, вероятно, они не ограничатся; будут любым образом вытаскивать из кармана партбилет. Будут наблюдать, к кому первым из верхов побежит за помощью. И к кому первым из низов сдаст самое ценное из нажитого.

Главное – вовлечь в подвал, а там можно сострять такие воспоминания! Там любому мужчине сменят пол ! А могут и миры.

Да, жизнь, как и тогда, в гражданскую, все больше насыщалась кровью. Но никак не хотелось уходить в иной мир предателем или трусом! Если он и боялся когда-нибудь или чего-либо пуще всего, – так это попасть в полное одиночество; не угадать времени, где останешься совершенно один; признаться вконец, что неудачником прожил никчемную жизнь.

Как не хочется слепо покоряться судьбе, ждать обреченно, как овца, предназначенная для заклания!

И противно выказывать храбрость, славить себя языком, только из боязни, что тебя назовут трусом.

Глупо, просто глупо, будет, как это делали сегодня многие, кончать жизнь самоубийством. Кошунственно – в священную пятницу. Да еще выбросившись с окна, – как какой-нибудь коррупционер, рогоносец или неудачник. Да еще – в чужом городе. Все родные там, в Ташкенте, оскорбились бы таким сведением счетов с жизнью. А в газетах, на последних страницах, написали бы что-нибудь типа: «бывший премьер-министр умер от сердечного приступа на открытии нового заводского цеха».

Гражданская – не гражданская. А кому нужны сейчас воспоминания? Они никогда не бывают полными, их можно повернуть куда хочешь. И превратишься в торговца сновидениями. История – она как палка, конца в ней два: подлинная нужна – копай глубже, а если только для своего времени пишешь – будет поверхностной.

Вспоминать, – так если только об улице детства, плечах отца, первой любви, молочных зубах сына-первенца...

А может быть посыпать голову пеплом и бежать куда глаза глядят? Да только в дальних краях и месяца не прожить – убеги хоть в Мексику, на чкаловском самолете придут, достанут ежовыми рукавицами, умертвят

неизвестным ядом или раскроют череп ледорубом. В лучшем случае – сгинешь в безвестности на какой-нибудь пустынной чужбине, и похоронят где-то на окраинах провинциального кладбища.

...После ухода уборщицы постоялец занавесил окно, задернул шторы: тут, в темноте, его не могли видеть с улицы, – он же кое-что видел.

«Многолошадный, буйный, голоштаный, двууглекислый двор кипел ключом», – вдруг прицепились и не сдавались строки поэта, с которым он познакомился года три назад.

Тогда, в квартире Пастернака, читавшему ему свою новую поэму, он подумал: а ведь поэт, истинный поэт может иметь такое влияние, какое не знает ни один премьер-министр! Он бы и сам стал поэтом, если б политика тогда, в гражданскую, ни стала драть ему бока, ни поглотила без остатка всю его жизнь. Так и получилось, что постепенно живых людей, маленького человека, поэта он стал понимать все меньше.

Еще раз оглянув ванную, он вошел туда и пристально взглянул на себя в зеркало. От прежнего ясноглазого человека, с удлинённым лицом и блестящими волосами назад не осталось и следа. Да, это было его лицо, – но, кажется, что оно – и анфасом, и в профиль – абсолютно изменилось, хотя и меньше, чем он менялся внутри.

«Неужели, это я?... Да, это ты среди них! Пусть будет тяжело, но надо принять конец достойно, – а чтобы так умереть, надо совсем не хотеть жить. Значит, надо не целовать сапог палачам, и молчание будет главным твоим достоинством. Может, тогда восстанешь из мертвых, чтобы схватить рукой руки своих убийц? Чтобы снова, – но уже поэтом, – увидеть, как видел в детстве, небо, солнце, людей!».

Холодный душ, казалось, привел его в чувство и вывел из столбняка. Он стоял нагишом в ванне, наблюдая за тем,

как струилась по телу, стремительно сочилась, бурля пеной, и сквозь решетку на дне вода. Словно смерть исчезала куда-то. Даже захотелось засвистеть.

Весь дрожа, он вытерся, накинул халат и на цыпочках прошел в свою комнату. Надо было переодеться, попить горячего чаю и сходить в парикмахерскую.

Ольга Кравчук
Симферополь, Крым

Изгнание народа

Этот рассказ – синтез четырёх разных наиболее точных историй-воспоминаний о депортации, которые мне передали мои знакомые (бывшие одноклассники, однокурсники), когда я решила написать текст на эту для многих людей болезненную тему. Когда рассказ был готов, я отправила его людям, пережившим эту трагедию, от которых получила достоверную информацию, чтобы они перечитали, нигде ли я не ошиблась, т. к. желала создать максимально реалистичный текст.

*Народ, подобно ребёнку, может только плакать
или смеяться. Легко различить, радуется ли он или
страдает. Но чему он рад и что у него болит –
часто трудно узнать.*
Л. Берне

Апрель. Природа пышно расцветает, окончательно стряхивает с себя признаки ушедших холодов, не зная, что продолжается война. Благоухают цветы, вперемешку с запахами гари и пороха врываются в человеческое сознание, пробуждая в людях желания любви наперекор

смертям и ненависти. Девушки ожидают, когда приедут в отпуск юноши и братья, женщины по несколько раз на день выглядывают мужей и сыновей.

В Фотисалу прибыли советские военные – излишне серьёзные и хмурые: зачем? – никто не знал. Даже искренние девчачьи улыбки не могли развлечь или заинтересовать солдат. Спустя два дня мужчины в военной форме поставили в центре деревни стол и принялись собирать с жителей деньги на поддержку армии. Люди без сожалений отдавали последние гроши, ведь это поможет родственникам, которые находятся на фронте. Местные быстро свыклись с присутствием чужаков. Фотисала жила в привычном ритме, как и большинство крымских поселений. Солнце припекало, сбор средств, продолжавшийся всю неделю, подошёл к концу. Утром в дом Сабри пришли, чтобы уточнить состав семьи. «И на кой им сдалась перепись населения, когда война? – подумал дед». Сегодня количество людей одно, завтра иное.

– А зачем вам? – всё же поинтересовался хозяин.

– Получили приказ подготовить списки тех, кто пойдёт учиться в школу, – ответил мужчина в форме так, будто отгонял от себя осу.

Но этим дело не закончилось: работоспособных селян одного за другим вызывали в военкомат. Дед сказал внучке Ревиде, чтобы отсиделась дома, но девушка, считая себя достаточно взрослой и здоровой, фыркнув, пошла отметить. Не минуло и пяти дней, как всех, чьи фамилии были занесены в списки, посадили в вагоны, и поезда отправили на лесоповал и в шахты. Кто-то оказался в Туле, кто-то в Костроме. Дед не понимал, что скажет сыну, когда он вернётся домой. Как мог не уберечь Ревиде, пока тот воевал? Но ведь девчонка упрямая, как дикая коза! Не приковывать же её цепью к забору.

Восемнадцатого мая в четыре утра раздался настойчивый стук в дверь, Сабри обрадовался: наверное, сын вернулся! Но на пороге стояли военные:

– Что ж это, эвакуация? – поинтересовался испуганный дед.

– Депортация! Татар объявили изменниками родины.

Старик побежал будить детей:

– Собирайтесь, быстрее! Нас выселяют!

Сабри заторопился в сарай и выкопал схороненные под землёй драгоценности: дед берёт их на чёрный день, и вот он настал... Спрятав их на теле – в бельё, вышел на улицу и увидел десятки людей, которые с чемоданами и сумками уныло плелись по дороге под конвоем солдат, вооруженных автоматами. Женщины рыдали. Наиболее бойкий сосед пытался сопротивляться:

– Никуда я не поеду! По какому праву? Тут жил, тут и умру!

Военный ничего не ответил, взвёл курок и выстрелил тому в голову. Наступила тишина, даже сверчков не было слышно. Селяне задвигались быстрее. В страхе Сабри торопил жену, невестку и детей. «Что же это? Ошибка какая-то? Такого просто не могло быть! Выселять из домов людей! За что?» – проносились в его седой голове мысли. Крымских татар собрали на деревенской площади, словно отару, вокруг оцепили живой изгородью из солдат с оружием в руках. Изгнанники не знали, что их ждёт, но боялись хоть что-то спросить, дабы не получить пулю в лоб. Наиболее уставшие сельчане опустили на сумки, а кто-то – просто сел на землю.

На рассвете «изменников» начали сажать в грузовики и вывозить, разделяя семьи: мужчин загоняли в одну машину, их детей и жён в другую, но не всех, уж очень большой поток людей. Семейства перемешались. Братья и сёстры, до недавнего времени спокойно спавшие в кроватях в соседних комнатах, теперь ехали отдельно друг от друга

в неизвестность, большинство, оторванные от родителей. Кто-то застонал: у женщины начались роды! Она так кричала, что дед затыкал дочке уши, дабы ей было не так страшно.

Сабри с девочкой оказался на станции между Симферополем и Бахчисараем. Его жену с невесткой высадили на станции Сюрень, а сыновей в самом Бахчисарае. Люди разыскивали друг друга и не находили. Когда откинули брезент, старик увидел под ногами кровь и знакомое напряжённое лицо женщины, которая держала на руках новорождённого ребёнка. В обед всех погрузили в грузовые вагоны поездов и закрыли двери. Железо раскалилось на солнце, внутри стало душно, как в чистилище. Кислород и свет проникали внутрь через одно лишь окошко, напротив которого, в луче был виден одинокий полёт свободной пыли. Не хватало воздуха, люди теряли сознание. А поезд двинулся лишь спустя несколько часов. Младенец непрерывно кричал, мать крепко прижимала его к груди, пытаясь успокоить. Кто-то стоял, кто-то лежал, некоторые сидели на корточках, не придавая значения боли в ногах. Но в глазах даже маленьких детей отражался ужас и непонимание того, что происходит.

Миновали Чонгар. Сабри заплакал, хоть и негоже мужчине проявлять слабость, только невогмугу оказалось сдержать боль. Хотелось есть. Младенец прекратил кричать, скорее всего, уснул. На станции людей выпустили на улицу. Они не могли надышаться! Те, у кого были припрятаны деньги, покупали в магазинах еду. Сооружали из камней мангалы, разводили огонь и готовили картофель, кашу, чтобы хоть чем-то накормить ребятню. Дед сварил картошку в мундире и отдал дочке. Он не переставал думать о жене и других детях, надеясь, что они ещё встретятся в конечном пункте назначения.

Так прошло несколько дней. В вагоне воняло мочой, давно немывыми телами и ещё чем-то туманно знакомым.

Новорожденный стал странно спокойным. Мать накрыла его с головой и вот уже сутки не раскрывала, не подносила к оконцу подышать. Когда сидевший рядом мужчина не выдержал смрада и развернул младенца, то увидел уже посиневший труп, который в Саратове еле вырвали из женских рук. Месяц назад муж несчастной погиб на войне, ребёнок – единственное, что у неё оставалось. Похоронить не смогли, так как не было времени рыть яму. Из соседнего вагона под вопли вынесли тело бабки и оставили в корыте для коней. Сабри же вынул золотое кольцо и обменял на ведро каши с рыбьим жиром. На этом и продержались всю неделю.

Истощённые люди чесались до крови, завелись вши. Женщина, утратившая смысл жизни, что-то непрерывно нашептывала, похоже, тронулась умом. Сабри пытался не сбиваться со счёта дней, дабы не лишиться себя возможности следить за временем. В начале июня они прибыли в Катакурган. Всех раздели, стали отмывать в бане, вещи забрали – на дезинфекцию. Часть одежды сжигали вместе с документами. Уже чистыми изгнанников повезли в другой район, где ожидала милиция, и стояли наготове повозки. Наконец-то люди могли хотя бы свободно вдыхать чистый воздух. Огласили списки, кто и куда последует дальше. Девочку от Сабри забрали, а самого отправили в колхоз. Дед, стиснув зубы, не вымолвил ни единого слова, когда от него отнимали дочь, разве ей станет легче, если его убьют? Он её найдёт, обязательно отыщет и сыновей, и жену, они вместе вернуться домой!

На рассвете Сабри увидел абрикосовые деревья, накинулся на фрукты и ел, сколько хотел, запивая водой из арыка. Распространилась дизентерия с тифом. Люди умирали в больницах, но не всех взялись лечить. Старик, хоть и медленно, поправлялся, потому как несмотря ни на что, должен был разыскать семью. Спецпоселенцам не разрешали ходить на похороны, провожать в последний

путь умерших, но некоторые отчаянные убегали с работ и время от времени присутствовали на погребении земляков. В пост Ораза мусульман принуждали пить воду. Вытерпеть все издевательства было свыше человеческих сил, многие погибли. Деду несколько раз за нарушение комендантского часа давали по пять суток тюрьмы. Следовало каждую неделю ходить отмечаться (своеобразный учёт кто жив, кто мёртв), но идти лишь одной дорогой. Пока запомнили путь, некоторых спецпоселенцев расстреляли, обвинив их в попытке к бегству.

Дети, оставшиеся после уютного дома в одиночестве в незнакомой деревне, ходили в рваной одежде, босые и голодные. Работали в кузнице, а ночами плакали от боли в руках. Однажды Сабри увидел, как мальчишка, бродя по улице, поднял с земли кость. Оглянувшись кругом, никто ли не видит, принялся её глотать, уже не думая, что она могла оказаться человеческой. Тогда старик взял кусок хлеба, который должен был съесть на ужин, и отдал мальчику. Людей становилось всё меньше, уже некому было хоронить погибших.

Между колхозами было не больше десяти километров, но спецпоселенцам не позволяли покидать границы своей местности, чтобы помешать воссоединению семей. Соседа Сабри сажали по меньшей мере десяток раз за нарушение правил, а у каждого начальства приказы различались. И однажды, когда приехали, чтобы вновь его забрать, тот вышел к военным, облившись бензином, чиркнул спичкой и вспыхнул, словно факел. Люди кинулись к нему, принялись тушить. Мужчина помер в больнице от многочисленных ожогов, счастливый от того, что, наконец, свободен! Молодая мать, оказавшаяся во время переселения со стариком в одном вагоне, не выдержала горя от потери единственного ребёнка, разорвала платье, скрутила тугую верёвку и повесилась на дереве.

Со временем содержание людей стало менее жестким, и Сабри смог разыскать часть родственников. На тот момент из восьмидесяти семей, которые попали в колхоз, осталось лишь шесть, спустя год им позволили оттуда выехать. Жена старика умерла от воспаления легких, её не позволили лечить, а невестка скончалась от тифа. Два сына отошли к Аллаху в детских домах. Когда старший вернулся с войны, узнал, что у него больше никого нет, а сам он – изменник родины, которого следует уничтожить как фашиста. Из всей семьи их осталось трое. Но Сабри не переставал надеяться, что кто-то мог напутать и его родные живы. До последнего вздоха он искал детей и жену, мечтая о том, как им вместе разрешат вернуться в Крым.

К 70-летию ПОБЕДЫ

Юлий Зыслин

Роквилл, Мэриленд, США

Не могу забыть эту улицу

Памяти мамы и тётки Перы

Вашингтон. Летнее воскресенье. Музей Холокоста. У входа, как всегда, очередь в два ручья. В камерном зале музея сегодня играет струнный квартет. Звучит музыка Дмитрия Шостаковича. Перед началом концерта директор программы, американец лет тридцати, долго и бойко говорил про Советский Союз.

Но что он может знать о том времени, в котором жил и которое выражал в музыке великий композитор?

Музыканты стараются, сосредоточенно смотрят в ноты, раскачиваются.

Мне как-то грустно. В голове «засветился» киноэкран. Побежали кадры хроники нашей семьи. Сначала Новосибирск, общий вид, потом улица имени 1905 года. А это что? На дереве, у ворот дома, сидит мальчишка. Я где-то его видел. Ха! Да это же я.

Здесь, в избе с завалинками и ставнями, жила в 1941-1943 годах наша большая дружная еврейская семья беженцев из Москвы, Риги и Юзовки.

Рядом располагались ещё две избы, тоже рубленые, но более мрачные, чем наша, какие-то покосившиеся и вросшие в землю. В одной жила старуха с девочкой, видимо, местные. Они почти не выходили на улицу из своей развалюхи. И голосов их я никогда не слышал. В другой же избе разместилась, наоборот, шумная, всегда улыбающаяся семья евреев из Белоруссии.

Мы занимали не всю избу: за стеной жили ленинградцы (одна из наших соседок теперь живёт в Калифорнии). На нашей половине была кухня с русской печкой, одним окном во двор и дверью в сени, которые все называли «предбанником». И не случайно: когда зимой кто-нибудь входил из сеней в кухню, она мгновенно заполнялась паром, как в бане. Иногда казалось при этом, что в помещение как бы въезжал паровоз. К кухне примыкала смежная комната. Она казалась большой-большой, так как имела пять окошек – два во двор и три таких же на улицу. О них – речь впереди. Лучше бы этих трёх окон не было совсем...

Однако, пока продолжу описание местности.

Рядом с нашей избой, чуть в глубине, стояла трёхэтажная школа, длинная, как казарма. По пути к ней мне даже не нужно было выходить на улицу. Надо было просто пойти мимо огромной помойной кучи в нашем дворике, куда вываливали отходы, а иногда и нечистоты, жители всех трёх изб. Рядом со школой находилась – пересыльная тюрьма

или попросту: «пересылка». Вокруг неё – огромный забор, прямо-таки крепостная стена, глухая и зловещая, с такими же воротами. Кстати сказать, улица наша, хотя и носила имя первой русской революции (а может быть, именно поэтому) мало отличалась от любой убогой российской деревенской улицы – те же грязь, пыль, колдобины. Мостовая, конечно, немощёная, зато, правда, кое-где догнивали досчатые тротуары и притаились отдельные кирпичные дома и даже один двухэтажный. А так – избы, избы, покосившиеся низкорослые заборчики, ворота с засовами. Важная достопримечательность улицы – водокачка. Одна на несколько кварталов. Приносить воду с этой водокачки (два ведра на коромысле) было моей семейной обязанностью, чем я очень гордился. О моих друзьях – соседи по парте Кольке Мошкине, дворняжке Джойке и кошке Мурке – надо рассказывать отдельно и обстоятельно. Скажу только, что у Кольки была корова с печальными глазами, предмет моего пристального внимания, беспризорного Джойку я приручил к нашему дому, и мы с ним почти не расставались, а Мурку я заставлял дружить с Джойкой, который не возражал против этого. Колька жил на соседней улице, ведущей в поле, где пасли коров. Эту улицу пересекала одноколейка, идущая от вокзала, находящегося от нас в трёх-четырёх километрах.

Параллельно нашей шла бойкая городская улица с асфальтированной мостовой, трамвайными линиями и тротуарами. Она вела прямо к вокзалу. Звали эту улицу, кажется, «Челюскинской», что тоже, наверное, признак времени. По сравнению с нашей улицей Челюскинская была богатой и веселой. Ей не было никакого дела до своей бедной сестры с революционным названием.

Так вот, по улице имени 1905 года мимо трёх уличных окон нашей новосибирской избы ежедневно и помногу раз в день проводили по этапу партии заключённых – от вокзала до «пересылки» и обратно.

В каждой такой партии по несколько десятков человек. Наши три окна и вся наша семья не пропустили ни одной партии. За два года перед нами прошли тысячи и тысячи людей и, может быть, среди них были и те, чьё творчество и биографии представлены теперь в моём Вашингтонском музее русской поэзии и кто пережил не один сибирский этап. Я имею в виду сестру Марины Цветаевой Анастасию, дочь Ариадну Эфрон и племянника Андрея Трухачёва. Они провели в советских тюрьмах, лагерях и ссылках в сумме около пятидесяти лет своей жизни, а все Цветаевы по кругу – около восьмидесяти лет...

Мои сёстры, невесты на выданьи, вкусившие уже и рытьё противотанковых рвов на Смоленщине, и работу в военных санитарных поездах, горько шутили: «Опять партеечку ведут!»

Изможденные люди с серыми лицами, в нищенских одеждах понуро плелись мимо нас, поднимая пыль, грязь или трамбуя неубранный снег. Много женщин, нередко с детьми на руках и с котомками за плечами. Старики. Инвалиды. Грязные, заросшие, истомленные.

С четырёх сторон шли охранники – лица «кровь с молоком» и в плечах «косая сажень» – с ружьями наперевес, иногда с собаками, огромными злющими овчарками. Зимой охранники щеголяли в белых овечьих тулупах, высоких сибирских валенках («пимах») и в шапках-ушанках.

Из школьных окон эту картину тоже можно было наблюдать, Однако, я не помню, чтобы на переменах кто-нибудь подходил и тем более подбегал к окнам, когда мимо вели очередную «партеечку». В памяти, видимо, уже навсегда застряли только три уличные окна в нашей избе, и мы все стоим около них. Стоим в немом ужасе. Кто-то кусает пальцы, кто-то – губы, а кто-то даже плачет. И мы смотрим, смотрим, смотрим на этих несчастных.

Наконец, не выдерживает тётя Лиза, пережившая голод 30-х годов на Украине: «Будьте прокляты, коммуняки! –

кричит она – «Ненавижу!» И так каждый раз. Иногда мы выбегали за ворота и бросали людям в колонне какую-нибудь еду.

Если заключённых вели с вокзала, то перед воротами тюрьмы их заставляли присесть на корточки или стать на колени. С окриками и угрозами их пересчитывали по головам. Это длилось бесконечно долго даже на взгляд постороннего наблюдателя. И летом – в сибирский зной, и зимой – в сибирский мороз. Да ещё улица продувалась ветром, словно аэродинамическая труба. Зимой ветер мог «срезать» уши, нос и щёки, обжигая не хуже раскалённого железа. Мы часто бывали свидетелями этой унижительной околоротной процедуры, так как буквально напротив тюрьмы, чуть наискосок, находилась булочная, где окрестное население «отоваривало» свои хлебные карточки. Причём обязательно каждый свою. По этой причине и из-за перебоев с хлебом здесь возникали огромные очереди.

Каким-то образом некоторых этапированных отпускали на волю прямо из «пересылки». И тогда они снова проходили мимо нашего дома. Наша изба была первым жильём на их пути к вокзалу. Кое-кто из них заходил в наш двор и робко стучался в кухонное окно. Им открывала дверь глава нашей семьи добрейшая и умнейшая тётя Пера. Она принимала всех. У нас находили временный кров знакомые и земляки моих сестёр и разные родственники. Останавливались и фронтовики, приехавшие в отпуск по ранению или по болезни. Но эти «тюремные» пользовались её особым расположением. Она их усаживала за стол, кормила, выслушивала их истории. И тут выяснялось, что кто-то сидел за опоздание на работу на несколько минут, другой – за утерю продовольственных карточек или мелкую кражу на базаре. Крестьяне попадались за сбор оставшихся после уборки колхозного поля колосков или картофеля.

Тётя Пера давала им денег на дорогу, хотя мы сами едва сводили концы с концами: нас же временами было до

13 человек, и не все взрослые имели работу. Выкручивались часто за счёт продажи и обмена на продукты Периных московских вещей. Остальные вообще были «голые и босые» как и большинство беженцев. Нередко можно было встретить на базаре, например, актёров, продававших заколки, помаду и другие мелочи. А какой праздник был, когда удавалось поехать на разгрузку дров на обскую пристань или в колхоз на копку картошки. Ведь платили натурой – дровами и овощами на зиму.

Как же несправедливо, что тётя Пера, столько сделавшая доброго людям в их очень трудное и горькое время, первая из всей родни ушла в мир иной, да ещё от тяжелейшей и до сих пор считающейся неизлечимой болезни...

Однажды к нам в кухонное окно постучался мужчина средних лет. Мы потом его долго вспоминали: чёрная густая борода и такие же усы, патлы на голове, глубокий и какой-то затаённый взгляд. Сёстры сразу же окрестили его Иисусом. Как он ел Перин борщ, как отщипывал хлеб и подбирал крошки со стола, каждую в отдельности отправляя в беззубый рот. Не спеша, размеренно, обстоятельно.

Одно время к нам повадился заходить лейтенант из «пересылки». Высокий, статный, красивый юноша. Ему очень шла новенькая военная форма. Может быть, он интересовался нашими невестами. Их было три – выбор неплохой. Не исключено, что ему поручили понаблюдать за нами, явно сочувствующими зэкам. По крайней мере, никто из наших его не приглашал. Лейтенанта, кажется, звали Мишей. Он приходил обычно вечером, садился молча в кухне, где мои сёстры сидели рядом за вязанием и по-девичьи хихикали, всячески его поддевая.

Миша сидел понуро и молчал. Я вёл наблюдение: в его глазах затаилась вековая еврейская грусть. Вскоре он перестал приходить. Взрослые говорили, что после многочисленных его рапортов с просьбой отправить на фронт, это произошло, и он погиб в первом же бою.

На чёрно-белом экране впечатлений военного детства всплывает и виден довольно отчётливо ещё такой эпизод нашей околотюремной жизни.

Как-то утром, а учился я тогда во вторую смену, нас разбудил шум на улице: крики, лай собак, выстрелы. Мы быстро раскрыли ставни и прильнули к уличным окнам. По улице вели партию подростков. Охранников и собак больше обычного.

Ружья направлены прямо на людей. Партия останавливалась через каждые несколько шагов, так что мы её наблюдали, наверное, целый час.

Мальчишки бунтовали. Они были в бешенстве. Некоторые из них – самые сильные и ловкие – пытались выскочить из колонны в стороны и назад. Кое-кому это удавалось сделать. Но их догоняли, рвали собаками, били прикладами и ногами, вталкивая обратно в колонну, которая давно потеряла строй, превратившись в бесформенную толпу. Через двойные рамы наших злосчастных окон слышались крики, вой, гул, мат-перемат, лай: толпу детей-заключённых избивали...

С тех пор прошло больше пятидесяти лет, но мой ирреальный кинопроектор не перестает прокручивать эти горькие кадры из года в год, из года в год...

В 1943 году я вернулся в Москву, а через 25 лет побывал в Новосибирске снова и в первый же свой командировочный день, конечно, поспешил на улицу имени 1905 года. Долго стучался в «нашу» избу. Два испуганных мальчонка, наконец, открыли мне двери. Я зашёл. Кухня и комната показались мне на удивление маленькими, грязными и тёмными. Они были почти пустые. У нас, «эвакуированных», всё же в кухне стоял большой стол, сколоченный из ящичков. Кровати в комнате тоже были из ящичков, а в углу кухни торжественно располагался матрац. А сейчас – кругом пусто. Как здесь живут люди, дети? И как помещались наши 13 человек?

Удручённый, я вышел из избы и направился к школе. Школа тоже выглядела очень жалкой. Иду мимо неё. Где же забор «пересылки»? Где её ворота? Ничего не могу понять: не узнаю «родные» места. Они же множество раз виделись мне во сне.

Забора и ворот не было. Маячил только главный деревянный корпус тюрьмы. Я подошёл поближе и прочёл вывеску у входа:

«ДЕТСКАЯ ПОЛИКЛИНИКА»...

Музыканты умолкли. Концерт завершился. В зале возникло обычное послеконцертное оживление. Мой внутренний киноэкран погас. Я вышел на улицу и завернул за угол. Солнце играло с монументом Вашингтону, около которого бегали и прыгали дети.

К 70-летию ПОБЕДЫ

Вадим Горелик
Франкфурт, Германия

Каждый выбирает для себя...

Герой и Палач – по обе стороны колючей проволоки
Собибора

*«Каждый выбирает для себя
женщину, религию, дорогу.
Дьяволу служить или пророку –
каждый выбирает для себя»*
Юрий Левитанский

«Войны, такие, какими их сделал XX век, должны быть начисто исключены из нашей земной жизни, какими бы справедливыми они ни были. Иначе нам всем — конец!»

*Академик Михаил Пиотровский, Директор
Государственного Эрмитажа*

Война не только убила миллионы, она ещё прошла по душам выживших, разделив их на героев, жертв и палачей. Мой рассказ о разделенных войной двух судьбах – Героя и Палача, о предательстве и стойкости, о памяти и беспамятстве, о демократии и тоталитаризме, о правосудии и возмездии.

Палач. 17 марта 2012 г. на 92-м году жизни скончался нацистский преступник – **бывший охранник нацистских лагерей смерти Майданек, Собибор и Флоссенбург Иван Демьянюк. Убийца только в Собиборе по меньшей мере 29000 евреев получил по приговору Мюнхенского суда всего 5 лет (по полтора часа за каждую невинно убиенную душу).** Палач был освобождён прямо в зале суда по состоянию здоровья и скончался не за решеткой, а в курортном баварском местечке Бад-Файленбах, в комфортабельном доме для престарелых – с бассейном, лечебными процедурами и диетическим питанием. Смерть на баварском курорте избавила Демьянюка от ещё одного судебного иска Испании по соучастию в убийстве 155 испанцев в концлагере Флоссенбург, где Палач совершенствовал свои, полученные в учебном лагере СС «Травники» и отработанные в Майданеке и Собиборе навыки в умерщвлении заключённых.

Герой. Лейтенант Красной армии Александр Печерский – руководитель беспримерного по смелости восстания заключённых в концлагере Собибор прожил на 11 лет меньше Палача. Герой, храбро защищавший свою землю и

не предавший её даже в самые страшные моменты своей жизни, пережил клеймо изменника Родины, штурмбат (разновидность штрафбата), арест, увольнения, запреты. Он умер в 1990 г. в Ростове – на – Дону, всеми забытый, не получив за свой подвиг от Родины, которую он защищал и за которую отдал здоровье, НИ ОДНОЙ награды, и похоронен на городском кладбище вдалеке от Аллеи героев. Ухаживать за могилой человека, спасшего когда-то многие жизни, сейчас некому. В это трудно поверить и ещё труднее это пережить.

Судьба советских военнопленных. Эти люди были дважды преданы государством, которое они защищали. Первый раз, когда Советское правительство не подписало Женевскую конвенцию 1929 г., определявшую правовой статус военнопленных, оставив тем самым советских пленнх без всякой защиты и контроля со стороны Международного Красного Креста и других организаций, помогавших пленным западных стран, и развязав нацистам руки для истязаний своих беззащитных жертв. А второй – когда устами Верховного Главнокомандующего И. Сталина заявило: «У нас нет военнопленных. У нас есть предатели». Приказом № 270 от 16 августа 1941 г., подписанным И. Сталиным, В. Молотовым, С. Буденным, К. Ворошиловым, С. Тимошенко и Г. Жуковым, все советские военнопленные объявлялись дезертирами, предателями и изменниками. Большая часть военнопленных, освобожденных в 1945 г. из немецких лагерей, была позднее направлена на «исправление» в лагеря советские, где условия содержания были не лучше. По тому же приказу семьи оказавшихся в плену офицеров подлежали аресту, «как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров». Семьи солдат лишались льгот, предоставляемых семьям участников войны, лагерное «пятно» сопровождало их всю оставшуюся жизнь.

Г. Жуков был также автором шифрограммы № 4976 от 28 сентября 1941 года: «Разъяснить всему личному составу, что все семьи (!!!) сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны».

Западные же военнопленные после возвращения на родину признавались ветеранами войны, награждались специальной «Медалью военнопленного», пользовались почетом и уважением. Более того, в США бывшие военнопленные получили денежную компенсацию за недостаточное питание, бесчеловечное обращение и использование неоплачиваемого физического труда в немецком плену.

Вот в такой обстановке каждый советский военнопленный, находясь в немецком концлагере, должен был сделать нелёгкий выбор: стать предателем и выжить, либо остаться героем и быть уничтоженным, если не нацистами, то нквдешниками.

Добровольные помощники нацистов. Охранников для Собибора, Флоссенбюрга и других лагерей смерти немцы готовили в специальном **учебном лагере СС** (Uebungslager SS Travniki), расположенном в польском местечке Травники из числа советских военнопленных, добровольно присягнувших на верность Адольфу Гитлеру. Учебный процесс в Травниках был организован на основе программы подготовки, принятой в частях СС «Мертвая голова». Военнопленные проходили собеседование, в ходе которого выяснялось их отношение к коммунистам и евреям. Все они подписывали свидетельство о том, что не имеют еврейских предков и не состоят в коммунистической партии, и следующее заявление: «Мы, военные заключенные, вступаем в германские отряды СС для защиты интересов Великой Германии». Немцы называли их Scherge, что переводится и как полицейский, и как палач. «Травники» выполняли обе функции.

Лагерь смерти Собибор. Концлагерь СС Собибор (ныне Люблинское воеводство, Польша) был создан в 1942 г. по приказу Гимmlера специально для массового уничтожения евреев. 30 эсэсовцев и около сотни вооружённых охранников – «травников» уничтожили всего за полтора года 250 тысяч евреев со всей Европы. Такая «высокая производительность» была достигнута, благодаря чёткой организации конвейера смерти: эшелон – «касса» (помещение, где обреченные на смерть люди сдавали ценности) – «сауна», в которую доставляли прямо из «кассы» раздетых догола евреев и в которую подавался угарный газ от танковых моторов, – утилизация одежды и человеческого «сырья» – отправка «сырья» (драгоценности, золотые зубы, волосы) назад в Германию тем же эшелонам. Никаких простоев!

Больных и истощенных людей, коорые не могли передвигаться, расстреливали в специальном «лазарете» – яме, огороженной колючей проволокой.

Биография Палача до восстания. «Социально близкий» (по терминологии большевиков) Иван Николаевич Демьянюк родился 3 апреля 1920 года в селе Дубовые Махаринцы (ныне Казатинский район Винницкой области, Украина) в бедной крестьянской семье. Украинец. После окончания четырёх классов сельской школы работал трактористом в колхозе. В 1940 году был призван в Красную Армию. В мае 1942 года красноармеец Демьянюк попал в Крым в немецкий плен.

В лагере для военнопленных в Хелме стал «хиви» (аббревиатура немецкого слова *Hilfswilliger* – добровольный помощник). Прошёл курс обучения в концлагере Травники и принёс присягу СС. Первым заданием Демьянюка была охрана еврейских узников на принудительных работах в сельском хозяйстве. Непродолжительное время он служил в концентрационном лагере Майданек.

С марта по сентябрь 1943 года был охранником в концлагере Собибор. В это время ему выпала «честь» выполнять поручение самого Гимmlера. Рейхсфюрер СС Генрих Гимmlер в сопровождении Адольфа Эйхмана посетил лагерь в апреле 1943 года. Так как в это время не было «обычных» транспортов, в лагерь специально доставили триста узниц, молодых и красивых, которых «травники» загнали в газовые камеры «в честь» Гимmlера, дабы он смог лично наблюдать «окончательное решение еврейского вопроса». Гимmlер остался доволен увиденным, но приказал сжигать тела убитых, чтобы уничтожить все следы.

О том, чем ещё занимался там Демьянюк, рассказали также на допросах его «коллеги по работе»: «Вахманы несли охрану территории самого лагеря и объектов, которые были на ней, а также по приказанию немцев-эсэсовцев и под их непосредственным руководством принимали прямое участие в уничтожении евреев, доставлявшихся в этот лагерь. ... ни один вахман не мог уклониться от участия в уничтожении там людей».

Биография Героя до восстания. «Социально чуждый» (по терминологии большевиков)

Александр Ааронович Печерский родился 22 февраля 1909 года в Кременчуге (сегодня Украина). Сын адвоката, еврей. В Ростове-на-Дону работал электриком паровозоремонтного завода, руководил художественной самодеятельностью. 22 июня 1941 г. ушёл на фронт. В октябре 1941 года лейтенант Печерский попал в окружение под Вязьмой, был ранен и пленён немцами. Прошёл лагерь военнопленных в Борисове и Минске. В сентябре 43-го эсэсовцы отделили военнопленных роковой национальности от остальных и отправили их в Собибор.

Герой и Палач встретились в Собиборе на короткое время. Судьба была милостива к Палачу – его перевели

на повышение в концлагерь Флоссенбюрг в сентябре, и он избежал участи своих коллег по конвейеру смерти, убитых узниками Собибора во время октябрьского восстания.

Восстание в Собиборе. В августе 1943 года в лагере была организована подпольная группа из голландских, польских, чешских, французских и советских евреев под предводительством сына польского раввина Леона Фельдхендлера. План этой группы состоял в организации восстания и массового побега из Собибора. Александр Печерский возглавил штаб восстания, а Леон Фельдхендлер стал его заместителем.

14 октября 1943 года узники лагеря смерти под руководством Печерского и Фельдхендлера подняли восстание. По плану Печерского заключённые должны были тайно, поодиночке, ликвидировать эсэсовский персонал лагеря, а затем, завладев оружием, находившимся на складе лагеря, перебить охрану. План удался лишь частично... Восставшие смогли убить 11 эсэсовцев и пару десятков охранников – «травников», но завладеть оружейным складом не удалось. «Травники» открыли огонь по заключённым, и они вынуждены были прорываться с криком «Ура!» из лагеря через минные поля. Вот печальная статистика этого беспримерного по мужеству восстания отчаяния: из 550 узников приняло участие в восстании 420, 130 остались в надежде, что их не тронут (все они были расстреляны на следующий день), 80 погибли вл время побега, 170 были обнаружены немцами в ходе поисков и расстреляны, 90 выданы местным населением и тоже расстреляны, до дня Победы дожили 53 участника восстания.

Александр Печерский, Семен Розенфельд, Алексей Вайцен, Аркадий Вайспапир, Наум Плотницкий, Борис Таборинский.продолжили войну в партизанском отряде и в регулярной армии. А Семен Розенфельд даже расписался на стене Рейхстага: «Барановичи – Собибор – Берлин».

Лагерь Собибор после восстания был по приказу Гимmlера стёрт с лица земли. На его месте немцы вспахали землю и передали её под ферму одному из бывших «травников», который развел на месте бывших массовых захоронений и барачников огород. Сегодня там мемориал и памятник героям Собибора.

Судьба Палача после Собибора. Повысив свою квалификацию на евреях, он пошёл на повышение и стал охранником в штрафном концлагере СС Флоссенбург.

В мае 1945 года Демьянюк сдался американцам как «жертва фашистского режима». В 1952 году вместе с женой и дочкой эмигрировал в США. Свое имя Демьянюк поменял на «Джон» и начал работать автомехаником. В 1958 году получил американское гражданство.

В период «холодной войны» его никто не трогал, но в 1980-х годах центру Симона Визенталя удалось выявить некоторых «травников». Советский Союз также передал США список имен 70 военных преступников, живущих на территории Соединенных Штатов. Среди них было и имя Ивана Демьянюка.

В начале 1987 года его лишили американского гражданства и экстрадировали в Израиль. На процессе, который обошелся израильской казне в один миллион долларов, Демьянюку было предъявлено обвинительное заключение, начинавшееся словами: «Обвиняемый проявлял особо чудовищную жестокость по отношению к евреям, убивая их собственными руками, забивал насмерть обрезком металлической трубы или засовывал головы своих жертв между рядами колючей проволоки...».

Главным доказательством на том процессе стало удостоверение учебного лагеря Травники № 1393 на имя Ивана Демьянюка.

25 апреля 1988 года окружной суд Иерусалима признал Ивана Демьянюка виновным в совершении преступлений в

концлагере Треблинка и приговорил к смертной казни через повешение. Демьянюк обжаловал смертный приговор в Верховном суде Израиля, и в августе 1993 года пять членов Верховного суда единогласно приняли решение оправдать обвиняемого, истолковав в его пользу все сомнения, имевшиеся в деле.

Демьянюк вернулся в США, где ему было возвращено американское гражданство.

Однако юстиция США и Германии не оставляла Палача в покое. В конце концов, его опять лишили американского гражданства и экстрадировали в Германию, где прокуратура Мюнхена предъявила ему новое обвинение в соучастии в убийстве 29 тысяч евреев уже в концлагере Собибор.

Главными доказательствами послужили выданное на его имя удостоверение СС № 1393 и документ, в котором подтверждается, что в 1943 году Демьянюк был переведен в Собибор. Участник восстания в Собиборе – пенсионер из Рязани Алексей Вайцен узнал в мюнхенском подсудимом жестокого охранника концлагеря. Результат суда описан выше.

Судьба Героя после Собибора. До 44-го Александр воевал в партизанском отряде. После соединения отряда с частями Красной армии, начались допросы и проверки. Особисты в побег из концлагеря не верили, о существовании Собибора и восстании не слыхали и отправили Героя в штурмовой стрелковый батальон, смывать кровью «измену Родине». «Штрафников» на фронте называли смертниками, но ему снова повезло – «отделался» тяжёлым ранением и получил на руки справку № 245: «Дана тех. инт. 2 р. Печерскому А. А. в том, что он находился в 15 отдельном штурмовом стрелковом батальоне на основании директивы Генерального штаба КА от 14.06.44 г. за № 12/ 309593. Свою вину перед Родиной испустил кровью. Командир 15 ОШСБ

гв. майор Андреев Нач. штаба гв. к-н Щепкин 20 августа 1944 г.».

Вот такая была страна, где Герой должен искупать свой подвиг кровью!

Из госпиталя Александр вернулся в Ростов-на-Дону, стал работать администратором в театре музыкальной комедии. Послевоенная судьба Печерского – ещё одно свидетельство поразительного бездушия и цинизма советской системы. В 1948-м началась оголтелая антисемитская кампания – борьба с космополитизмом, и Печерский потерял работу, поскольку не имел права человек с пятой графой и прошлым военнопленного занимать высокую должность театрального администратора. А потом его и вовсе арестовали, а заодно и его брата.

Но к этому времени о восстании в Собиборе уже было хорошо известно за границей. Мир славил имя Героя, спасшего жизни узников Собибора. Там вышло несколько книг о Собиборе, а в Голливуде был снят художественный фильм «Побег из Собибора», в котором роль Печерского сыграл известный актер Рутгер Хауэр. В Израиле одна из улиц города Цфата получила имя Александра Печерского, а в городе Бостоне (США) была установлена стеклянная стела с именем Печёрского. И Печерского пришлось выпустить. Брат не дожил до освобождения: он умер в тюрьме от диабета.

Бывший фронтовик, партизан и штрафник, прошедший через плен и лагерь смерти, Александр Печерский освоил самую мирную специальность – научился вышивать. Его изделия раскупались на рынке нарасхват. Только в 1953 году, после смерти «великого вождя», Александру Ароновичу удалось поступить простым рабочим на машиностроительный завод.

Но «благодарная Родина» не простила Герою его подвиг. Написанный по воспоминаниям Печерского очерк Павла Антокольского и Вениамина Каверина «Восстание

в Собиборе» вошел в «Чёрную книгу» Ильи Эренбурга и Василия Гроссмана о преступлениях нацистов. В СССР «Черная книга» была запрещена, готовый набор и рукопись уничтожили. «Чёрная книга» опубликована только за рубежом и до сих пор в России не издана.

Печерского не выпустили ни на Нюрнбергский процесс, в котором он должен был принимать участие в качестве свидетеля, ни в Польшу на открытие памятника на месте лагеря Собибор, ни в Америку (уже в время Перестройки) на премьеру фильма «Побег из Собибора», несмотря на приглашение голландца Томаса Блатта, вместе с которым он бежал из Собибора. Томас Блатт, ставший историком, приезжал к нему и задал Саше вопрос: «Ты возглавлял самое успешное восстание нацистских узников во время Второй мировой войны. Тебе обязаны жизнью многие. Получил ли твой подвиг признание?»

Герой только пожал плечами.

После Перестройки отношение к пленным изменилось. Вот и боевой лётчик Александр Руцкой, прошедший плен в Афганистане, получил звание Героя Советского Союза и стал даже вице-президентом России. Но Печерский и после перестройки не «тянул» для властей не только на звание Героя, но даже на орденосца, потому как а) сын царского адвоката, б) еврей и с) был в плену и выжил. Актёр Хауэр за роль солдата Сашко в фильме «Побег из Собибора» получил «Золотой глобус». Сам Сашко и в современной России так и остался без почестей, без славы, без внимания. Лишь в 2010 году в Ростове-на-Дону, на доме, где жил Печёрский, появилась мемориальная доска в память о нём (ул. Социалистическая, д. 121)

Страна манкуртов. В маленьком немецком городке Ельтвилль на Рейне есть школа, в которой ведётся список учителей с 16 века. И сегодняшние дети этот список учат. Так в их жизнь входит прошлое. Замечательный писатель

Чингиз Айтматов в своём романе «И дольше века длится день» дал определение манкурта – человека, у которого власть удалила из его генетической памяти прошлое: «Манкурт не знал, кто он, откуда родом-племенем, не ведал своего имени, не помнил детства, отца и матери – одним словом, манкурт не осознавал себя человеческим существом».

Начиная с 1917 г., советская власть пыталась отобрать у нас прошлое путём духовного зомбирования. Старшее поколение помнит эти анкеты с угрожающим вопросом: «Есть ли у вас родственники за границей?» и «Чем занимались Вы и ваши родственники до революции?» История для большевиков начиналась с 1917 г. Всё, что было ранее, нужно было забыть под страхом репрессий. И большевики добились своего. Выросли поколения манкуртов, не помнящих своих корней. Сегодня мы пожинаем эти горькие плоды.

Ирина Чайковская
Вашингтон, США

Чудище обло

О фильме Андрея Звягинцева «Левиафан»

Все смотрят «Левиафан», все говорят о «Левиафане». Фильм еще не вышел на экраны, а уже есть у него «сторонники» и «противники», уже кто-то его клеймит, а кто-то превозносит. Решила разобраться во всем сама сама. Смотрела картину с сохранением всей фонограммы, со всем ее матом-перематом. И знаете, нецензурщина в этом случае не коробила, мат был настолько органически встроен в

речь персонажей, что его отсутствие вызвало бы ощущение недостоверности.

Андрею Звягинцеву, на мой взгляд, удалось создать монументальный фильм-параболу, куда поместились со всеми потрохами все века русской истории, и одновременно – сегодняшний день. Фильм на редкость современен. Разве мы не встречали в жизни сцены суда с женщиной-судьей, невнятной скороговоркой читающей приговор, приговор, в котором приняты во внимание только нужные для обвинения показания чиновников и полиции? Разве нам незнакомо отделение ми(по)лиции, где человека, неугодного власти, могут забрать в каталажку за мифическое правонарушение? А вечное отсутствие судейских чинов на местах, когда властям не желательно отвечать на вопросы? А что вы скажете о незаконном сносе дома, если на эту территорию положило глаз начальство? Сколько таких историй мы слышали? А знаете ли вы ситуацию, когда «искателя правды» отвозят в безлюдную местность, и сам мэр (читай: председатель следственного комитета) грозит ему револьвером? А давно ли вы были свидетелями того, как священник с амвона проклинает «кошунников», покусившихся на святое? Эти взятые из жизни сцены можно множить и множить. И что бы ни говорили начальники от культуры, хором сейчас утверждающие, что «это кино не про нас», – оно, милостивые государи, про нас.

Важно, что режиссер показал в картине не высоколобую интеллигенцию, не диссидентов, а самых простых людей, из тех, кто политикой не интересуется и обычно голосует за действующую власть: автомеханика Колю, работницу рыбзавода Лилю, их друзей – милиционера Пашу и его жену Анжелу. И жить бы поживать Коле, мурманскому Кулибину, с молодой женой Лилей и с подростком сыном, если бы ни приглянулся его участок на берегу северного моря городскому мэру. Завязался известный нам не только по литературным источникам конфликт «маленького

человека» и власти. Вся картина – столкновение этих двух неравных сил.

Конец такого столкновения, увы, предreshен – сколько мы видели смятых разбитых судеб, раздавленных, опустившихся, а то и просто погибших людей! Скольким еще предстоит эта участь! Коля – один из таких несчастных, попавших под колесо. Но дело в том, что нам безумно жаль всю Колину семью – самого Колю, приговоренного по сфабрикованному делу к 15 годам строгого режима, Лилю, молодую красивую женщину, ставшую разменной монетой в руках мэра, осиротевшего мальчугана Рому... Нам жаль до слез эту семью, мы успели их полюбить (не соглашусь с Дмитрием Быковым, которому не хватило картины, чтобы узнать героев). Они в исполнении Алексея Серебрякова и Елены Лядовой получились очень узнаваемыми, живыми, вызывающими сочувствие. Да, даже Лиля какой сыграла ее актриса, Лиля, изменившая мужу, вызвала у меня глубокое сочувствие. Бедная женщина, она так хотела уйти от этой неотвратимости, от безвозвратно поломанной судьбы... Жалея, мы ставим себя на их место, мы спрашиваем: за что? В фильме Коля и его семья – жертвы козней мэра и тех, кто за ним стоит. В кабинете мэра висит портрет нынешнего лидера, едва ли знающего о происходящем на северной окраине, но санкционирующего произвол назначенных им высших чиновников. Нет, Коля не из протестантов. Он может громко выкрикнуть угрозу «поджечь дворец мэра», который должен появиться на месте его дома, но в основном его горе выливается в пьянство. Он беспробудно пьет, «заливая глаза» и замутняя сознание, пьет как пили миллионы русских до него, оказавшись в непосильной для них ситуации.

Если сравнивать эту ленту с предыдущей картиной режиссера – «Еленой», то там мне как раз не хватило сочувствия героям – ни со стороны автора, ни со стороны зрителей. Кому там было сочувствовать? Женщине,

хладнокровно обдумавшей и осуществившей убийство? Ее жертве, человеку в исполнении Андрея Смирнова симпатичному, но чье положение «олигарха» исключает особое сочувствие? Я так и не нащупала нравственный посыл этой картины, снятой рукой мастера. Простой человек легко идет на убийство? Мать способна на убийство ради карьеры сына? У современного человека нет нравственных законов в душе?

Новый фильм Звягинцева в этом отношении вполне определен. Он на стороне правды и морали. На стороне тех, кого всевластный мэр «стер в порошок».

«Левиафан» – называется картина Звягинцева. Так звалось библейское чудовище, этим именем английский философ XVII века Гоббс обозначил государство. А веком позже в России Александр Радищев дал своей фантастической по смелости книге «Путешествие из Петербурга в Москву» эпиграф из Тилемахиды: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайяй». Тут «чудище обло» – тоже государство. Душа писателя была «уязвлена» страданиями простых людей, встреченных им по дороге из одной столицы в другую.

Звягинцев дает в картине срез жизни далекого от столиц места, тем шире получается обобщение. В этой словно документально воссозданной ленте-притче – вся Россия. Прекрасна она со своими чудо-ландшафтами, запечатленными камерой кудесника оператора, но куда ни глянь видны в ней следы разора, неустроенности, угасания. Камера фиксирует гниющие лодки, обшарпанные дома с удобствами во дворе, незаасфальтированную, всю в рытвинах, дорогу... Какой век на дворе, братцы?

Лента Звягинцева, при всей уникальности его художественного языка, прекликается с русской классикой. Больше всего – с пушкинским «Дубровским», где, как мы помним, всесильный помещик Троекуров «без всякого на то права» отбирает поместье у своего соседа, Андрея

Дубровского. Изображенный в повести суд весьма напоминает суд в картине Звягинцева (как и современные российские суды). А одна сцена фильма, можно сказать, зеркально повторяет сцену из Дубровского: когда мэр приезжает к Николаю, якобы, желая «помириться», но, грубо им встреченный (в фильме оба персонажа сильно пьяны), обещает с ним разделаться. Что и происходит – и в повести Пушкина, и в картине Звягинцева. «Разбойничье», бунтарское продолжение сюжета в ленте не находит развития. Сам Коля не борец, а сын у него еще мал, чтобы мстить за отца во главе разбойничьей шайки. Можно увидеть переключку «Левиафана» и с гоголевским «Ревизором». Там, как мы помним, Городничий, получив известие о прибытии ревизора из столицы, собирает подвластных ему чиновников на совет. Мэр из фильма, заимев от Колиного адвоката папку компромата на себя, срочно проводит секретное совещание в ближнем кругу. За столом мужчина и две женщины. Одну из этих дам мы потом увидим на Колином суде – это прокурор. Именно она по-свойски осведомляется, есть ли у мэра что-то такое, о чем бы они не знали. Мужчина, по-видимому, силовик, глава службы внутренних дел, женщина помоложе, скорей всего, отвечает за финансы. Впоследствии все трое будут действовать весьма согласованно, иницилируя и покрывая преступления: избиение адвоката с угрозой убийства, надругательство над женой Николая и ее убийство, обвинение невиновного в убийстве и вынесение ему неправосудного приговора.

Но фильм идет дальше, спираль в своей раскрутке захватывает все более широкие области, доходя до самой вершины. Мэр сидит под портретом сегодняшнего правителя России, а портреты ее прежних властителей сгодятся северным мужичкам в качестве ружейных мишеней. И нет у Звягинцева смягчающего реверанса в сторону власти, когда под занавес является настоящий ревизор, да еще и по именному повелению.

Есть еще одна сила, подпирающая власть и от нее кормящаяся. Это церковь и ее служители. В своем отрицании режиссер выступает против церкви в роли прислужника государства, роли в которой она выступала практически на всем протяжении российской истории. И тут вспоминается Маяковский с его «Облаком в штанах» с его «четырьмя криками четырех частей», из которых два легко подойдут к фильму Звягинцева: «Долой ваш строй» и «Долой вашу религию». В случае Звягинцева слово «религия» нужно заменить на «церковь», церковь как институт, прочно сросшийся с властью...

Возможно, мэр действительно хотел построить на берегу моря свой дворец, но в результате сложной игры он принимает другое решение. В конце фильма на месте снесенного бульдозерами – вместе со всем домашним скарбом – Колиного дома высится храм. Священник читает проповедь, долго и непонятно говоря пастве о правде и истине, уводя то и другое от человека к Богу. И сам священник, и мэр, стоящий с семьей в первом ряду, давно отошли от Бога и его моральных заповедей... Мир официальной церкви так же лицемерен и лжив, как и мир официальной политики.

А под конец я еще раз скажу о том, что у Андрея Звягинцева были великие предшественники, правда, не в кино – в литературе. Это Александр Радищев, поплатившийся за свою прорывную, опередившую время книгу ссылкой в Илимский острог, Виссарион Белинский, исключенный за трагедию «Дмитрий Калинин» из Московского университета, Борис Пастернак, принужденный отказаться от Нобелевской премии за свой роман «Доктор Живаго», в России не напечатанный, Пастернак, практически затравленный у себя себя на родине... Назвала очень немногих из огромного числа.

О да, нет в картине катарсиса. Раздавленный властью Коля не стреляет в мэра, не кидает вызова ни Богу, ни людям,

нет у Звягинцева и фантастического – как в гоголевской шинели – воздаяния злу. Только величественная природа и потрясающий музыкальный ряд вносят некоторую относительную гармонию в наши растревоженные души. Но не в том лит и замысел режиссера, чтобы не успокаивать зрителя прелестными картинками, не усыплять их совесть, не оскорблять их чувство правды?

Радуюсь и удивляюсь появлению этого фильма. Поздравляю режиссера и всех принявших участие в создании этой эпохальной ленты. Очень бы хотела, чтобы автор вышел живым и невредимым из столкновения с людьми, обвиняющими фильм в «клевете» и «очернительстве». Этим людям посоветую взять в руки текст «Ревизора» Гоголя и прочитать бессмертный эпиграф к этой комедии, почерпнутый из народной кладовой: «На зеркало неча пенять, коли рожа крива».

Ирина Чайковская
Вашингтон, США

Пусть Россия будет ближе к Тургеневу, а не к Победоносцеву

Интервью с писателем Виктором Ерофеевым

Ирина Чайковская: Виктор Владимирович, вы тесно связаны с Францией, там жили, имеете ее самую главную награду «Орден Почетного Легиона», что скажете о недавних событиях в редакции журнала ШАРЛИ?

Виктор Ерофеев: Это терроризм по отношению к людям, которые всегда были мне интересны. Кое-кого я даже знал еще с парижского детства. Этот журнал я даже читал в Советском Союзе, покупал его у французского посольства. Это знакомый мне журнал с традициями французской сатиры

и юмора, которые присутствуют не только в журнале, но и во многих произведениях литературы – они сформировали то, что мы называем «французская ментальность». Нет, не редакция французского журнала была расстреляна – было расстреляно именно то, что составляет французскую ментальность, сформировавшую Францию и давшую нам свободу, которой мы все пользуемся. Это выпад варваров против той самой цивилизации, которая дала им возможность существовать. Они стреляли из автоматов цивилизации, они были одеты в одежду цивилизации. Убери у них цивилизационную форму, они бы остались голыми, у них нет содержания, кроме веры. У нас общество раскололось...

Ирина Чайковская: Вот-вот. Я и хочу вас об этом спросить. Про Россию понятно. Там после истории с «Пусси Райот» приняли специальный закон «Об оскорблении чувств верующих». Девчонок-пересмешниц отправили в колонию, хотя у них были маленькие дети. В том, что теракт в Париже вызовет одобрение или хотя бы найдет оправдание у тех, кто мыслит подобным образом, можно не сомневаться. Но вот Америка... Америка со своей пресловутой политкорректностью. Когда меня спрашивают: а что если карикатуры были бы на Мартина Лютера Кинга? на представителей секс-меньшинств? Боюсь, что в Америке, если до оружия и не дойдет, карикатуристам придется не сладко – заключают.

Виктор Ерофеев: Я в Америке был много раз, наверное, раз сорок, и в Гарварде выступал, и четыре года подряд был в Миддлбери в Вермонте...

Ирина Чайковская: Ну да, в Русской школе.

Виктор Ерофеев: Преподавал там. В общем имею какое-то представление об Америке. В Америке тоже есть осколки авторитаризма. Печальные. Они приобретают консервативные, а порой даже фундаменталистские оттенки. Мне, например, ректор Русской школы, Университета,

говорил: «Не рассказывайте анекдотов на лекциях, потому что каждый анекдот кого-то обижает».

Ирина Чайковская: Ну да, как же иначе ? Политкорректность – юмор могут не понять или понять неправильно.

Виктор Ерофеев: Политкорректность – это тоже ограничение свободы, безусловное. Может быть, это ограничение в какой-то момент было нужно, но как только оно задерживается на какое-то время, оно начинает подпиливать сам корень свободы. Америка – страна толерантности. Но мне приходилось в ней встречать довольно много людей консервативных и довольно мрачных взглядов. «Зверей» серьезности.

Ирина Чайковская: У американцев какой-то свой юмор. Русские анекдоты до них с трудом доходят.

Виктор Ерофеев: Это не просвещенное французское общество, которое мне ближе. С другой стороны, невозможно сравнивать американские свободы и американскую действительность с тем, что происходит в России. Воспользуюсь метафорой: если в Америке на синем небе некоторые облачка, то у нас все небо заложено тучами и солнца вообще не видно.

Ирина Чайковская: Вы говорите, что вам близка французская ментальность. И знаете, это ощущается в ваших произведениях. Прочитала «Жизнь с идиотом» – и показалось, что вы в ней словно демонстративно отказываетесь от русской ментальности, от моральных критериев, на которых русская литература стоит, от ее некоторой стыдливости, когда многое просто не выговаривается. В вашей повести есть переключка с «Посторонним» Камю. Знаю, что ваша диссертация была посвящена французским экзистенциалистам и их связям с Достоевским. Не ощущаете, что они повлияли на вас как писателя?

Виктор Ерофеев: Писателю легче сочинить, чем заимствовать. Идеи плагиата обычно связаны с бездарными

формами существования. Даже идея заимствования или подражания очень мешает писателю. Больше хочется от этого избавиться, чем к этому идти.

Ирина Чайковская: Но смотрите: экзистенциалисты отталкиваются от Достоевского, вы сами на это указываете, но они уходят от тех моральных ценностей, на которых он стоит, их интересует что-то другое.

Виктор Ерофеев: Не совсем так, экзистенциалисты составляли костяк французского Сопротивления.

Ирина Чайковская: Мы с вами говорим об их произведениях.

Виктор Ерофеев: Мы уйдем далеко в сторону, если будем продолжать эту тему. Я говорю о том, что, когда к тебе приходит идея произведения, она приходит не тематически, она приходит как некая туча, стоящая перед тобой и ждущая, когда ты ее опишешь. Тема «влияния», которую очень любят литературоведы, на самом деле гораздо меньше в творчестве присутствует, чем в литературоведении. И я могу сказать, что у меня такое шизофреническое сознание, что, с одной стороны, я конечно, литературовед и до сих пор занимаюсь литературной критикой, но, когда я пишу, то противостояю всем своим литературным знаниям. Они мне скорее мешают, чем помогают.

Ирина Чайковская: В этом все пишущие к вам присоединятся. Если продолжить про «Жизнь с идиотом». К сожалению, не видела и не слышала оперы Альфреда Шнитке по этому рассказу.

Но подумала вот о чем: что могло заинтересовать в этом сюжете композитора? Все же очень этот сюжет далек от привычного оперного либретто.

Виктор Ерофеев: Мы были очень близкими друзьями, и в общем он довольно хорошо знал то, что я пишу, ему это нравилось, и он полагал, что в этом творчестве «есть свой свет». Можно найти цитаты в интернете – то, что он говорил о моих рассказах, включая «Жизнь с идиотом».

Он говорил, что это неожиданное переплетение ада и рая. И, видимо, это его и привлекало. Мы несколько лет работали над «Жизнью с идиотом». Либретто действительно неожиданное для оперы, это все признают. Наверное, оно самое неожиданное вообще в истории оперы. Так пишут знатоки. Мне кажется, опера получилась, потому что там из этого столкновения возникает образ человеческой природы. Это, наверное, главное, что может сделать писатель.

Ирина Чайковская: Знаете, я вот о чем подумала: не похоже ли то, что вы делали со Шнитке на работу Шостаковича над лесковским очерком «Леди Макбет Мценского уезда»? Там ведь тоже из темноты прорыв к свету. И между прочим, уже после смерти Сталина Дмитрий Кабалевский во главе специальной комиссии высказался примерно так: «Нельзя это показывать, тут же действуют убийцы и каторжники». Что-то похожее говорили и о вашей работе.

Виктор Ерофеев: Над оперой работали Ростропович, Кабаков, команда наших гениев. Что-то они, видимо, нашли в этом.

Ирина Чайковская: С «Русской красавицей», простите меня, я не сладила. Бросила с первых страниц, со сцены в гинекологическом кресле. Просто какой-то ужас охватил. Вы, наверное, на других читателей рассчитывали, когда писали. Это такой трюк? провокация писателя-хулигана?

Виктор Ерофеев: Знаете, «Русская красавица» переведена теперь уже больше чем на тридцать языков. Во многих странах она была бестселлером. Никак она не связана с гинекологией. У каждого человека есть свой предел толерантности и терпимости. В XIX веке «Мадам Бовари» считалась неприличной книгой. Писатель, если он писатель, не может быть хулиганом. Часто он просто несовместим с нормами – или морали, или приличий. Честно говоря, я давно не слышал такого заявления. Столько народу прочитало «Русскую красавицу...», она международный бестселлер.

Там вряд ли бы читали из-за хулиганства. Да и я никогда не чувствовал себя хулиганом. Когда книжка вышла в России, я помню, что люди рассуждали похожим образом, а вот в Голландии она стала «национальным бестселлером № 1», и там как-то в маленьком городке ко мне подошла девушка лет двадцати и сказала мне по-английски: «Господин Ерофеев, я прочитала вашу книгу, и у меня есть к вам вопрос: почему в этой книге нет секса?»

И я понял, что это девушка меня спасла. Я понял, что в разных культурах разные представления и о гинекологическом кресле, и о сексе, и о многом другом. Я понял, что всем не угожу: кому-то будет казаться, что это хулиганство, а кто-то будет горевать, что там секса нет. Именно «Русская красавица» показала мне, что в России идет процесс освоения эротического пространства – одна замужняя женщина сказала мне: «Дала «Русскую красавицу» подруге. Если она не поймет – с ней дружить не буду».

Ирина Чайковская (смеясь): Значит, мы с этой дамой не смогли бы подружиться.

Виктор Ерофеев: В России уже вышло три миллиона экземпляров. Это книга, глубоко вошедшая в национальное сознание. В Гоголь-центре идет замечательный спектакль, который тоже начинается с гинекологического кресла, у Серебренникова.

Ирина Чайковская: Думаю, что и этот спектакль был бы мне не близок. Некоторым людям этот прием неприятен даже просто эстетически.

Виктор Ерофеев: Есть фильм, есть итальянский спектакль, «Русская красавица» вошла в сознание людей.

Ирина Чайковская: И стала Венерой Милосской, которая сама уже выбирает, кому нравится, кому нет. Мы с ней обе друг друга не устраиваем. Ничего не поделаешь. Идем дальше. Вы ведь живете в России, в Москве, так? Или это ваше временное прибежище?

Виктор Ерофеев: Я живу в Москве. Для французской полиции – я живу в Париже. Но мне интереснее жить в Москве.

Ирина Чайковская: Не расскажете подробнее?

Виктор Ерофеев: А что рассказывать? Мне как писателю интереснее жить в Москве, потому что, я считаю, Москва является тем местом, где писателю представляется возможность во всех красках увидеть человеческую природу. Причем, гораздо лучше, чем в Париже или в Европе.

Ирина Чайковская: Вы как писатель находите в Москве больше типажей для своих произведений?

Виктор Ерофеев. Я не из тех писателей, что работают с типажам, но мне просто здесь интересны какие-то вещи, которые отражаются у меня в книжках. У меня есть в Париже где жить, но я там редко бываю. Больше бываю в Германии. На Западе я живу примерно одну треть года.

Ирина Чайковская: А вот интересно. Если говорить о Франции и Германии, странах, которые много между собой воевали, и ментальность там у людей разная. Почему вы больше тянетесь к Германии? Ну да, немцы вас привечают, много печатают. Есть ли еще какая-нибудь причина вашего предпочтения?

Виктор Ерофеев: В Германии ко мне жаркий интерес, книжки переведены большими тиражами.

Вот сейчас поеду, буду visiting professor в Свободном университете в Берлине, одном из престижных в Германии. На французов тоже нельзя обижаться, я все-таки кавалер ордена Почетного легиона, высшего ордена Франции. Но все же Германия – страна больших возможностей для писателя, возможностей жить, зарабатывать деньги. С другой стороны, в Германии больше читают. Там знают русскую литературу. Все это довольно очевидно.

Ирина Чайковская: Ну хорошо, а имя вашего однофамильца, Венедикта Ерофеева, там известно?

Мешает вам или помогает существование его в русской литературе?

Виктор Ерофеев: У нас очень долгая история взаимоотношений с Венедиктом Васильевичем. У меня есть большое эссе, которое называется «Ерофеев против Ерофеева», оно есть в интернете.

Его существование меня отчасти стимулировало. Когда мы с ним общались, я понимал, что это значимая фигура для русской ментальности, для русской литературы. Но я сейчас думаю, что этот период для меня закончился, когда он «сидел у меня на плече», – в продолжение своего существования. Отношения с ним были для меня полезны по многим причинам. Но сейчас самое мое известное эссе о жизни в России «Как тут жить дальше?» начинается с того, что я отрицаю положительное влияние романа «Москва-Петушки» на Россию. Быдло начинает завоевывать себе позиции. Это касается, конечно, не Венедикта, а государства-люмпена – с кем связались?

Венедикт – светлый образ. Читайте мое эссе.

Ирина Чайковская: Вспомнила, что я его читала, правда, довольно давно. Всегда с большим интересом смотрела передачу «Апокриф» на канале КУЛЬТУРА. Вы ее вели. Она отличалась живостью, полемичностью, присутствием неординарных людей, столкновением разнообразных мнений. Куда она делась? И планируется ли что-то взамен?

Виктор Ерофеев: Спасибо за добрые слова про «Апокриф»! Действительно вышло более 400 передач. Мы держали площадку 12 лет, и это была передача о человеческих ценностях, о ценностях культуры. В общем она была немножко шире, чем хотелось самому каналу КУЛЬТУРА. Они хотели, чтобы у нее был познавательный литературный характер. Мы сделали ее глубже. Эти ценности в конце концов государство отвергло, и передача была закрыта по этой причине, и на самом высоком уровне.

Ирина Чайковская: Закрыта по идеологическим причинам на самом высоком уровне?

Виктор Ерофеев: Мы пытались ее разблокировать – выходили на самый высокий уровень, но нам ее не разрешили. Хотя в Кремле «жены начальников» любили эту передачу. Лавров говорил о ней хорошо...

Ирина Чайковская: И что дальше?

Виктор Ерофеев: Похожей группой мы в прошлом году делали передачу на РБК под названием «Книжный лес». Интересная была. Сделали 12 выпусков. И сейчас идут переговоры, идут медленно, но на Большом канале есть заинтересованность в передаче о превратностях человеческой судьбы. Все это пока проекты.

Ирина Чайковская: Вы говорите о Большом канале. Это ведь не Первый, куда интеллигенция по большому счету не ходит?

Виктор Ерофеев: Не хочу называть канал, это пока только проект, но понятно, что это не Первый канал. Там я запрещенный человек.

Ирина Чайковская: Ах, так? Это хорошо! Наша последняя тема – Тургенев. Я вас увидела на дискуссии во время Тургеневской конференции в Москве. Обсуждалась ваша задиристая полемическая статья о «несвоевременном Тургеневе». Естественно, статья написана в ироническом ключе – Тургенев всегда своевремен. Но через три года государство намечает отпраздновать Тургеневский юбилей – 200-летие со дня рождения, и понятна опаска – и ваша, и многих других людей, – что этот праздник в руках чиновников превратится во что-то похожее на празднование столетней годовщины со дня смерти Пушкина в 1937 году. Что вы скажете?

Виктор Ерофеев: Да что тут сказать? Все уже сказано в моей статье. И вы подвели итог. Могу только сказать, что Тургенев переживет и этот юбилей. Это писатель, который

навсегда останется в русской культуре, каким бы ни было русское государство.

Ирина Чайковская: Скажу, что статья ваша блестяще написана, и в общем участники дискуссии вас поняли и поддержали, один только выступающий не распознал иронии в вашем тексте.

Стороной узнала, что вы собираетесь снимать фильм о Тургеневе. Так ли это?

Виктор Ерофеев: У меня был предварительный разговор на канале КУЛЬТУРА, хотел бы сделать серию фильмов, может быть, три, о том, как я вижу это великое явление. Но пока не только до реализации, а даже до практического разговора не дошло. Это пока только зародыш.

Получится – дай Бог, все поучаствуем в этом проекте.

Ирина Чайковская: Это было бы хорошо; на мой взгляд, Ивану Сергеевичу не додано. Во всех перечислениях «великих» русских писателей называют Толстого, Достоевского, Чехова, называют Бунина, а Тургенева пропускают...

Виктор Ерофеев: Кто-то пропускает, кто-то нет, это частный случай. С Тургеневым всегда все будет в порядке.

Ирина Чайковская: Согласна с вами, и это при том, что критики ему хватало – и при жизни, и сейчас. Все же не могу не задать еще один вопрос, хотя уже нужно остановиться. Но без этого вопроса не могу вас отпустить. Куда дальше идет Россия? Такой маленький-маленький вопросик.

Виктор Ерофеев: Ваш маленький вопрос – на целый семестр лекций. Россия совсем не однозначная страна. В ней очень много всяких явлений, направлений, политических течений. Что в конечном счете восторжествует, сказать сейчас трудно, потому что мы сейчас переживаем острую эпоху реакции. Это бывало, и не раз, но для нашего поколения она мало приятна, так как это такое дежавю советское, еще и с акцентом на чекизм. Что из этого выйдет,

сказать трудно. Страна, как правило, у нас движется из стороны в сторону. Мы как футбольный мяч гоняем по полю. От правления до правления у нас меняется система координат. Если в следующем правлении мы пойдем в сторону Запада, то произойдет то, о чем надо мечтать. Это постепенно, хотя и болезненно, происходит на Украине. А если нет, то еще придется ждать. Если будет слишком затяжное изоляционное развитие, то не исключено, что страна развалится. Чего я нам не желаю. Но в самой стране есть замечательные силы – как физические, так и метафизические.

Ирина Чайковская: Год начался – пусть он будет благоприятен для России, для ее будущего.

Виктор Ерофеев: Пусть будущее России будет ближе к Тургеневу, а не к Победоносцеву!

Ирина Чайковская: Спасибо, Виктор Владимирович, за интервью!

*К восьмидесятилетию отца
Александра Меня
(1935-1990)*

Николай Боков
Париж, Франция

Священник Александр

Мои личные встречи с о. Александром Менем можно пересчитать по пальцам одной руки.

Впервые я увидел его у него дома, в Семхозе, в 1967, за длинным праздничным столом по случаю церковного праздника. Стол был украшен фаршированной щукой, – запоминающаяся в тогдашних обстоятельствах деталь. Позвал к о. Меню Марк Ляндю, поныне здравствующий

московский литератор; кажется, с нами приехал и Владимир Галкин, подпольный прозаик, писавший сочно и смело, тогда работавший в Бюро патентов и изобретений.

Незадолго до этого он (или Марк) передал о. Александру мою повесть «Никто», и он захотел повидать автора. Я же не имел о нем еще никакого представления и поехал знакомиться без всякого трепета. Длилась эпоха знакомств, ходили и ездили ко всем – художникам, писателям, священникам. «Никто» был моим первым длинным произведением, юношески нервным, прямым, трагическим, со своей житейской подоплекой – разрывом с Губайдулиной, переживавшимся как катастрофа, вдоль линий читанных к тому времени историй любви. Общая атмосфера в стране драме способствовала: гнет безысходности, чувство необходимости восстания – и его невозможности. Повесть походила в самиздате и напечаталась за границей.

Библиотека о. Александра произвела сильное впечатление на меня, студента философского факультета. Хотя я и не мог подойти покопаться в книгах, глаз выхватывал названия и имена авторов, славные, но редкие, в советских магазинах не появлявшиеся. Хозяин вскольз заметил, что это лишь «нижняя» библиотека, что есть еще «наверху», где он работает.

Заговорили о Тейяре де Шардене: его «Феномен человека» издали в том году с грифом «для научных библиотек», и мне чудом достался экземпляр. Для Меня труды опального иезуита и синолога новостью не были. Несколькими фразами он резюмировал «теорию почек» на древе эволюции, линию духа, которую «вытягивает» из живой массы, «словно магнит», точка Омеги, предел бытия, Христос. Человечество рождено и живет внутри апокалиптического «Я емь Альфа и Омега».

Меня представляя Меню, Марк заметил, что это автор той повести, которую... Священник посмотрел на меня внимательно, изучающим взглядом, но разговора о

произведении не возникло. Да юный автор его и не ждал: писание повести сопровождалось взлетами и глубинами, невиданные миры открывались неожиданно сами, и что мог бы добавить к ним отзыв читателя, даже такого?

Последовавшее общение с о. Александром было заочным, через чтение толстых машинописных томов «Сына человеческого» и обзоров религий. По молодости лет я бранил их за водянистость, еще не понимая, что дело в ясности изложения и продуманности.

К о. Александру можно было поехать и на церковную службу, и потом беседовать с ним «за чаем». Там я познакомился с опальным священником Сергием Желудковым.

Году в 69-м мы с Губайдулиной оказались на новоселье многодетного музыканта Валерия Ушакова, в его отдельном домике в Сокольниках. Его жена была прихожанкой о. Александра, и он приехал к ним освятить дом. Началась лития.

С Симоном Бернштейном мы вышли в прихожую, – я покурить, а он за компанию. Симон был диссидент знаменитый: подписант, член Инициативной группы по правам человека, исключенный за это из партии – и не нужно уточнять, какой, ибо единственной. Он еще страдал наследственной хондродистрофией, – рост его не превышал 100 сантиметров. Его можно видеть в кино: в «Солярисе» Тарковского, где он играет секундную роль «порождения Океана».

Скоро вышел в прихожую и о. Александр, в облачении, кадя.

– И нас, отец Александр, чертей, тоже покадите! – пошутил я (другой был тогда я человек, совсем другой!), вероятно, уже и пропустивший стаканчик. Симон засмеялся. О. Александр посмотрел на нас дико. И было отчего: в полутемной прихожей тощий и длинный, и смеющийся рядом карлик. И шутка та еще. Средневековая сцена.

С Ушаковым мы подружились. Ему было интересно побывать вблизи Губайдулиной; от меня он получал «Хронику текущих событий». У него нашелся знакомый, вызвавшийся «Хронику» перепечатывать с «приплодом», возвращая оригинал с двумя экземплярами в придачу, для Валерия и для меня. Однако дело расстроилось. Может быть, испугавшись, знакомый принес «Хронику» обратно и, не застав никого, забросил ее в открытую форточку кухни, благо домик был одноэтажный.

Уже в эмиграции я читал свежий номер «Хроники» и попал на сообщение об обыске у кого-то (и надо же, не помню сейчас фамилию, – а ведь в те годы знал наизусть сотни имен арестованных, следователей, всех, всех). И там говорилось, что на обыске присутствовал понятой Ушаков, музыкант по профессии. Может быть, однофамилец.

Последний раз я видел о. Александра случайно на платформе Казанского вокзала незадолго до моего отъезда, зимой 1975. Он помогал пожилой грузной даме подняться в вагон.

– Отец Александр! – бросился я. Он ставил уже ногу на ступеньку. Обернулся. Внимательный взгляд, улыбка:

– Я так смешно не узнал вас тогда!

Где и когда? Возможно, за год до того: я обратился к нему за разрешением его сфотографировать для самиздатского «архива современных русских писателей», – предполагалась книга о неофициальной русской литературе, которую писал французский славист Алан Прешак. О. Александр отказался: «Нет, нет, я не актриса кино!»

Да и книга сократилась до одной главы в книжке «Советская литература» университетской серии «Que sais-jé?». И потом и она, уже изданная, погибла! К 1985 году чекисты добились не только уничтожения тиража, но и удаления всяких ее следов из парижской Национальной библиотеки, из каталога и книжной летописи! Спасся только успевший выйти японский перевод.

Образ о. Александра теперь в сознании, конечно, установившийся, как бы иконописный. Это был просвещенный ум: для России величайшая редкость, диамант бесценный. Личность его – моцартовского типа, если так можно сказать о священнике. Почему бы и нет? Легкость, щедрость дара, свет.

По величине света – и ненависть к нему, вплоть до *убийства*.

Летом рокового года я читал, как обычно в то время, Библию, проживая на заброшенной ферме в Бургундии. Тема размышлений – в те дни – почему так загадочно *имя*, – ему в Писании отведена очень большая роль. Имя человека записывается в «книге жизни» (Откр. 3,5; 20,15 и многие другие места). Книга жизни – это, конечно, и сама Библия, как Слово Божие. В ней я искал свое имя.

Мое чтение мирно продолжалось до 7 главы Евангелия от Иоанна, там, где Иисус учит в храме. В стихе 19 он говорит: «Не дал ли вам Моисей закона? И никто из вас не поступает по закону. За что ищете убить Меня?»

Тут и произошло событие: я прочитал «За что ищете убить Меня?» с ударением на Е, явно неправильно, поэтому я вернулся, чтобы поправиться. Но язык отказывался повиноваться. Такое при чтении Библии случалось со мной и до, и после, – «насильственная остановка» до тех пор, пока не осознавался новый, неожиданный смысл. Происходила как бы «вспышка смысла», подчас не имевшего никакого отношения к описываемым в Книге событиям.

И это был как раз такой случай.

Древний текст содержал информацию о готовящемся нападении. Где-то в человеческой гуще России не позднее июля 1990 года решили убить о. Меня. Надо немедленно предупредить! Но как? И что, собственно, сообщить?..

Библию, мной читаемую, изданную брюссельским издательством «Жизнь с Богом», подготовил к печати как раз о. Александр Мень.

Вышло, что я читал Евангелие «как ежедневную газету», от чего Мень, кажется, предостерегал!

Незабываемы фотографии в книге Бычкова «Хроника нераскрытого убийства»: Мень – еще мальчик, веселый, ест мороженое... и убитый, возле забора, с потеками крови на лбу.

Так взят был «удерживающий от среды» (2 Фес. 2,7).

Ожесточение жизни продолжилось, ускоряясь. «Тайна беззакония» уже в действии.

Это был 1990, за год до путча, который устроили старые дураки, не понимавшие, что Горбачев их спасает (или они совсем ничего не имели в Швейцарии, не успели перевезти?), и за три года до расстрела парламента Ельциным: кулак будущей власти сложился, конкурентов выгнали прочь.

Сергей Бычков
Подмосковье, Россия

А в это воскресенье....

Отрывок из неопубликованной книги об Александре Мене

Редакция нашего журнала получила материал об Александре Мене от бывшего прихожанина отца Александра, доктора исторических наук, историка богословия Сергея Сергеевича Бычкова.

Мы публикуем этот отрывок к восьмидесятилетию убитого священника, в расследовании трагической гибели которого до сих пор не поставлена точка – убийца и его заказчики не найдены.

...На самом деле время в тот трагический день 9 сентября 1990 года остановилось только для него. Для всех оно продолжало свой стремительный бег. Все остальные продолжали жить по заведенному порядку. К калитке, на которую упал обескровленный священник, жена вызвала машину «Скорой помощи». Вскоре подъехали следователи Загорской милиции, подтянулись работники местной прокуратуры. Начались поиски улики. Милиционеры прочесывали лес, пытаясь найти хоть что-то, хотя бы какую-то подсказку – кто и за что убил священника. Однако их поиски оказались тщетными. Приехал сотрудник Генеральной прокуратуры, сделал ряд фотоснимков. К полудню приехали следователи со служебной собакой, но было поздно – все вокруг было настолько истоптано, что собака беспомощно металась из стороны в сторону. Тело убитого священника отвезли в загорский морг. Вскоре страшная весть об убийстве распространилась не только в СССР, но достигла и зарубежья. Приехали прихожане отца Александра, с ужасом смотрели на лужу крови у ворот, пытались засыпать ее песком. Но он вновь и вновь пропитывался кровью...

...В 1990 году в СССР сложилась парадоксальная ситуация – страной одновременно правили два президента. Одним был Михаил Горбачев, избранный первым президентом СССР. Вторым – Борис Ельцин, летом этого года всенародно избранный президентом РСФСР. Имперский колосс, созданный Иосифом Сталиным и казавшийся всем вековечным, зашатался. С 1986 года Михаил Горбачев, избранный генеральным секретарем ЦК КПСС, осторожно менял партийный курс. Сначала был провозглашен лозунг «Перестройки», затем к нему присоединился еще один – «Гласность». Архитектором «Перестройки» был близкий к Горбачеву партаппаратчик и дипломат Александр Яковлев, понимавший, что экономика и идеология в стране

находятся в тупике. Необходимость перемен ощущали сотни тысяч жителей СССР. Поэтому решено было дать относительную свободу прессе – рупорами «гласности» стали журнал «Огонек», возглавляемый талантливым журналистом Виталием Коротичем, и газета «Московские новости», главным редактором которой был Егор Яковлев. Оба главных редактора, будучи членами КПСС и людьми, приближенными к Горбачеву, получили возможность, обходя цензуру, публиковать факты недавней истории страны. До этого периода партийная цензура постоянно фальсифицировала отечественную историю. Исчезали из учебников и исторических исследований люди и события, которые, по мнению цензоров, могли неверно формировать идеологию граждан. И «Огонек», и «Московские новости» были еженедельными изданиями. Тиражи их в это время неимоверно выросли. Люди просыпались пораньше и бежали с утра в киоски, чтобы купить свежие выпуски. «Московские новости» вывешивались на стенде у здания редакции на Пушкинской площади. И люди толпами собирались, чтобы прочитать газету. Тут же, у стенда, шел оживленный обмен мнениями. К 1990 году активность общества была настолько велика, что люди смотрели по телевидению репортажи со съезда Народных депутатов гораздо охотнее, нежели художественные или детективные фильмы.

Многим казалось, что отныне партийная идеология и власть КПСС уже не вернутся никогда. Поэтому убийство известного православного священника вызвало среди советской интеллигенции сначала шок, а потом волну возмущения. Заволновалась и вновь формирующаяся вокруг Ельцина властная элита. Оба президента взяли расследование убийства под личный контроль. Была создана следственная группа. Руководство осуществляла прокуратура Московской области, но в группу входили следователи Генеральной прокуратуры и Комитета государственной безопасности.

Работать и особенно руководить этой группой было очень трудно. Следователи Генеральной прокуратуры и КГБ по служебному положению стояли намного выше следователей Московской прокуратуры. Основную, хотя и не публичную роль, играли, конечно же, сотрудники КГБ. Слаженной работы не получалось, поэтому первый руководитель группы Анатолий Дзюба уже через полгода отказался от руководства. Хотя летом 1991 года он откровенно признался одному из родственников, засомневавшемуся в продуктивности работы следственной группы: «Да, что вы! Мы уже нашли десять томов!» На самом деле к этому времени стали известны основные версии убийства, которые разрабатывала следственная группа. Следствие на первом этапе ограничилось четырьмя версиями: уголовной, сионистской, антисионистской и политической.

Почти сразу был арестован сосед отца Александра – Геннадий Бобков. Подозрение пало на него потому, что Бобков пил, не работал и в подпитии гонялся за женой с топором. Задолго до убийства священника был осужден и провел несколько лет в заключении. После освобождения продолжал вести, как тогда говорили, «антисоциальный образ жизни» – изредка подворовывал. После ареста Бобков чистосердечно признался в убийстве. Мол, решил отомстить за давнюю обиду. Подкараулил священника и ударил его топором по голове. Топор тут же выбросил в пруд, за домом отца Александра. Следователи спустили пруд, но топора не обнаружили. Позже Бобков изменил показания – будто бы его нанял православный священник, так же живший в Семхозе. Якобы он подрабатывал у него, и тот посулил хорошие деньги за убийство.

Допросили священника. Близкие отца Александра рассказали, что священники дружили, бывали друг у друга в гостях. Трудно предположить, что Бобков, без чьей-либо подсказки, мог выдумать столь правдоподобную версию. Изредка и до этого случая советская пресса рассказывала,

как из подследственного «выбивали» необходимую версию признания, в то время как настоящий преступник продолжал разгуливать на свободе и совершать новые преступления. Но этот вариант не подходил к случаю с Бобковым, который долгое время «путал» следствие, указывая то одно место, где он якобы прятал топор, то другое, то третье. Топор так и не был найден, как впрочем и портфель священника. Оставалось непонятным, зачем ему понадобилось клеветать на священника, которого, как выяснило следствие, он даже в лицо не знал.

После нескольких месяцев Бобков отказался от своих показаний и заявил, что в Загорской тюрьме его под давлением заставили их подписать. Хотя вскоре через одного из членов следственной группы стало известно, что, находясь в тюрьме, Бобков сам вызвал ночью оперуполномоченного и заявил, что готов дать показания. Будучи в здравом уме, он не мог не понимать, что подобное признание может стоить ему жизни. И, тем не менее, признался в преступлении, которого не совершал. С такой же легкостью через несколько месяцев он отказался от своих показаний. Но общество уже было введено в заблуждение заявлениями тогдашнего министра внутренних дел Виктора Баранникова, громогласно заявившего, что убийца схвачен и вот-вот предстанет перед судом. Геннадий Бобков, все же получил два года – но не за убийство, а за кражу. Он мог бы после освобождения рассказать немало интересного о том, почему назвал неизвестного ему священника инициатором убийства. Но следствие не сочло нужным остановиться более обстоятельно на этом факте.

Следующая версия сводилась к тому, что отца Александра якобы убили сионисты. Из-за того, что он не благословлял на отъезд из СССР своих прихожан-евреев, стремившихся выехать в Израиль. Некоторым он на самом деле советовал покинуть страну: но только тем, кому грозил арест. Часто сотрудники КГБ предоставляли выбор – либо

арест, либо отъезд, как это было в 1975 году с известным церковным публицистом и историком А.Э. Красновым-Левитиным. Отец Александр считал, что массовый отъезд христиан-интеллигентов «обескровит» Россию. Но в каждом индивидуальном случае подходил к этому вопросу неординарно. Разрабатывая эту версию, следствие столкнулось с рядом проблем. Существовала ли в СССР в это время какая – либо мощная сионистская организация? Располагала ли она боевиками? Ведь для совершения преступления нужны хладнокровные, тренированные люди. Убийство отца Александра, как это вытекало из материалов следствия, было совершено профессионалами высокого класса. В то же время появление сионистской версии наводило на мысль, что некая «таинственная рука» постоянно вмешивается в ход следствия.

После того, как Бобков изменил свои показания, неожиданно перед следствием появился новый персонаж – бывший православный иеродиакон Михаил Потемкин. Юноша, лет 25, когда-то служивший в Литовской епархии, а затем вернувшийся в Москву, где родился и вырос, неоднократно во всеуслышанье заявлял, что присутствовал на квартире игумена Лазаря (Солнышко) в трагическую декабрьскую ночь, когда тот был зверски убит. Игумен Лазарь был секретарем могущественного митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия (Пояркова). Он был убит через два месяца после гибели отца Александра в декабре 1990 года. Потемкин поначалу довольно связно излагал версию убийства игумена, напоирая на то, что отец Лазарь был человеком нетрадиционной сексуальной ориентации и в определенных кругах был известен под кличкой «кочегар». Михаил Потемкин был арестован вскоре после убийства игумена Лазаря и содержался в Бутырской тюрьме без предъявления обвинения. Неожиданно он заявил, что убийство игумена Лазаря – дело рук сионистских боевиков. Что игумен был якобы

не только гомосексуалистом, но и связным между отцом Александром Менем и его зарубежными покровителями. Более того, Потемкин утверждал, что письма и деньги, которые пересылали отцу Александру с Запада, попадали сначала к игумену Лазарю, а он уже потом передавал их Меню.

Причину убийства отца Александра он видел в том, что православный священник будто бы препятствовал эмиграции евреев из России. А сионисты в СССР якобы получали немалые деньги за каждого еврея, который покидал пределы страны. Выстраивалась внешне правдоподобная версия. Одна деталь разрушала ее – Михаил Потемкин еще с «застойных брежневских времен» был известен как провокатор и гомосексуалист. Именно он в начале 80-х годов передал пакет с документами американскому журналисту в Москве Данилоффу, который в момент передачи пакета был арестован. Данилофф был посажен в тюрьму, а Потемкин остался на свободе. Это была одна из самых запутанных версий, которой следствием уделялось немало внимания. Возникло ощущение, что таинственный «кто-то», желающий направить следствие по ложному следу, постоянно подталкивал следователей распутывать именно этот клубок. Всплыло анонимное «Письмо священнику Александру Меню», появившееся в начале 1976 года и имевшее широкое хождение в националистических кругах. Читал его, конечно, и отец Александр. В течение пятнадцати лет оно постоянно «всплывало» как в христианских, так и в национал-патриотических кругах.

В письме говорилось, что христианство и национализм – вполне совместимые вещи. Более того, выдвигался тезис, что есть неистинные христианские конфессии или, как их еще называют в православных кругах, «поврежденные». Авторы письма утверждали, что только Православие сохранило первоначальное христианство в «неповрежденном» виде. При этом они опирались, как на нечто само собой разумеющееся,

на достоинства и незыблемые добродетели русского народа, который единственный сумел неповрежденным сохранить Православие. Мысль не новая. В сознание верующих людей «идеологи-патриоты» пытались внедрить мысль о том, что в природе русского человека существуют некие особенные добродетели, которые выделяют его из семьи созданных Богом наций. При подобном подходе христианство оттесняется на задний план, оно поглощается национализмом, становясь его идеологическим придатком. Священное Писание устами апостола Павла отвечает четко и недвусмысленно на подобные вопросы: «Ибо вы, которые, были крещены во Христа, все вы облеклись во Христа. Нет Иудея, ни Еллина, нет раба, ни свободного, нет мужчины, ни женщины: ибо все вы – одно во Христе Иисусе». Эти слова апостола Павла из послания к Галатам говорят о том, что человек, принявший крещение, вступает в благодатное Царство, в котором как национальные, так и социальные различия отходят на задний план. Поэтому ни одна нация, как бы ни были велики ее заслуги перед человечеством, не вправе гордиться своими заслугами и на их основании требовать к себе особенного отношения.

Суть обвинений этого анонимного письма, созданного в Троице-Сергиевой лавре, и предъявленных отцу Александру, сводилась к следующему: он будто бы является «постовым сионизма в лоне Русской Православной Церкви». Цель его служения – «направлять приходящих в лоно диаволопоклонства». Национализм, наряду с упоминанием заслуг одной нации, стремится унижить другую. Поэтому в сознании националиста сосуществуют такие понятия, как «добрая» и «злая» нация. Пытаясь объяснить происхождение зла, националист ищет ответа не в Священном Писании, а в тех «преданиях старцев», на которые постоянно обрушивал Свой гнев Иисус Христос. В сознание многих православных в течение долгих лет внедрялся миф о всемирном заговоре «сионских мудрецов», которые якобы правят всем миром.

Истоки этого мифа восходят к началу XX столетия, когда публицист правого толка Сергей Нилус опубликовал фальшивку – «Протоколы Сионских мудрецов». В середине 30-х годов фальшивка была разоблачена, но успела внедриться в сознание не только россиян, но и других наций, в том числе и в нацистской Германии. Для христианина одним из краеугольных камней, на котором зиждется вера, является ясное сознание того, что судьбами мира управляет Бог. Для националиста Бог подменяется злыми силами, которые персонифицированы в образе «Сионских мудрецов». Именно они, по его мнению, управляют миром, а Бог не в состоянии ничего сделать, чтобы изменить ход событий, которые развиваются катастрофически. Так христианство в национализме подменяется даже не манихейством, поскольку в манихействе Бог и сатана две равновеликие силы, а новой ересью.

И все же в докладной записке на имя мэра Москвы Гавриила Попова сотрудники КГБ, входившие в состав следственной группы в феврале 1991 года, докладывали: «При проверке сведения о причастности ряда лиц из «национал-патриотической» среды к убийству А. Меня не подтвердились. Анализ добытой оперативной информации по среде еврейских националистов не выявил конкретных лиц, способных на совершение преступления в отношении А. Меня. По фактам и признакам, свидетельствующим о намерении совершить экстремистские акты в отношении священнослужителей или верующих за период с 1990 года было установлено 14 человек. Однако причастность кого-либо из них к расследуемому убийству не обнаружена».

Третья версия получила название «антисионистской». Суть ее сводилась к тому, что убийство отца Александра – дело рук православных архиереев. Якобы накануне убийства он получил компрометирующие документы не только на епископат Русской Церкви, но даже на постоянных членов Священного Синода. Для церковного человека было ясно,

что эта версия не выдерживает никакой критики. Мыслящие христиане прекрасно знали советских епископов и их невысокий нравственный уровень. Если епископ выезжал за границу, значит он вынужден был сотрудничать с КГБ. В среде епископата советскими органами активно внедрялись люди нравственно порочные. И отец Александр знал это. В последние годы жизни его популярность резко возросла, поскольку оказалось, что он единственный священник, подготовленный к диалогу с широкой аудиторией. Но отец Александр сознательно устранился от участия в политической жизни. Будучи человеком мудрым, вряд ли бы он взял какие-либо документы из рук незнакомых лиц, прекрасно понимая, что это, скорее всего, провокация.

Компрометирующие документы «на высшее церковное, партийно-государственное и чекистское руководство» давно уже были опубликованы на Западе. Но и в этой дезинформации таился некий замысел – если бы портфель отца Александра вдруг обнаружился, тогда в нем изумленные следователи могли бы найти «компромат» на постоянных членов Священного Синода Русской Православной Церкви. Эту версию в 1991 году одновременно выдвинули два депутата Верховного Совета РСФСР, когда-то близкие друзья отца Александра – священники Глеб Якунин и Алексей Злобин. В течение всей жизни сознательно устранившись от политики, отец Александр изменил этому правилу только в последний год. Он принял предложение Чингиза Айтматова и в мае 1990 года вместе с группой интеллектуалов ездил в Западную Германию. Эта поездка предваряла визит Михаила Горбачева и должна была подготовить немецкую интеллигенцию к визиту первого президента СССР. Отец Александр в Германии принял участие в богословской конференции и выступил с докладом. Естественно, что бывших «опекунов» из КГБ его растущая известность должна была раздражать. Но они

не могли помешать его популярности, поскольку полнота власти ускользала из их рук.

И, наконец, последняя версия – «политическая», которой, к сожалению, следствие почти не уделяло внимания. Только к середине 90-х годов стало ясно, что активная подготовка к августовскому путчу 1991 года началась в конце августа 1990 года. Убийство известного не только в нашей стране, но и за рубежом священника и богослова Александра Меня должно было скорее всего, по замыслу исполнителей, запугать широкие массы, которые, по мнению Политбюро, слишком заигрались и вообразили, что на самом деле в СССР воцарилась демократия. Тщательно спланированное, во многом напоминающее загадочное убийство поэта и переводчика Константина Богатырева в 1976 году, оно почти не имело шансов на раскрытие. И все же постепенно просачивались факты, на которые следователи обращали внимание, но какие-то скрытые силы препятствовали их расследованию. Цельная картина была воссоздана позже. Как ни странно, помощь в ее воссоздании оказал в 1995 году генерал воздушно-десантных войск Александр Лебедь. «Вечером 8 сентября 1990 года от командующего ВДВ генерал-полковника Ачалова я получил очередной смутный приказ: «Привести дивизию в состояние повышенной боевой готовности по «южному варианту»... Ничто нигде не было напряжено до такой степени, чтобы требовалось наше присутствие... Неопределенность продолжалась до 20 часов 9 сентября. В 20 часов поступило распоряжение: двумя полками, Костромским и Рязанским, совершить марш и в 6.00 10-го сосредоточиться на парадной площадке аэродрома имени Фрунзе.» Приказ командующего ВДВ был выполнен и утром 10 сентября 1990 года полки на танках и бронетранспортерах, с полным набором боеприпасов сосредоточились на аэродроме под Москвой. Скрыть от общественности передвижения десантников было невозможно. Поэтому

народные депутаты и журналисты потребовали от властей объяснить – чем было вызвано появление десантников в полном вооружении? Более того, депутатами была создана Комиссия, призванная расследовать причины неожиданной переброски войск.

Лебедь был вызван к командующему ВДВ генералу Владиславу Ачалову, и тот начал втолковывать ему, что десантники переброшены для подготовки парада. Но о какой подготовке к параду могла идти речь, если войска были переброшены с полным боевым набором? Ачалов предложил Лебедю спрятать танки и бронетранспортеры, а также как-то замаскировать боеприпасы. Лебедь позже рассуждал, что подобный приказ мог отдать только министр обороны Дмитрий Язов. Но кто подтолкнул на подобный шаг маршала Язова? Лебедь предполагал, что это мог сделать только тот, кто был выше маршала. Единственный человек, который мог отдать подобный приказ министру обороны – всесильный глава КГБ Владимир Крючков. Тем временем скандал разгорался. Язову пришлось давать объяснения с трибуны съезда Народных депутатов. Он заявил, что войска были вызваны из Рязани для того, чтобы помочь подмосковным хозяйствам вовремя убрать картошку. Как ни абсурдно выглядело это заявление, но депутатов оно успокоило. Позже генерал Лебедь резюмировал: «А командующему ВДВ была поставлена задача: аргументировано и доказательно объяснить, чем это он и вверенные ему войска в субботу и воскресенье занимались и что вынудило его против всяких правил привести в повышенную боевую готовность кучу дивизий.»

В сентябре 1990 года замысел путчистов сорвался – убийство отца Александра вызвало широкий резонанс не только в СССР, но и за рубежом. Хотя на краткое время вновь воцарилась атмосфера страха. Кто-то из прихожан отца Александра предпочел спрятаться, кто-то из впервые выехавших за рубеж православных принял

решение не возвращаться. Возникло ощущение, правда, кратковременное, что возвращаются сталинские времена. Последующие убийства священнослужителей – двух игуменов – Лазаря (Солнышко) и Серафима (Шлыкова), который был убит при загадочных обстоятельствах в феврале 1991 года, были направлены, по-видимому, на то, чтобы заронить в сердцах обывателей сомнение в эффективности работы правоохранительных органов. Еще бы, два президента отдают личные указания о расследовании убийства отца Александра Меня, брошены отборные сотрудники силовых структур, а оно не движется! Более того, руководитель группы, следователь по особо важным государственным преступлениям А.Н. Дзюба в тот самый момент, когда он отверг бытовую версию, неожиданно был отстранен от руководства и вынужден уволиться из прокуратуры...

2

Растущий в те годы авторитет Русской Православной Церкви беспокоил тех, кто разрабатывал и планировал убийство. Версия КГБ, прозвучавшая в феврале 1991 года из уст одного из опальных чекистов, что все три священника связаны между собой и являются гомосексуалистами, свидетельствует о том, что, по-видимому, в тщательно разработанный план убийства входило разоблачение пороков, которым были подвержены члены высшего епископата Русской Православной Церкви. Если бы организаторам убийства удалось бросить тень на отца Александра, затронув и епископат в этом случае цель была бы достигнута.

По силе удара эту акцию, если бы она осуществилась, можно сравнить лишь с организованным вскрытием мощей русских святых в начале 20-х годов XX века. В течение многих столетий в сознании русского человека бытовало мнение, что основной признак святости – нетление мощей.

Как нечто само собой разумеющееся, принималось на веру убеждение в том, что если тело обычного человека истлевает и превращается в прах спустя пятьдесят лет после его смерти, то останки святого естественно мумифицируются. К сожалению, это народное заблуждение не рассеивали православные богословы, с ним не боролся епископат. Поэтому когда в начале 20-х годов большевики предприняли повсеместное вскрытие мощей, это привело к массовому отпадению простого народа от Церкви. В раках, где хранились мощи святых угодников, находили кости животных, муляжи, а некоторые останки святых представляли собою подобие кукол, поскольку мощи вообще не сохранились.

И все-таки следствие пришло к выводу, что убийство было запланировано на вечер 8 сентября 1990 года. Следователи выяснили, что ранним утром этого дня соседка отца Александра на тропинке встретила довольно приметного незнакомца, который внезапно вышел из леса и так же внезапно скрылся. Позже, во время трансляции погребения отца Александра по московскому телевидению, она узнала неизвестного – он стоял неподалеку от могилы. Узнали этого человека и некоторые из прихожан – он несколько раз приходил в храм и даже разговаривал с отцом Александром незадолго до убийства. То, что вечером 8 сентября отец Александр вернулся домой взволнованным, не раздеваясь, прошел на второй этаж и включил повсюду свет, также наводило следователей на мысль, что убийцы поджидали его вечером. Почему же был выбран именно этот день? В анонимном письме 1976 года поднимался вопрос о наличии ритуальных убийств в иудаизме. Эта вульгарная идея до сих пор живет в умах наших сограждан и постоянно насаждается идеологами правого толка. Православная Церковь всегда выступала против подобных взглядов, начиная с процесса Бейлиса. Подталкивая следствие в тупик, организаторы убийства инспирировали слухи о том,

что ритуальные убийства совершаются в канун еврейского Нового года. Слухи о ритуальной подоплеке убийства отца Александра постоянно распространялись не только националистическим обществом «Память».

Анатолия Дзюбу в феврале 1991 года сменил следователь по особо важным государственным преступлениям Московской областной прокуратуры Иван Лещенков – добросовестный и дотошный следователь «старой» школы. Он искренне пытался разобраться в произошедшей трагедии. Все материалы, попавшие ему в руки, оставались сплошной загадкой. Он попытался восстановить облик убитого священника. В поле зрения следствия попал один из слушателей Православного университета, созданного отцом Александром осенью 1989 года. Он принимал участие в распространении Самиздата и пытался восстановить общение между интеллектуалами различных стран. Накануне он передал отцу Александру первый номер газеты «Гражданин мира», созданную им и его единомышленниками. По просьбе следователей он описал свою встречу со священником.

Она произошла в понедельник 13 августа 1990 года, когда он приехал в новодеревенский храм и попал на отпевание: «...Отец Александр отпевал умершего. И вот настало время проповеди. То, что я услышал и увидел, поразило меня своей новизной и необычностью. Манера говорить, эмоциональный настрой проповеди отца Александра резко отличались от того, что мне обычно приходилось видеть и слышать в церкви. Все шло как бы вразрез с православной традицией. Вместо тоскливости и унылости была спокойная уверенность и твердость тона. Вместо серых и вымученных мыслишек, затасканных и замусоленных штампов я увидел глубину мысли, яркость и образность выражений, философскую живость и импровизацию. Это был акт вдохновенного творчества, в сравнении с которым все, виденное мною в храмах, было

выхолощенной рутинной, омертвленной и обездушенной формальностью. Казалось, что во время его проповеди весь храм озарился невидимым светом, который согрел не только мое сердце, но и сердца всех, кто собрался, чтобы проводить а последний путь покойника.

По окончании отпевания отец Александр сказал, что ему нужно на некоторое время отлучиться и что он просит подождать минут 15-20. Через несколько секунд он вернулся с бумагами, врученными мною ему накануне. Взяв меня за локоть, отец Александр спокойно, без каких-либо сентенций, сказал, что он поддерживает наше движение, считает его своевременным и необходимым. Более того, пообещал содействие в распространении наших идей...»

Стены кабинета руководителя следственной группы были увешаны фотографиями убитого священника. Среди них были ранние фотографии алабинского периода, где он был настоятелем, и тарасовского, и даже последние. С возрастом он менялся. Но постоянными оставались некоторые выражения лица, выразительная мимика. В свободные часы следователь слушал магнитофонные записи его богослужений и лекций. В тишине комнаты звучал его глубокий баритон – голосом он владел в совершенстве. Произнося возгласы во время богослужения или проповедуя, мастерски использовал все его возможности. Следователь понял, что священник был выдающимся проповедником. То понижая тембр, то используя его во всю мощь, он доносил до сознания людей самые важные истины. Некоторые его проповеди оставляли неизгладимое впечатление. И в то же время, рассматривая фотографии, он улавливал какое-то, порой мальчишеское озорство. Оно сопровождалось разнообразной мимикой, которая явно не была домашними заготовками. В этом ему мог бы позавидовать даровитый актер. Мгновенные изменения его лица рождались на лету и были частью его личности. Всегда находясь в движении, он избегал поз. Казалось, что остановить его невозможно. На

нескольких фотографиях он был запечатлен смеющимся. Смех его был заразительным и даже самые мрачные прихожане не могли устоять перед ним. Общение часто сопровождал шуткой и неожиданными афоризмами, из которых стоило бы составить неплохую коллекцию.

Нельзя было сказать, что с возрастом он не менялся. Что-то менял сам в своем облике. Это касалось в первую очередь прически и формы бороды. Он был красив настоящей библейской красотой: волны черных волос над широким светлым лбом, небольшая, всегда аккуратно подстриженная черная, волнистая борода. Первое, что бросалось в глаза – бьющая изнутри радость, заряды которой фейерверками выплескивались на окружающих. Следовательно понял, что озорство, и мимика не были игрой ради игры. Все это было проявлением глубинных духовных процессов. Всплески энергии часто меняли выражение его лица. Он был совсем молодым, хотя о его возрасте даже не думалось. Становясь старше, он все больше напоминал пророка, не подвластного времени и старости. Слово его было властью. Всегда со вкусом одетый, веселый, общительный, образованный, он разрушал советское представление о священнике, как о безнадежно отсталом от жизни, косном человеке. Быть может, следовательно впервые осознал, что отец Александр был явлением, знамением Свыше, напоминанием, что Бог не забыл о России, растоптанной и униженной большевиками. Вызывая и беседуя с прихожанами отца Александра, следовательно понял, что священник обладал удивительной особенностью – все, к чему прикасался, будь то человек или вещь, преображалось. Словно раздавал частицы неземного света. И он понимал – чтобы увидеть эти маленькие чудеса, творимые священником, необходимо было обладать особой чуткостью и внутренней зоркостью.

Прихожане рассказывали – когда его приглашали в гости, отец Александр редко отказывался. После его ухода впервые общавшиеся с ним люди находились в состоянии

шока. Он был чрезвычайно прост в общении, не требовал особых знаков внимания, общался с окружающими на равных, разрушая карикатурный, сформированный советской пропагандой, образ православного священника. После его ухода в доме оставалась особая атмосфера. Мыслитель Григорий Померанц вспомнил о его первом визите в их дом: «Отец Александр разрушил наше отчужденное отношение к людям, занимающим официальные места в Церкви. Я почувствовал, что человек, занимающий место священнослужителя, может быть при этом естественным, живым, подлинным, чутким. Это не только мое впечатление, это впечатление моих родных и знакомых. Очень комично это выразил отец моей супруги, когда он пригласил отца Александра к обеду, а после обеда, когда отец Александр ушел, он сказал: «Если это поп, то мне надо креститься». Следователя поразило и то, что отец Александр всегда был в курсе книжных новинок, читал лучшие советские журналы, внимательно слушал религиозные зарубежные передачи, следил за политической жизнью.

Чтобы разобраться в запутанных церковных делах, следователям, помощникам руководителя следственной группы, пришлось поднять старые уголовные дела сталинской эпохи, по которым «проходили» мать священника и ее духовные наставники. Первое, в чем они попробовали разобраться – что такое «катакомбная» церковь и какое место в ней занимала община архимандрита Серафима? Знакомясь со следственными материалами отца Серафима, иеромонаха Иеракса, священника Петра Шипкова и Марии Тепниной, они постепенно восстанавливали духовный облик отца Александра. Перед ним вырастали фигуры расстрелянного в 1937 году митрополита Кирилла (Смирнова), а также выжившего после десятилетий, проведенных в сталинских лагерях, епископа Афанасия (Сахарова) и близких к ним по духу священников. Он понял, что духовная связь общины, в которой воспитывался будущий священник, с митрополитом

Кириллом еще более окрепла после того, как в 1935 году произошло личное знакомство его духовного отца и наставника – Серафима с владыкой Афанасием, в которой принимал участие и другой его наставник – отец Петр Шипков. Святитель Афанасий не только служил в домовых храмах отца Серафима и отца Иеракса, но и совершал в них тайные рукоположения.

Лещенкову удалось изучить довоенные и послевоенные уголовные дела «катакомбной церкви». Он понял, что отец Александр был укоренен в Православии с самых малых лет, поэтому сионистская и антисионистская версии вряд ли имеют право на существование. Священник в новых, послевоенных условиях продолжал то служение, которое в страшные сталинские годы несли новомученики российские – митрополит Кирилл (Смирнов), епископ Афанасий Сахаров и единомысленные с ними священники и миряне. Следовательно понимал, что корни ненависти к священнику следует искать в современности, тем более, что в своих публичных лекциях Мень не боялся прямо говорить о том, что тогда происходило в СССР: «Когда полвека с лишним ломалась экономика, политика, идеология, все было превращено в кашу, в кровавую кашу. После этого оздоровления общества не может произойти в один день. Придется ждать, может быть, не одно поколение. В «Учительской газете» была напечатана статья «Где живет Сталин?» Там объясняется, что Сталин живет в каждом из нас. Это страшный паразит. Еще Достоевский писал о трихинах, которые поселяются внутри человека. Как-то я видел фильм ужасов на тему из Достоевского. Там ученый создал трихины, они залезали в людей, и люди сходили с ума и заражали друг друга. Все это происходило в нашей истории, которую многие из здесь присутствующих помнят. Так что перестройка – это решительный и трудный акт, который пытается повернуть ход истории, и как ей помочь,

зависит от того, кто ты. Каждый на своем месте может что-то сделать. Самое главное – вытравлять Сталина из себя».

В период своего служения в Акулове отец Александр активно занимался катехизацией молодых прихожан. В одичавшей стране, забывшей об элементарных христианских нравственных понятиях, это было необходимо. Трудно представить, что в те годы невозможно было найти Библию даже для того, чтобы прочесть ее. Священное Писание переписывали, как в древности, от руки и потом дарили друзьям и близким. В марте 1959 года появилась первая публикация молодого священника в официальном журнале Московской патриархии. В 1960 года диакон Александр Мень был рукоположен в сан священника в Донском монастыре епископом Стефаном (Никитиным). Его назначили вторым священником в подмосковный храм Покрова Пресвятой Богородицы в Алабине. Вскоре он стал настоятелем. В этом же году произошли два знаменательных события – он окончил Ленинградскую духовную семинарию и у него родился сын Михаил. В это время в Алабине вокруг отца Александра начала формироваться приходская община. Обычно в советский период в храмах собирались преимущественно люди пожилого возраста, чаще всего женщины. Молодежи вообще не было. В храм к отцу Александру пришли молодые, образованные люди – Александр Борисов, Александр Юликов, Евгений Барабанов, Михаил Аксенов-Меерсон. Их привлекал прежде всего он сам. Всегда подтянутый, прекрасно и со вкусом одетый, веселый, общительный, глубоко образованный. Он был бесстрашным человеком. Всегда стремился помочь прихожанам, причем не только словом утешения, но, когда требовалось, и деньгами. Был необычайно трудолюбив и успевал делать много. Его день был всегда жестко расписан.

В 1960 году он приступил к осуществлению давнего замысла – написанию истории духовных поисков человечества в свете христианского откровения и по

последним данным науки. В записках он так объяснял цель своего труда: «В юности от старших я часто слышал, что достаточно одной живой веры, чтобы привлечь людей. Частично я с ними соглашался, тем не менее хорошо понимал особенности нашего времени. Во времена апостолов большинство их аудитории было в той или иной мере религиозной. Теперь веру заменило безверие, упрощенное секулярными мифами. Нужно было сначала разбить лед, найти новый язык для «керигмы», проповеди, увязать ее с вопросами, которые волнуют людей сегодня.

Наставниками моими (кроме родителей) были люди, связанные с Оптиной Пустынью и «маросейской» общиной отцов Мечевых. С самого начала в этой традиции меня привлекала открытость миру и его проблемам. Замкнутая в себе церковность, напротив, казалась ущерблением истины, которая призвана охватывать все. Когда в 17–18 лет я интенсивно готовился к церковному служению и много изучал патристику, у меня сложилась довольно ясная картина задачи, стоящей передо мной. Я видел, что к вере начинают тянуться люди преимущественно образованные, то есть те, кто имеет возможность независимо мыслить. Следовательно, священник должен быть во всеоружии. Я не видел в этом ничего от «тактики» или «пропаганды». Пример Святых Отцов был достаточно красноречив. Усвоение культуры нужно не просто для того, чтобы найти общий язык с определенным кругом людей, а потому, что само христианство есть действенная творческая сила. Конфликт отцов с харизматиками-эсхатологистами, отрицавшими культуру и «мирские» проблемы, имел прямое отношение к этой теме. Когда изучал раннехристианскую историю и писал о ней (в 19–20 лет), я убедился, что в моих мыслях нет никакого надуманного реформаторства, а они следуют по пути, проложенному традицией. Традиции святоотеческой христианской культуры противостоял апокалиптический нигилизм, вырождавшийся в секты, а

также бытовой, обрядоверческий консерватизм, который питался языческими корнями, и, наконец, лжегуманизм, пытающийся осуществлять призвание человека вне веры. Под знаком этого противоборства я и пытался понять (и описать) историю Церкви. Когда я познакомился с «новым религиозным сознанием» начала XX века в России, стало ясно, что «новизна» его относительна, что оно уходит корнями в ранние времена и в само Евангелие. Хотя Новый Завет прямо не касался вопросов культуры (ибо по своей природе он глубже ее), но в его духе содержалось все, что должно было породить линию, ведущую через апостола Павла к святым Юстину, Клименту и далее к классическим Отцам.»

Так впоследствии под влиянием русского философа Владимира Соловьева им была создана серия из 6-ти томов под общим названием: «В поисках Пути, Истины и Жизни». В Алабине были написаны: «Истоки религии», «Магизм и единобожие», «У врат молчания» и новый вариант «Сына человеческого». В них пристально рассмотрена духовная эволюция человечества, начиная с возникновения жизни на земле, с сотворения человека и до пришествия Христа. Книга о Христе, которую он неоднократно переписывал, «Сын человеческий», стала завершающим томом этой серии. Удивительно, что именно эта книга была издана на Западе первой. Над своими книгами он работал много и упорно. Любил цитировать слова Гоголя о необходимости до 10 раз переписывать книгу. Его упрекали в том, что его труды излишне популярны. Но он прекрасно знал ту читательскую аудиторию, для которой работал и стремился к тому, чтобы его книги были понятны современникам. Это не означало, что он сознательно снижал их научный и богословский уровень. Они написаны хорошим литературным языком и в то же время говорят о глубоких духовных истинах. Он никогда, говоря словами Пастернака, не «трясся над рукописями». Более того, признавался: «Да, я даже

несколько книг переписал заново. Вот «Сын Человеческий» написан заново, мне было всего двадцать лет, когда я ее писал, а сейчас уже к пятидесяти... Я ничего не скрываю. Я сжег десять тысяч собственных машинописных страниц. Десять тысяч. Сжег. У меня есть такой сжигальщик – «геенна» домашняя на улице, я там жгу. Вот написал книгу одну – я ее сжег через месяц после того, как уже написал всю. Сел и начал писать заново. Что касается того, что у меня было написано, то я не удовлетворен очень многим. Очень многим... И именно из-за этого мне пришлось две книги заново переписать от начала до конца, хотя они уже выходили большим тиражом.»

Позже признавался: «С юных лет все для меня вращалось вокруг главного Центра. Отсекать что-либо (кроме греха) кажется мне неблагодарностью к Богу, неоправданным ущерблением, обеднением христианства, которое призвано пронизывать жизнь и даровать «жизнь с избытком». Мне всегда хотелось быть христианином не «при свечах», а при ярком солнечном свете. Меня не привлекала духовность, питающаяся ночным сознанием, имеющая оккультный привкус (хотя и под православной оболочкой). Я всегда ощущал, что «вне» Бога – смерть, а рядом с Ним и перед Ним – жизнь. Он говорил со мной всегда и всюду. Собственно, это редко выражалось в каких-то «знамениях», да я и не искал их. Все было знамением: события, встречи, книги, люди. Именно поэтому я мог и любил молиться, где угодно, чувствуя присутствие Божие в самой, казалось бы, неподходящей обстановке. Помню, однажды такое чувство особенно сильно вспыхнуло во мне, когда сидел в саду напротив Большого театра (и таких случаев было много).

Но если уж говорить о каких-то моментах особого подъема, то они связаны с Евхаристией, природой и творчеством. Впрочем, для меня эти три элемента нераздельны. Литургию всегда переживаю космически и как высшее осуществление даров, данных человеку (то есть

творчества и благодати). О природе я упомянул не случайно. Созерцание ее с детства стало моей «теология прима». В лес или палеонтологический музей я входил, словно в храм. И до сих пор ветка с листьями или летящая птица значат для меня больше сотни икон.

Тем не менее мне никогда не был свойственен пантеизм как тип религиозной психологии. Бог явственно воспринимался лично, как Тот, Кто обращен ко мне. Во многом это связано с тем, что первые сознательные уроки веры (в пять лет) я получил, знакомясь с Евангелием. С тех пор я обрел во Христе Бога, ведущего с нами непрерывный диалог. Хотя я дорожил ровным светом и боялся всякой экзальтации и аффектации, в какой-то момент пришло и то, что можно назвать «обращением». Это было где-то на рубеже детства и юности, когда я очень остро пережил бессмысленность и разрушимость мира. Тогда я исписывал тетрадки мрачайшими стихами, которые диктовались не пессимизмом характера, а открытием «правды жизни», какой она предстает, если выносят высший смысл «за скобки». И тогда явился Христос. Явился внутренне, но с той силой, которую не назовешь иначе, чем силой спасения.»

Можно только представить – какой труд пришлось предпринять следственной группе, чтобы осмыслить собранный материал. Впрочем, следователи не спешили, накапливая и сшивая найденное в тома. Они уже очертили круг подозреваемых, а также те проблемы, которые оставались для них непонятными. Ясно было одно – священник Александр Мень был настолько неординарной личностью, что мог мешать и раздражать слишком многих. После августовского путча 1991 года и распада Советского Союза многие преграды, которые стояли на пути следователей, исчезли сами собой. Хотя возникали и трудности. Михаил Горбачев уже не был первым президентом СССР. Россия стала самостоятельным государством. На их глазах рушились и исчезали многие

государственные структуры. А оставшиеся подвергались такой сокрушительной переделке, что впору было думать – а не происходит ли в России очередная революция? И все же было много отрадного. Если до путча руководитель группы Иван Лещенков и помыслить не мог, чтобы ему позволили допросить сотрудников КГБ, которые в течение многих лет вели слежку за отцом Александром, то теперь это стало возможным. Хотя, когда он заявил в Генеральной прокуратуре, что намерен допросить полковника КГБ Владимира Сычева, который возглавлял в 80-е годы следственную группу и непосредственно «курировал» новодеревенский приход, где служил отец Александр, то не встретил понимания.

В 1992 году полковник Сычев преподавал в Высшей школе КГБ, который успели переименовать в ФСК. Генералов КГБ в советские годы было не так уж и много, так что полковник был весомой фигурой. Пришлось обращаться в самые высокие инстанции, пока Лещенков не добился такого разрешения. И все же допросил полковника Сычева. Однако, и после этого допроса оставалось немало непроясненных вопросов. Хотя Лещенков понимал, что многие нити этого загадочного убийства, тянутся к «церковному» отделу КГБ. Многолетняя слежка за отцом Александром привела к накоплению в КГБ важных материалов о нем. Однако сотрудники КГБ-ФСК, входившие в следственную группу, не спешили поделиться ими со следственной группой. Более того, после путча 1991 года они утверждали, что все следственные материалы о священнике, как, впрочем, дела на многих диссидентов советского периода, были уничтожены. Поверить в это было трудно, и многое приходилось добывать тяжелым трудом.

Борис Кушнер
Питтсбург, США

Бабушке

Соединение времён
В моих воспоминаньях.
Клаксоны, карканье ворон,
Тоска метелей ранних.
Сквозь чавканье галошных жиж,
Сквозь нищету сиротства
Ты говорила про Париж,
Про честь, про донкихотство.
И про свирепости царя,
Охранку, что хватала,
Но граммофонам Ноября
Уже я верил мало.
А время ускоряло бег,
И я менял соседства,
И тихо кончился Твой век,
Звезда и счастье детства.
И вот исход, и вот черта,
Чиновники, овиры. –
В Москве – могильная плита,
В Москве – Твои клавиры.
И тридцать лет, как вздох один,
И сам я дед сварливый... –
Вернулась Ты. В венце седин
Ко мне склонилась ивой.

*29 октября 1999 г.,
Johnstown*

Бауржан Тойшибеков

Алматы, Казахстан

Десять максим

Мне 60 лет, по образованию историк, живу в Казахстане (г. Алматы), в настоящее время работаю истопником в сауне.

Культура – это когда человек является мерой вещей, а цивилизация – это когда вещи являются мерой человека.

Богач боится обеднеть, бедняк боится обнищать, а нищий ничего не боится.

Я, как и всякий человек, наделён знанием и верой – знанием, что я умру, и верой, что я бессмертен.

Одна партия в государстве – всё равно что одна извилина в голове.

Дважды два в арифметике не может равняться ничему, кроме четырёх, а в жизни может равняться всему, кроме четырёх.

В искусстве высота – это продолжение глубины ввысь, а глубина – это продолжение высоты вглубь.

Идея – это то, что рождается в голове, например, идея гильотины, а мысль – это то, что рождается в сердце, например, мысль о Боге.

Иногда овца считается паршивой лишь потому, что отбилась от стада.

Да, люди – это Божьи дети, но мир – это всё-таки не детский сад.

Власть тьмы – это когда тьма власти сосредоточена в одних руках.

Часть 2. ИСТОРИЯ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 1996 Д. 1

Лариса Миллер
Москва, Россия

Одно стихотворение

И через влажный сад, сбивая дождь с ветвей,
Через шумящий сад, где вспархивает птица,
Бежать вперед, назад, вперед, левой, правой,
Вслепую, наугад, чтоб с кем-то объясниться ...

Что, кроме бедных слов, останется в строках?
Твержу: «Затмение, бред, безумие, затмение ...».
Сладчайшая из чаш была в моих руках,
И ливня и ветров не прекращалось пенье.

Лишь тот меня поймет, кто околдован был,
В ком жив хотя бы слог той повести щемящей,
Кто помнит жар и лед, кто помнит, не забыл,
Как задохнуться мог среди листвы шумящей.

Елена Пацкина
Москва, Россия

Размышления

Письмо незнакомца

Как трудно, подчас и невозможно, узнать автора по строкам самого искреннего, самого исповедального его текста – письма к близкому человеку. Вы можете много читать произведения этого автора, вам может казаться знакомым и обжитым мир его идей и образов, он – ваш старинный знакомец и даже друг. И тем не менее вы его не знаете, как не знаете даже себя до конца, не правда ли?

Вот передо мной письмо – наставления пожившего и опытного человека юноше, вступающему в жизнь. Цель письма – уберечь адресата от ошибок и разочарований, оплаченных автором письма самой дорогой ценой, – собственной жизнью. Итак, вот они:

«Тебе придется иметь дело с людьми, которых ты еще не знаешь. С самого начала думай о них все самое плохое, что только можно вообразить: ты не слишком ошибешься. Не суди о людях по собственному сердцу, которое, я уверен, благородно и отзывчиво и, сверх того, еще молодо; презирай их самым вежливым образом: это – средство оградить себя от мелких предрассудков и мелких страстей, которые будут причинять тебе неприятности при вступлении твоём в свет.

Будь холоден со всеми; фамильярность всегда вредит; особенно же остерегайся допускать ее в обращении с начальниками, как бы они ни были любезны с тобой. Они скоро бросают нас и рады унижить, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Не проявляй услужливости и обуздывай сердечное расположение, если оно будет тобой овладевать; люди этого не понимают и охотно принимают за угодливость, ибо всегда рады судить по себе.

Никогда не принимай одолжений. Одолжение, чаще всего, – предательство. Избегай покровительства, потому что это порабощает и унижает.

Я хотел бы предостеречь тебя от обольщений дружбы, но у меня не хватает решимости ожесточить тебе душу в пору наиболее сладких иллюзий. То, что я могу сказать тебе о женщинах, было бы совершенно бесполезно...

Никогда не забывай умышленной обиды, – будь немногословен или вовсе смолчи и никогда не отвечай оскорблением на оскорбление.

Если средства или обстоятельства не позволяют тебе блистать, не старайся скрывать лишений; скорее избери другую крайность: цинизм своей резкостью импонирует суетному мнению света, между тем как мелочные ухищрения тщеславия делают человека смешным и достойным презрения.

Никогда не делай долгов; лучше терпи нужду; поверь, – она не так ужасна, как кажется, и во всяком случае она лучше неизбежности вдруг оказаться бесчестным или прослыть таковым. Правила, которые я тебе предлагаю, приобретены мною ценой горького опыта».

Кто же автор этого письма? Пожилой мизантроп, доживающий свой век в родовом поместье, отказавшийся от общества соседей и светской суеты? Уединенный философ, знающий цену людям, автор знаменитых «Афоризмов житейской мудрости», А. Шопенгауэр? Может быть, это выдержка из классических «Писем к сыну» английского философа-моралиста лорда Честерфилда?

Можно предположить, что человек, воплощающий в жизнь такие правила, хоть и обделен радостями общения, любви и дружбы, но зато и надежно защищен от обид, измен, предательства. Жизнь его кажется совершенно огражденной от внезапных ударов судьбы. Он должен быть если не счастлив, то спокоен и независим. Как говорили умные люди, кто предупрежден, тот вооружен.

Увы! Письмо это написал осенью 1822 года двадцатитрехлетний Александр Сергеевич Пушкин своему младшему брату Лёвушке. И вся его короткая трагическая жизнь была впереди...

Перечитывая Чехова О «настоящей правде»

Моя приятельница, читая мемуары довольно известных диссидентов, сказала мне: «Господи, какая сумятица в головах у людей! А настоящей правды никто не знает».

Я сразу вспомнила чеховскую «Дуэль», где эта фраза в финале повторяется четыре раза.

Она как бы вбивается читателю в голову. Такого я у Чехова больше нигде не встречала.

Объясняя свою «ошибку» в отношении Лаевского, фон Корен говорит ему на прощание:

«...такова уж человеческая судьба: если не ошибаешься в главном, то будешь ошибаться в частностях. Никто не знает настоящей правды».

«Да, никто не знает правды...», – сказал Лаевский.

И далее, провожая отплывающего в лодке фон Корена, эту фразу про себя Лаевский повторяет дважды! Он глядит на море и думает: «В поисках за правдой люди делают два шага вперед, шаг назад. Страдания, ошибки и скука жизни бросают их назад, но жажда правды и упрямая воля гонят вперед и вперед. И кто знает? Быть может, доплывут до настоящей правды...»

Вероятно, в этой фразе основа мировоззрения А.П.Чехова. И как с ним не согласиться!

Действительно, мы не знаем настоящей правды ни о чем: ни о мире, нас окружающем, ни о людях, с которыми имеем дело. Что думают о нас реально ближние, почему

они поступают так или иначе, чаще всего нам неизвестно и непонятно. Мы даже приблизительно не представляем будущего и весьма неоднозначно судим о прошлом. А разве мы знаем до конца себя? Не думаю. Доплывут ли люди когда-нибудь до настоящей правды? Вряд ли. Она как горизонт – будет всегда удаляться. И на каждый с трудом добытый ответ будет появляться сотня новых вопросов.

И вообще, что такое настоящая правда? Возможно, имеется в виду истина. Вот что говорит о ней мой любимый писатель С.Моэм: «Если истина – одна из высших ценностей, странно, что никто как будто не знает, что это такое. Философы до сих пор об этом спорят, и сторонники противоположных учений зло издеваются друг над другом. При таком положении вещей обыкновенному человеку лучше оставить их в покое и довольствоваться истиной обыкновенных людей.

Это попросту констатация фактов. Если видеть в ней ценность, то нужно признать, что ни одной ценностью не пренебрегают так, как ею. Человек всегда приносил истину в жертву своему тщеславию, удобству и выгоде. Он живет не истиной, а фикцией, и порой мне кажется, что все его высокие порывы – это попросту стремление придать видимость правды тем выдумкам, которыми он льстит своему самомнению».

Резко, но может быть, он и прав?

Как лечили зубы герои А. П. Чехова

Как меняется с возрастом восприятие мира, в частности, литературы. Вдруг обращаешь внимание на то, что раньше просто бы не заметила. Например, сняла с полки том

А. П. Чехова, открыла случайно рассказ «Ах, зубы!» (1886г.), не включенный автором в собрание сочинений.

Не шедевр, конечно, написанный для заработка, вероятно, между делом.

Но какие интересные детали: «По мнению опытных дам и московских зубных врачей, зубная боль бывает трех сортов: ревматическая, нервная и костоедная...». Дать бы почитать современному дантисту.

А как люди спасались от этого недуга? «Кухарка советует ему (несчастному герою) пополоскать зубы водкой, мамаша – приложить к щеке тертого хрена с керосином; сестра рекомендует одеколон, смешанный с чернилами, тетенька вымазала ему десны йодом...»

Все это не помогает. «Остается одно неиспробованное средство – пустить себе пулю в лоб или, выпивши залпом три бутылки коньяку, обалдеть и завалиться спать.

К счастью, один умный человек дает ему адрес, «где живет зубной врач Каркман, рвущий зубы моментально, без боли и дешево – по своей цене».

А вот стиль рекламы, пожалуй, с тех пор не сильно изменился.

Я сначала подумала, что эти способы лечения – экспромт юмориста. Но вот следующий рассказ «Нытье». Герой рассказа в письме приятелю из сибирской ссылки описывает свои страдания от зубной боли: «Неделю тому назад, в ночь под среду, я вдруг проснулся от страшной зубной боли». Далее следует подробное описание ощущений. «Я старался вспомнить, что я там у себя дома предпринимал в подобных случаях... Я вспомнил одеколон, йод, всякого рода эликсиры, спасительный коньяк, т.е. все то, чего у меня здесь нет... Попросил я у хозяев водки, чтобы пополоскать зубы, но они не дали, солгав, что у них ее нет». Как видим, все тот же джентльменский набор.

Лев Бердников
Лос-Анджелес, США

Потешник корысти ради. Пьетро Мира

Этот пожилой синьор определился на русскую службу в День дурака, а именно – 1 апреля 1732 года. Тогда он еще не ведал, что станет впоследствии любимым дураком императрицы Анны Иоанновны. Звали его Пьетро Мира и был он скрипачом-виртуозом и актером-буфф в итальянской театральной труппе маэстро Франческо Арайя, прибывшей в Северную Пальмиру для царской забавы. В интермедиях Мира часто исполнял роль Петрилло (одна из масок итальянской комедии дель' арте), а при русском дворе его стали не вполне благозвучно называть – Адамка Педрилло.

Впрочем, то был не первый его вояж в холодную Московию. В 1700 году, будучи еще совсем молодым человеком, он уже значился придворным шутком Петра Великого. Биограф императора Иван Голиков рассказывает: «А как между тем, к удовольствию Его Величества, явились к нему прибывшия из прежде посланных в чужие краи ученики, то монарх сам в успехах их свидетельствовал, и оказавшихся достойными определил по способности каждого к должности; а нашедших между ними таких, кои или от небрежения, или по тупости своей почти ничему не обучились, в досаде своей отдал во власть шуту своему Педриеллу, а сей и распоряжал ими по своему изволению, определяя их в помощь истопникам и в другия низкия должности». Поскольку имя этого шута в документах Петровской эпохи нигде позже не упоминается, есть основания думать, что он вскоре покинул Россию. Вероятной причиной тому была прижимистость Петра, не воздавшего своему корыстолюбивому забавнику по заслугам.

А корыстолюбие было отличительной чертой итальянца, который во второй раз «и приехал в Россию,

конечно, с тою целью, чтобы заработать побольше денег и затем снова вернуться на родину». Тем более, что Анна Иоанновна, как утверждали заезжие иностранцы, была щедра до расточительности. Есть сведения, что императрица в 1733 и 1734 годах дважды пожаловала «италианскому музыканту» Пьетро Мира по 700 рублей. Вскоре же последний, однако, повздорил с капельмейстером Арайя (не на денежной ли почве?) и опять подался в придворные дураки. Адамка Педрилло был шутком уникальным. Ведь другие монаршие потешники были именно *разжалованы* в шуты (князь Михаил Голицын и граф Алексей Апраксин – за отступничество от православия; князь Никита Волконский – из-за ненависти императрицы к его жене). И только Адамка стал шутком по доброй воле, так сказать, по зову своей продажной души.

Среди других забавников императрицы Педрилло выделялся своими галантными манерами, тонкими остротами и каламбурами, напоминавшими французских шутов времен блистательного Франциска I и Людовика XIII. Вскоре, однако, наш Адамка смекнул, что русскому Двору потребны дикие выходки и юмор самого грубого свойства. Педрилло быстро мимикрирует и становится заводилой тешивших монархию шутовских потасовок. «Поднялся гам между шутами. – описывает тогдашний двор Иван Лажечников в романе «Ледяной дом». – Надобно было всем рассеять гнев государыни. Педрилло, приняв команду над товарищами, установил их, одного за другим, около стены, как дети ставят согнутые пополам карты, так что, толкнув одну сзади, повалишь все вдруг... Педрилло дал толчок своей команде, и все повалились один на другого». Шуты награждали друг друга тумачами, царапались, дрались, а монархиня с челядью, глядя на них, заливалась гомерическим хохотом.

Имя «Педрилло» обычно вызывает ассоциации с человеком нетрадиционной сексуальной ориентации.

Именно это и сбило с толку замечательного драматурга Григория Горина, который в своей комедии «Шут Балакирев» изобразил Педрилло насильником, стаскивающим штаны с одного из шутов. На самом же деле у итальянца никаких сексуальных отклонений не было – он был женат, правда, неудачно.

Императрица-сплетница, Анна живо интересовалась интимными делами своих подданных и бесцеремонно вмешивалась в их жизнь. В особенности же она вникала в личную жизнь шутов, двоих из которых (Голицына и Волконского) даже женила по своему произволу. Потому для нее вовсе не были секретом отношения Педрилло с его сварливой, некрасивой, да к тому же неверной женой. Об этом ходили упорные сплетни. Придворные пересказывали друг другу подробности частых ссор супругов.

Рассказывали, например, что жена Педрилло спрашивала мужа: «Кого из твоей родни посоветуешь ты мне посещать чаще?» «Кого хочешь, мой друг, – и тем чаще, тем лучше: отсутствием твоим я всегда буду доволен,» – отвечал шут.

Или другой случай: Педрилло пришел на исповедь и покаялся, что только что поколотил жену. Духовник спросил тому причину. «Дело в том, батюшка, – парировал шут, – что я забывчив и не могу припомнить всех своих грехов, а как начну бить жену, так она мне все грехи и выговорит. Ради этого я, идя к тебе, и поколошматил ее».

А вот еще два анекдота. Педрилло, живший со своей женой очень дурно, спрашивал ее, на ком бы ему жениться, если она умрет. «На чертовой матери,» – с неудовольствием отвечала жена. «Это противно закону, – возразил шут, – ибо я женат на чертовой дочери». Жена Педрилло, жуя своего брата за карточную игру, из-за чего тот и промотался, говорила ему: «Долго ли ты будешь транжирить денежки?» «До тех пор, пока ты будешь изменять мужу!» – отвечал

брат. «О, несчастный, видно картежничать тебе по гроб свой!» – заметил шурина Педрилло.

Этот шут обладал удивительным свойством извлекать выгоды из самых, казалось бы, невыигрышных ситуаций. Кто бы мог думать, что можно обратить себе на пользу непривлекательность и бранчивость жены?! «Это правда, что ты женат на козе?» – спросил как-то, шутя, Педрилло Курляндский герцог Бирон, знавший о его семейных неурядицах. В голове Педрилло мгновенно созрел хитроумный план. «Не только правда, – отвечал находчивый шут, – но жена моя беременна и на днях должна родить. Смею надеяться, что Ваше Высочество не откажется по русскому обычаю навестить родильницу и подарить что-нибудь на зубок младенцу». Бирон расхохотался и обещал исполнить просьбу. Педрилло этим не ограничился и обратился к самой императрице. «Ах! Если бы Ваше Величество видел *la mia saga* [моя возлюбленная – Л.Б.]. Глазка востра, бел, как млеко, нежна голосок, как флейштока, ножка тоненька, маленька, меньше шем у княжон, проворно тансуй, прыжки таки больши делай, и така, така молоденька!» – говорил он с акцентом, коверкая русские слова, живописуя свою четвероногую прелестницу-козу. Через несколько дней шут объявил, что жена его, коза, наконец, благополучно разрешилась от бремени. Анне Иоанновне идея с родинами козы очень понравилась, и она устроила великолепный праздник, на котором повелела быть всему Двору. Вот что рассказывает об этом писатель: «Диво дивное ожидало зрителей в квартире Педрилло, превращенной на сей раз из нескольких комнат в одну обширную залу со сценою, на которую надобно было всходить по нескольким ступеням. Сцена была убрана разными атрибутами из козых рогов, передних и задних ног, хвостов и так далее, связанных бантами из лент или веревок. В глубине сцены на

пышной постели и богатой кровати, убранной малиновым штофным занавесом, лежала коза, самая хорошенькая из козьего прекрасного пола...Из-под шелкового розового одеяла, усыпанного попугаями и заморскими цветами, заметно было беспокойное движение связанных ножек. Впрочем, она глядела на посетителей довольно умильно, приподнимая по временам свою голову с подушки. Подле нее на богатой подушке лежала новорожденная козочка, повитая и спеленутая как должно». Рядом с козочкой возлежал Педрилло и с серьезным видом принимал от гостей поздравления и бесчисленные подарки (ведь одарить счастливого «отца» должен был каждый!). В результате изобретательный шут сорвал в тот день весьма солидный куш: десять тысяч рублей!

«Педрилло был силен, ловок, великолепно владел шпагой, а еще лучше книжалом, – сообщает писатель Юрий Нагибин, – его опасались задевать. Бирон, не разделявший пристрастия императрицы к шутам, – он сам любил только денег и лошадей, – делал исключение для Педрилло». В большом фаворе был он и у самой Анны Иоанновны, которая наградила его (как и Яна Лакосту) специально учрежденным шутовским орденом св. Бенедетто, напомилавшим своим видом второй по значению российский орден св. Александра Невского и носившийся в петлице на красной ленте. Хотя св. Бенедикт (Венедикт) почитается как католической, так и православной церковью, в данной ситуации он воспринимался как западный католический святой (потому сим орденом награждался иноземец и католик); да и итальянская форма имени явно предполагала католические коннотации. Напомним, что традиция шутовских орденов восходит в России к петровскому времени: так император пожаловал орден Иуды-Предателя князю

Юрию Шаховскому, выступавшему во Всешутейшем и Всепьянейшем соборе под именем «архидьякона Гедеона».

Надо сказать, Педрилло старался всемерно потрафлять монархине, тонко чувствуя придворную конъюнктуру. Рассказывают, что он однажды весьма кстати ударил головой в живот бывшего кабинет-министра, опального Артемия Волынского, когда тот отважился прийти во дворец. И не беда, что обреченный Волынский в сердцах побил шута, главным для Педрилло было заслужить поощрение императрицы, которая и отблагодарила сполна своего «храброго» Адамку.

А вот характерный эпизод с влиятельным Бироном. Педрилло жаловался, что ему нечего есть, и выпросил у Курляндского герцога пенсию в 200 рублей. Спустя какое-то время он снова обратился к Бирону с просьбой о пенсии. «Как, разве тебе не назначена пенсия?» – спросил герцог. – «Назначена, ваша светлость, и благодаря ей я имею, что есть. Но теперь мне решительно нечего пить.» Герцог улыбнулся и снова наградил шута.

Но Педрилло наживал себе деньги не только шутовством. Он был многолик и, как говорят современники, «счастливым образом сочетал в себе скрипача, певца, буффона, ростовщика и трактирщика». Адамка угождал своей венценосной благодетельнице, чем только мог и не гнушался ничем: то был озабоченной мопитальянских певцов и танцоров, то занимался покупкой для Двора драгоценных камней, материй и разных безделушек. Вдобавок ко всему он был заправским карточным шулером и нечистой игрой (а императрица часто поручала ему держать за себя банк) утроил свое состояние. Современники говорили, что монархиня часто проводит время с придворным шутком Педрилло, которого обогащает.

По заданию Анны, он, как истый комиссионер, неоднократно посылался за границу и даже вступал в переписку с владельческими особами. Сохранилось его

поразительное по нагло-издевательскому тону письмо к слабоумному итальянскому герцогу Гастону Медичи, обладателю знаменитого тосканского алмаза, весившего 139 каратов. Именно этот алмаз и желала заполучить через посредство шута русская императрица. Воспользовавшись моментом (в Тоскану тогда вторглись испанские войска), Адамка в своем послании был щедр на посулы, пообещав герцогу помощь славного российского воинства. «Однако же надлежит для содержания сих храбрых войск, – предупреждает он, – чтобы Ваше Королевское Высочество приказал приготовить довольно число самой крепкой гданской водки, такой, какою ваше королевское высочество пивал..и оною охотно напивался допьяна». Тут же Педрилло берет быка за рога: «Ее Императорское Величество намерена тот алмаз купить и деньги за оный заплатить; но изволит, чтоб я купцом себя представил и торговал». И далее (лихой аргумент!) он напоминает герцогу о его неизбежной кончине: «Я бы надеялся, что Ваше Королевское Высочество, не имея наследников, не пренебрежет сею оказиею и продажею сего алмаза к ненужде себя приведет, понеже великий Бог ведает, кому после преставления вашего имени ваше достанется». И хотя старания Педрилло успехом не увенчались (алмаз в конце концов купил австрийский император), письмо это – яркий образчик ловкости и изворотливости этого шута-комиссионера.

Довольно обогатившись в России, Педрилло вернулся на родину, где сменил шутовской колпак на неброское платье неапольского трактирщика. Ведь ему, в сущности, было все равно, каким ремеслом зарабатывать себе капитал. Корысти ради он был готов и на шутовство, и на ростовщичество, и на плевки и окрики пьяных посетителей у трактирной стойки.

Лев Бердников
Лос-Анджелес, США

Чиновный озорник. Дмитрий Михайлович Кологривов

Эта старая, одетая в отрепья чухонка выказывала нрав буйный и склочный. И петербургские тротуары она мела с каким-то особым остервенением; стоило же ей завидеть какого-нибудь прилично одетого прохожего, она бросалась к нему и, – нет, не просила! – скандально требовала подаяния. И не дай Бог отказать сварливой бабе: тогда та осыпала скрягу целым градом отборных ругательств, а то и грозно замахивалась на него метлой. А однажды у Казанского собора она затеяла нешуточную свару с нищими иноками, после чего была даже взята в участок. Там-то старуха сбросила свой маскарадный наряд, и перед стражами порядка предстал видный чиновник Коллегии иностранных дел Дмитрий Михайлович Кологривов (1779-1830), обожавший всякого рода розыгрыши и мистификации. Так что перед «чухонкой», оказавшейся родовитым дворянином, полицейские еще и извинились.

А род Кологривовых, внесенный в Родословные книги Московской, Воронежской, Калужской, Курской, Орловской и Пензенской губерний, был древен и вел свое начало от славного выходца из Прусской земли, «мужа честна» Радши (XIII век). Его потомок в 10-м колене – Иван Тимофеевич Пушкин, прозванный «Кологривом», и стал основателем династии. В роде Кологривовых было много людей самых серьезных, в шутовстве не замеченных, зато отличившихся на военном поприще. Иван Петрович Большой-Кологривов был воеводой в Кетске (1625-1627 гг.); Григорий Александрович – воеводой в Стародубе (1604 г.), а его брат Лаврентий – в Ряжске и Владимире (1616-

1618 гг.); Андрей Семенович (1775-1825) был генералом от кавалерии. Да и отец Дмитрия, Михаил Алексеевич Кологривов (1719-1788), был гвардии капитаном. Он женился на вдове князя Н.С. Голицына Александре Александровне Хитрово (1737-1787), которая и произвела на свет троих детей, в том числе и нашего героя. Помимо родной сестры, Елизаветы Михайловны Кологривовой (1777-1845), Дмитрий имел и единоутробного брата от другого отца, Александра Николаевича Голицына (1773-1844). Братья совсем не походили друг на друга: Голицын был сероглаз и русоволос; Кологривов – скорее цыганской масти: жгучий брюнет с пронзительными черными глазами. Но их объединяла безудержная склонность к озорству.

Это потом Голицын оставит след в истории как обер-прокурор Синода и министр Духовных дел и народного просвещения России, открывший по всей империи целую сеть Библейских обществ; а его благочестие, приправленное изрядной долей мистицизма, войдет в легенду. В молодости же Александр слыл неисправимым шалуном, безбожником и эпикурейцем. Какой же пример мог подать он меньшому брату? Сызмальства Голицын был определен в Пажеский корпус – заведение, которое называли не иначе, как «школа затейливых шалостей». Здесь этот «мальчик крошечный, веселенький, миленький, остренький, одаренный чудесною мимикой, искусством подражать голосу, походке, манерам особ каждого пола и возраста», обратил на себя внимание влиятельной камер-фрейлины императрицы Екатерины II М.Г. Перекусихиной. Проникшись симпатией к «беднейшему князьку», да к тому же еще и круглому сироте, она присоветовала императрице определить мальчика в товарищи к его малолетнему царственному тезке – будущему императору Александру I.

Дети быстро подружились и принялись так нещадно шалить, что двор от их выходов только за голову держался. Рассказывали, что Екатерина, проведав о даре Голицына к

имитации, заставляла его передразнивать речь и повадки великого князя Павла Петровича и при этом заразительно хохотала. Известен и такой случай (об этом рассказывал сам Голицын). Однажды он поспорил, что сумеет прилюдно дернуть Павла Петровича за косу. Прислуживая за столом, он и впрямь что есть мочи рванул косу наследника престола. Взбешенный Павел вскочил и, сверкнув глазами, приказал запороть наглого постреленка. Однако, Голицын, потупившись, объяснил, что, мол, коса была сбита набок, и он ее просто поправил. Великому князю ничего не оставалось, как поблагодарить «усердного» слугу.

Не отставал от шалуна Александра Голицына и Дмитрий Кологривов. Прodelки братьев шокировали Петербург и были в начале XIX века на слуху у многих. При этом сии озорники подчас проявляли себя как закоренелые атеисты, глумившиеся над самым святым – христианским милосердием. Вот какую комедию разыграли они, например, с истой ревнительницей православия княгиней Татьяной Борисовной Потемкиной. Благотворительность Потемкиной не знала границ и была известна всей России. Творя благодеяния, она никогда никому не отказывала. Потому, когда княгине доложили, что к ней явились две монашенки, они были немедленно впущены. Войдя в приемную, жены Христовы пали ниц и, осеняя себе крестным знамением, стали жалостно вопить, умоляя о милостыни. Растроганная Татьяна Борисовна пошла за деньгами, но, вернувшись, остолбенела от ужаса: монахини бойко отплясывали камаринского! То были переодетые Голицын и Кологривов.

В другой раз братья, вырядившись в морских разбойников, угнали с пристани Зимнего дворца ялик и учинили «пиратское нападение» на прогулочное судно графа Салтыкова, до смерти перепугав находившихся на нем знатных дам. За это проказники были примерно наказаны: сосланы на три месяца на юг, где уныло пьянствовали и играли в карты.

Товарищем Кологривова в его шалостях был и другой Голицын, Федор Сергеевич (1781-1826), дальний родственник Александра. Галантный кавалер и человек «большого света», родившийся и воспитывавшийся во Франции, этот Голицын был чрезвычайно тучен, за что получил прозвище «пудовик». Вот как характеризует его современник: «Я мало знал людей, которые бы имели столько светской любезности и ума. Лицо русской кормилицы, белое, полное, широкое и румяное, но с огненным взглядом и привлекательною улыбкой, делали его наружность весьма приятною; самой необычайной толщине своей умел он в молодости, посредством туалета, давать щеголеватую форму. Он прекрасно пел романсы и прилежно читал романы; в этом, кажется заключались все его знания». Добавим к сему, что Федор был не чужд веселым мистификациям и тоже имел охоту к переодеваниям. Случилось, что он устроил маскарад, на коем Кологривов «пугал всех Наполеоновою маскою и всем его снарядам и походкою, даже его словами».

Писатель В.А. Соллогуб оставил следующее свидетельство: «Однажды государь готовился осматривать кавалерийский полк на гатчинской эспланаде. Вдруг перед ним развернутым фронтом пронеслась марш-маршем неожиданная кавалькада. Впереди скакала во весь опор необыкновенно толстая дама в зеленой амазонке и шляпе с перьями. Рядом с ней на рысях рассыпался в любезностях отчаянный щеголь. За ними следовала еще небольшая свита. Неуместный маскарад был тотчас же остановлен. Дамою нарядился тучный князь Федор Сергеевич Голицын. Любезным кавалером оказался Кологривов». Шалунам был объявлен августейший выговор.

Но Кологривов не унимается. Он продолжает насмешничать и подтрунивать, выставляя свои жертвы в самом комическом виде. Мишенью его неистощимого остроумия становятся щеголи. Раньше он сам рыдился

в броский, кричаще модный костюм; теперь же он предпочитает язвить по поводу других франтов. Рассказывают, что один столичный щеголь, поднаторевший в изобретении новомодного платья, заказал себе синий плащ с длинными широкими, подбитыми малиновым бархатом рукавами, и в таком экстравагантном виде явился в театр. Кологривов к нему подсел и, расточая комплименты его изысканному вкусу, стал незаметно вкладывать в рукава плаща увесистые медные пятаки. Когда в антракте щеголь поднялся с кресел, пятаки разом грянули об пол и покатались во все стороны, производя невероятный шум. А Кологривов начал подбирать и подавать их с такими ужимками и прибаутками, что публика буквально помирала со смеху. Так франт, стремившийся выделиться из толпы своим нарядом, оказался в центре внимания совсем по другой причине – благодаря той несурзающей, нелепой и заведомо глупой ситуации, в которую был поставлен.

Но не все сходило Кологривову с рук. Однажды он, сам того не ведая, задел ненароком известного в то время матроса-силача Дмитрия Александровича Лукина (1770-1807). А человек этот, надо сказать, был личностью весьма примечательной. Подлинный русский богатырь, он легко ломал подковы, одним пальцем вдавливал гвоздь в стену и мог с полчаса держать в распростертых руках пудовые ядра. Говорили, что, будучи в Англии, Лукин побил четырех лучших боксеров, схватив их за пояс и лихо перекинув через плечо.

А произошло вот что: в театре, где шла пьеса на французском языке, Кологривов заметил зрителя, который, как ему показалось, ничего в представлении не понимал.

– Вы говорите по французски? – спросил наш герой.

– Нет, – отрывисто ответил незнакомец.

– Так не угодно ли, чтобы я объяснял Вам, что происходит на сцене?

– Сделайте одолжение.

Кологривов начал объяснять и понес такую околесицу, что дамы в ложах фыркали от смеха. Вдруг якобы незнающий французского языка зритель спросил по-французски:

– А теперь скажите мне, зачем Вы говорите такой вздор?

Кологривов сконфузился.

– Вы не знаете, что я одной рукой могу поднять Вас за шиворот и бросить в ложу к тем дамам, с которыми Вы перемигивались? – продолжил незнакомец и представился: «Я Лукин».

Дабы проучить насмешника, Лукин отвел его в буфет и заставил выпить с ним на брудершафт восемь стаканов пунша, после чего силач был трезв, как стеклышко, а мертвецки пьяного Кологривова не выводили – выносили из театра...

«Ума он был блестящего, – говорит о Кологривове В.А. Соллогуб, – и если бы не страсть к шутовству, он мог бы сделать завидную карьеру». С этим согласиться трудно, ибо озорные выходки Дмитрия Михайловича его продвижению по службе никак не помешали. Просмотр российских «Адрес-календарей» первой четверти XIX века позволяет нам воссоздать ступени его карьерного роста. В 1803 г. он в чине коллежского асессора служит в канцелярии русского посольства в Гааге; в 1806 г. получает чин камер-юнкера; в 1812 г. он уже камергер и числится в Коллегии иностранных дел; в 1814 г. становится церемониймейстером и действительным статским советником; наконец, в том же году он получает чины тайного советника и обер-церемониймейстера, сохранив за собой и должность камергера. В 1823 г. он удостоен ордена Св. Анны I-й степени. Тайный советник и обер-церемониймейстер – чины, согласно «Табели о рангах», равнозначные генерал-лейтенанту и вице-адмиралу! Чем не блистательная карьера для «шута»!?

Он вращался в кругу сильных мира сего. «Семья Кологривовых, – отмечает историк М.В. Нечкина, – тесно

связана с двором, находится в родственных отношениях с крупнейшей знатью – Голицыными, Трубецкими, Румянцевыми, Вельяминовыми-Зерновыми...В московском доме Кологривовых – между Грузинами и Тверской – танцует на балу Александр I».

Но Кологривов никогда не изменял себе: даже, вышагивая в парадном церемониймейстерском мундире темно-зеленого сукна с узорным золотым шитьем на воротнике и обшлагах, он, казалось, тоже участвовал в каком-то маскараде. Но маскараде чужом, ему не свойственном, ибо в душе он оставался все тем же неисправимым озорником и остроловом. «Это человек был, в полном смысле, душою общества. – вспоминает о нем мемуарист А.П. Белев. – Приятный в высшей степени, всегда веселый, остроумно-шутливый, он часто до слез заставлял смеяться самого серьезного человека. В то же время он был очень доброго сердца и, как говорили, делал много добра, скрывая его от глаз света...Где только был Дмитрий Михайлович, там уж непременно общество было в самом приятном настроении».

Как-то на дипломатическом приеме он, словно проказник-мальчишка, исподтишка выдернул стул из-под одного иностранного посланника, после чего тот упал и беспомощно растянулся на паркете.

Я надеюсь, что негодяй, позволивший себе эту дерзость, объявит свое имя! – возопил разъяренный посол.

Кологривов, конечно же, «дипломатично» промолчал.

Шли годы...Брат нашего героя, Александр Голицын, превратился в унылого богомольца. А Кологривов не менялся: в нем всегда звучала только ему присущая особая веселая нота. Вот примечательная сцена: едут братья в карете, Голицын закатывает глаза и иступленно поет кантату: «О, Творец! О, Творец!». Кологривов слушает и вдруг затягивает плясовую, припевая в рифму: «А мы едем во дворец, во дворец!».

И это бьющее через край озорство, столь замечательное на фоне чопорности придворной камарильи, без сомнения, делает проказника Кологривова фигурой привлекательной, вызывающей к себе наш живой интерес.

Ирина Чайковская
Вашингтон, США

Ворожея Рассказ

«... мне до сих пор не ясно, как понять все то, что было, под какую рубрику все это отнести»...
«Но ведь Вы не зависите от себя... а от чего или от кого Вы зависите – это для меня тайна».
(Из письма И.С. Тургенева М.А. Вилинской-Маркович (Марко Вовчок), 1861)

Про себя, когда ехал в экипаже по Парижу, Т. повторял: еду на свидание к старому товарищу, еду к старому товарищу. Шутка сказать, они не виделись семь лет, с 1863, с приезда Т. в Лондон, в пристанище старого товарища, политического изгнанника, когда до ночи велись между ними споры – о «желчевиках», которых к тому времени не осталось даже на развод, о российской политике – обоим казалась она не достойной новых времен, но Т. был к ней снисходительнее, о революции – здесь они резко расходились, ибо Т. революции не признавал категорически...

Тогда в Лондоне тот, к кому он ехал сейчас на улицу Риволи, был еще полон сил, никто не сказал бы, что их них двоих Г. старше – причем на целых шесть лет: волосы не седые, энергичная походка, громкая, пересыпанная

каламбурами речь. Младший же тогда уже был наполовину сед, ипохондричен, в сущности очень одинок. Любимая женщина? Считалось, что она у младшего есть, он следовал за ней по пятам – певица, была она в вечных гастролях, – старался стать полезным для ее семьи, престарелого мужа, взрослеющих дочерей, своевольного подростка-сына...

У старшего же по части женщин был полный конфуз. Любимая жена давно умерла, смерть ее в какой-то степени разрешила мучительную проблему, назревшую в семье. Дело в том, что она полюбила другого человека, немецкого поэта, о чем Г. долго не догадывался, хотя его дом стал местом свиданий для тех двоих...

Его нынешняя жена формально, по документам, числилась женой его лучшего друга О., тот давно уже «выбыл» из треугольника, поселился в другом месте у другой женщины.

Нынешнюю жену Г. звали так же, как и умершую, – Натали. Да, имя было то же, но, в отличие от Натали № 1, была она жесткой, капризной и требовательной. Т. она не то что не любила – относилась к нему пристрастно, с недоверием, он это чувствовал и платил ей тем же.

По дороге на улицу Риволи он смотрел в мутноватое окошко экипажа. Для промозглого январского утра на улицах было много народу, заметно больше мужчин, чем женщин.

Интереснее было наблюдать за женщинами. Вот например, за той, что медленно идет по самой кромке тротуара, вдоль садов Тюильри, лица ее Т. не видит, что-то есть знакомое в ее облике и походке. Кого-то она ему напоминает. Но додумать мысль Т. не успел: прямо перед окном возникло жизнерадостное, хотя и покрасневшее от холода, лицо мальчишки-газетчика.

– Monsieur, les dernières nouvelles politiques, s'il vous plaît!¹

¹ Мсье, последние политические новости, не желаете? (фр.)

Т. приоткрыл окошко, поживаясь от резкого ветра, протянул руку с мелочью и ощутил в ладони свежееотпечатанный лист. То была не газета – а еще пахнущая типографской краской листовка с карикатурой на Наполеона Третьего.

Усатый и тщедушный император, при всех регалиях сидящий на колченогом стуле, спрашивал у только что назначенного от оппозиции министра правительства: *Olivier, est-il possible de arrêter cette secousse?*² В ответ тот разводит руками: *C'est la faute de votre parent déséquilibrée, sire. Votre trône chancelle grâce à lui. Il est sur le point de tomber*³. С похорон молодого журналиста Виктора Нуара, убитого бешеным корсиканцем, племянником императора принцем Пьером Бонапартом, прошло уже пять дней, но волнения в столице не утихали. Свободолюбивые парижане были недовольны самопровозглашенным властителем, он им надоел.

Т. подумал, что в такой ситуации император, чтобы удержать власть, может, чего доброго, затеять войну; от следующей мысли сжалось сердце: если начнется заварушка с Пруссией, их баденскому гнездышку придет конец. Сам он на похоронах Нуара не был, слышал, что они едва не переросли в потасовку, толпа чуть было не схватилась с национальной гвардией. Говорят, что Г., который на похоронах был, в тот день простудился и теперь лежит... А людей в таком положении обычно навещают старые товарищи...

Т. немножко побаивался предстоящей встречи. Расстались они не мирно. Не хочется вспоминать те хлесткие язвительные слова, которые писал про него Г. Язык у него был подобен отточенному кинжалу, резал

2 Оливье, нельзя ли прекратить эту тряску?(фр.)

3 Во всем виноват ваш неуравновешенный родственник, Ваше Величество, из-за него ваш трон шатается. Еще немного – и он упадет (фр.)

по-живому, без всяких рассусоливаний, столь свойственных самому Т. Обвинял его Г. в сервильности перед русским царем. Не было сервильности, тогда, семь лет назад, когда он вынужден был отчитываться перед российским Сенатом о своих связях с политическими эмигрантами, вел он себя достойно, от друзей юности не отрекся... Но поди докажи это им, друзьям юности. Почему-то им легче видеть в нем слабака и даже предателя... Короче, когда он потянул за ленточку звонка в квартиру Г., сердце у него забилось совсем по-студенчески... Открыла служанка-француженка, попросила подождать в передней, сказала, что доложит. Визитер он был неожиданный, это правда. Знал за собой: как только назначал с кем-то свидание, тут же возникали обстоятельства, из-за которых встреча откладывалась. И так могло повторяться до бесконечности. Его психика не выдерживала определенности, обязательств, угрюмой точности... А вот так – легко, играючи, словно по случайности, по внезапному зову... это было по нем, так он ездил к своим знакомым, к дамам, в основном к русской их части, ибо иностранцам неожиданный визит, визит без уведомления, казался нереспектабельным.

Когда-то здесь, в этом городе, М. горько пеняла ему на его необязательность, он назначал день и час встречи – и не являлся... Свои письма к нему она подписывала «преданная вам навсегда»... Гм, навсегда. Семь лет назад как отрезало – она перестала отвечать на его письма. Вот тебе и «навсегда».

Что-то в ней было такое, обжигающее...

Хотя огонь горел внутри, на поверхности же – редкое спокойствие, молчаливость, скромность, достоинство, о котором хочется сказать «величавое». И еще что-то... какая-то тишина и несуетность, ее окружавшие, словно была она сиделкой, врачевательницей ран, знахаркой, ворожеей. Да, ворожеей. Вот для нее подходящее слово.

Русская, орловчанка, научилась малороссийскому наречию, начала писать «на мове» полуфольклорные

рассказы. Говорили они о несчастной крепостной доле дивчин и хлопцев, но какая-то особая песенность превращала горькие очерки в былины и сказания. Что до песен – знала их бесчисленно, правда, певала редко – в хорошую минуту.

Говорила и двигалась тоже по-своему – неспешно, округло... тут ему вспомнилась дама, замеченная им в дороге... где-то возле садов Тюильри. Она? Похожа, похожа несомненно, но нет, не она. М. сейчас в России, в снежном и обледенелом январском Петербурге... Бьется в тисках своей неверной, щедрой на перемены женской судьбы.

Правда, стоит ли ей сочувствовать – вот вопрос. И не были ли ее простодушие и душевная ясность только маской, под которой скрывалось желание слопать тебя со всеми потрохами? Желание, столь свойственное многим хищным или одиноким представительницам дамского племени.

Открылась боковая дверь и в переднюю, где он переминался в ожидании, выглянула девичья головка, причесанная на прямой пробор, с толстой косой и слегка заспанными или же заплаканными глазами. Черты лица у девушки были грубоваты и сильно напоминали физиономию Натальи Алексеевны.

– Лиза? – он окликнул ее тихо и неуверенно – помнил дочку Огаревых еще ребенком, но за прошедшее время она превратилась в барышню.

Ходили слухи, что она дочь Герцена, Наталья, ее мать, нашла способ не вдаваться в подробности отцовства, Лизу она звала «моя дочка». Моя – и больше ничья.

Головка, бросив на Т. опасливый взгляд, мгновенно исчезла. Зато приоткрылась вторая дверь, и из нее показалась Тата Герцена; увидев одиноко стоящую могучую фигуру Т., она устремилась к нему: «Иван Сергеевич, как я рада. Мне послышался ваш голос, и я подумала, что для папы было бы живительно общение с вами... Как хорошо, что вы пришли... в такой момент. Не смотрите на меня, – она закрыла лицо

руками – я на черта похожа, знаю. Долго болела, но сейчас иду на поправку».

Он осторожно отвел Татины руки от ее лица:

– Что вы, Тата, от меня прячетесь, я вас люблю любую, какой бы вы ни были. Да и неплохо вы выглядите – бледноваты, но и ваша мама была такая. Вы просто копия своей мамы.

Вы были маленькая в 48 году, я тогда жил у вас в Париже. В самую что ни на есть революцию. Заболел внезапно чем-то вроде холеры, и ваш папа меня выхаживал – и спас».

Говорил он весело, но на последних словах почувствовал, что раскисает, и постарался скорее закончить: «Александр Иванович поступил истинно по-христиански, ибо мы с ним, как вам должно быть известно, политические противники».

– Как можно, – Тата всплеснула руками, – как можно быть вашим противником, Иван Сергеевич, даже политическим? А я, правда, на маму похожа? Все говорят, что я в отца».

– Вы копия вашей матушки, Тата, такая же худенькая, бледная и глазастая.

Вообще-то он уже плохо помнил Наталью Александровну, видел ее когда-то мельком в Москве, потом в Париже в бреду болезни, но ему хотелось сказать что-то хорошее этой не очень счастливой и бесконечно одинокой на вид девушке, дочери старого товарища.

Тата ожила и даже зарумянилась, словно дорвалась наконец до нужного собеседника, до родной души: «Я и правда, Иван Сергеевич, похудела. Во Флоренции у брата Саши так заболела, что думала – умру. И папа приехал меня выхаживать – и тоже, как вас тогда, выходил и спас».

– Иван Сергеевич, а, Иван Сергеевич, – это Наталья Алексеевна спешила к нему, с выражением несказанной радости на лице, радость должны были изображать и задушевные модуляции ее голоса, и его небывало высокий регистр – обычно она говорила низким прокуренным

басом. – Простите нас с Александром, Иван Сергеевич, за невольную задержку. – Она умоляюще сложила руки на груди и продолжила, не дожидаясь его реакции. – Он завтракал, да, да, такой поздний завтрак. Для Александра это привычно. Давайте я сама провожу вас в кабинет. Александр сказал, что хочет переговорить с вами наедине. – И обратившись к горничной, хозяйка добавила совсем другим голосом:

«Emilie, apportez deux cafés au bureau de M. Herzen»⁴.

Т. повернулся к Тате, чтобы с ней проститься, но ее уже и след простыл. Верно, скрылась при приближении Натальи Алексеевны.

Кабинет, куда хозяйка ввела гостя был просторен и почти свободен от мебели. Прямо против двери, но на большом от нее расстоянии, располагался книжный шкаф, налево, возле окна, письменный стол. Хозяин же полулежал на подушках в противоположной от окна, самой дальней от него точке, в массивном кожаном кресле, укутанный черно-красным шотландским пледом. Может, потому, что кресло было большим, Г. показался ему странно маленьким, почти бесплотным. При этом его рукопожатие было на удивление крепким. Поздоровавшись, он схватился за кресло, и Т. обратил внимание, с какой силой вцепилась его рука в кожаный подлокотник. А Наталья Алексеевна продолжала ворковать неестественно высоким голосом:

– Александр Иваныч у нас немного приболел, но лежать не хочет. Вы уж, пожалуйста, не слишком увлекайтесь...».

Она не закончила фразы, так как в комнату вошла служанка с подносом, хозяйка обратилась к ней по-французски, и снова Т. отметил, как меняется ее голос в зависимости от собеседника: «Emilie, pourquoi n'avez-vous pas frappé? Vous n'avez pas oublié le sucre?»⁵

4 Эмилия, принесите два кофе в кабинет мсье Герцена!

5 Эмилия, почему вы не стучитесь? Вы не забыли про сахар?

Горничная ничего не отвечала, поставила на стол чашечки с дымящимся кофе, разложила ложечки, блюда с бисквитами, в центре водрузила молочник со сливками и белую сахарницу.

Кивнув Г. и его гостю и не взглянув на хозяйку, она неслышно вышла. Наталья Алексеевна направилась вслед за ней, видно было, что она раздражена и с трудом сдерживается. Еще какое-то время до них доносились негодующие французские фразы в низком регистре. Потом все смолкло.

Г. и Т. глядели друг на друга.

– Проститься приехал, а, Иван Сергеевич? – голос Г. был все тот же, громкий, саркастический. – А что если я возьму да и не сыграю в ящик? А? Что тогда? Зря, значит, гонял из своего Бадена?

Но увидев лицо собеседника, набежавшую на его щеки краску, резко себя оборвал:

– Прости, Иван! Лежишь тут – мысли всякие приходят. Вот когда позавидуешь амебе, у которой мыслей нет – одно пищеварение! Я ведь рад тебе – рад как старому товарищу. Мы с тобой, хотя и разной породы лошадки, да конюшня у нас одна.

Ну, что нового привез? Как твой роман? Надымил, говорят, на всю Россию – никто ничего не разберет – и все скопом чихают и ругаются.

Т. подхватил: «В точку ты попал, Александр Иванович, в самую мою болезненную точку. Я после «Дыма» зарекся романы писать. Не умею угождать тем и этим.

– А зачем отдал роман Каткову? Михаил Никифорович яко каток для сил прогресса, его «Русский вестник», если и катит, то исключительно по государевой дороге. Из-за того тебя сразу в ретрограды зачислили.

Т. взвился: «Ты, Александр, сам посуди, кому, кроме Каткова, было отдавать? Не Некрасову же, с которым, как ты прекрасно знаешь, я давно разругался. Стало быть,

«Отечественные записки» отпадают. И что остается? Дима Писарев приходил у меня роман просить – три года назад, в 67, когда я в Петербург приехал с «Дымом». И что? Ты бы первый надо мной посмеялся, если бы я отдал «Дым» в их «Дело». Несерьезное, мальчишеское издание. Чего у Катка не отнимешь – так это солидности. «Русский вестник» – солидный журнал; да, ты прав, – консервативного толка, но мне было не до жиру. Сейчас на всю Россию всего два журнала и есть – левые некрасовско-щедринские «Отечественные записки» и правый катковский «Русский вестник». И ничего посредине. Вот разве Стасюлевич начал с недавних пор издавать «Вестник Европы».

– Да, Дима с дымом, Дима с дымом... – казалось, Г. о чем-то задумался; взяв в руки чашечку с черным кофе, он одним глотком вылил в себя ее содержимое..

Между тем, Т., придвинув к себе молочник, добавил в кофе сливок и сахару, взял с тарелки бисквит и стал медленно его жевать, прихлебывая из чашки. Г. продолжал:

– Вот ты, Иван, про Писарева вспомнил. Странный был юноша, от тебя приявший святое благословение на разрушение эстетики.

На протестующий жест собеседника Г. живо отозвался: «Ну, хорошо, не спорю, не от тебя – от героя твоего, Евгения Базарова. Твой Базаров заменил этому реалисту Христа и религию»

Т. молчал, дожевывая бисквит, и Г. продолжил: – Года два тому мне написали про его безвременную кончину. Утонул в Рижском заливе, в расцвете лет и чувств. И еще одно имя в том письме поминалось. Женское. Знаешь, наверное, о ком я. Давно хотел с тобой на этот счет переговорить. Ты, Иван, известный сердцеед, Ловелас ты наш Седые Власы, растолкуй же мне, что она такое, что это за серенький волчок и откуда он к нам прикатился... ?

Он остановился и внимательно поглядел на собеседника, словно спрашивая: ты понял, о ком я веду речь?

Еще бы не понять! Самое удивительное, что именно о ней он думал, когда ехал к Г. И даже видел ее возле садов Тюильри из экипажа. Скорей всего, не ее, а свою мысль о ней, воплотившуюся в зрительной галлюцинации. Ну да, тому почти два года, как он узнал, что ее троюродный брат, сделавшийся ее возлюбленным, Дмитрий Писарев, 27-летний критик и нигилист, утонул, если не у нее на глазах, то на глазах ее подростка-сына, которого эта женщина вечно таскала с собой. И потом тело утопленника эта несчастная везла на пароходе в свинцовом гробу в Петербург. Как будто мало ей было той первой поездки, когда она сопровождала на родину свинцовый гроб скончавшегося от чахотки во Франции еще одного своего милого, тридцатиоднолетнего Александра Пассека.

Колдунья? Ворожея? Обольстительница –Цирцея, приносящая гибель влюбленным в нее мужчинам? Но ведь и ей не позавидуешь! Два свинцовых гроба на протяжении двух лет! Как не сойти с ума, не наложить на себя руки, как и чем жить после таких потрясений?

Он вспомнил, что одна из героинь М., целительница и певунья, от обрушившегося на нее горя начала пить. Подумал, что часто писатель, сам того не подозревая, в своих сочинениях рисует свое будущее. А вообще он никогда ее не понимал: эта реальная женщина, а не «героиня романа», бывшая одновременно наивной и хитрой, ясной и запутанной, чужой и такой своей, – от него ускользала.

Г. ждал от него ответа, его пальцы гладили черный кожаный подлокотник.

– Ты о М.? Но ведь ты сам знаешь все не хуже меня. Ты по ее поводу переписывался со своей кузиной и подругой детства, Татьяной Петровной Пассек, матерью Александра Пассека. Не под ее ли нажимом ты написал мне из Лондона грозное письмо: угомони, мол, совратительницу юных, нельзя же так бесстыдно вертеть хвостом, что за новая Жорж Санд объявилась в Париже! Краснею, как вспомню,

что поддался тебе, написал М. что-то весьма свирепое, зубодробительное. Прочел ей в общем дешевую мораль. А она – возьми да и обидься.

– И ты сразу пошел на попятный.

– Я понял, что не имею права читать мораль взрослой женщине с сыном на руках, труженице, писательнице...

– Договаривай, Иван. Скажи наконец, что сам был влюблен в нее без памяти.

– Возможно, и так. Против нее трудно было устоять. Она имела дар делать с людьми все чего желала. Ты ведь ее видел, она приезжала к тебе в 59-м в Фулем. Что скажешь?

– Скажу, что после нашей встречи решил, что только ей могу прочитать главы о Наташе и о чертовом Гервеге... Тебе их не читал, а ей, практически незнакомой, захотел... старый я мерин... Ну, положим, мне понравились ее рассказы, было в них что-то свежее, цепляющее. Но так вот с бухты-барахты впустить в свое подполье незнакомку?! Здесь при всем моем материализме нельзя не допустить магии и ведовства со стороны сей вдовы соломенной. Кстати, приехала она тогда в Лондон с мужем и с мальчишкой. Муж... но ты, наверное, знаешь, – малоросс-провинциал, из принципа говорящий только по-малороссийски, эдакий увалень, словно специально созданный для ношения рогов. Забыл, как его звали.

– Афанасием Васильичем, он был лет на десять, по крайней мере, ее старше, никак не мог прижиться за границей, все здесь ненавидел, денег не зарабатывал, то есть сидел у нее на шее, его отъезд в Россию в 1860 году был вполне ожидаем.

Т. немного помолчал, повертел пальцем пустую чашку:

– К тому же, я думаю, он что-то замечал, не мог не замечать... да и жили они под конец раздельно, в разных городах, она в Швальбахе, он – в Гейдельберге. Мальчика своего, Богдана, она оставила при себе.

Тяжелый плед сполз с плеч Г., под ним оказался вязаный домашний жилет песочного цвета, лицо его покраснелось, видно, ему стало жарко – то ли от кофе, то ли от разговора:

– Видел я и сына Татьяны Пассек, вернее обоих ее сыновей, вывезенных ею за границу.

Оба – совсем пустые малые, с пустыми глазами; хоть и нищие, – но с повадками золотой молодежи, начисто лишённые воли, цели в жизни, каких-то нравственных понятий... Татьяна... я в ней сильно разочаровался. Глядя на этих хилых отпрысков, я вспоминал Вадю, Вадима Пассека, своего университетского друга, их отца, Татьяниного мужа. Яблоня породила кислицу. Гора родила мышь. Ты, Иван, только представь себе: Татьяна задумала познакомить своих митрофанушек с моей Татой – на предмет сватовства, а? каково? ты только представь: Тата и эти недоросли. It is monstrous! Но и М. мне непонятна! Что она нашла в старшем Пассеке! Как в такого влюбиться! Ведь сразу видно, слизняк и амeba. Приехал, видишь ли, изучать европейские тюрьмы, диссертацию по ним писать. Я эти тюрьмы на нашей милой родине изучал на своей шкуре. Неужели кто-то думает, что власть захочет завести в России европейские тюрьмы! Да никогда в жизни. По российским понятиям, тюрьма – это тюрьма, а не курорт, изволь в ней мучиться... Нет, слизняк и амeba – этот ваш старший Пассек.

Г. остановился, а потом спросил, словно ненароком, с той же интонацией:

– Скажи честно, ты был с ней... близок?

– Я? ... с М? Т. смешался. Наступила пауза.

– Я понял, ничего не говори, я все понял. – Г. не смотрел на Т. – Можешь оставаться образцовым джентльменом и не выдавать ничьих тайн.

Очень кстати раздался стук в дверь – Наталья Алексеевна просила мужчин перейти в гостиную.

В гостиной горел камин, было очень тепло, разговор шел уже между ними тремя и, может, потому все время

стопорился. Наталья Алексеевна говорила о политике – она своей рукой застрелила бы Наполеона Третьего, навязавшего французам ненавистную Вторую империю. Вспоминала революцию 1848 года; тогда, будучи в Италии, она однажды шла со знаменем впереди революционной толпы. Вот и во Франции, она считает, путь к освобождению лежит через революцию. Г., возможно, из чувства противоречия, возражал, что сейчас народу нужны не революционеры, а проповедники и что революции уничтожают все достижения цивилизации и возвращают человечество к его примитивным формам. Т. почти не принимал участия в беседе. Минут через пятнадцать он поднялся.

Г. выглядел усталым, зябко кутался в плед; когда Т. подошел к нему прощаться, пожав руку, спросил совсем по-детски: «Теперь когда придешь, Иван?» И он ответил почти не задумываясь: «Завтра приду, завтра к вечеру обязательно приду». Наталья Алексеевна проводила его до двери, прошептав на прощанье: «Приходите не очень поздно, вечером у Александра повышается температура».

По дороге в гостиницу он все время возвращался к вопросу Г., на который так и не ответил. Его охватило волнение, словно М. сидела с ним рядом в экипаже – и они вместе ехали к нему в гостиничный номер. Господи боже ты мой, – сколько же было с нею встреч в таком же гостиничном номере – он звал ее запиской, иногда почти ночью, и она приезжала, приезжала по первому зову. Ни разу не сославшись ни на ребенка, ни на дела, ни на присутствие еще кого-то в своей жизни...

Он был тогда бесконечно недоволен всем – собой, Парижем, той, которую считал своей судьбой... А М... О, как умела она прогнать его недовольство, усмирить боль, успокоить душу. Настоящая ворожея – поила его какими-то травяными настояями, о которых говорила, что проверяла их на себе, умела заговаривать душевную бучу, иногда тихо-

тихо, чтобы не было слышно посторонним, напевала ему малороссийские песни.

Хотела ли она от него чего-нибудь? Ждала ли, как всякая одинокая женщина, что он соединит с ней судьбу? Он предпочитал об этом не думать. Чем и как она жила? Он этого не знал. Александр Пассек? Несколько раз он его видел. Худой, с впалой грудью и девичьими плечами, милостивый юноша, которому страшно не подходила «тюремная тема» его диссертации. Молчаливый, странный, по-видимому, очень в нее влюбленный.

Почему М. так за него ухватилась? Полюбила? Почему она так резко порвала с ним, тем, которому писала в письмах «преданная вам навсегда»?

Он помнит, как был раздасодован, даже подавлен, так и не получив от нее ответа на свое письмо.

Узнавал о ней стороной – что-то случилось? больна? уехала? Нет, была здорова, жила все в том же Париже. Доходили слухи, что М. с сыном и Александром Пассеком поселились в одном доме, что он болен, в последней стадии чахотки, что она все делает, чтобы его спасти...

То время совпало с устроенной ему русскими демократами обструкцией – они посчитали, что он не больше не меньше, как «слуга царю». От него тогда многие отвернулись.

Но исчезновение М. из своей жизни он воспринимал отдельно, по-особенному. Болезненно и нервно.

В гостинице его ждала записка от Лаврова. Петр Лаврович приглашал в гости, писал, что получил вести из Петербурга – через приехавшую оттуда М. Он дал ей кое-какие материалы для «Отечественных записок». Сегодня она уехала.

Записка выскользнула из рук. Он посмотрел вокруг невидящим взглядом. Из глубины памяти перед ним всплыла их последняя встреча – неожиданная для обоих. Об этой встрече он старался забыть, но она ждала своего часа –

и вот всплыла. Через два года после того, как М. перестала отвечать на его письма, он встретил ее в Баден-Бадене, возле Магистрата, она оформляла какие-то необходимые документы для провоза гроба с телом Александра Пассека в Россию.

Она была в трауре, молчалива и сосредоточенна. Он боялся, что она поднимет вуаль, боялся увидеть ее почерневшее, измененное страданием лицо. Она не подняла вуали. Сказала только: «Вам здесь не место, Иван Сергеевич». И отошла.

Он поднял записку с пола и медленно положил ее на стол. Его мысли блуждали. Было еще рано, за окном серели сумерки, но он чувствовал себя разбитым и больным.

Разделся и лег, решив, что завтра прямо с утра поедет в Баден. Скорее в Баден, в райский уголок, в теплое домашнее гнездо. Туда, где хотя бы на время можно забыть о жизненных бурях и грядущей смерти. Когда-то М. была для него целительницей и ворожеей, спасала от хандры и страха, теперь Баден представлялся ему островком спасения. Мысль об отъезде его успокоила – и он мгновенно уснул.

Эмиль Дрейцер
Нью-Йорк, США

Пророк

Рассказ

Я знала, что ты одержимый, когда за тебя выходила, но все-таки всему есть предел, – говорила Светлана Аркадьевна, вся подобрившись. Они шли по «бродовку», деревянному настилу вдоль берега моря; она отворачивалась время от времени от порывов ветра, и потому ее слова

звучали резче, чем ей того хотелось. Полноватая блондинка с миловидным лицом и светло-голубыми, как в юности, не поддавшимися времени, глазами.

– Ты думаешь, что собираешься сделать? Ну, куда тебя несет в твои годы? Вот-вот семьдесят стукнет. Одышка... Под ложечкой колет чуть ли не каждые три часа. Ан нет, гляньте на него – в скалолазы записался!

– Другого выхода нет, – с решимостью отвечал Илья Натанович. – Как ты не понимаешь? Я не могу это так оставить. Я должен туда отправиться. Очень даже возможно... Мистика не мистика, а в истории литературы еще не такое бывало...

Они долго спорили, пока совершали свой ежедневный моцион. Неподдалеку, на увеселительном аттракционе соседнего Кони-Айленда, в вечернем небе кружили огоньки огромного колеса.

Время от времени Илья Натанович останавливался и вращал правой рукой в воздухе, левой массируя плечо. Непонятно было, мучил ли его артрит или он разгонял кровь по телу, готовясь к бою. Когда-то, в ранней молодости, он увлекался боксом и даже был некоторое время чемпионом Украины среди юношей в весе пера.

Дул приятный береговой ветер. Илья Натанович подставлял ему лицо, еще раз перебирал в уме все доводы. Как ни крути, выходило – ехать надо! Это его единственный оставшийся шанс.

Желание, даже необходимость отправиться из Бруклина через половину земного шара на Кавказ возникло не сразу, а в результате цепи странных событий.

Все началось несколько месяцев назад. Отправляясь на свою обычную вечернюю прогулку, переминаясь с ноги на ногу в подъезде своего дома на Первой Брайтонской улице, дожидаясь, пока Светлана закончит наводить свой марафет и, наконец, спустится вниз, Илья Натанович столкнулся с соседом по дому и его женой. Оба были культурными людьми: в одесскую свою бытность Моисей Аронович на телевидении ставил фильмы-концерты, а Лика Борисовна была диктором местного радио.

– На концерт? – радушно спросил Илья Натанович. И тут же добавил, просто так, в шутку. – Или на столоверчение?

По смущенному покашливанию Моисея Ароновича и по тому, как быстро отвела взгляд его жена, понял, что случайно попал в точку.

Илья Натанович и сам смутился. Он хорошо относился к своим соседям, и ему было неловко, что он поставил их в неловкое положение. В конце концов, верить или не верить в спиритизм – частное дело каждого. Смеяться над этим не надлежит. Когда какое-то время назад по Брайтону впервые стали ходить слухи о том, что в некоторых домах собираются для сеансов спиритизма, Илья Натанович только недоверчиво крутил головой. Надо же! Похоже, что расставшись навсегда с диалектическим материализмом, которым в СССР насильно питали всех, словно кашницей магнезии перед рентгеном желудка, на Брайтоне все ужасно заинтересовались оккультизмом. Многим, видимо, было любопытно узнать, отчего же их так тщательно и рьяно оберегали.

В конце восьмидесятых, во времена перестройки, из бывшего отечества на Брайтон Бич понаехали – посыпались, как из дырявого мешка – всякого рода знахари, ворожилки, астрологи, рыцари черной и белой магии, народные исцелители с наложением рук и без оного. Из метрополии доходили вести о некоем Кашпировском, феномене, который притягивал к телевизионному экрану население огромной страны обещанием немедленно освободить от всяких недугов, равно как и мгновенно превратить кефир обратно в молоко. Илья Натанович только диву давался. Светлана Аркадьевна разделяла его скепсис. Вот и сейчас, когда он рассказал жене о встрече в подъезде, она пожала плечами. Дурью маются!

Недели через две, когда Илья Натанович уже и думать забыл об этой встрече, выбирая абрикосы поспелей с лотка овощной лавки, что на углу Третьей Брайтонской улицы и Брайтон-Бич бульвара, он услышал, как рядом с ним две молодые девицы, набивавшие полиэтиленовые пакеты кукурузными початками, громко болтали, не смущаясь

окружающих. Одна из них, высокая и худая, с грустным лицом, говорила своей вертлявой и смешливой подруге:

– Знаешь, Нинка, такое паршивое настроение было под Новый год. И Машка... Ну, ты ее знаешь, в офисе со мной работает, у доктора Гольдмана. В общем, Машка уговорила меня попробовать вызвать на сеанс моего усопшего папашу... Ну, вот сели мы, значит, где-то в первом часу ночи, Машка форточку открыла, как полагается. Начертили круг на листе бумаги, расписали по нему алфавит, подвесили к люстре иголку на нитке... Я дальше понятия не имею чего и как, а Машка как заговорит таким, знаешь, загробным голосом: «Игорь Евсеевич, придите, ваша дочь вас ждет. Поговорить хочет». Раз пять повторила, и – ничего. Я уже было хотела встать из-за стола, ну, знаешь, приспичило пописать, как вдруг иголка возьми и дернись.

– Да ну! – сказала подруга. – И кто же ее, бедную, дернул?

– Да никто, говорю тебе... Иголка влево подалась, вправо. А потом, как бешеная, завертелась по кругу. Но не просто, а запрыгала от одной буквы к другой. Стали складывать в уме, получилось:” Я пришел». Я с перепугу выскочила из-за стола и разрыдалась. А Машка говорит: «Ты что! Нельзя так прерывать. Тебе же потом хуже будет»

...

– Я набралась духу, снова села за стол. Стала задавать вопросы, но не про будущее, а про папашино прошлое и про что знает про меня сейчас. И, представь, он все, все подтвердил. Говорил очень много и так быстро, что мы не успевали читать. Попросили в некоторых случаях не давать пояснений, а просто отвечать «да» или «нет». Все было с юмором с его стороны, как и при жизни. Когда мы с ним попрощались, было уже четыре часа ночи. То, что мы обе были в шоке, не то слово. Больше вызывать не хочу, слишком тяжело это дается.

Илья Натанович покрутил головой, отмечая, однако, про себя, что девушка говорила всерьез и все еще была напугана. Вспомнил Толстого, «Плоды просвещения», пьесу про помещиц, увлекавшихся спиритизмом, и подивился

живучести суеверий. Даже ирония великого писателя никак на популярности спиритизма не сказалась. Известно, что духов продолжали вызывать не только в высшем обществе, но и в армейских кругах, среди офицеров. Вон и Виктор Гюго и даже Конан Дойл, врач по профессии, верили в спиритизм. Надо же!

Месяц спустя по Брайтону прошел слух, что объявился необычный ясновидец. Занимался он не бытовыми просьбами, как-то: поговорить с покойником, близким клиенту, чтобы добиться прощения за обиду, нанесенную при жизни, спросить у того совета, или другими услугами такого рода. Ясновидец специализировался исключительно на высоких материях: по указанию клиента, устанавливал связь с душами почивших в Бозе великих писателей. В качестве рекомендации показывал письмо двух студенток МГУ. Дескать, по их просьбе, для курсовой работы по «Отцам и детям» предьявитель сего вызвал дух автора романа, и тот два часа отвечал на вопросы об авторском замысле, а заодно дал дельные советы, касающиеся любовной жизни.

– Надо же! – изумлялся Илья Натанович. – Ну, допустим, этот ясновидец действительно убедил девиц, что вызвал дух Тургенева. Но, даже если учесть, что у покойников не слишком напряженное расписание, как поверить, что Иван Сергеевич взял да и потратил два часа на разговор с двумя дурехами?

Прошло еще недели три, и однажды к вечеру, когда Илья Натанович собрался уже было на очередную прогулку по «бродвоку», в дверь постучали. За порогом стоял сосед Моисей Аронович. Откашлявшись, сказал осторожно:

– Тут такая ситуация, Илья Натанович. Несколько наших знакомых... Конечно, исключительно любопытства ради... Никто всерьез не воспринимает.... Но, знаете ли, все-таки порой удивительные бывают совпадения... Так вот, ясновидящий этот делает визиты на дом. Одна проблема: нужно, чтоб было не меньше десяти клиентов за вечер. Не согласитесь ли? Берет не так уж дорого – десять долларов с человека. На Бродвее на какую-нибудь скучищу на эти деньги даже полбилета не купишь.

Илья Натанович замялся. Хотел тут же отказать, но нашел это слишком резким, неуважительным по отношению к соседу. Решил потянуть время. Сказал, что подумает, и ступил за порог.

В вечернем Брайтоне закипала жизнь. То и дело звонил дверной колокольчик магазина деликатесов. Наполнялись рестораны и кафе. К соседнему паркингу подъезжали один за другим лимузины, из которых выходили мужчины в смокингах с щекастыми, как у хомяков, лицами и разодетые в пух и прах длинноногие манекенщицы с впалыми щеками. Направляясь к входу в ресторан, пошатываясь на огромных каблуках, женщины ступали с грацией аиста, при каждом шаге высоко поднимая ноги над землей.

Илья Натанович протиснулся сквозь толпу на тротуаре и переулками приблизился к океану. Он шел по дощатому «бродвоку» и, поглядывая в сторону мерно шумящих в сгущающейся темноте волн, подумал о предложении Моисея Ароновича. В самом деле, отчего не попробовать? Ну, хотя бы любопытства ради...

Обычно он ходил на прогулку с женой Светланой. Но ее уже три дня не было дома: повезла очередную группу русскоговорящих туристов к Ниагарскому водопаду. Такая у нее была работа. Без жены Илье Натановичу всегда было скучновато. И сейчас мысли поневоле вернулись к предложению посетить сеанс. В самом деле, почему бы самому не посмотреть, отчего вокруг этой глупости так много разговоров.

Особенно его задела специализация ясновидца.

Дело было в том, что с русской литературой у Ильи Натановича была давняя тайная и горькая связь. Было в его жизни время, когда он страстно мечтал стать литературоведом-текстологом.

Произошло это, как часто бывает в юности, в результате столкновения с человеком, который заразил его своей страстью. Илья Натанович с детства читал много и жадно, все подряд, все больше входя во вкус удивительного занятия, когда вроде бы ничего с тобой не происходит, сидишь себе с книгой в руке, а перед твоими глазами скачет чья-то

далекая и удивительная жизнь, прожить которую рвется юное сердце. Однажды – Илья в ту пору был еще школьником – в его родной город, в Одессу, приехал с устными рассказами знаменитый литературовед Ираклий Андроников. Хотя все билеты на его выступления были мгновенно распроданы, Илья уговорил билетершу в Городском саду, где проходил концерт, разрешить ему постоять тихо, где-нибудь в углу.

Он и простоял, боясь шелохнуться, чтобы не скрипнул ненароком под ногами песок дорожки вдоль забора, на которой он стоял. Он был не в силах оторвать глаз от сцены, по которой возбужденно ходил взад и вперед невысокий полноватый мужчина с энергичным лицом. Обливаясь потом: был душный летний вечер, жуя в волнении носовой платок, порой забывая взглянуть в сторону затаивших дыхание зрителей, поджимая в ключевые моменты губы, мужчина рассказывал о том, как, роаясь в старинных архивах, сличал без конца разные списки стихотворений Лермонтова. В конце концов, ему повезло. После многих сбоев удалось установить адресат одного из самых пронзительных стихотворений в русской любовной лирике. Разрешить загадку трех букв – инициалов имени, отчества и фамилии юной светской дамы, в которую Михаил Юрьевич был безнадежно влюблен.

Андроников говорил с жаром и страстью, которые глубоко впечатлили юного Илью. История о том, как лермонтовед мчался из Москвы в Ленинград и обратно, рыскал по обоим городам в поисках уцелевших родственников дворянских семей, возможно, причастных к интересующей его загадке, захватывала больше всякого детектива. Андроников говорил с такой горячностью о поэте, умершем больше ста лет назад, как будто тот был его дорогой и любимый сын.

И жаждающее мечтать юное сердце Ильи запольхало в ответ. Он был еще тогда в девятом классе, но решил – вот оно, его будущее призвание! Он будет – как Андроников. Пропадать дни и ночи в архивах, разыскивая единственную, быть может, бумагу, ведущую к разгадке жизни поэта,

писателя, драматурга. Русская литература так богата талантами – до конца жизни хватит.

Он тут же бросился читать все, что уже было опубликовано о Лермонтове не только самим Андрониковым, но и другими – Белинским, Чернышевским, академиком Виноградовым. Одно он понял сразу и никаких иллюзий на этот счет никогда не питал: литературовед, тем более текстолог – профессия, напрочь исключаящая дилетантство. Без глубокого образования немислимая.

Через год он заканчивал десятилетку. В то время как сверстники гадали, куда пойти учиться, у него сомнений не было. Только в университет, и только на филологический, на отделение русского языка и литературы! ...

Его долго отговаривали в семье. Мол, это непрактично, всю жизнь будет прозябать учителем в школе, жить на мизерную зарплату. Советовали поступить в какой-нибудь технический вуз, выучиться на инженера, неважного какого, по крайней мере, можно будет как-то свести концы с концами, даже, быть может, сделать кое-какую карьеру. Устроиться на завод, со временем стать мастером цеха, потом начальником цеха, потом, глядишь, и главным инженером завода.

Ничего не помогало. Илья уперся – ни в какую! Только в университет. И только на филологический!

Видя, что с упрямым никак не совладать, мать и отец пустили в ход главный козырь, который почему-то приберегли напоследок. Сказали, чтобы он выбросил филологию из головы раз и навсегда, не тратил напрасно время по той простой причине, что еврей.

И действительно, время для еврейского юноши, возмечтавшего о гуманитарном образовании, было неподходящее. Год шел пятьдесят четвертый, и, хотя Сталин уже умер, время еще долго оставалось свирепым. И в пятидесятые, да и позже в шестидесятые и семидесятые годы, на гуманитарные факультеты «лиц еврейской национальности» и близко не подпускали. Ненадежный, мол, народ, того глядишь, какую-нибудь каверзу устроит. Конечно, в открытую государство, считавшее себя образцом

национального равноправия, этого объявить не могло. Потому на еврейских абитуриентов ставили скрытые в кустах рогатки, не менее крепкие, чем те, что ставят в лесу при охоте на вепрей.

Илья не был исключением и на такую рогатку тоже напоролся. Хотя в школе по литературе у него были сплошные пятерки и сочинения неизменно признавались лучшими в классе, на вступительном в Одесский университет его провалили простым, но действенным приемом... Под его без единой помарки сочинением размашисто написали – «Тема не полностью раскрыта». Иди докажи!

Как ни пытались родители и другие родственники убедить Илью, что провалили его, потому что еврей, он наотрез отказывался верить. По молодости лет он считал всякие разговоры о дискриминации предрассудками, отсталыми взглядами на мир.

Упорный, он не сдался и через год снова подал на филфак. Опять провал.

Жаловаться было некому. Ходили слухи об отчаянных родителях, которые ездили в Киев, в министерство образования, а то и в Москву добиваться справедливости. Но до этого у Ильи дело не дошло. Семья была бедная, нужда торчала изо всех углов. Было не до поездок с неизбежными затратами, немислимыми для их скудного бюджета.

Илья, тем не менее, намеривался подать и в третий раз, но помешали обстоятельства. Ему уже стукнуло девятнадцать, и в случае нового провала он мог осенью загудеть в армию. Пришлось понести документы туда, куда евреев охотно принимали – в кредитно-экономический. Так сказать, назвался евреем – полезай в бухгалтеры, там тебе и место...

Была в ту юную пору его жизни и другая причина, отчего произошла перемена курса его жизни, весьма, впрочем, простительная: он влюбился в девушку. Также внезапно и головокружительно, как еще недавно в профессию литературоведа. Встретил голубоглазую, русоволосую, с легкой, как весенний ветерок, походкой, Светлану. От одной ее улыбки у него голова кружилась так,

что он ни о чем не мог думать, пока не женился на ней. Отец и мать поначалу отнеслись к будущей невестке враждебно. Гойка, мол, представительница того мира, в котором евреев отвергают. Но Светлана, в конце концов, очаровала и их.

Семья – вскоре появилась дочь Аллочка – – стала для Ильи всем на свете. Он трудился из всех сил. Так и остался бухгалтером, но всю жизнь болел литературой. Читал по-прежнему много, особенно то, что касалось текстологии. И формалистов – – Эйхенбаума, Тынянова, Шкловского – и многих других. Нечего и говорить, что каждый том «Литературного наследства» прочитывал от корки и до корки. Особенно его привлекали примечания, где указывалось, какую редакцию рукописи писателя включили в том.

Иногда он собирался с духом и писал рецензии на новые книги в одесскую «Ве-черку». Печатали их там под рубрикой «Рецензии наших читателей». То есть, редакция тем самым давала понять: работа непрофессиональная, не обессудьте. Подписываться ему, как и другим авторам-евреям, приходилось псевдонимом. Это его не очень беспокоило. Что делать, такова действительность... И, хотя по-прежнему самый вид какой-нибудь пожелтевшей рукописи приводил его в волнение, он раз и навсегда замкнул в себе свое юношеское желание на огромный амбарный замок. Только порой, когда читал чью-нибудь блестящую литературоведческую статью, его сердце сжималось от постыдного укола зависти, от муки утраченной юной грезы. Те, кто обычно посещал лекции по литературе в «Обществе по распространению знаний», когда туда приезжали из столицы, давно заметили невысокого крепко сложенного мужчину, который ерзал на стуле, дожидаясь, когда лектор умолкнет и можно будет задать вопрос. Вопрос почтительный, но в то же время обнаруживающий немалую эрудицию и даже, несмотря на высокие научные регалии гостя, готовность вступить с ним в спор.

Хотя все в жизни Ильи Натановича вышло не так уж плохо – семья, хорошая жена – боевой конь, готовый вынести раненого с поля боя, любимая дочь, но в глубине его души,

втайне от него самого, поселилась обида на судьбу, на то, что не удалось выстроить свою жизнь на желанный лад.

Как-то, прогуливаясь со Светланой по Дерибасовской, он встретил друга юности Мишку Мильштейна. В школе у того была кличка «Мишка-артист». Не столько потому, что он читал с запалом со школьной сцены стихи советских поэтов, посвященные большим датам, сколько потому, что сочинял и ставил «капустники», в которых смешно подражал манерам учителей. Скрипел голосом точь-в-точь, как горбатый физик Федор Михайлович. Одергивал то и дело лиф воображаемого платья на груди, как это проделывала Софья Дмитриевна, учительница английского.

Разговорившись, Мильштейн стал рассказывать, что, хоть и на птичьих правах, на полставки, но работает помощником режиссера на Одесской киностудии. В его задачу в основном входит следить, чтобы не разбежалась, когда надо снимать, массовка. Но он был счастлив, когда рассказывал о своей работе, глаза его сверкали. В конце беседы он даже стал уговаривать Илью перейти к ним в студийную бухгалтерию. Там нужен был хороший специалист.

Хотя Илья Натанович был тогда хорошо устроен на своей первой работе, в бухгалтерии дрожжевой фабрики, куда он попал по распределению, любопытство взглянуть хотя бы одним глазком на другой, артистический, – мир оказалось сильным.

Он проработал на студии два года, в обеденный перерыв часто ходил на съемочную площадку, смотрел, как делали фильм. То, что он увидел, разочаровало его. Бесконечные пересъемки... Пот, текущий по лицам актеров, вынужденных часами печься под прожекторами и немилосердным южным солнцем... Усталые, нередко изнуренные, лица и осветителей, и помрежа, и самого режиссера – всех, кто был вовлечен в дело...

Он стал ходить на площадку все реже, а потом вернулся на свою дрожжевую фабрику.

Потом пришли семидесятые. Казалось, вся Одесса подалась в эмиграцию. Он выходил вечером пройтись по

Дерибасовской, и его то и дело охватывала оторопь. Из толпы гуляющих стали исчезать лица друзей и знакомых. Мерещилось: в городе наступил мор, выбирающий своими жертвами именно их, а не прочую публику. Казалось, родная почва стала уходить из-под ног.

Наступил день, когда уехать решился и он. Инициатива, как ни странно, пришла от Светланы, русской жены. Уедем, уедем из этой ужасной страны, твердила она. Илья Натанович долго колебался. Как же так! Ведь уйдет язык, уйдет русская литература – все, что держало его дух...

– Русская литература... – ворчала Светлана Аркадьевна. – А тебе, еврею, не обидны ее юдофобские выпады? Вон у Пушкина: «Ко мне постучался презренный еврей...». А развеселый еврейский погром в «Тарасе Бульбе»?.. А Достоевский? ...

– Да, но Толстой... – отбивался Илья Натанович. – Горький... Короленко... Чехов... За Дрейфуса заступился...

Но жить в брежневском Союзе становилось все тяжелей. Не хватало воздуха. Сама принадлежность к еврею была поводом к недоверию властей...

Он уехал, не совсем еще сознавая, что его ожидает. Нечего и говорить, что все наличные деньги ушли на пересылку книг, которых скопилось у него видимо-невидимо.

Началась новая жизнь в далеком Бруклине. Пересадка на новую почву прошла удачно. Освоив английский, по крайней мере, в том объеме, в какой нужен был для дела, довольно быстро нашел место бухгалтера. Хотя он помнил ленинский лозунг «Социализм – это учет», на его счастье, в стране капитализма учет оказался нужным не меньше, даже больше, чем в стране социализма. Светлана устроилась экскурсоводом в туристском бюро, обслуживающих эмигрантов из Союза. Постепенно пришел недостаток, которого ни Илья, ни его жена никогда не знали в их прежней жизни. Обзавелись кругом друзей – не большим, но надежным. И все-таки чего-то не доставало. Чего именно, он и сам не мог сказать. Он с удивлением обнаружил, что тревожило, казалось бы, именно то, что больше всего ценится в жизни

– ее стабильность, предсказуемость каждого дня. Как он ни пытался внушить самому себе, что у него есть все, чтоб быть счастливым, временами на него находила вялость. И тогда им задним числом одолевали сомнения. Может, стоило все-таки подать на филфак еще раз? Может быть, как-нибудь да повезло? В конце концов, советская бюрократическая машина – не швейцарские часы. Иногда давала сбой. ..

«А может, я терзаюсь понапрасну? – думалось в другой раз. – Может, у меня, кроме желания стать текстоведем, ничего другого и не было? Не было самого главного – таланта исследователя? Может, и был какой-то, но недостаточный? Как в той библейской притче. Один зарыл данный ему талант в землю, другой его разменял, а третий приумножил. Что сделал бы с талантом я, если бы он, в конце концов, обнаружился?

Но этого для себя ему так и не удалось выяснить.

Стараясь справиться с упадком духа, Илья Натанович стал выписывать из Союза «Литературку» и журнал «Вопросы литературы», к которым пристрастился с молодости. Толстые литературные журналы читал из тех, что попадали в бруклинские библиотеки. Благо, учитывая читательский состав, там их выписывали.

И все-таки он никак не мог побороть в себе, вычеркнуть из памяти горечь поражения, стыд проигранного боя, который он испытал в своей юности. Что ни говори, а он прожил не свою жизнь, жизнь по естественным устремлениям души, а навязанную обстоятельствами, вынужденную. Иногда, внутренне посмеиваясь над самим собой, он казался самому себе маленьким маневровым паровозом – «кукушкой». Он видел такой некогда, в детстве, во время войны, когда по дороге в эвакуацию эшелон, на котором он бежал с матерью от немецких бомб, сделал короткую остановку на какой-то сортировочной станции. Маленький, но с высокой трубой, вскрикивая то и дело высоким же фальцетом, паровозик перетаскивал вагоны с одних путей на другие. Делал он свое дело быстро и споро, но за пределы станции, в далекий путь, никогда не отправлялся....

Илья Натанович надеялся, что дочь Аллочка, когда подрастет уже здесь, в Америке, выберет гуманитарную профессию. Но та, закончив колледж, стала «баером», закупщиком новинок одежды для сети универмагов. Ей это нравилось: работа нескучная, она в курсе последних мод, разъезжает по всей стране, встречается с интересными людьми. На доводы дочери Илья Натанович кивал головой, соглашался, искренне радовался за нее, но в душе щемила тоска, мучило разочарование, что вот даже через дочь, плоть от плоти своей, не вернуть ему теперь уж никогда своей юной мечты.

Думая обо всем этом, Илья Натанович долго ходил из одного конца длинного «брод-вока» в другой, подняв воротник плаща – с моря тянуло сыростью, – прислушиваясь к мерному стуку собственных каблуков. Потом, сказав себе еще раз: «Почему, в самом деле, не сходить на этот сеанс? Хотя бы любопытства ради. Говорят же, в жизни надо все испытать хотя бы однажды», – он повернул к своему дому и подошел к двери квартиры, в которой жил со своей женой пригласивший его сосед.

Сообразив, что сеанс, должно быть, уже начался, вместо того, чтобы нажать кнопку звонка, он тихо постучал в дверь.

Открыл хозяин квартиры, приложив палец к губам. Илья Натанович вошел на цыпочках и прижался к стене. В комнате было полутемно. Около дюжины пожилых эмигрантов – многих из них Илья Натанович видел впервые, – обступили стол, на котором горела небольшая, давно оплывшая свеча. Отблеск ее пламени вспыхивал тихим светом то там, то здесь на очках гостей.

Во главе стола расположился сам ясновидец. Это был хоть и седой, но все еще полный энергии мужчина. Говорил тихо, но внятно. Услышав, как Илья Натанович шепотом спросил хозяина квартиры, что пытается увидеть ясновидец, он нахмурил брови и сказал твердо, так что услышали все:

– Вздор! Никакой я не ясновидец.

И добавил почти грубо:

– Я только медиум. Я понятия не имею, как и почему. Говорю только о том, что чувствую.

При этом его лицо приобрело выражение, показавшееся Илье Натановичу удивительно знакомым. Поджатые губы... Желваки на щеках перекатываются, прежде чем скажет что-то решительное...

Все слушали, стараясь заглянуть через плечо ясновидца; чтобы получше рассмотреть небольшой портрет в деревянной рамке, который тот держал на вытянутых руках впереди себя. Заглянул и Илья Натанович и сразу узнал портрет Лермонтова работы Петра Заболоцкого. Поэт на нем изображен в форме офицера гусарского полка, но его лицо на портрете – отнюдь не бравого гуляки и дамского угодника. Высокий чистый лоб... Едва пробивающиеся усики... Ранимые, отведенные в сторону от прямого взгляда, глаза... Утонченное душевным страданием лицо поэта.

Между тем, тонкие губы ясновидца стали подергиваться. Всматриваясь куда-то поверх портрета, он заговорил отрывисто, едва успевая передавать то, что, видимо, мелькало перед его взором. Илья Натанович вздрогнул, когда ясновидец сказал:

– Вижу коричневый кожаный переплет... Так, орнамент обложки расплывается... Вот снова в фокусе... Не совсем ясно... Ах, вот оно что! Записная книжка Михаила Юрьевича... Зарыта недалеко от места последней дуэли, на склоне горы Машук.

С этими словами ясновидец вытянул из пиджачного кармана сверкнувший при свечах белизной носовой платок и вытер выступившие на лбу бусинки пота.

– Не может быть! – не выдержав, воскликнул Илья Натанович. – Какая еще записная книжка? Ту, что подарил Одоевский, нашли давным-давно...

Ясновидец не удостоил Илью Натановича взглядом. Только усмехнулся кривоватой улыбкой, в которой читалось презрение к сомневающимся, какими могут быть только люди с вульгарным, неутонченным восприятием мира.

Потом, сузив глаза, повторил, как бы вынося окончательный, не подлежащий обжалованию, приговор:

– Так вот, записная книжка Лермонтова зарыта на склоне горы Машук.

Услышав твердую ноту в голосе ясновидца, Илья Натановичу почему-то захотел тотчас уйти. Он покинул квартиру соседа и, к своему удивлению, через несколько минут оказался не у себя дома, он жил этажом ниже, а на улице, на тротуаре, у края мостовой. Сделал еще один шаг – и отпрянул от фар проезжавшего автомобиля. Вспышка света на мгновение ослепила. Когда глаза снова привыкли к темноте, он вдруг понял, кого напомнил ему ясновидец, а поняв, – вздрогнул. Лицо ясновидца удивительно напомнило ему лицо того человека, который сыграл в его жизни огромную роль. Как же, как же, конечно, это он, Андроников! Ираклий Луарсабович. Он, несомненно, он! Разве что изрядно поседели волосы. Понятное дело – столько лет прошло.

Илье Натановичу стало не по себе. Мысли понеслись в ту сторону, с которой связано было для него имя этого человека. Мгновенно возник перед его глазами Городской сад в Одессе, и дорожка, на которой он, школьник, стоял, затаив дыхание, боясь шевельнуться, чтобы не скрипнул песок под ногами. Его юные мечты... Лихорадочное чтение лермонтоведов... Перечитывание стихов самого поэта... Ранившие душу провалы на экзаменах...

Пытаясь успокоиться, он, как обычно, двинулся к морю, долго, стуча каблуками, ходил по «бродвоку», пока не устал. Затем отправился домой.

Дома, стараясь ни о чем не думать, улегся в постель и мгновенно уснул. Но посреди ночи вскочил с постели и заходил по квартире. Что за чепуха, еще одна, никому не известная записная книжка Лермонтова!... Нашел, чем удивить публику! И, действительно ведь, нашел. Все вокруг него уши развесили... Ну, хорошо, допустим, Лермонтов завел еще одну, помимо той, что была от Одоевского...

В голове сами собой возникли строки из «Пророка», автограф которого, он знал, нашли в той самой записной книжке. Еще со школьной скамьи он заучил это стихотворение наизусть:

С тех пор как вечный судия
Мне дал всеведение пророка,
В очах людей читаю я
Страницы злобы и порока.

Илья Натанович кинулся к книжным полкам и мгновенно разыскал вывезенный с родины лермонтовский четырехтомник Академии наук в изумрудной обложке. Последним стихотворением там значился не «Пророк», а «Нет, не тебя я так пылко люблю». Но, конечно, «Пророк» куда значительней и важней...

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено камня.

Гм, еще одна, никому не известная, записная книжка Лермонтова... Но зачем было брать с собой, идя на дуэль? Впрочем, что же это я, ищу логики в поведении поэта. Да еще какого поэта! Может быть. «Все на свете может быть. А чего не может быть, не бывает», – вспомнил где-то недавно прочитанное. Если найти ту книжку, ведь это может оказаться переворотом в лермонтоведении!..

Чепуха, чепуха все это, говорил он себе на следующий день. Но на третий день мысли приняли совсем другой оборот. Почему он такой Фома неверующий? Известно ведь, что среди великих русских писателей больше всего потерянных рукописей именно у Лермонтова. Об этом прямо говорится в одном из выпусков «Литературного наследства». Современники Михаила Юрьевича в своих

воспоминаниях пишут о так никогда не найденных письмах поэта, его рисунках и картинах. Куда они запропастились, спрашивается? Илья Натанович всегда восхищался Лермонтовым. Какой молодец! Погиб в двадцать шесть, уже успев написать «Героя нашего времени», гениальный роман. А «Выхожу один я на дорогу»? ... «Сквозь туман кремнистый путь лежит. / Ночь темна. Пустыня внемлет Богу / И звезда с звездою говорит». Есть ли что-либо прекрасней этих четырех строк в русской поэзии! А чего стоит тройной, закольцованный «Сон»? «В полдневный жар в долине Дагестана / с свинцом в груди лежал недвижим я». Поэт видит себя, умирающего в пустыне, и в своем предсмертном сне – юную деву, которой, в свою очередь, чудится он сам – умирающий в пустыне поэт... Пушкин застрелился бы, а такой тройной сон не придумал бы. Пушкин – баловень классицизма. Все выверял рассудком: «Я вас любил..., как дай вам Бог любимой быть другим». Какое спокойствие! А Лермонтов готов был после каждого любовного увлечения без взаимности пустить себе пулю в лоб. А «Тамань»? «Воздух был чист и свеж, как поцелуй ребенка». Надо же так сказать! Сумрачный русский гений. Одинокий поэт, отпрыск старинного дворянского рода. Что общего у него может быть с ним, Ильей Натановичем, сыном одесского сапожника? Ровным счетом ничего. Как так получилось, что он так прикипел душой к культуре народа, который разве что терпел его, пока вовсе не отверг, как отвергают инородное тело фагоциты? Но, позвольте, о какой еще культуре могла идти речь? Не о еврейской ли? О которой он и слыхом не слыхивал, во всяком случае, после того, как узнал о выстрелах в подвалах Лубянки осенью 1952 года. Тогда лучшее, что имелось в этой культуре, цвет ее литературы, расстреляли излюбленным методом чекистов – в упор, в затылок. Он вспомнил, как, несколько лет назад, поехав на свадьбу к племяннику Саше в Луисвилл, познакомился с местным председателем пушкинского общества. Сначала Илья Натанович удивился: председатель, одутловатый мужчина годков под шестьдесят, был малообразованным, говорил с грубоватым южным акцентом, в прошлом, как

между делом выяснилось, заведующий овощной базой. И вдруг – Пушкина ему подавай! Илья Натанович сначала было усмехнулся про себя, но потом понял: Пушкин – это все, что у этого человека, как, впрочем, у многих других российских эмигрантов, осталось от родины. Почти в каждом, не очень даже интеллигентном, эмигрантском доме под стеклом книжных, пусть немногих, полок – – томики Пушкина, Лермонтов, Гоголя, Тургенева в темно-серых, буровато-красных, синевато-черных и других нерадостных советских расцветок обложках, которые привезли с собой, порой ни разу после в них и не заглянув. Не вывозить же было горсть русской земли – она еврею никогда своей не была, ходил по ней по чужой милости. Вот и остались только русская литература да язык. Великий и могучий, как заверяли учителя с младых ногтей...

К исходу третьего дня Илья Натанович понял, что должен сделать. Понял, что весь смысл его жизни сосредоточился сейчас на одном – найти, во что бы то ни стало найти записную книжку великого поэта. В этом и будет его, Ильи, последняя точка. Да, он прожил, в общем-то, неплохую жизнь. У него семья, друзья. На старости лет достаток, о котором он и не мечтал в молодости. Но все-таки давняя, казалось бы, давно угасшая, вырванная из души с корнем и кровью страсть вдруг с новой силой охватила все его существо. Теперь он твердо знал, где и как он вернет своей жизни ее первоначальный смысл.

С нетерпением дожидаясь, когда вернется из поездки жена, он стал лихорадочно припоминать, как выглядит место дуэли Лермонтова в Пятигорске. Юношей он побывал там и теперь старался себе представить, где именно может быть закопана эта загадочная записная книжка великого русского поэта.

Когда Светлана Аркадьевна, уставшая от дороги, ввалилась к вечеру в квартиру, он первым делом выпалил:

– Светик, поедем со мной в Пятигорск.

– Ты с ума сошел? Какой Пятигорск? Почему Пятигорск?

Он начал сбивчиво объяснять. Они пошли на прогулку, Светлана Аркадьевна пыталась было разубедить его, но, в конце концов, взглянув на его взволнованное лицо, поняла: надо собираться...

Стали спешно готовиться к поездке. Естественно, жена-профессионал взяла на себя заботу о дорожном устройстве. Помня, как, когда он собрался уезжать, его родина клеймила и шельмовала как предателя, отобрала гражданство, Илья Натанович опасался, что будут проблемы с визами. Но все обошлось. Было время горбачевской перестройки. Из «предателя Родины» он превратился в желанного гостя с американскими долларами в бумажнике. Пока оформлялись визы, в нетерпеливом ожидании Илья Натанович бегал по лавкам Брайтона в поисках сувениров, хотя неизвестно кому он намеревался их дарить: все его родственники и многие друзья уже давно уехали из России кто куда – кто в Израиль, кто в Германию, кто, так же, как и он, в Америку... Илья Натанович как-то об этом не задумывался. Надо было чем-то занять себя, найти, чем унять дрожь нетерпения... Просил жену только об одном: никому из знакомых не говорить, куда именно и зачем они едут. Она не поняла, зачем такая секретность, но возражать не стала. Соседям и подругам сказала, что едут в Одессу, навестить родной город, город их юности и молодости...

Наконец, собрались и поехали. Лететь надо было с пересадкой в Шереметьево на рейс Москва-Минеральные Воды. Когда прибыли в Шереметьево, Илья Натанович побродил по аэропорту, подивившись тому, что забыл или не замечал раньше, в свою советскую бытность: международный аэропорт, а замызган. Такой не встретишь даже в американской провинции: полы подметены плохо, пахнет стылой пылью и какими-то старыми мокрыми тряпками. В книжном киоске, с жадностью пробежав глазами по стендам, наткнулся на новое издание «Преступления и наказания». На обложке – Раскольниковым с подмалеванными, словно у опереточного

героя-любownika, щеками. Илья Натанович пожал в недоумении плечами. Неужели те, кому такая картинка по душе, станут читать философскую драму?

Любопытства ради, купил свежий номер «Вечерней Москвы». Перелистывая газету, наткнулся на рекламу постановки мольеровского «Мещанина во дворянстве» в Малом театре. Режиссер – Михаил Мильштейн. Неужели его школьный друг, Мишка-артист? ... Надо же! Малый театр! ... Мольер! ... Вспомнил съёмочную площадку на одесской студии... Вспомнил, как по изнуренному жарой лицу друга тек пот... Он долго тогда не мог понять, как Мишка мог жить на таком мизере, как его студийная зарплата... Работая в бухгалтерии, он знал, сколько Мишка получал, хотя тот никогда не жаловался. Благо, был бы Мишка один. Но у него к тому времени уже была молодая жена Нина. И не дочь директора студии, а обыкновенная монтажница. Тоже зарплата – как кот наплакал. Илья только пожимал тогда плечами, недоумевая, как они вдвоем тянут. На что надеются?

Из Нью-Йорка летели на самолете американской компании «Дельта», в Минводы – на аэрофлотовском. Илья Натанович удивился, что вот прошло больше полутора десятка лет с тех пор, как он летал аэрофлотовским, а в салоне так же, как и прежде, разило все тем же жутким туалетным дезодорантом. Стюардессы, видимо, стараясь шагать в ногу с перестроечным временем, усердно работали над тем, чтобы перековать прежнюю начальницкую строгость лиц на американскую улыбку. С непривычки получалось нечто среднее – снисходительная ухмылка.

От волнения Илья Натанович никак на это не реагировал. Подлетая к Минводам, он норовил, заслонив ладонями лицо от бокового света, рассмотреть медленно плывущие под самолетом горы, вполне, конечно, понимая, что с огромной высоты не увидишь того, за чем он потащился на другую сторону мира.

Как только приземлились и вышли из аэропорта, он порывался сказать таксисту, чтобы вез прямо к горе Машук. Перед отъездом Светлана Аркадьевна дозвонилась

в минвоводское турбюро и узнала, что от аэропорта до Пятигорска всего двадцать шесть километров. Шестнадцать, стало быть, всего-навсего миль? На его «Тойоте Королле» по нормальному шоссе – пятнадцать минут!

Светлане Аркадьевне с трудом удалось отговорить его отложить поездку до утра

– Ну, куда ты, на ночь глядя, поедешь, Илюша? – сказала. – Нельзя же так! Совсем сошел с ума... Лето, светает рано. Позавтракаешь – и поедешь.

Он нехотя согласился. Было уже и, в самом деле, поздно, начало темнеть, но по быстрому взгляду в ее сторону, Светлана Аркадьевна поняла: ни о каком завтраке и речи быть не может. Он помчится к горе Машук ни свет, ни заря...

Так оно и было. Всю ночь Илье Натановичу так и не удалось сомкнуть глаз. Он ворочался с боку на бок, пытаясь безуспешно прогнать из памяти душистое, пропахшее жасмином, одесское лето, злополучные экзамены в университет. И «тема не раскрыта», выведенное темно-лиловыми, будто кровью самого дьявола, чернилами внизу его сочинения. Он старался представить себе, как выглядит записная книжка, ради которой он приехал, и в минуты короткого забвения она возникала перед его глазами, сияя коричневой, тонкой выделки кожей переплета, вырастала до размеров дверей...

Едва забрезжило, он тихо собрался и, чтобы не разбудить жену, выскользнул из номера. –

Подожди, Илюша, – раздался за его спиной прерывающийся, со сна, голос Светланы Аркадьевны. – Дай две минуты. Принять душ...

Они вышли из такси у подножья горы и пошли по аллее вверх, где мерцал сквозь ветви деревьев мраморный обелиск на месте дуэли с Мартыновым. По четырем углам монумента сидели, склонив в печали головы, приподняв, словно загораживаясь от нахлынувшего горя, огромные щиты своих крыльев, орлы. Илья Натанович бегло взглянул на них и сказал жене мягко:

– Света... Подожди меня здесь. Пожалуйста.

Она не стала настаивать. Поняла: ему предстоит, быть может, самое интимное для него дело в мире. Лучше одному...

Он полез в гору. Сердце учащенно билось. Вот он, час оправдания всей его жизни. Словно подхлестывая его, на мгновение перед его взором появились и исчезли поджатые в презрительной улыбке, предназначенной тем, кто сомневался в его прорицаниях, губы ясновидца...

«Где же он мог ее закопать? Должно быть, где-то здесь... где-то здесь...», – шептал себе под нос Илья Натанович. Цепляясь, чтобы удержать равновесие, за ветви низкорослых деревьев, за прутья кустарника, он упорно, шаг за шагом, шел в гору. То и дело останавливался. Вглядывался в землю...

Внизу в розовой дымке просыпался Пятигорск. Превозмогая одышку, Илья Натанович медленно поднимался по склону. Порывом ветра донесся отвратительный запах жженой резины: неподалеку располагался какой-то завод. Вверху сквозь утренний туман кое-где проглядывали стальные канаты подвесной дороги: зимой здесь катались на лыжах. На самой вершине мелькали огоньки ажурной телевизионной башни.

Это присутствие современности на минуту отрезвило Илью Натановича. Поэта Лермонтова давно нет на свете. Есть город, в который приезжают лечиться от подагры и несварения желудка. Есть минеральные воды...

Но сомнение длилось недолго. Он шел и шел, глядя в грунт и бормоча про себя бессмертные слова: «С тех пор, как вечный судия мне дал всеведение пророка...»

Он стал останавливаться чуть ли не через каждые пять шагов, чтобы справиться с одышкой... С тех пор, как вечный судия...

Здесь, где-то здесь, он чувствовал, должно быть, совсем рядом...

И, действительно, пройдя несколько шагов, обнаружил среди ровно растущей травы неглубокую, в поллопаты, свежеразрытую ямку.

Илья Натанович задрожал всем телом. Так и есть! Ясновидец не обманул. Вот оно, то заветное место! Вот где была закопана неизвестная миру записная книжка поэта. Кто-то, видимо, прознал про это место, добрался до него раньше. Опередил, быть может, всего на несколько дней... Стал лихорадочно вспоминать, кто еще был тогда, в тот брайтонский вечер, на сеансе у ясновидца. ...

Нет, не может быть! Он опустился на колени. Судорожно стал шарить пальцами в разрыхленном грунте, чтоб убедиться, что зрение его не обманывает.

Ничего не найдя, он сел на траву. Не может быть!..

Долгое время он сидел, уткнувшись лицом в ладони, стараясь унять охватившие его чувства. Из тумана стало пробиваться солнце. Он снова стал оглядываться вокруг себя. На этот раз он увидел не поросший травой и кустарником склон горы, а нечто куда более значительное для него. Словно на медленно проявляющемся обрывке фотобумаги, перед ним со всей ясностью предстало то, что до сих пор лишь мелькало порой в его мозгу, мерцало на грани сознания, то, от чего он так долго и успешно отмахивался. Сначала проблеском, а потом все больше и больше высвечиваясь, предстало во всей ясности для него то, что, как, он теперь понял, он прятал от самого себя всю свою жизнь. Он понял, что винить в том, что его жизнь не вышла такой, какой хотелось в молодости, ему на самом деле некого, кроме самого себя. Да, в свое время не пустили в университет потому, что еврей. На поверку это было лишь удобным, но, по сути, хилым оправданием. Горькая правда состояла в том, что он не нашел свой путь в литературу не столько потому, что ему дали от ворот поворот. (Какому еврею и в какие времена его не давали!) А потому что подсознательно выбирал в своей жизни путь наименьшего сопротивления. Причин было сколько угодно. Любовь, женитьба, семья, стабильность, покой... Выходит, для того, кто ищет легкого пути, сердце – плохой советчик...

Вспомнил, как сидел в тени под навесом в обеденный перерыв на съемочной площадке киностудии. В лучах летнего одесского солнца пеклись лица актеров. Каким

изнуренными ни были и режиссер, и его ассистент, и сами актеры, никто из них не покинул площадки даже на перекур. Надо было захватить как можно больше солнца... А что сделал он, Илья? Вернулся на свою дрожжевую фабрику, от производства которой радовалось разве что тесто для булочек... Разве об этом он с юности мечтал?.. Вот Мишка Мильштейн, вспомнил он рекламу в «Вечерке», не сдался, хоть и перебивался, небось, с хлеба на воду все эти годы. Надо же, Мольера ставит, да и где – в Москве! ... Похоже, что он, Илья, всю жизнь и был тем самым рабом в библейской притче, который зарыл в землю свой талант и ждал, что он как-то сам собой, как огурец, вырастет...

– Илюша! – донеслось до него. – Где ты? Подай голос!

Он появился у памятника в помятом костюме, с извоженными в земле пальцами, с пятнами грязи на щеках и лбу. Светлана Аркадьевна стояла у обелиска, одной рукой придерживая норовившую сползти с головы шляпу, другой зажимая на груди накиннутый на плечи плащ. Она сунула руку в карман плаща, чтобы достать платок, вытереть его лицо, но он не заметил ее жеста. Все еще по инерции ему хотелось спросить ее, говорила ли кому-нибудь о том, куда и зачем они едут. Но он не сказал ничего.

Уже садясь в такси, Илья Натанович обернулся. На миг показалось, что все так же..., не поднимая согнутых в скорби голов, все четыре сидящих по углам памятника мраморных орла снялись со своих мест и, взмахнув крыльями, зависли над обелиском.

Вадим Массальский
Вашингтон, США

Лоббист из Самары
История России и Америки в лицах
Документальный рассказ

Сквозь стену дождя вниз по Пенсильвания авеню шел человек. Таксомоторы жались друг к другу на пяточке у здания Федеральной почтовой службы, которое в сумраке ненастья больше походило на призрачный средневековый замок с высокой башней. Вашингтонские полицейские прятались под козырьки гостиниц. И только этот человек шел как ни в чем не бывало под водопадом струй. Шел босиком, закатив по колено штаны и приподняв мокрую, тяжелую от дождя черную монашескую рясу. Он шел спокойно и уверенно, будто не было ни ливня сверху, ни грязной дождевой жижи внизу под ногами, ни резких порывов ветра, бивших его то в спину, то в грудь. Только когда вдруг лезвие молнии разрубило алюминиевое небо и раскат грома оглушил город, он остановился, широко перекрестился и, запрокинув голову, прошептал:

– Господи, помилуй рабов твоих, в рассеянии сущих на острове Тубабао.

Человек двинулся дальше по главной улице американской столицы, но мысли его были далеко, там – на маленьком филиппинском острове, в лагере русских беженцев, эвакуированных из Шанхая, куда приближалось пламя китайской гражданской войны. Путник начал терять силы, но при этом принялся еще усерднее молиться об умирающих в бывшем американском военном госпитале, о страждущих, об отчаявшихся, об изнывающих от голода, ураганов и тропических болезней. Человек подумал, что если сейчас, уже у подножия миниатюрно-игрушечного Капитолийского холма, показавшегося вдруг непреодолимой

горной вершиной, он упадет, то вряд ли найдет в себе силы подняться. Но, к счастью, среди хлюпавшей под ногами земляной каши, он вновь ощутил бетонно-асфальтовую твердь.

Здесь, уже на 1-й стрит, его догнал, запыхавшийся, совершенно обескураженный профессор Николай Николаевич Александров:

– Владыко Иоанн, вы прямо по воде яко посуху. За вами не угнаться.

В голосе профессора угадывался акцент старого петербуржца. Александров был грузный, крупный человек, одетый в дорожный темно-серый костюм с накладными карманами. Он часто моргал, сопел и постоянно поправлял очки, пытаясь сохранить представительный вид. Он поспешил поднять над владыкой хлипкий складной зонтик, который был сейчас совершенно бесполезен.

Владыка перекрестил его и улыбнулся:

– Идемте, голубчик, у нас мало времени, нехорошо опаздывать. Нас наверняка ждут.

Александров покачал головой. Он не стал перечить архиепископу, но у него, знатока местных нравов, были сомнения на сей счет. Эти сомнения только усилились, когда монах и профессор подошли к дорическим колоннам приземистого по сравнению с соседним величественным Капитолием, но не лишенным античной изысканности трехэтажного здания Сената имени Рассела. Вокруг не было ни души. Только здесь на крыльце главного входа монах достал спрятанные под рясой туфли и обулся. Все-таки они были почти на самой вершине политического Олимпа планеты.

В фойе заспанный охранник с любопытством посмотрел на двух мокрых насквозь посетителей, словно выброшенных на берег со дна морского. И хотя в здание по старой американской традиции мог войти любой человек с улицы, страж порядка в этот раз особо внимательно и

подозрительно проверял документы. А когда Александров из непромокаемого саквояжа все-таки выудил папку с приглашением на заседание сенатской комиссии по делам беженцев, только удивленно покачал головой.

Александров понял его жест.

– Зря мы сегодня пришли, – сказал профессор владыке, когда они стали подниматься по широкой мраморной лестнице. – Утром по местному радио объявили штормовое предупреждение, жителям рекомендовано не покидать свои дома. А американцы – люди законопослушные.

Монах и профессор долго ходили по пустым коридорам власти, стараясь не наследить мокрой обувью. На всех этажах стояла гулкая тишина. Все кабинеты были закрыты.

Наконец расстроенный Александров, давно снявший свой набухший от влаги пиджак, заметил:

– Пойду спрошу у охранника, где здесь можно просушить одежду?

Владыка кивнул, а сам продолжил обход бесконечных закоулков. Вдруг в углу скрипнула дверь и из нее вышел высокий, по-военному подтянутый мужчина лет сорока. Он был спортивного вида, но сильно прихрамывал и при каждом шаге лицо его искривлялось гримасой. Мужчина, стоя спиной к владыке Иоанну, достал связку ключей и открыл соседнюю массивную дверь, в которую уже стучались сегодняшние посетители. Вдруг почувствовав на себе чужой взгляд, он обернулся и застыл от изумления, увидев маленького мокрого человека с огромной всклокоченной бородой. Если бы не черное монашеское одеяние незнакомца и не ранняя осень за окном, то гостя можно было вполне принять за Санта Клауса. Подавив в себе желание рассмеяться, мужчина спросил:

– Могу ли я помочь вам, сэр?

– Наверное, можете, – сказал владыка Иоанн с сильным акцентом. Он улыбнулся с какой-то беспомощной и вместе

с тем обезоруживающей улыбкой, и мужчине уже ничего не оставалось сделать, как пригласить его в кабинет.

Как выяснилось, профессор Александров был абсолютно прав. Никакого заседания комиссии Сената сегодня и быть не могло. И вообще, было очевидно, что теперь из-за смещения графика слушания о поправке к закону по квотам беженцев будут перенесены. Все это, напоив гостя горячим кофе, и объяснил хозяин кабинета – Джеф Уолкер, который оказался новым, только что назначенным помощником сенатора.

– На сколько перенесено? Никто не знает. Может на месяц, а может и на два, – пожал плечами Уолкер. – Но наверняка это произойдет только в новом финансовом году.

Впрочем, Джеф посоветовал не отчаиваться. Для Сената это и так реактивные скорости. Всего лишь пара месяцев.

– Некоторые поправки как привидения гуляют по здешним кабинетам годами! – улыбнулся чиновник.

Владыка не ответил, а только принялся считать вслух:

– Два месяца – это восемь с половиной недель. А значит, восемь человеческих жизней. А может и все шестнадцать!

– Почему восемь или шестнадцать? – вскинул брови Джеф.

– Еженедельно на Тубабао от тропической лихорадки умирают один-два человека. А если случится тайфун, то жертв может быть сотни или даже тысячи.

– Тубабао?! – переспросил мужчина.

– Это на Филиппинах. Провинция Самар. Не слышали? Мужчина усмехнулся:

– Не только слышал, но даже оставил там часть себя...

– Как это?

Джеф закатил брючину по щиколотку и постучал по темно-серой, как кора дуба, голени. Послышался глухой деревянный звук.

– Протез. Нога осталась там, в джунглях, весной 45-го, после минометного обстрела японцев.

Они проговорили два часа. Джеф Уолкер угощал владыку Иоанна и присоединившегося к их беседе профессора Александрова домашними бутербродами, расспрашивал о Филиппинах, показывал семейные и фронтовые фотографии, рассказывал, как старые армейские друзья совершенно неожиданно нашли для него и его беременной жены уютное местечко в Вашингтоне. Потом, когда ненастье немного утихло, Джеф предложил подвести в город профессора и монаха. Владыку Иоанна, которого он, не зная как величать, называл запросто Джоном, Джеф подвез к самому дому – к маленькой квартирке рядом с епископальной церковью. Напоследок сказал:

– Джон, мне бы очень хотелось вам помочь. Но я здесь человек маленький. Максимум, что я могу сделать, это постараться проконтролировать, чтобы ваш вопрос случайно не выпал из повестки дня ближайшего заседания комиссии. Но даже если комиссия одобрит поправку, в Сенате ее могут легко положить под сукно. Каждый комитет пробивает свою повестку дня и вокруг каждой крутятся лоббисты. И я не знаю силы более могущественной здесь, чем эти незаметные люди в неброских костюмах с простыми фамилиями и безукоризненной вежливостью.

– В чем же их могущество? – поинтересовался архиепископ.

– За ними большие деньги. Очень большие.

– И неужели никто в Капитолии не может им противостоять?

Уолкер пожал плечами:

– Не знаю. Но в любом случае вам надо запастись терпением и... бумагой, чтобы каждый день бомбардировать всех законодателей запросами, справками и ходатайствами.

Владыка чуть приободрился и прищурился – на мокром ветровом стекле вдруг заиграли пробившиеся сквозь тучи солнечные лучи:

– О, наш профессор Александров – просто мастер эпистолярного жанра. Но сколько времени может занять эта переписка?

Джеф закатил глаза:

– Это только одному Богу известно.

– Значит, будем обращаться сразу к нему, – улыбнулся архиепископ и, поблагодарив водителя, вышел из машины.

Джеф, перед тем как тронуться с места, еще долго смотрел вслед этому чудаковатому маленькому человечку, вызвавшему у него неожиданную симпатию и даже жалость, как вызывает жалость любой наивный неудачник. Капитан морской пехоты Джеф Уолкер, прошедший сквозь ад боев на Гуаме и Мидуэе, был оптимистом по жизни, но сейчас, взвесив факты, он решил, что затея русского монаха обречена на провал в Вашингтоне.

А тем временем владыка Иоанн начал действовать. Начиная с 6 сентября, он стал ходить по кабинетам законодателей, по правительственным инстанциям, встречаться с журналистами. Он написал письма спикерам обеих Палат Конгресса, а также в Белый дом, в Госдепартамент. Кроме того обратился в международную организацию по делам беженцев при ООН (ИРО), добиваясь строительства на Филиппинах горного санатория для больных туберкулезом.

Во время съезда Восточно – американской епархии Русской зарубежной церкви, на который пришлось съездить в Нью – Йорк, владыка Иоанн подготовил послание политическим лидерам США, Канады, Австралии, Аргентины, Бразилии и Венесуэлы. В нем были такие строки:

«...Насельники лагеря находятся в полной неизвестности о своем будущем, в постоянной тревоге,

страдая, кроме того, от местных климатических условий и стихийных бедствий. Около 80% переболело недавно, от перенесенных тропических болезней силы их истощаются. Внезапный тайфун может уничтожить все постройки лагеря и причинить неисчислимые бедствия его обитателям (...)

Мы, представители Русской Церкви за границей, послушные велениям своей совести, возвышаем свой голос и заявляем во всеуслышание, что приходит последний момент для помощи соотечественникам на острове Самаре. Просрочка каждого дня может оказаться роковой. Мы умоляем во имя Бога, еще древле рекшаго устами пророка Моисея: *Возлюбите пришельца* (Втор. 10, 19), просим обратить самое серьезное внимание на судьбу несчастных «самарцев» и возможно скорее принять меры к переселению их туда, где они смогут не только найти приют, но и в значительной степени стать снова людьми, полезными обществу и своим семьям, и послужить стране, их приютившей».

А в Вашингтоне 16 сентября 1949 года владыка Иоанн вместе с профессором Александровым выступил на заседании сенатской комиссии. Это выступление произвело на законодателей весьма благоприятное впечатление. Но пока это было только впечатление. А время летело. И каждый день там, на Тубабао, каждое новое предательски ласковое дуновение ветерка, каждая новая обманчиво нежная капля дождя грозили обернуться беспощадным смертоносным ударом тайфуна. И вот тогда неутомимый монах – в комнате которого даже не было кровати, потому как, по воспоминаниям очевидцев, ночь он проводил с молитвой на устах, стоя на коленях или сидя в кресле – поставил перед собой цель побывать в офисе каждого сенатора, периодически организовывавшего личные встречи.

Он часами мог сидеть в приемных. Если не удавалось встретиться с самим законодателем, то владыка Иоанн обращался к руководителю его аппарата. Если и он не мог

найти времени для беседы, то шел к секретарю. Если же и тот был занят, то оставляя свое письмо – ходатайство, архиепископ успевал перекинуться парой – тройкой фраз по существу дела с водителем, со стажерами в офисе, с почтальоном, с другими посетителями. Одни смотрели на него с искренним участием, другие – с безразличием, третьи – с плохо скрываемой неприязнью. Но последних было явное меньшинство, в то время как первых становилось все больше. Через месяц архиепископ знал уже по имен многих людей в огромном четырехугольнике сенатского здания – крепости, мог запросто заговорить о делах семейных с охраной или сотрудниками аппарата. Причем, владыка Иоанн все делал так искренно и непринужденно, что любой из его собеседников не сомневался: этот русский монах только затем и добрался сегодня сюда пешком, чтобы пожелать ему хорошего дня. И действительно, в момент такого разговора каждый случайный собеседник становился для владыки Иоанна самым дорогим, самым значимым человеком, будто перед ним оказывался сам президент Соединенных Штатов.

Секретарша, работавшая в офисе сенатской комиссии по делам беженцев, как-то заметила коллегам, что когда в приемную входит Mister Maksimovich, а так официально значилась фамилия монаха в документах, то у нее такое чувство, словно в комнату вдруг проникает солнечный свет через плотные темные шторы.

Владыка, обивавший пороги в правительственных учреждениях, никогда ничего не просил для себя и не жаловался на других. Но всегда был готов откликнуться на помощь другому человеку. Однажды, по совету местных репортеров, архиепископ записался на прием к одному молодому конгрессмену, который, в отличие от сенаторов, хоть и не имел касательства к голосованию в верхней палате парламента и вообще был на Капитолии человеком совсем новым, но через друзей-бизнесменов обладал особыми

личными связями на Филиппинах, а следовательно, мог ускорить процесс иммиграции «русских самарцев». Аудиенция откладывалась, потому как никто не знал, заглянет ли в этот день конгрессмен после командировки сразу в офис или все-таки сначала заедет к себе домой. Владыка Иоанн вышел прогуляться по коридору и... пропал. А тем временем приехал хозяин офиса и, к всеобщему удивлению, сказал, что у него есть хорошие новости из Манилы для мистера Максимовича. Помощники сбились с ног, разыскивая русского монаха, но его будто след простыл.

Владыку обнаружили на заднем дворе, где он помогал менять проколотое автомобильное колесо водителю пикапа из местной obsługi. Пикап был старый, белый, большой, а шофер напротив молоденький, маленький, черный как смоль парнишка, видимо, еще совсем неопытный водитель. Видя, как он неловко управляется с ключами и домкратом, монах молча закатил рукава и принялся ему помогать.

Все это заметила отрывшая окно секретарша.

– Срочно поднимайтесь, мистер Максимович. Шеф сейчас в кабинете, но он уедет через минуту.

– Как же я уйду? – развел руками владыка Иоанн. – Ведь этот юноша сам не управится!

Когда конгрессмену доложили об этом эпизоде, он долго гортанно смеялся, обнажив свои белоснежные зубы и не выпуская при этом изо рта сигару. Но потом вдруг замолчал, насупился, будто небо перед грозой, резко поднялся и, расплющив окурок в пепельнице, нервно заходил по кабинету. Конгрессмен был под пулями в Нормандии в 1944-м и лично поднял свой батальон в атаку под шквальным пулеметным огнем немцем. В Арденнах, прикрывая отход разбитой бригады, он был тяжело ранен и за мужество в бою удостоился престижной военной медали «Серебряная звезда». Дома, на Юге, его встречали как героя. Но когда в родном городе на скамейку к нему неожиданно подседа пара чернокожих ребяташек,

игравших поблизости и привлеченных видом яркой медали на его груди, он вдруг поднялся и, ничего не объясняя, быстро пошел, почти побежал прочь. Он испугался. Причем так сильно, как не пугался, может быть, никогда там, на фронте. Испугался, что кто-то из знакомых может увидеть его в компании негритянских детей. Конгрессмен никогда и никому не рассказывал об этом. Да и сейчас не рискнул бы обмолвиться об этом своим помощникам в своем кабинете. Но остановившись у окна и мельком глянув, как внизу катит колесо низкорослый, тщедушный на вид пожилой человек в монашеской рясе, конгрессмен выпалил:

– Этот монах самый отчаянный парень, которого я встречал в своей жизни. И разрази меня гром, если я не помогу ему в его просьбе.

Зимой был готов первый проект закона, по которому русским беженцам позволялось переехать в США, но в документе упоминались только три тысячи двести человек, находящихся на Самаре.

– Но как же быть с шанхайцами, оставшимися в Тяньцине, Гонконге, на Формозе..? – всплеснул руками Иоанн в разговоре с Джефом Уолкером.

– Ну, знаете, вы хотите невозможного, – возразил помощник сенатора и по лицу его пробежала тень обиды.

Владыка поспешил извиниться:

– Джеф, я каждый день благодарю Бога за встречу с вами. Вы необыкновенно щедрый, смелый и умный человек. Но в одном вы ошибаетесь...

Уолкер приподнял брови и монах поспешил ответить на этот немой вопрос:

– Вы ошибаетесь, когда категорически судите, что возможно, а что нет в этом мире. Ибо милосердие Божие не знает границ.

...После 15 часов непрерывной дискуссии переработанный законопроект, с учетом новых поправок, был все-таки утвержден Сенатом Соединенных Штатов

Америки. Голосование состоялось на Страстной седмице, в Великую среду 1950 года. А уже на следующий день, в Чистый четверг, новый закон подписал президент США. Минуло еще 10 месяцев, прежде чем в гавань Сан-Франциско 25 января 1951 года вошел лайнер «Генерал В.-Дж. Хаан», на котором прибыла первая группа многострадальных русских беженцев с Филиппин. Это было событие для города. Новых иммигрантов встречали не только, как полагается, чиновники федеральных служб, но и местные репортеры, политики, лидеры общественных организаций. И среди тех, кто смог первым подняться на борт ставшего на якорь судна, был архиепископ Иоанн.

А этому большому событию предшествовало другое, внешне совсем незаметное и скромное, происшедшее в часовне Епископальной церкви Вашингтона. Служба в арендованной православным приходом часовне уже закончилась, прихожане разошлись, когда владыка Иоанн увидел стоящих у входа Джефа Уолкера и его жену Маргарет. На руках они держали крепко спеленутого спящего младенца. Архиепископ, закрыв двери алтаря, поспешил к ним.

– О, я вижу у вас в семье долгожданное прибавление! Очень рад за вас.

Джеф смущенно улыбнулся.

– Мы назвали сына Джоном в честь вас и хотели бы, чтобы вы стали его крестным отцом.

Сына Джефа и Джессики крестили именем Иоанн в этом новом приходе, основанном владыкой Иоанном. Вскоре архиепископ покинул американскую столицу. Дальше путь его служения лежал в Калифорнию, затем в Европу, потом снова в Сан – Франциско, где после его смерти мощи святителя стали предметом поклонения для православных христиан со всего мира.

А приход, основанный архиепископом Иоанном в Вашингтоне, и сейчас живет и здравствует. В квартале от 16-й улицы, которую еще называют «улицей церковью» и которая упирается прямо в Белый дом, прихожане за десятилетия, собирая по доллару, построили кафедральный

собор Русской православной церкви за рубежом в честь Иоанна Предтечи. У входа в него есть надпись: приход основан святителем Шанхайским и Сан-Францисским Иоанном. Местная православная община чтит владыку Иоанна как своего заступника и небесного покровителя. А нынешний настоятель собора протоиерей Виктор Потапов как-то сказал: «Это не наш – это его приход». Верующие люди считают чудом то, что удалось сделать владыке для русских беженцев тогда, в 1949-м, в Вашингтоне. Скептики полагают, что архиепископ просто удачно оказался в нужном месте – на Капитолии и в нужное время – когда в Сенате шли бурные дебаты о новой иммиграционной политике с учетом новых послевоенных реалий. Но факт остается фактом. Этот безденежный монах, ходивший когда-то по Шанхаю и Парижу босиком, всякий раз отдавая свою обувь нищим и устраивая местных бездомных ребятишек в приюты, этот, казалось бы, далекий от политики чудаковатый человек с вечно всклокоченной бородой и лучистым, мягким, но при этом каким-то абсолютно бесстрашным взглядом, оказался самым удачливым «русским лоббистом» за все время существования Капитолия. Почему? А об этом уж, любезный читатель, суди сам.

Ангелина Злобина

Любка

Дворовый романс

Паша Немчик умер в начале января, в воскресенье. В ту ночь утихла метель, потеплело, и к утру осевшие сугробы стали пористыми от падающих с деревьев капель. Небо надвинулось, мокро заблестели стволы тополей, водосточные трубы и прутья дворовой решетки.

Пашкина старшая сестра Валя, уже повязанная сложенным в полоску черным платком, бледная, в распахнутом пальто, раза три за утро ходила в соседний дом, где была Пашкина квартира, и обратно. Иногда она останавливалась, чтобы поговорить с кем-нибудь из соседей, жаловалась, что от этой оттепели так некстати скачет давление и в голове гудит, а дел невпроворот. Вздыхая, она укоряла кого-то:

– А этот теперь лежит, улыбается! – потом отирала рукой покрасневшие глаза и добавляла с одышкой: – По-человечески, считай, что и не пожил... Все из-за этой!

И, не принимая ни от кого даже молчаливого несогласия, раздраженно отмахивалась и шла дальше.

Паша прибрался, как говорила Валя, неожиданно, без жалоб – уснул и не проснулся, будто не хотел никому доставлять лишних хлопот. Он и жил так же – тихо.

С детства от фамилии Немчинов к нему прицепилось снисходительно-ласковое прозвище – Немчик, и осталось на всю жизнь. Однако никакой нордической стати в нем сроду не было: невысокий, худощавый, бледный. Волосы его вились как попало, кудри – не кудри, так, пакляной туман. Черты неяркие, будто на выцветшей фотографии. Запоминалось не лицо, а скорее выражение – дружелюбное, немного застенчивое.

Когда он улыбался, вздрагивали только уголки губ, Пашка опускал глаза и смущенно приглаживал ладонью непослушную белобрысую челку. Если шутил, то коротко и вполголоса, а если в ответ не смеялись – не обижался.

Едва окончив школу, Немчик отрастил волосы до плеч, длинные бакенбарды и усы подковой; стал носить узкую цветастую рубаху, тертые джинсы-клеш, серебряную печатку на мизинце. Так и ходил много лет, взрослея, старея и будто не замечая, что весь этот маскарад давно вышел из моды.

Годам к тридцати от его былого щенячьего обаяния почти ничего не осталось, только сивые усы да печатка на

мизинце. Кудрявую шевелюру он давно состриг и, улыбаясь, теперь приглаживал ладонью не битловскую челку, а мыс прямых серых волос, уцелевший между двумя залысинами. Своей семьей он так и не обзавелся, жил в одной квартире со старшей сестрой Валею и двумя ее дочками.

Валентина – женщина полная, рыхлая, с тяжелой утиной походкой и округлыми белыми руками, в свои сорок два уже стала бабушкой. Все лето она сидела на скамейке у детской площадки, покачивая новенькую голубую коляску, время от времени заглядывала внутрь, что-то там бережно поправляла кончиками пальцев и сияла тихой улыбкой, похожей на Пашкину.

Соседки подходили, присаживались рядом, разговаривали вполголоса о делах, о погоде, о том, что в обувной магазин у станции завезли югославские сапоги, а еще о том, что Немчик с недавних пор зачастил к Любке из пятого подъезда – и вот это совсем ни к чему.

– Да ума нет, вот и ходит, – зло цедила Валя. – Не говорила я ему, что ли... Все без толку!

Раздражаясь, она сплетала руки на груди и шумно дышала, гневно глядя в сторону.

– Да и черт с ним, – добавляла она, не оборачиваясь, – перебесится да и одумается. Будто он не знает, с кем связался!

Когда-то давно почти все обитатели двора жили в барачном поселке возле железнодорожной станции, потом бараки снесли, а жителей переселили в кварталы новых краснокирпичных домов, выстроенных колодцами со сквозным проездом. В каждом дворе разбили сквер, насадив рядами тощие тополя и сирень, в центре устроили детские площадки, которые, впрочем, местная детвора никогда не любила, предпочитая играть за гаражами возле немецких домиков или на стадионе у старой школы.

В одном углу двора в полуподвальном этаже открылся ремонт обуви, там пожилой армянин Алик,

седой и щетинистый, как старый еж, набивал на каблук местным модникам титановые подковки; в другом углу, напротив, работало ателье. Всегда, даже днем, за низкими зарешеченными окнами мерцали голубоватые лампы дневного света – Полина Сергеевна из пятого подъезда и Ира из второго с утра до вечера что-то кроили, отпаривали, подгоняли, надев сметанные одежды на безголовые манекены с горделивой осанкой.

Привычка к коллективной жизни у людей со временем постепенно утрачивалась, но окончательно не исчезала. Старожилы все еще держали друг друга в поле зрения, испытывая при этом довольно разные чувства – от родственного участия до ревнивого любопытства.

Люба жила на первом этаже, прямо над ателье. Вечерами ее бурная жизнь силуэтно отображалась на зеленоватых кухонных занавесках – неустойчивые фигуры, покачиваясь и оступаясь, вырастали, перемещались, наклонялись к огоньку зажигалки; иногда чья-то нетвердая рука проникала между шторами и поворачивала оконную задвижку. Створка приоткрывалась, звуки становились громче – слышался бессвязный тягучий разговор, звон посуды, выкрики и ругань, что-то с грохотом падало, билось. Любка кричала истеричной матерной скороговоркой, а через минуту уже заливисто пела и тут же переходила на хохот.

Прежде чем войти в подъезд, соседи медлили и, уже взявшись за дверную ручку, вглядывались в узкую щель между шторами, чтобы потом, у себя дома, переобуваясь в домашние тапки, сообщить:

– У этой опять кабак!

Она числилась лаборанткой в НИИ, днем мыла пробирки, вечером – полы. По вторникам, как все сотрудники, получала «за вредность» молоко в треугольных пакетах и, не таясь, несла домой в одной авоське с пакетами лабораторную посуду. Чашки Петри в Любкиной квартире

становились пепельницами, а фаянсовые плошки годились под закуску.

Стоя в очереди у цистерны с квасом, соседки усмехались и переглядывались, заметив приближающуюся Любу. Та, подойдя, как ни в чем не бывало интересовалась: «Кто крайний?» – потом ставила бидон на асфальт, усаживалась на низкое ограждение клумбы, закидывала ногу на ногу, обнажая незагорелую ляжку с овальным пятном синяка, и доставала из кармана мелкую горсть семечек.

Короткое цветастое платье ей было тесновато под мышками и в бедрах, ногти на руках – небольшие, ломкие, казались по-детски обкусанными, волосы от макушки расходились ровными рыжеватыми прядями и путались на концах белесыми химическими завитками.

Любка покачивала на мыске босоножку, по кроличьи шевелила маленькими розовым ртом, сплевывала семечную шелуху и смотрела не пойми куда сонными голубыми глазами. Она была близорука, но очков не носила, потому на взгляды и выражения лиц никак не реагировала.

Соседи заговаривали с ней редко и неохотно, поучать и острить опасались – уж очень у Любы был звонкий голос, и ответить она могла так, что случайные прохожие шарахались в стороны, как от внезапной собачьей свары. Вечно дежурившие у гастронома аборигены с бурыми обезьяньими лицами одобрительно гоготали, дворничиха опускала метлу и замирала в клубах оседающей пыли, а жертва удалялась, гордо вскинув голову и шипя сквозь зубы нескладные обрывистые проклятия.

Говорили, что когда-то у Любки был муж, но куда он подевался – никто не помнил. По одним сведениям – он исчез, когда Люба лежала в роддоме. Будто бы, вернувшись домой с маленьким Димкой, она обнаружила квартиру пустой – ни денег, ни вещей, ни продуктов, с тех пор своего благоверного она так ни разу не видала. А по другим – никакого мужа у нее никогда не было, а кто Димкин отец,

Люба, скорее всего, и сама толком не знала. Этой версии верили больше.

Как Немчика занесло к Любе, никто не мог понять. В своей компании он слыл почти непьющим, никто из его друзей в ту квартиру никогда не захаживал. Однако Немчик туда зачастил, прижился. А однажды утром явился домой, не слушая сварливые причитания сестры, вытряхнул из гардеробного ящика в спортивную сумку носки, сгреб с полки белье и рубашки, забрал магнитофон, бритву и ушел.

Валентина видела из окна, как он, срезая путь, перешагнул ограждение детской площадки и скрылся за кустом сирени, потом мелькнул за стволами тополей у дома напротив и снова исчез за листвой.

– Вот дурак-то... – шепотом сокрушалась Валя, – вот дурак...

Димке, Любиному сыну, было тогда лет двенадцать. Он матери стыдился – если случалось утром выходить с ней вместе из подъезда, он тут же ускорял шаг и, едва завернув за угол, перебежал на другую сторону улицы, чтобы не идти рядом с Любкой до самой школы.

С появлением в их квартире Паши Немчика гулянки понемногу стихли. Завсегдатаи вечерних посиделок по привычке еще заглядывали на огонек, но уже не засиживались. Выйдя в сумерках из подъезда – обычно вдвоем или втроем, они останавливались, закуривали, а потом медленно брели вдоль сквера и рассуждали о том, что Любка баба хорошая, но дурная, а все эти попытки изображать семью бесполезны, потому что мужик Любке нужен жесткий, такой, у которого не забалуешь, а что этот Немчик? Так – ни рыба ни мясо.

Вскоре интерес к чужой жизни у людей пропал вовсе – время настало мутное, привычный уклад будто смыло

начисто, не оставив даже названий. В НИИ, где Люба много лет мыла пробирки, теперь не было ни души, только внизу сидел вахтер, охраняя опечатанные лаборатории и пустые коридоры. Ближайший завод стал складом, стадион – оптовым рынком. Вместо книжного магазина на углу возник лабиринт с разноцветным китайскими тряпьем, в гастрономе вдоль витрин, заставленных диковинными продуктами, сновали незнакомые продавщицы. Люди суетились, как стая голодных и бестолковых рыб, и, будто под гипнозом, отсчитывали купюры. Про буйные загулы в одной из квартир уже никто и не помнил.

Зимой Полина Сергеевна праздновала дома юбилей. Народу собралось много, понадобились стулья, и вскоре в квартиру пришла женщина с парой желтых сосновых табуреток, невысокая, с гладкими темными волосами до плеч. Она обернулась, окинула всех взглядом, блеснули строгие очки в тонкой золотистой оправе. Сесть за стол она отказалась и быстро исчезла, сказав кому-то в прихожей очень знакомым голосом: «Потом, потом...» – и как только закрылась дверь, между гостями зашелестело тихое удивленное: «Любка?..»

Кто-то видел мельком, как однажды в конце лета Немчик с Любиным сыном Димкой – неузнаваемо повзрослевшим, широкоплечим, выгружали из багажника «москвича» сумки с дачным урожаем. Люба стояла рядом, держа в одной руке длинный букет астр, другой прижимая к себе белый кочан капусты. Еще как-то осенью Немчик с Димкой выносили к мусорным контейнерам старый диван, а Люба смотрела из окна, почти неразличимая за отражением кирпичного дома, желтого дерева и белого прямоугольника неба.

С этой, новой уже Любкой, соседки по-прежнему здоровались сквозь зубы. Мужья соседок и бывшие собутыльники хоть и не ухмылялись больше, не подмигивали и не свистели вслед, но так и не решились сменить

привычные знаки внимания на что-нибудь пристойное, так что проходили молча, глядели мимо.

Полина Сергеевна иногда обращалась к ней с пустяковыми просьбами, и Люба охотно одалживала соль, несла из магазина молоко и, пока Полина работала в ателье, приглядывала за ее шестилетним внуком Мишкой, с важным видом гуляя по периметру детской площадки.

Внука Полине привезла ее дочь Света, оставила на бабкино попечение, а сама бросилась зарабатывать деньги и устраивать личную жизнь. Мишка поначалу скучал, а потом понемногу освоился, нашел приятелей, всегда зная, что ключ для него бабка оставляет у Любы в квартире напротив и что днем к ней всегда можно зайти – одному или с компанией, попить компота из большой пивной кружки. Компот из сухофруктов Люба варила специально для этих случаев.

Вечером тридцать первого августа Мишка шел домой, обхватив двумя руками охапку астр. Не видя за цветами ступеней, он все время осторожно ступал правой, потом постучал мыском ноги в дверь. Полина открыла и молча приложила ладонь к груди.

– Любаня дала, – сказал Мишка из-за букета своей изумленной бабке. – Это мне в школу.

В начале апреля после долгих холодов вдруг потеплело, в два дня растаяли остатки снега, и уже через неделю высохший асфальт во дворе весь был изрисован мелом, на тополях зеленели почки, с кленов свисали розовые кисти.

Валентина стояла на солнцепеке и млела от тепла, воробьиного щебета и по-весеннему гулкового дворового эха. Из ее хозяйственной сумки пахло только что купленным свежим хлебом, а от вязаного жакета – теплой овечьей шерстью и горьковатыми рижскими духами.

Из подъезда вышел Паша, сощурился от солнца, увидев сестру, приветственно кивнул, закурил и медленно направился к ней. Он грустно улыбнулся и спросил:

– Как жизнь, Валь?

Она мирно ответила: «Да ничего...» – окинула его взглядом с ног до головы, оценила новый пиджак, острую стрелку на брюках, галстук в серую крапинку.

– Далеко собрался?

Пашка затянулся, выдохнул в сторону и просто ответил:

– Жениться идем.

В ту же минуту вышла Люба – Валя не сразу узнала ее – в костюме брусничного цвета, в парике с аккуратно уложенными русыми прядями, с новой белой сумкой, весело и нелепо светящейся на весеннем солнце. Остановившись, она метнула в сторону Валентины быстрый мышинный взгляд – и на мгновение сквозь странно одетую, усталую, немолодую и некрасивую женщину проявилась другая, та, прежняя Любка, наглая девка с голубыми глазами и скандально-звонким голосом. Валентина опасливо промолчала, но губы поджала и подбородок презрительно вздернула. Люба что-то искала в сумке, щелкнула застежкой, взяла Немчика под руку – и оба, торопясь, пошли прочь.

Парик Любке совсем не шел – пышный, светло-русый, с округлой челкой и высоким затылком. Говорили, что будто бы она разругалась с сестрой из-за раздела дачи, и вышла у них драка. Люба сестрице спуску не дала, но сама лишилась изрядного клока волос на видном месте.

Валентина, узнав о происшествии, устало вздохнула:

– Горбатого могила исправит. Чего с нее взять: шалава – она и есть шалава...

Впрочем, что там на самом деле произошло, никто толком не знал, а об истории с дракой рассказала сама Любка. Она ушивала костюм в ателье – тот самый, брусничного цвета, и во время примерки говорила с Полиной про сестру, про дачу, про то, что следующей весной сын придет из

армии, надо бы сделать в квартире ремонт, прикупить парню одежду...

Закройщица Ира, собирая иглой складки клетчатой ткани, внимательно прислушивалась к разговору и поглядывала в сторону примерочной. Вечером, за чаем, она рассказывала Валентине:

– Потом принесла еще пару юбок, тоже ушить. Я не стала, – она брезгливо скривилась, – у меня и без нее работы навалом! Полина взялась, вот и пусть делает...

Откусив половину конфеты, Ира подлила себе в чашку бледного остывшего чаю и продолжила, дожевывая и запивая:

– Выглядит Любаня так себе... Вроде и постройнела, а не идет ей эта хужоба. Жаловалась, что ноги болят...

– Меньше надо было пить!

– Это точно. Но приделась и все ездит куда-то каждое утро. Может, работу какую нашла?

– Лучше б она мужика себе другого нашла, – вздохнула Валентина. И, меняя тему разговора, деловито поинтересовалась: – Сколько ж у вас стоит юбку пошить?

На майские праздники к Полине Сергеевне приехала дочь – загорелая, ярко одетая, на новой машине. Решили ехать на дачу – жарить шашлык, гулять на свежем воздухе и заодно убраться на участке после зимы.

Позвали Любу с Немчиком. Люба поначалу упиралась, стесняясь модной веселой Светки, и бубнила: «Нет-нет, не поеду», – но Полина, воодушевленная приездом дочери и праздничной суетой, скомандовала:

– Знаешь что, поедешь! Собирайся давай!

Люба сдалась, и скоро они с Немчиком вышли к машине – он в джинсах и серой ветровке, она – в коротком

бежевом плаще и в прозрачной голубой косынке поверх русских синтетических локонов.

Дом у Полины на участке был совсем небольшой – в два окна. Вдоль изгороди зеленели кусты крыжовника, рядом с крыльцом отцветали три вишневых дерева, осыпая белыми точками лепестков дощатый стол и две лавки. Всюду – и в палисаднике перед домом, и вдоль стены на припеке, и между вишнями – из земли торчали клинышки одичавших тюльпанов.

Света с Полиной ушли в дом, раскрыли окна, что-то там мели, двигали, мыли, выкидывали на улицу старые вещи и мусор. Потом унесли все в дальний угол участка и долго поджигали, комкая газеты и чиркая спичками.

Немчик наколот дров из старых досок, растопил мангал недалеко от крыльца и, усевшись на табуретку, стал насаживать на шампуры бледные куски мяса. Люба у стола резала только что вымытую блестящую редиску. Полина принесла маленькие стеклянные рюмки с золотым ободком, спросила у Светы:

– Такие годятся под вино?

Та разбирала сумку, выкладывая на стол свертки с закуской, взглянула мельком и рассеянно ответила:

– Тебе нравятся? Значит, годятся...

На солнце по-весеннему мягко припекало. С пустыря за домом доносились выкрики, звуки ударов по мячу, победные вопли. Мяч иногда взлетал свечой или описывал длинную дугу на фоне чистого неба.

Вино оказалось сладким, с каким-то знакомым привкусом – не то черной смородины, не то вишни. Полина, выпив рюмку, порозовела, стала разговорчивой. Люба вино только попробовала, похвалила, а потом все отказывалась, испуганно бормоча: «Нет-нет, хватит-хватит!» – и закрывала рюмку ладонью. Немчик приглядывал за мангалом, время от времени приносил к столу дымящийся шампур с

зарумяненными кусками мяса, потом наливал себе в рюмку водки и чокался с Полиной.

Света с сыном сначала пытались играть в бадминтон, а после ушли туда, где догорал костер, и сидели там, на бревне, разговаривали и передвигали в огне головешки.

– Соскучилась она, – сказала Полина. – Зарабатывает хорошо, только все время в разъездах, Мишку месяцами не видит. И замуж бы надо...

– Надо, – согласилась Люба. – Ей сколько лет?

– Да уже тридцать два. И три года как в разводе. Это ей бывший муж такую работу нашел. Сказал: решай быстро, а то место в два счета займут! Вот она и решила. Год назад, что ли, дело было... Ну да, как раз в конце мая. А я накануне что-то так плохо себя почувствовала, сердце прихватило. Ира хотела мне прямо в ателье неотложку вызвать. Я говорю – не надо, пойду полежу, само пройдет. Дома лекарство выпила, и сначала вроде отлегло, а к вечеру что-то мне все хуже и хуже. Промучилась полночи, кое-как уснула. А под утро снится мне мой дед. Я вроде куда-то уезжать надумала – вещи складываю. Вдруг он заходит в комнату. Встал рядом, кивнул на раскрытый чемодан, говорит: «Ну что, собралась? – и головой качает, усмехается. – Вот молодец! А внука кто за тебя растить будет?» И на другой день, – Полина постучала согнутым указательным пальцем по краю стола, – Света моя звонит: «Я тебе Мишку привезу».

– Надо же... – Любка примолкла. Лицо у нее посветлело. Зачарованно глядя куда-то в сторону, она повторила: – Надо же...

Вдруг она обратилась прямо к Полине:

– Значит, что-то там есть? – и, не дожидаясь ответа, снова посмотрела мимо и ответила сама себе: – Значит, есть!

Солнце садилось, тени стали длинными, синими, над лесом появились розовые облака. В Любину косынку вдруг врезался майский жук, запутался, завозился. Люба ойкнула, вскочила, затрясла головой.

– Да подожди ты! – Немчик, смеясь, удержал ее за плечи, отцепил от косынки жука и бросил в сторону. Жук угодил на дорожку, пошевелился, расправил крылья и улетел.

Паша обнял Любку, обхватил краями своей ветровки и спросил:

– Чего дрожишь-то, испугалась или замерзла?

Полина поднялась.

– Давайте-ка собираться домой, молодожены...

К концу мая сильно похолодало, а самое начало лета выдалось ветреным и дождливым. Прохожие перемещались по мокрым улицам, закрывшись зонтами, и, обходя лужи, смотрели под ноги.

Немчик, никогда в жизни не державший зонта в руках, только шурился от частых холодных капель и наклонял голову. Он всегда будто опаздывал, ходил быстро – воротник поднят, в руках сумка с продуктами – кивал встречным знакомым и шел мимо.

Говорили, что недавно он привез Любку из больницы и что дела ее совсем плохи. Полина на все расспросы любопытных клиенток отвечала одно – «не знаю», а однажды, рассердившись, выпалила:

– Идите и спрашивайте сами! Мне Паша сказал – у тебя сердце больное, не нужно тебе сюда ходить, Люба не велела. Вот и все.

Она грохнула тяжелым утюгом о подставку, забрала со стола отпаренный пиджак и ушла в примерочную.

Такого нашествия Немчик не ожидал. Они явились – четыре добрых женщины с пристальными взглядами и повадками крупных домашних птиц. Входя в прихожую, они теснили его и менялись местами, будто совершали какой-то странный танец; они говорили все вместе, не то укоряя его, не то жалея.

Он отступил и показал рукой в сторону:

– Там.

Оставив в маленьком темном коридоре обувь, женщины гуськом прошли через смежную комнату. Первая открыла дверь, сделала еще пару шагов и остановилась. Остальные, вдруг оробев, столпились рядом с ней, озадаченно глядя в дальний угол.

Там на постели сидел худой лысый мальчишка в растянутой голубой майке и нахально скалился.

– Чего приперлись? – задиристо выкрикнул он Любкиным голосом. – А ну пошли отсюда!

Женщины молчали. Одна из них сделала осторожный шаг к постели.

– Ты чего, Любань? Мы тебя навестить пришли.

Но Любка грозно взмахнула тощей серой рукой и разразилась такой звонкой матерной трелью, от которой в прежние времена уважительно столбенели грузчики из местного гастронома, а у зазевавшейся продавщицы в пивном ларьке через край граненой кружки лилась густая кислая пена.

Немчик стоял в проеме кухонной двери со скомканным полотенцем в руке и наблюдал исход.

Гости снова прошли через комнату, потом, обуваясь, молча шаркали в коридоре и сокрушенно вздыхали.

– Паш, – громким шепотом позвала самая настойчивая, – так у нее что?..

Остальные насторожились, притихли.

Немчик замаялся, потом кивнул и одними губами беззвучно произнес короткое слово. И совсем тихо добавил:

– Две-три недели. Осталось. Не больше.

Он пожал плечами и, виновато улыбнувшись, пригладил ладонью редкие волосы надо лбом.

За окном мело. Сквозь черные ветки кустов мутно светились лампочки на занесенной снегом елке.

Немчик сидел у Полины на кухне, курил и смотрел в маленький экран телевизора, где мелькала разноцветная новогодняя канитель. Полина подкладывала ему на тарелку ветчины и жареной картошки, приговаривая:

– Закусывай, Паш, ты совсем не ешь ничего. Тебе в ночь работать, что ж ты, до утра голодный будешь?

Немчик держал сигарету, зажав ее между пальцами почти у самой ладони, и когда затягивался, казалось, что он закрывает рукой рот. Он прищурился от дыма, стряхнул пепел и, не глядя на Полину, сказал:

– Вчера Любаньку во сне видел. Под утро, перед тем как будильник зазвонил.

Он снова затянулся, на мизинце блеснул серый перстень-печатка.

– Вставай, говорит, пора тебе. И знаешь, тихо так сказала... Зовет?

В голосе у него промелькнула надежда.

– Паш, – рассердившись, Полина отложила вилку и встала, – брось ты ерунду городить! Рассуждаешь как старый дед. Тебе еще лет-то...

– Зовет! – тихо согласился сам с собой Немчик. И мечтательно улыбнулся.

Полина достала из холодильника банку с солеными огурцами и взяла с полки вторую, пустую, поменьше.

– С собой огурцов возьмешь? Я в этот раз листья хрена добавляла. Надо будет опять этот сорт посеять – огурчики все маленькие, ровные. И капусты положу тебе, капуста хорошая получилась, хрустящая...

Она, наклонившись, переставляла что-то на нижней полке холодильника, выдвинула лоток, задвинула обратно, а когда, распрямившись, выглянула поверх раскрытой

дверцы, Немчика уже не было. На стуле осталась его серая вязаная шапка. Полина вышла из квартиры на площадку, потом вернулась, накинула на плечи пальто, спустилась вниз и открыла дверь. На улице не было ни души. Следы у подъезда становились все уже и исчезали прямо на глазах. Фонарь отчаянно сыпал снегом. Полина постояла, пытаясь разглядеть за частым мельканием белых точек удаляющуюся фигуру Немчика, но так ничего и не увидела. Порыв ветра подхватил край накинутого пальто, разметал подол тонкого халата, Полина зажмурилась и отступила назад, в тихое подъездное утро.

Галина Бурчанская
Москва, Россия

Гриша

Рассказ

Наверное, в каждом дворе есть признанный лидер. Гриша был старше наших с Генкой ровесников лет на шесть. Высокий, красивый, независимый. Соседи звали его стилигой. Вокруг него всегда порхали красавицы – взрослые девицы. Дворовая ребятня безуспешно подражала ему, копировала лексику, походку, манеру одеваться. Он мало с кем общался: нас, мелкотню, не замечал, а с теми, кто постарше, иногда здоровался за руку и предлагал закурить. Это было знаком особого отличия и почета, делало избранных на несколько дней героями. Гриша перешел на второй курс Горного института, когда впервые поехал в Сибирскую экспедицию. За год студенчества он стал мужественней и еще краше, стайку влюбленных девиц изящно отодвинула истинная королева красоты, его однокурсница, тоже, видно, стилига. Они очень подходили

друг другу, напоминали западных киногероев, ходили, держась за руки, обнимались и целовались при всех, разом круша все моральные устои и провоцируя гнев скамеечных кумушек. Но влюбленной парочке на это было наплевать – они наслаждались. Длинное лето у меня прошло, как всегда, в лагере. Началась школьная жизнь, музыка, книги, Генка. Все вроде как всегда. Кроме одного: я не видела Гришу, да и не слышала – а жили мы через стенку, а его «заграничная» музыка за неделю ни разу не зазвучала. После долгих моих уговоров мама рассказала, что Гриша в больнице, тяжело болен. Представить себе это было невозможно: такой большой, спортивный, сильный... Больше от мамы я ничего не узнала. Никогда не вела бесед с нашими кумушками, но тут решилась – ведь Генка тоже ничего не знал. От него, как и от меня, что-то скрывали. Тетя Франя, наша дворничиха, сказала: «Все, конец вашему Гришке, догулялся. А все эта стерва, Анька. На практике вместе были, решила она узнать, как он ее любит. Заставила спрыгнуть ночью в холодную речку с обрыва. Он, дурак стилижный, и спрыгнул. Инвалид теперь на всю жизнь. Спину сломал, башку, операции делали-делали – не помогло. Лежит, как пустой мешок, рукой-ногой пошевелить не может. А говорит так, что ничего не понять. Родители с ума сходят. Помрет ваш Гришка». С Генкой реакция у нас была одна: немедленно пойти к нему. «Так не пустят вас туда, дети вы малые, до 14 лет ждите, коли доживет». Мы писали Грише письма, передавали книжки, журнал «Крокодил» и что-нибудь вкусное. Каждый день справлялись у родителей, которые вдруг стали очень старыми, о его самочувствии. Врачи, вероятно, сделали все, что могли, и выписали Гришу домой. Мы с Генкой увидели его во дворе сидящим в старом домашнем кресле, которое поставили рядом с подъездом, у скамейки. Впервые такая популярная скамейка оказалась пуста. Сентябрь был теплый, солнечный, а дружная компания зорких «смотрящих» дематериализовалась. Как

потом выяснилось, осела в соседнем дворе. Мальчишки, недавние Гришины поклонники, не подходили к нему, с небывалым усердием играли в футбол, не замечая худого, измученного, в облезлом кресле бывшего кумира. Возможно, всех их пугал вид такого больного и несчастного парня. Так уж устроены люди: их тянет ко всему красивому, свежему, здоровому. Недуг, а особенно неизлечимый, меняющий облик до неузнаваемости, ставит в общении невидимую и неосознанную преграду. Нам с Генкой тоже сначала было страшно. Но скамейка все же стала нашей. Мы сидели с Гришей, рассказывали ему анекдоты, я пела ему лагерные (выученные в пионерлагере, но настоящие лагерные – теперь это «шансон» – песни). Гриша смеялся, а мы радовались. Он что-то говорил нам, мы ничего не понимали, но смеялись вместе с ним. Его мама говорила, что только с нами он начал что-то есть и даже немного поправился. Она кормила его с ложки, а мы подыгрывали, как это делают с малышами: открывали рот, будто хотим съесть его суп или кашу сами. Он улыбался. Эти вечера на скамейке у подъезда нельзя назвать веселыми, но я счастлива, что они в моей жизни были. Гришины родители очень благодарили нас, а мы не понимали, за что. Красавица Аня, из-за которой случилась трагедия, пришла к Грише во двор только раз. Она могла бы действительно быть мисс Европы или Мира – глаз от нее оторвать было невозможно. Принесла торт и свою фотографию. Сказала, что спешит, сделала попытку губами прикоснуться к Гришиной щеке, но в последний момент передумала, потрепала ее рукой. Генка сказал мне потом, как брезгливо вытирала она эту руку платком, а потом выбросила его в кусты. Гришу болезнь не сделала глупей, он все видел и понимал. Хотел порвать фотографию, но физически не мог этого сделать. Это сделал Генка. Если честно, мне было жаль, что такая красота превратилась в крохотные бумажные огрызки. Я сказала об этом, когда мы уходили домой, а мой друг,

благородный умница Генка, твердо ответил: «Это – не красота. Это – чудовище». Аня быстро нашла Грише замену, сына высокопоставленных родителей. Они разъезжали по городу в престижной тогда «Волге», ходили в рестораны, в гости к бывшим общим друзьям и не пытались этого скрыть от Гриши. Он умер зимой. Анин ухажер бросил ее, когда узнал о ее беременности. Аня пошла на подпольный аборт к какой-то бабке и через несколько дней умерла от сепсиса. Грустная история. И выводов из нее не хочется делать. Все люди разные, в каждом из нас есть хорошее и дурное. Хочется, чтобы дурного было меньше.

Надя Бауман
Нью-Джерси, США

Vivus
Рассказ
vivus – живой (лат.)

Сколько себя помнил, Вивус всегда куда-нибудь торопился.

«Он у нас мальчик подвижный, живенький, – говорила, гордясь, мама. – Не зря так назвали».

В детстве это получалось неумело. Торопясь в школу, он выходил из дома на рассвете, садился в первый трамвай и оказывался у ворот одновременно с охранником, который начинал утреннюю смену. Потом Вивус час сидел в полутемном холле и наблюдал, как школа наполняется людьми. Сначала приходила уборщица и протирала холл огромной шваброй. Затем появлялись повара, завучи, учителя и, наконец, ученики. Глядя на них, еще сонных, Вивус ощущал проведенный на лавке час как особое

достижение: он уже вон сколько в школе просидел, а эти только-только пришли!

Потом, конечно, до него дошло, что вот этот час – это же ужасная растрата! Ведь сколько можно успеть! Но только к третьему курсу Вивус научился хоть сколько-нибудь разумно распоряжаться временем.

Однажды он понял, что часто просиживает штаны в ожидании под дверью кабинета, и начал брать с собой книжки или конспекты, чтобы всякая минута шла в дело. Постепенно он все точнее угадывал, когда следует выйти из дома, чтобы успеть на место вовремя и не ждать целый час. Настоящими врагами юного Вивуса стали пробки и цены на съемное жилье: постоянные заторы то и дело портили планы, и как проще было бы, переберись он куда-нибудь в центр!

Жизнь кипела. Так много ярких ленточек на подарках хотелось развязать, а в руках уже была целая охапка, справиться и не растерять бы: учеба, подработка, друзья, студенческий быт, Ангелина с факультета журналистики, футбол по вторникам. В этот момент Вивус понял, что в жизни у него есть две страшные вещи. Первая – опоздать. Вторая – напрасно потратить время.

«Беги, беги. Ты же у меня живенький», – вздыхала мама, когда он торопливо влезал в кроссовки и неся «обсуждать новый проект», или когда, бегло поковыряв ужин, утыкался в компьютер «по работе».

Мир казался прекрасным деревом, и то ли ветви с чудесными плодами опускались все ниже, то ли Вивус рос все выше, но теперь он мог все, стоило только протянуть руку... И найти время. Время было платой за любое желание.

Он ругал себя, школьника, за бездарно потраченные десять лет. О чем он только думал тогда? Гонял мяч, смотрел мультики да сидел болванчиком в темной школе по утрам. Нет бы изучить, скажем, скорочтение, или английский, или ударно пройти по книгам из списка произведений,

которые должен прочитать каждый. Ну или хотя бы фильмы нужные смотрел – сколько бы сейчас времени сэкономил!

А времени не было вообще. Это Вивус все острее чувствовал с каждым годом. В двадцать три его осенило и он понял, чего хочет больше всего на свете. Отныне у Вивуса было не только два главных страха, но и две большие мечты. Первая – оставить в жизни след. Вторая – увидеть и испытать все, что только есть интересного в мире.

И он начал работать над этим.

«Оставить след» звучало как мечта художника, режиссера или политика. Ни к чему из этого Вивуса не тянуло, и он подался в офисные служащие. Он решил стать таким сотрудником, чтобы президенты компаний сражались за возможность заполучить его, чтобы подчиненные с благоговением произносили его имя, а практиканты все как один мечтали «быть как Вивус». Сколько людей будет от него зависеть, сколько судеб будут нести на себе отпечаток его решения! А там и пару книжек о личностном росте можно выпустить.

Он начал с малого, и карьера ладилась. Трудолюбивый и неглупый, Вивус с удовольствием брался за сложные задачи. Находил решения там, где никто не находил. Тратил время, которое никто не хотел тратить. Ведь он-то тратил на мечту!

Вместе с должностью росла и зарплата. Постепенно Вивус начал воплощать в жизнь свою вторую мечту – познавать мир. Сначала были дешевые хостелы и прогулки пешком до дыр на кедах, затем – улучшенный класс в самолете, уютные гостиницы, автомобили напрокат. Он пробовал необычные блюда, бывал в модных ресторанах – «места», как называли их журналы. Он был в курсе всего, что современный человек может увидеть в музее, театре, цирке или кино. Он прыгнул с парашютом, обучился сноуборду, провел неделю в дайвинг-туре – в такие моменты «места» и кинотеатры казались Вивусу отдыхом для обывателей.

Но ощущение счастья не наступало. Вивусу всегда было мало. Казалось, он может успеть больше, но почему-то не успевает. Лентяй, осел, сонная муха! Жизнь подтверждала его страхи: вон тот за год получил должность гораздо выше (а ведь сверстник!), вон та уже полмира облетела, а этот успел стать экспертом по современному финскому искусству – нужная же штука!

«Я делаю что-то не так, – думал Вивус. – Что я упускаю?»

Он изучил методики повышения личной продуктивности, посетил курсы по эффективному управлению временем. Дела в его ежедневнике были подогнаны аккуратно и плотно, как доски в паркете. То, что не помогало на пути к его мечте, вычеркивалось. Он реже виделся с друзьями и путал имена тех, кто приходил на смену Ангелине, потому что решил для себя, что семейная жизнь не обеспечит его новыми эмоциями и не поможет оставить след.

Лучше, больше, быстрее – так жил Вивус.

Он удивлялся, почему другие живут иначе. Неповоротливые глыбы, все эти друзья, коллеги, люди в кафе и на улице. Он заканчивал список из двадцати дел, пока они пили утренний кофе. Он успевал прочесть газету, пока они ее разворачивали. Если на тротуаре кто-то шел прогулочным шагом, и обойти бездельника не удавалось, Вивус трясся от раздражения. Даже в воскресенье.

Вскоре у него все стало получаться именно так, как хотелось – быстро, на лету. Будто крылья выросли. За один короткий отпуск он успевал увидеть столько, сколько прошлый медлительный Вивус не посмотрел бы и за год. Бразильские фавелы, американские каньоны, тибетские горы, китайские храмы, пражские замки, африканские джунгли... Он за день обежал весь Рим и разочаровался – ну что за скучный город, делать совсем нечего! В двадцать седьмой день рождения он исполнил давнюю мечту –

обошел весь Эрмитаж и осмотрел каждый экспонат. Это заняло три часа. А говорили, пять лет! Враки.

Одна беда – что-то случилось с памятью. Спрашивают, например: «Ну и как вам в Мексике? Понравилось? Не жарко? Еда вкусная? А кактусы на вкус какие?» А он и не знает, что сказать. В Мексике был, местную стряпню ел, даже из кактуса – вот и фото предъявить может. Но как оно было, понравилось ли... «Да так как-то», – пожимал он плечами, скрывая за этим безразличием искусственного путешественника пустое и холодное «никак».

И этим «никак» Вивус мог бы охарактеризовать серфинг, альпинизм, курсы об истории архитектуры, полет с парашютом и многое другое – если бы задумался. Но он не задумывался. Не было времени. В мире было еще столько непознаного! Нельзя было упустить ничего.

И он наращивал темп, успевая по три, по четыре дела за вечер! Заскочить в новый ресторан, осмотреть все работы на модной выставке, заглянуть в гости к школьному приятелю, набросать план своей книги о карьерном росте – это будет частью его «следа». Заехать в автосервис, повидать маму, успеть на лекцию о черных дырах. Курсы фотографии, бассейн, премьеры фильма, пейнтболл с друзьями, мастер-класс о жизненном успехе, праздник устриц в трапезной, в Прагу на выходные, уроки тенниса, дегустация вин, репетитор по английскому...

Он приходил на корпоративный праздник и как юркая змейка лавировал между нарядными людьми, здороваясь на ходу, ни на секунду не останавливаясь, постоянно прокручивая в голове, что еще нужно успеть за вечер.

Он брал с подноса бокал, и официант не успевал заметить этого жеста. Он шутил с коллегами и слышал отголоски их смеха, будучи уже в другом углу зала. Он отпускал комплименты дамам, и они удивленно оглядывались через плечо – нет никого, показалось, что ли? Он благодарил организатора за прекрасный праздник и исчезал за дверью

прежде, чем тот успевал открыть рот. У Вивуса не было на это времени. У Вивуса всегда дела. Он чувствовал себя торпедой, молнией, стрелой из упругого лука, летним вихрем, стремительным и невесомым. Люди вокруг были неуклюжими глиняными големами. Куда им угнаться!

Соседи по подъезду не успевали отвечать на его приветствия. Прохожие не успевали даже заметить, что он проскользнул между ними – для Вивуса эти статуи словно бы и не двигались. На фотографиях с дружеских вечеров он получался смазанным пятном – всегда в движении, всегда в спешке. Он потом не мог толком вспомнить, что было на этих вечерах и чем один отличался от другого, но гордился, что побывал на каждом. Он успевал все что хотел и знал, что может больше.

Его ботинки не снашивались, будто не касались земли при ходьбе. В теле поселилась легкость, будто тела не было вовсе, а со временем Вивус управлялся так, будто сам был временем!

Впоследствии Вивус стал таким быстрым и незаметным, что никто уже не мог толком сказать, был ли он в компании. Приятели озадаченно чесали затылки: «А Вивус-то с нами пошел тогда? А вчера видел его кто?» Фотографии не давали ответа: не понять, Вивус это или взвившийся от сквозняка тюль, а то и вовсе блик на объективе.

Вскоре оказалось, что никто не помнит его голоса, так же как лица, цвета волос и роста. Иногда те, кто часто общался с ним, вздрагивали и оборачивались через плечо – это ветерок шепчет что-то или Вивус поздоровался на бегу?

Вивус исчез. Стал невидимым, неосязаемым для мира, в котором так хотел создать что-то прекрасное и чьи чудеса так спешил попробовать на вкус. Совсем скоро забылось и его имя. Говорили, что был тут один с чудным прозвищем – то ли «быстрый» на латыни, то ли «живучий». Что хотел оставить след и познать жизнь, и сейчас, пожалуй, носится по какой-нибудь аризонской пустыне или

тунгусской степи – там, где ему не мешают нерасторопные медлительные люди. И сам ветер, должно быть, отстает от него, ведь у ветра еще есть работа – заметать следы за торопливым человеком.

Юлия Сабурова
Херсон, Украина

Последний убийца

Рассказ

«Кажется, это было в 203.. году. Хотя сейчас сложно назвать точную дату. Но в газетах об этом точно писали. Ну, да, как же они могли такое пропустить», – мысли не давали ему уснуть вот уже второй час. Он включил свет, на будильнике – 4 утра.

Он пытался вспомнить, когда же они вернулись с Великого Праздника. В 12 или в час ночи? «Да какая теперь разница?» Он огляделся, но, как и ожидал, жены рядом не оказалось. Прекрасно понимая, где она сейчас, он решил не мешать ей.

Но сегодняшней всемирный праздник заставил его заглянуть в уголки своей памяти и вспомнить когда же это случилось. Оставив бессмысленные попытки уснуть, он пошел на кухню. Там, за кружкой кофе, стал листать вчерашнюю газету. Как и ожидалось, большая ее часть посвящалась Празднику. «Ну как же, весь город на ушах. Да что там город – мир!».

Тогда он вернулся в комнату и достал со шкафа маленький чемоданчик. В нем хранились разные деловые бумаги, важные документы и небольшой перемотанный сверток. На кухне он развернул его и в руках оказались вырезки статей за разные годы. Все они касались, конечно же, вчерашнего события.

С детства он привык все сложные вопросы решать одним способом – записывал свои мысли, вперемешку с фактами, потом перечитывал и делал логический вывод, который успокаивал его. И так он находил выход из любого затруднения. Так что и в этот раз он взял ручку и тетрадку и стал писать, надеясь, что привычный для него метод не подведет.

«Это было 30 лет назад. Тогда серия убийств охватила наш город. В газетах его прозвали «Неуловимым», ведь большинство своих преступлений он совершал в людных местах, в будний день. Будто специально указывал полиции на их беспомощность. И к сожалению, был прав.

Но в истории он запомнился не как самый жестокий преступник, а как «официально последний убийца на земле». Да, он был последним. В период его зверских нападений среди ученых стали популярными эксперименты на человеческом мозге. Последние испытания проводились среди заключенных. И они выяснили, что в центральной части мозга есть некая зона, и у людей, склонных к насилию, при воздействии рентгена, эта зона превращается в темное пятно. Вскоре они назвали ее «область зла».

Это открытие перевернуло весь мир. Сканирование мозга стали применять во всех тюрьмах. И это дало результаты. Эти эксперименты всё разрастались, и спустя месяц сформировалась огромная компания «WAQ».

К сожалению, в период популяризации этих испытаний, в разгаре шла компания выборов на пост президента мира. И один из кандидатов решил продвигать эти исследования. Он выдвинул свою концепцию «идеального общества», где не будет место насилию, убийствам и жестокости. Естественно, именно этот прием принес ему голоса избирателей.

И так, он стал президентом мира. И не соврал. Оказалось, что он свято верил в свою концепцию и принялся создавать идеальное общество. Компания «WAQ» под его руководством превратилась в мощнейшую корпорацию и

расставила свои представительства по всем уголкам мира. Сейчас вы не найдете ни единого города, за которым не наблюдает их зоркий взгляд.

Но ему показалось неэффективным такие эксперименты. Ведь ученые уже нашли эту зону в человеческом мозге. Так что дальнейший рентген у заключенных был просто бессмысленным. Тогда президент решил, что нужно создать все условия для того, чтобы предупредить возникновение насилия в мире. А для этого он выдал закон об обязательном прохождении рентгена всего населения земли.

Конечно, это был крупнейший проект. Но тогда никто даже не подумал возмутиться. Ведь все это преподносилось под лозунгом «Для блага общества». Люди искренне поверили в возможность искоренить насилие во всем мире. Правда, тогда еще никто не задумывался над вопросом, а как это сделать?

Я помню, что все добровольно проходили эту безболезненную процедуру. Не было ни единого случая, чтобы кто-то отказался или счел это бессмысленным. Так, всё население планеты Земля дружно вступило в новую эпоху «Гармония».

После сканирования жителей планеты, ученые создали крупнейшую картотеку, куда были занесены личные данные объектов с пометкой «зона зла». К удивлению всех, таких «носителей» оказалось довольно много.

Этот процесс мог бы и остаться на уровне какой-то картотеки, если бы не эта история с «Неуловимым». Он был одним из занесенных в список. Его «зона» ничем не отличалась от «зон» других людей, которые были склонны к насилию. Это и повергло в шок ученых. Ведь теперь возникла главная проблема: а что делать со всеми этими людьми? Ведь невозможно изолировать такое огромное количество. Да и как, ведь они пока ничего не сделали.

Главная загвоздка состояла в том, что человек с подобной зоной мог всю жизнь прожить и мухи не обидев,

а мог стать кровожадным убийцей. Но как это определить? На это никто не мог ответить.

Но все решил случай. В числе жертв «Неуловимого» числилась дочка самого президента. Он не успел ее оплакать, как начал вбивать всему населению мысль о жестокости этих людей. По всем каналам демонстрировались ужасающие сцены с мест преступлений, и всегда приписывалось, что каждый из списка потенциально опасен. И что никто не может спать спокойно, пока такие люди ходят по этой земле.

Как он и ожидал, общество было повергнуто в ужас. А мы ведь понимаем, как легко управлять толпой в таком состоянии. Не удивительно, что большинство (конечно, не включая людей из списка) не протестовали против последнего его закона. Он и по сей день называется «Очищение от насилия». Зло уничтожали без сожаления. Людям настолько промыли мозги, что они отрекались от родных и отдавали их на чистку компании «WAQ».

Но ведь рождаются новые люди. И корпорация зорко следила за каждым. В закон об обязательном прохождении рентгена была внесена маленькая поправка: «каждый человек, достигнувший 6-летнего возраста, обязан пройти процедуру».

Так и повелось. В 7 утра, когда ребенку исполнялось 6 лет, его тут же забирали специальные агенты службы и везли на сканер. И позже вечером те же агенты возвращали родителям либо ребенка, либо маленькую урну.

Чтобы приучить к новому темпу жизни, по всем СМИ начали крутить (да и по сей день продолжают) одни и те же лозунги: про здоровое общество, мир без насилия, и «Помните, ребенок становится вашим с 6 лет», «Не привязывайтесь к возможному источнику насилия». Так убитый горем президент создал свой идеальный мирок.

Вчера все население планеты праздновало особенный день – Великий Праздник. В эту дату мы всегда славим президента, как человека, который избавил мир от зла,

убийств и жестокости. И, конечно же, отмечаем годы с последнего убийства. За время существования проекта не было зарегистрировано ни единого человека умершего насильственной смертью. Наш мир вошел в эру счастливого общества».

Он отложил ручку. На часах было 6.45. Он не спал всю ночь. Перечитав написанное, он пытался сделать хоть какой-то правильный вывод. Но вместо этого расплакался как маленький ребенок. Он судорожно сжимал тетрадь, глаза жадно искали ответы среди строк, но, увы. Он ничего не мог поделать.

Тогда, разорвав листы, он поднялся и тяжело поплелся в детскую. Возле маленькой кроватки рядом с сыном лежала его жена и сжимала руку мальчика. Тот сладко спал. Он подошел и разбудил обоих.

– С днем рождения, сынок. Сегодня у тебя большой день.

В дверь позвонили...

Олег Пряничников
Верхняя Салда, Россия

Свадебный гость

Рассказ

Кузина никто не звал, он сам пришёл. У порога квартиры обычного пятиэтажного дома зачем-то оправдывался, мол простите, думал что поминки, а оно вон как оказалось – свадьба. Ломая кепку, уже было повернулся, чтобы уйти, но открывшие ему дверь люди были в отличном настроении, тем более уже выпили, и Кузина впустили, как-никак родня всё-таки. Хотя никто так и не понял – кому и кем

он приходится, но раз представился дядей Васей – значит кому-то дядя.

Кузина усадили за стол, поставили перед ним чистую тарелочку, налили в рюмку водки.

А тем временем свадьба шла своим чередом. Тамада, раскрасневшаяся, толстая баба, съевшая на этом деле собаку, певуче что-то там читала по десятки раз использованным листкам, она уже подходила к тосту. И вот, когда наступил сладкий момент тоста с избитой «горькой» оконцовкой, раздался голос, не терпящий возражений:

– А разрешите-ка мне произнести тост!

– Вам? – растерялась тамада-свиные глазки.

– Мне! – отрезал Кузин и поднялся во весь свой рост – метр сорок.

Тамада, опешившая, плюхнулась на свой стул.

Кузин взмахом головы откинул назад бело-чёрную чёлку, одёрнул полы старенького серого пиджачка и, взяв со стола рюмку, торжественно начал свой тост:

– Дорогие Пётр и Рая!

Кто-то подсказал с шипением: «Александр и Светлана».

– А то я не знаю, – усмехнулся Кузин, кашлянув в свободный костистый кулачок и зыркнул на подсказавшего.

Все как бы тоже усмехнулись. Один из гостей (подсказавший), правда, громко заржал, но Кузин остановил его испепеляющим взглядом, а затем невозмутимо продолжил:

– Дорогие Александр и Светлана! Впрочем, – смягчил тон Кузин, – давайте-ка по-простому. Сашка! Тебя, Сашка, я с пелёнок знаю. Маленький ты брыкастый был, копытистый. Помню, капусту жрал – будь здоров. У других отбирал детишек. Маленьких, голодных...

Тут жених стал испуганно озираться по сторонам, мол, какая чёрту капуста. Какие детишки голодные?

– Всё блял ты, блял, – продолжал тост Кузин, – всё бегал по огородам соседским. А теперь всё. Всё! Хана

теперь тебе, Сашка, отбегался! Привяжут тебя к верёвочке! Ну и ладно. Ну и ничего. Терпи, Сашок... Я заканчиваю.

После этой фразы Кузина все присутствующие облегченно вздохнули. Жених смахнул со лба пот, невеста отхлебнула водки.

– А посему, я заканчиваю, – сказал Кузин и вдруг с надрывом всхлипнул. – Горько! – И хлопнул опорожненную рюмку об пол.

– Горько-о!!! – после не большой паузы дружно заорала свадьба и заскандировала словно на хоккейном матче: Горько!!! Горь-ко !!!

Жених и невеста поднялись со своих мест и слились в поцелуе. Раздались аплодисменты.

– А теперь – споем! – вскрикнула тамада.

На её призыв взъерошенный гармонист растянул было меха и затянул что-то свадебное. Его песню уже начали подхватывать, но тут...

– Разрешите снова мне! – раздался голос, не терпящий возражений.

– Да что же это такое, – возмутилась тамада, но не громко, скандал ей был ни к чему, тем более деньги она уже получила.

– Валяйте! – разрешил пьяный отец невесты.

– И правильно, – Кузин снова вырос на метр сорок из-за стола. – Я как раз о вашей дочери хочу сказать.

Отец невесты получил тумак от матери невесты, а у невесты задёргалось правое веко.

– Светлана! Светик ты наш семицветик! Кстати, мама невесты, передайте мне вон тот салат из капусты и вон тот фужер под водку.

– Он хрустальный, – проямлила было мама невесты, но Кузин сверкнул очами. Он налил себе под каёмку.

Для техники безопасности позади него кто-то бросил пару подушек – из приданого невесты.

– Тебя, Светик, я тоже с молодых копытц знаю.

– Да я не местна-ая-я-я! – проорала невеста.

Кузин словно не услышал её:

– Любила ты, Светик-семицветик, побегать по полянкам там разным, по огородам всяким. Одна, или с кем-то. Нет, конечно, и ходить и бегать ты и теперь сможешь, но только под строгим приглядом мужа. Он у тебя козёл видный, да и ты козочка ничего – вот и пойдут у вас красивые козлята. Мда.

– Сам ты козёл! – не выдержал жених. – Что за фигня?! Капуста, огороды, копытца?! А?! Ты, вообще, кто такой?! Ты чей?! Родственник!!!

– Ну, ты бодни ещё меня, – огрызнулся Кузин и махнул в три глотка свою водку. Пустой фужер врезался в подушки. – Гоорько-о-о!!! – взревел опьяневший Кузин и обвёл мутными глазами комнату, полную людей. – Ну что уставились, козлы?! Я сказал – горько! – это он обратился ко всем присутствующим здесь. Возникла мёртвая тишина. А потом началось.

Пьяный Кузин потянул на себя скатерть со стола, так он решил удержать равновесие, потому что его сильно качнуло. Естественно: грохот полетевшей посуды, мат. Отборный мат. Затем жених бил Кузина. Затем били жениха. Короче, стало происходить то, без чего не обходится не одна русская свадьба, – повальная свадебная драка.

Кузин кубарем выкатился из подъезда. Он с трудом встал на ноги, отряхнулся, напялил на себя кепку и, шатаясь, побрёл.

Дул холодный, осенний ветер. Он брёл до тех пор пока не шагнул на огромный пустырь, покрытый местами травой. Ещё зелёной. Остановившись, Кузин задрал голову на луну. Кепка с его головы упала, луна наливалась белым соком.

И вот наступило полнолуние. Вдруг раздался хруст костей – руки Кузина превратились в ещё одну пару ног, а из его черепа вылезли рога.

«Бе-е-е-е!» – заблеял Кузин и ринулся в сторону горизонта.

Илья Криштул
Москва, Россия

Добрые люди

В России много добрых людей, это всему миру известно. Недобрых редко встретишь, а добрые буквально на каждом шагу попадаются. Правда, не утром в понедельник и не в Москве. Утром в понедельник в Москве люди злые, лица у них угрюмы, кулаки сжаты, глаза кровью налиты, так и сверлят тебя, подлости ждут. И своей, и от тебя. Спустишься в понедельник в метро – как к голодным пираньям в аквариум попал. Или к тиграм в клетку. Даже бразильцы – я сам видел! – уж насколько жизнерадостная нация, вечно поют, улыбаются, танцуют, с детишками возятся, а приехали зачем-то в Москву и... На «Курской», ещё улыбаясь и фотографируя, в метро сели, одну остановку до «Комсомольской» проехали, всё – из вагона вышли мрачные, матерятся, перегаром воняют, дети у них орут, бабы друг друга толкают, сумками на колёсиках цепляются... Зараза, видно, какая-то в метрополитеновском воздухе витает. Не может же такого быть, чтобы человек ещё в воскресенье вечером жену целовал, собаку гладил, с детьми уроки делал, даже телеканал «Культура» посмотрел во время рекламы по нормальным каналам, а утром в метро спустился и растерзать всех готов, особенно женщин и людей пожилого возраста. И какие диалоги в понедельник в метро услышать можно! – Мужчина, вы зачем девушку ногами бьёте? – А она меня локтём задела! – Вот мразь! Дайте я тоже ей в морду дам, твари этой!

А часам к восьми утра заразный воздух из метро на поверхность выходит и дышат им, надышаться не могут автомобилисты с пешеходами. Которые, кстати, когда

до работы доберутся, наденут белые халаты врачей. Или сядут в свой кабинет в собесе. Или зайдут в аудиторию к студентам. Но пока врач-хирург с искажённым ненавистью лицом орёт из своей машины на женщину-пешехода: «Куда ж ты, сука старая, прёшь! Я ща выйду, ноги тебе оторву и в задницу засуну! Сдохнешь у меня, зараза!» И отвечает ему женщина – пешеход, воспитательница детского садика для одарённых детей: «Пасть заткни, козёл! И харю свою ублюдушную убери, а то кадык вырву!» И бежит она дальше на свою маршрутку, отталкивая конкурентов и не сортируя, кому из них три годика, а кому восемьдесят. Они все для неё сейчас, утром в понедельник, даже не конкуренты – враги. И всё меньше и меньше в Москве одарённых детей. И плавает, плавает в отравленном злобой воздухе тополиный пух. И несётся из каждой машины мат вперемежку с шансоном. И плачет девочка в беленьком платьице, которую выкинули из автобуса на асфальт, потому что внутрь залезала медленно, только мешалась всем. И говорит она фразу, от которой ещё в прошлом веке барышни падали в обморок, и соглашается с ней её молодая мама, которая в понедельник утром выглядит лет на шестьдесят – глаза злые, руки трясутся, лицо красное, волосы растрёпаны...

Но, к счастью, во вторник утром злоба из Москвы уходит. Люди смирились с тем, что выходные прошли, что работать ещё четыре дня, что пиво пить нельзя, что начальник идиот, а стрелять из травматического пистолета в глаз незаконно, даже если вам на ногу наступили. Можно обойтись и ударом в пах. Добрыми людьми жители Москвы, понятно, не стали, но это так быстро и не случается. Просто на место злобы пришло равнодушие. Не дай вам Бог умереть во вторник утром в метро! На вас обратят внимание только ночью, когда начнут убираться. А весь день через вас будут перешагивать, вас будут брезгливо обходить, о вас будут спотыкаться спешащие куда-то

люди. И никто – никто! – не сообщит о вас дежурной по станции, а если кто и сообщит, то дежурная всё равно до вас не дойдёт. И как красиво смотрится спящий в автобусе мужчина, над которым навис живот глубоко беременной девушки! Когда автобус дёргается, мужчина просыпается, равнодушно смотрит на живот и снова уходит в дремоту. Потому что мужчина знает – он заплатил за проезд столько же, сколько и эта беременная, но едет один, а она в животе безбилетника провозит. Или безбилетницу, и хорошо, если одну. Справедливости ради надо сказать, что во вторник в Москве можно встретить и приличных людей, в понедельник их вовсе не было. Приличный человек отличается тем, что где-нибудь в трамвае очень неуклюже оттесняет старушку от освободившегося места, присаживается и вместо того, чтобы сразу притвориться спящим, начинает ёрзать. Стыдно ему, и опыта ещё нет, и четыре поколения интеллигентов возмущаются у него в сердце, но уж больно стоять не хочется. Потом приличный человек отгораживается от старушки томиком Бродского и спокойно доезжает до своей школы, где служит учителем. И также спокойно – равнодушно взирает на курящих второклассников...

А в среду утром Москву покидает и равнодушие. Но на смену ему приходит не доброта, нет. Приходит недовольство. В среду утром жители Москвы недовольны всем – президентом, правительством, мэром, дворниками-узбеками, погодой и вообще жизнью. Именно в среду вся Москва пишет жалобы, кляузы и заявления, и именно на среду приходится пик семейных ссор и преступлений на бытовой почве. А что вы хотите, середина трудовой недели, люди устали, нервы на пределе, всё дорожает, машина в сервисе, у соседей ремонт, в магазине обсчитали, пока жалобу писал ещё и оскорбили, водосчётчики протекают, любовница достала, жена надоела... Кто-то своё недовольство матом проорёт и успокоится, кто-то синяк жене поставит и спать

пойдёт с недовольным видом, кто-то до полиции дозвонится или до суда дойдёт, но остальным-то что делать? Только за нож хвататься, он всегда под рукой лежит. А когда разрешат иметь боевое оружие, о чём уже давно говорят, вот тогда недовольство можно будет высказывать более результативно, со стопроцентной гарантией смерти объекта недовольства. Пока таким правом обладают только полицейские и представители Кавказа, но скоро, скоро, скоро... На президента с мэром, разумеется, не замахнёшься, на погоду с правительством тоже, но остальное-то всё рядом. Конечно, армию охранников придётся увеличить в два-три раза, каждому гражданину РФ охранник понадобится. Ведь как будет: «Почему у вас колбаса просроченная?» – семь трупов, «Девушка, мы уже полчаса сидим – и к нам никто не подходит» – три трупа, «Извините, персики почём?» – семнадцать трупов, «Марат Владимирович, готовы ли вы взять в жёны Круглову Елену Анатольевну?» – один труп. Причём Марата Владимировича, за неправильный ответ.

Но в четверг от московского недовольства не остаётся и следа. В четверг Москва выхолощена, жители погружены в себя и на внешние раздражители не реагируют. Два дня! Осталось простоять-продержаться два дня и... Дачи, шашлыки, боулинги, караоке, клубы, рестораны, сауны, «Ашаны», режé кино и обязательно пиво. Поэтому в четверг московские люди молчаливы, задумчивы и заторможены. Они уже в предвкушении. На любой, даже на самый простой вопрос можно получить совершенно неадекватный ответ. «Скажите, пожалуйста, который час?» – спрашиваете вы. «Ох и нажрусь же я завтра...» – отвечает сосед по эскалатору. И ведь нажрётся же...

И – пятница! Кульминация рабочей недели, её жирная точка или даже восклицательный знак. В пятницу уже никто не работает. Люди закупают мясо, заказывают сауны и караоке, собирают по телефону компанию, обсуждают

количество водки на человека и куда заныкать пиво на утро. В пятницу утром на лицах московских жителей можно заметить даже некое подобие улыбок, но, к сожалению, улыбки эти обманчивы. На самом деле в пятницу в Москве процветает хамство. При входе в метро вас с улыбкой ударят многотонной дверью. В троллейбусе улыбнутся и посоветуют сидеть дома, «с таким-то лицом». На почте со смехом ткнут носом в табличку «Окно № 3 не работает никогда». Потом вас укусит собака без намордника и обматерит её улыбчивый хозяин, потому что «смотреть надо, куда идёшь, а то понаехали и ходят везде, как бараны». А если в пятницу у вас что-нибудь сломается и вы позвоните в службу технической поддержки, вам сначала скажут, что «Ваш звонок очень важен для нас», потом заставят в течении часа слушать весёленькую мелодию, а уже потом отключатся навсегда. Такое вежливое улыбчивое хамство...

И наконец – суббота! Свобода, равенство, пьянство! Крутятся в стиральных машинах белые рубашки и тёмные брюки, сушатся форменные юбки и блузки, валяются где-то бейджики с именами «Светлана», «Игорь», «Азиза» и «Охрана». В субботу Москва вымирает и замирает. Куда-то исчезли истеричные тётки из трамваев, наглые нищие из метро и хамоватые владельцы дорогих машин. Полупустые улицы, полупустой транспорт, не видно недовольных лиц, нет злых и равнодушных. Есть только агрессивные. Да, в субботу Москва малолюдна, но агрессивна, и в этой агрессии и обида за бесцельно прожитые пять рабочих дней, и накопившаяся за эти дни ненависть к другим людям, и нехватка денег на что-нибудь, и зависть к тем, кому на что-нибудь хватает... Поэтому в субботу жители Москвы на почве внезапно возникших личных неприязненных отношений бьют и режут всех, кто им почему-то не нравится. Особо отличаются в этом плане москвичи из южных республик, которые внезапно возникшую личную неприязнь всосали с

молоком матери. И гремят по субботам в Москве выстрелы, и достаются металлические пруты с бейсбольными битами, и бьют русские нерусских, а пьяные – непьяных, бьют таксисты нетаксистов, а полицейские – неполицейских. А ведь есть ещё болельщики и неболельщики, самбисты и несамбисты, строители и ломатели, торговцы и покупатели, просто сумашедшие и около миллиона тех, кто не поделил место на парковке. И плещется по всей субботней Москве агрессия, и выплёскивается иногда даже за МКАД, и тогда студент колледжа в Химках вдруг бьёт в лицо идущего ему навстречу мужчину. «Зачем?» – спрашивают студента уже потом. «А что б не гавкал, урод...» – отвечает тихий по будням студент. А урод и не гавкал, он просто улыбнулся. В субботу вечером. В Химках. Студенту колледжа. Который уже выпил своё субботнее пиво «Охота»...

И вот оно – воскресенье... Даже название этого дня звучит светло, празднично и умиротворённо... Сколько хороших воспоминаний из детства и юности связаны с воскресеньем! Первый поход с папой в зоопарк... Первое возвращение домой под утро... Первое свидание с будущей женой... Но, видимо, к московским жителям по воскресным дням приходят совсем другие воспоминания. Первая пьяная драка... Первое похмелье... Первое свидание с будущей женой опять же... Ведь можно было просто не ходить и жизнь пошла бы совсем по-другому! Но – увы, поздно, поздно... А тут ещё это воскресенье, вобравшее в себя всё, что было на неделе... И поэтому жители Москвы в этот день озлоблены, равнодушны, недовольны, погружены в себя, хамоваты, агрессивны и плюс ко всему депрессивны. И их можно понять – что было вчера, мало кто помнит, а завтра понедельник, опять идти к девяти утра продавать мобильные телефоны или страховые полисы, впаривать туры в Египет или автомобили, улыбаться клиентам или покупателям, вести переговоры с партнёрами из Воронежа

или Пекина, сидеть весь день перед монитором или за кассовым аппаратом, из всего великого русского языка пользуясь одной фразой – «Пакет нужен?». Стоило ли для этого пять лет учиться в институте, шесть лет в музыкальной школе, одиннадцать в средней, при этом ещё занимаясь рисованием, танцами и английским, спрашивает сам себя житель Москвы, и из петли его вынимают только две тысячи евро, отложенные на отдых в Черногории. И хмурится небо над Москвой, и так же хмурятся московские лица по воскресеньям. Не вздумайте в этот день звонить старым друзьям, подругам и приятелям с какими-либо просьбами. Поберегите и их, и себя. В займы вам никто не даст, никто вам ничем не поможет, а друзей потеряете навсегда. А если вы в гости приедете без предупреждения, вы не только друзей потеряете, вы ещё и врагов наживёте. Хотя дверь вам всё равно никто не откроет. По воскресеньям столичные жители прячутся в своих норках и заставить их открыть дверь может только что-то необычное, красивое и увлекательное. Авария с многочисленными жертвами на соседней улице, например. Или пожар в соседнем доме, тоже с жертвами. Или просто убийство на лестничной площадке. А тут вы с радостным лицом: «Привет, давно не виделись!» Да ещё сто лет бы не виделись, если б ты не припёрся, придурок! И сидят москвичи по воскресеньям в своих квартирах, кто-то жену целует, кто-то собаку гладит, кто-то уроки с детьми делает, но большинство телевизор смотрит. И совсем не телеканал «Культура». А там, в телевизоре, и аварии с многочисленными жертвами, и пожары, тоже с жертвами, и убийства на лестничных площадках, и... В общем всё, что нужно для отдыха и гармоничного развития личности, и, главное, дверь открывать не надо.

А так, конечно, в России очень много добрых людей. Несмотря на телевидение. Злых редко когда встретишь, а добрые повсеместно. Доброта, она ведь в генах у русского

народа сидит, она нам по наследству передалась, от пращуров. Она просто так исчезнуть не может. У москвичей просто доброта эта поглубже забралась, жизнь-то посложней, чем где-нибудь в Костроме-Коломне. Но если вечером с ножом выйти, поймать москвича и этим ножом поскрести, доброта сразу вылезет. Он тебе и кошелек отдаст, и мобильный, и сумку свою сунет – на, носи, пользуйся, не жалко! Потому что человек добрый. И людей любит, и животных всяких, и рыбок, особенно осетровых пород. И взгляд добрый, и лицо в целом. Но не в понедельник с утра. И не во вторник. И не в среду... Вообще не на этой неделе.

Павел Бычков
Москва, Россия

Коты, боги, лягушки и архиерей

Несколько замечаний о «Мастере и Маргарите»
Эссе

Роман О. Генри «Короли и капуста» начинается с цитаты из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла В ней Морж обещает рассказать устрицам о «башмаках и сургуче, / капусте, королях, / и почему, как суп в котле, / кипит вода в морях». О. Генри пишет, что ни о чем из вышеперечисленного Морж рассказать не успел, так как незамедлительно съел всех устриц, однако он, О. Генри, расскажет историю, где есть «и корабли и башмаки, и сургуч, и капустные пальмы, и (взамен королей) президенты» Кажущиеся на первый взгляд детскими, книги Льюиса Кэрролла на самом деле таят в себе много загадок и аллюзий, о которых О. Генри несомненно знал. В том же фрагменте о королях и капусте содержится намек на римского императора Диоклетиана, отказавшегося от трона. Когда к нему в Далмацию прибыли

сановники и стали уговаривать вернуться в Рим, согласно легенде он ответил: ««Если бы вы видели, какую я вырастил капусту, вы бы меня не уговаривали»».

Безусловно, это всего лишь один пример, которых в книгах Кэрролла найдется много. И в мире есть немного книг, которые дают простор для изыскания в них аллюзий, реминисценций, скрытых цитат и отсылок. Одной из них можно по праву считать роман Михаила Булгакова (1891 – 1940) «Мастер и Маргарита» (1938). Он был написан около 80 лет назад, однако более 30 лет оставался неизвестен широкому кругу читателей и поэтому до сих пор предоставляет исследователям простор для изучения. На мой взгляд, мне удалось найти несколько достаточно любопытных моментов, которые, в силу своей незначительности (или загадочности), ускользали от взгляда серьезных ученых. Возможно, это было связано с тем, что культурная среда эпохи, в которой писал свое знаменитое произведение Булгаков, была совсем другой, нежели та, в которой он воспитывался. К примеру, Дмитрий Лихачев в своих воспоминаниях пишет о занятиях по «медленному чтению» Пушкина, которые проводил известный лингвист Лев Щерба, который также был из дореволюционного поколения. За полгода они прочитывали всего строфу или даже несколько строк «Евгения Онегина», вдумываясь в каждое слово. Таким образом, студенты учились не только воспринимать сюжетную линию поэмы, но также искать в ней скрытые цитаты, аллюзии, параллели. Именно с такой целью я и обратился к роману Михаила Афанасьевича, однако, хотелось бы отметить, что эта статья – лишь вектор, который может помочь основательному литературоведу найти новый подход к изучению «Мастера и Маргариты».

Не будет преувеличением сказать, что чувство юмора Булгакова не уступало ни чувству юмора и эрудиции Льюиса Кэрролла, ни О. Генри, а мест, вроде «королей и капусты» в романе предостаточно. Ведь мы любим «Мастера и

Мargarита», за то, что в романе прочитываются аллюзии на «Фауста» и «Божественную комедию», Пушкина и Гоголя, за то, что Булгаков может в одной фразе – к примеру, «Чего не хватишься, ничего нет!» или «Нет документа, нет и человека» – выразить особенности советской эпохи. Одним из мест, требующих более подробного объяснения, можно считать упоминание Воландом в конце первой главы романа «рукописей чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века». Николай Боков обратил однажды мое внимание на то, что Воланд имеет в виду папу римского Сильвестра II (около 946 – 1003).

Имя Сильвестр он принял после избрания, до этого он носил имя Герберт. Он родился в Аврилаке, в юности с усердием изучал математику и астрономию. Благодаря путешествию в арабскую часть Испании с посольством графа Барселоны, одним из первых среди европейцев Герберт познакомился с арабскими цифрами и начал всячески пропагандировать их внедрение в европейскую арифметику. На основе десятичной системы счисления (правда без использования нуля) Герберт восстановил абак и усовершенствовал его за счет арабских математических достижений. Несомненно, Герберт читал и сочинения греческих и римских авторов на арабском. Он был настолько образованным, что получил в простонародье прозвище «Чернокнижника». После поездки в Рим, Герберт стал наставником сына знаменитого германского императора Оттона. За несколько лет до смерти Герберт сначала был избран архиепископом Равенны (998), а затем и папой римским (999). Однако, несмотря на прозвище и увлечение разнообразными науками, трактатов по черной магии папа римский не писал. Безусловно, введя Герберта в действие романа, Булгаков хотел поиздеваться над поверхностным образованием Берлиоза, о котором Мастер говорит, что он «человек не только начитанный, но и очень хитрый».

О Берлиозе

К слову о Берлиозе. Нужно заметить, что два персонажа носят имена композиторов, точнее даже два персонажа, связанных с Иваном Бездомным – профессор Стравинский и Берлиоз. Если со Стравинским не связано каких-то значительных событий романа, то Берлиоз – одно из главных действующих лиц, и то, что он однофамилец композитора, подчеркивается не раз. Ара Мусаян предположил, что Булгаков назвал так своего героя не случайно. В одном из самых известных произведений Гектора Берлиоза «Эпизод из жизни артиста, фантастическая симфония в пяти частях» автор выступает как главный герой. В четвертой части, которая называется «Шествие на казнь», герой, понимая, что его возлюбленная не питает к нему никаких чувств, пытается отравиться опиумом. Доза слишком мала, и он забывается сном, в котором его посещают наркотические видения. В одном из них ему кажется, что он убил свою возлюбленную и его ведут на казнь. Он восходит на эшафот, и ему отрубает голову, которая затем скатывается по ступенькам.

О боги, боги мои!

Но на этом история Берлиоза не заканчивается. Ведь именно Берлиозу, который погибает в третьей главе романа, принадлежит знаменитая речь, изобличающая «миф о Христе».

«Нет ни одной восточной религии, – говорил Берлиоз, – в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых. [...] Высокий тенор Берлиоза разносился в пустынной аллее, и по мере того, как Михаил Александрович забирался в дебри, в которые может забираться, не рискуя

свернуть себе шею, лишь очень образованный человек, – поэт узнавал все больше и больше интересного и полезного и про египетского Озириса, благодного бога и сына Неба и Земли, и про финикийского бога Фаммуза, и про Мардука, и даже про менее известного грозного бога Вицлипуцли, которого весьма почитали некогда ацтеки в Мексике».

Здесь от лица Михаила Александровича Берлиоза в вульгарном советском варианте говорит вся мифологическая школа. Она была основана философами Просвещения в конце XVIII века и развивалась на протяжении XIX-XX веков. Ученые этой школы утверждали, что Иисус Христос – лицо никогда не существовавшее, а сложившееся из образов других ближневосточных и азиатских божеств. Особую популярность мифологическая школа получила в конце XIX – начале XX века в связи с широким применением сравнительного метода в истории, в том числе и истории религий. Возглавили эту школу такие ученые как Джон Робертсон, Уильям Смит, Георг Брандес, а самым ярким представителем был немецкий философ Артур Дреус. Однако, начиная с конца XIX века, с мифологистами соперничали приверженцы противоположного направления в религиоведении, получившего название «историческая школа». Основным тезисом этого направления было то, что Иисус действительно существовал, однако впоследствии его биография обросла легендарными событиями. Если вспомнить ершалаимские главы «Мастера и Маргариты», мы поймем, что Булгаков сам находился под большим влиянием исторической школы, чьими яркими представителями были Давид Штраус, Эрнест Ренан и Адольф фон Гарнак.

Берлиоз в разговоре с Иваном Бездомным приводит практически весь аргументарий мифологической школы, который советские ученые накопили к середине 30-х годов. Однако, Булгаков и его использует как сатиру против советской «науки». Культы Осириса и Исида, а также Адониса, наравне с другими воскресающими богами –

Митрой, Сераписом, Дионисом-Загреем и Аттисом, были популярны в эпоху поздней Римской империи, в период зарождения христианства. Они пытались конкурировать, как гностицизм и манихейство, с мододой религией спасения. Некоторые правители склонялись к тому или иному божеству, однако победителем вышло христианство. Личность Христа, распятого и воскресшего, предстающая перед нами в Евангелиях, могущественнее и радикальнее этих языческих культов. Вопреки утверждению Берлиоза, ни один из богов не был рожден девственницей и не имеет ничего схожего с Иисусом Христом. Кроме иконографии бегства Исиды на осле, которую восприняли раннехристианские иконописцы, легенды, связанные с перечисленными богами, мало похожи на евангельскую историю.

О хоре лягушек

Еще одним интересным моментом мне показался довольно забавный эпизод перед балом Сатаны.

«Под ветвями верб, усеянными нежными, пушистыми сережками, видными в луне, сидели в два ряда толстомордые лягушки и, раздуваясь как резиновые, играли на деревянных дудочках брагурный марш. Светящиеся гнилушки висели на ивовых прутиках перед музыкантами, освещая ноты, на лягушачьих мордах играл мятущийся свет от костра».

Сцена для непосвященного настолько забавная, что при экранизации Владимир Бортко счел возможным опустить ее. А между тем и здесь Михаил Афанасьевич зашифровал особый смысл. Осмелюсь предположить, что прелюдия к балу Ста королей происходит под Киевом, на Лысой горе. На это есть намеки и в романе: «... Маргарита летела и думала о том, что она, вероятно, где-то очень далеко от Москвы. [...] Сосны разошлись, и Маргарита тихо подъехала по воздуху к меловому обрыву. За этим обрывом

внизу, в тени, лежала река. [...] Маргарита же пронзительно свистнула и, оседлав подлетевшую щетку, перенеслась над рекой на противоположный берег. Тень меловой горы сюда не доставала, и весь берег заливала луна».

Так как действие происходит явно не в Москве, а также учитывая, что Булгаков до 1917 года жил в Киеве, можно предположить, что действие развивается под Киевом. Именно там находится Лысая гора – место сбора ведьм и нечисти для шабаша, которое присутствует почти во всех восточнославянских и польских легендах, однако этот топоним известен только вблизи Киева. Аналогом Лысой горы в германо-скандинавском фольклоре является гора Брокен (Блоксберг, в Дании и Швеции – Блокула). Если предположить, что оркестр лягушек встречает Маргариту близ Лысой горы, на Днепре, то логично было бы предположить, что и нечисть собралась там по большей части славянская, местная – русалки и ведьмы. Тогда и лягушки вполне вписываются в картину. Дело в том, что в славянском фольклоре лягушки – это проклятые человеком или Богом люди, иногда проклятые матерями младенцы. Лягушки на Руси считались такими же магическими животными, как и змеи. Многие заклинания и зелья не обходились без лягушек. Было даже поверье, что человек, решивший продать свою душу дьяволу или стать колдуном, видит Сатану в образе огромной лягушки, в пасть которой он должен залезть. После этого, возможно, оркестр лягушек не покажется такой уж немаловажной и забавной деталью.

Спутник Воланда

Кроме этого, мало кто обращал внимание на спутников Воланда, а ведь с точки зрения мифологии здесь тоже можно найти много интересного. Если о происхождении имени Воланда или о Азazelло и Абадонне написано достаточно, то о Фаготе и Бегемоте написано не так и много.

Например, все исследователи обратили внимание на то, что Бегемот в позднесредневековой демонологии – демон плотских желаний (обжорства и чревоугодия), который может принимать формы любых крупных животных, а также кота, слона, собаки, лисицы и волка (Пьер де Ланкр. Помимо этого, Иоганн Вейер в «Псевдомонархии демонов» описывает его как виночерпия Сатаны. Несмненно, за этими позднейшими наслоениями стоит образ ветхозаветного монстра, описанного в книге пророка Иова:

«Вот бегемот, которого Я создал, как и тебя; он ест траву, как вол; вот, его сила в чреслах его и крепость его в мускулах чрева его; поворачивает хвостом своим, как кедром; жилы же на бедрах его переплетены; ноги у него, как медные трубы; кости у него, как железные прутья; [...] горы приносят ему пищу, и там все звери полевые играют; он ложится под тенистыми деревьями, под кровом тростника и в болотах; тенистые деревья покрывают его своею тенью...».

Однако мало кто обращал внимание не на имя, а на его человеческий облик в книге: «небольшой толстяк ... с кошачьей физиономией», «низкорослого толстяка в рваной кепке». К тому же во время полета мастера и Воланда со свитой над Москвой Бегемот предстает в облике «худенького юноши, демона-пажа, лучшего шута, какой существовал когда-либо в мире». Описывая подобным образом Бегемота, Булгаков намекает на древнеегипетского божка Беса. Он изображался в виде толстого уродливого карлика с ярко выраженными кошачьими чертами лица, бородкой, длинным высунутым языком, огромнейшими глазами, иронической усмешкой, отвисшими щеками, ушами почти на верхушке головы и короткими кривыми ногами. В древнеегипетской мифологии Бес – бог-карлик и весельчак, шут богов, божество счастья и везения, а также главный защитник бедных, стариков и детей. Имена «Бес» и «Баст», по всей видимости, ведут свое происхождение от нубийского слова «бес», означающее

кота. Это обстоятельство позволяет предположить, что первоначально культ этого бога был связан с почитанием кота, и в связи с этим Бес являлся мужским аналогом богини Баст, покровительницы кошек, которая обычно изображалась в виде черной пантеры или огромной черной кошки. Его связь с Бастой и миром кошачьих подтверждает и иконографическая традиция его изображений с головой и хвостом льва, либо в шкуре пантеры вместо плаща. Также Бес считался покровителем музыки и танцев, так как его очень часто изображали с бубном в руках. В романе Бегемот также неоднократно проявляет интерес к музыке. В конце сеанса «черной магии» в Варьете, в разгар начавшегося скандала Бегемот приказывает дирижеру оркестра «урезать марш», а во время бала Сатаны, Бегемот заявляет, что он лично пригласил музыкантов и Иоганна Штрауса для бального оркестра. Подтверждением этой мысли является фраза Бегемота о том, что он «является древним и неприкосновенным животным», что тоже отсылает нас к культу кошек и богини Баст. Кроме того, в связи с отсылкой к египетской мифологии можно вспомнить и каменного скарабея, которого Маргарита видит на шее у Воланда.

Булгаковский Бегемот и альбигойцы

Однако загадка Коровьева-Фагота по-прежнему остается неразгаданной. Кем же на самом деле был этот рыцарь, который «когда-то неудачно пошутил [...] разговаривая о свете и тьме»? Кто-то связывает его с Фаустом или Дон Кихотом, однако наиболее правдоподобной мне кажется теория Ирины Галинской, которую она высказывает в книге «Загадки известных книг». Она считает, что в образе Фагота Булгаков зашифровал автора «Песни о крестовом походе против альбигойцев». Эта поэма была написана одним из участников крестового похода против катаров (1209-1229).

Катарская или альбигойская ересь была в XII-XIII веках одним из самых серьезных антиклерикальных движений за всю историю католической церкви. Катары критиковали Католическую церковь за отказ от евангельских идеалов апостольской бедности, обмирщение, симонию и объявляли папу римского «князем мира сего», то есть наместником не Бога, а дьявола. Сами же катары считали себя «чистыми» или «совершенными» христианами (что выражалось и в самоназвании от греческого καθαροί – «чистые, неосквернившиеся»). Катары призывали буквально следовать заповедям Нагорной проповеди и вернуться к чистоте Церкви апостолов. Однако их космогония отличалась от христианской: многое было позаимствовано от позднего гностицизма и манихейства. Ветхозаветный Бог в представлении катаров – бог гнева, «князь мира сего», Демиург, восставший архангел Люцифер, который сотворил материальный мир и заставил людей поклоняться себе. Бог милосердия же, обитающий за пределами материального мира, сотворил ангелов и человеческие души, принял облик Христа, чтобы спуститься на землю и указать путь к спасению. Катары верили, что Судный день близок и вскоре видимый мир будет уничтожен и превращен в ад, а души «совершенных» окажутся вместе с Богом в раю.

Альбигойцы смогли склонить на свою сторону многих епископов, крупных феодалов и даже графа Раймунда VI Тулузского. Тогда папа отлучил графа от церкви, изверг епископов-еретиков из сана и в 1208 году издал буллу, в которой призвал к крестовому походу и обещал подарить захваченные земли Лангедока крестоносцам. Возглавил поход 1209 – 1215 годов граф Симон де Монфор (1160 – 1218), который участвовал в Третьем и частично Четвертом крестовых походах, причем в ходе последнего не стал принимать участие в разграблении Задара, которое организовал дож Венеции Энрико Дандоло. В ходе альбигойского похода Монфор проявлял невиданную

жестокость, из-за чего заслужил ненависть у катаров. Наибольшую известность получил эпизод с осадой городка Безье в 1209 году, когда крестоносцы потребовали, чтобы катары сдались и вышли, однако осажденные отказались. Лидеры крестоносцев приказали взять штурмом и вырезать все население города (7-10 тысяч). Согласно легенде, когда один из рыцарей обратился к папскому легату Арнольдо Амальрику с вопросом как отличить католиков от катаров, которых в городе было не более трехсот, тот ответил: «Убивайте всех! Господь отличит своих» (лат. *Cædite eos! Novit enim Dominus qui sunt eius*).

После взятия Каркассона, Монфор единовластно возглавил войско крестоносцев и успешно брал города и крепости Лангедока. Со временем на сторону альбигойцев перешел король Педро II Арагонский, однако катаров это не спасло. В сентябре 1213 года Симон де Монфор разбил войска Педро II и Раймунда VI в битве при крепости Мюр, причем в ходе битвы Педро погиб. В 1215 году Монфор взял Тулузу, однако через два года жители восстали и открыли ворота Раймунду. Пытаясь отбить город, 25 июня 1218 года во время осады Симон де Монфор был убит прямым попаданием в голову камня из катапульты. Описывая радость, которую испытали осажденные альбигойцы, услышавшие о гибели Симона де Монфора, анонимный автор «Песни о крестовом походе против альбигойцев» написал, что «на всех в городе, [...] снизошло такое счастье, что из тьмы сотворился свет» (оксит. *A totz cels de la vila , car en Symos moric, Venc aitals aventura que escurs esclarzic*). Здесь содержится намек на космогонию катаров. Раз они считали, что ветхозаветный Бог-Отец – на самом деле падший ангел, «князь мира сего», получалось, что Христос пришел от него («Видевший Меня видел Отца»). Тогда становятся понятными слова Воланда о том, что «каламбур, который он (анонимный автор «Песни об крестовом походе против альбигойцев» – прим. П. Б.) сочинил, разговаривая о свете и тьме, был не

совсем хорош». Кроме того французский историк XIX века Наполеон Пейра, изучавший борьбу католического Рима с альбигойцами по манускриптам того времени, сообщает в книге «История альбигойцев», что в рукописи, содержащей песни рыцаря-трубадура Каденета, который состоял в свите одного из альбигойских вождей, он обнаружил в виньетке заглавной буквы изображение автора в фиолетовом платье. Вспомним облик Фагота в финале романа: «На месте того, кто в драной цирковой одежде покинул Воробьевы горы под именем Корovieва-Фагота, теперь скакал, тихо звеня золотой цепью повода, темно-фиолетовый рыцарь с мрачнейшим и никогда не улыбающимся лицом».

Завседатаи «Дома Грибоедова»

Однако не только спутники Воланда остаются загадкой для исследователей. Некоторые писатели, завседатаи «Дома Грибоедова» (на самом деле дома Герцена – Тверской бульвар, 25), в которых угадываются коллеги Булгакова, также нуждаются в уточнении. Например, вот в этом фрагменте, где описываются танцевавшие в Грибоедове:

«Заплясал Глухарев с поэтессой Тамарой Полумесяц, заплясал Квант, заплясал Жукопов-романист с какой-то киноактрисой в желтом платье. Плясали: Драгунский, Чердакчи, маленький Денискин с гигантской Штурман Жоржем, плясала красавица архитектор Семейкина-Галл... Плясали свои и приглашенные гости, московские и приезжие, писатель Иоганн из Кронштадта, какой-то Витя Куфтик из Ростова, кажется, режиссер, с лиловым лишаем во всю щеку, плясали виднейшие представители поэтического подразделения МАССОЛИТа, то есть Павианов, Богохульский, Сладкий, Шничкин и Адельфина Бuzдяк...».

Однако если о прототипах Штурман Жоржа, Желдыбина, Рюхина, критика Аримана исследователи писали и до меня, то прототип «писателя Иоганна из Кронштадта», кажется,

был найден не совсем верный. Первое, что приходит в голову – это параллель со святым Иоанном Кронштадтским. Обычно говорят об отрицательном отношении Булгакова к его личности или даже Православию в целом. В электронной «Булгаковской энциклопедии» написано, что прототипом Иоганна из Кронштадта, как и Мстислава Лавровича, был писатель и драматург Всеволод Вишневский – один из ревностных гонителей Булгакова.

Исследователи не заметили незначительную, забытую сегодня фигуру рядом с Вишневским, – литературного и театрального критика Иоганна Альтмана. С 1933 года он занимался рецензированием московской театральной жизни, а в 1937 году стал первым редактором журнала «Театр». В одной из своих статей он называет «Мольера» Булгакова «насквозь фальшивой пьесой» и «псевдоисторическим, фальшивым произведением». Не кажется удивительным, что во второй половине 30-х годов он сблизился со Всеволодом Вишневским, который упоминает его в своем дневнике за февраль 1937 года как друга и соратника. Возможно, назвав его Иоганном из Кронштадта, Булгаков, памятуя о Кронштадтском мятеже (1921), намекает на его связи с левыми эсерами. В 1917 году Альтман вступил в их партию, и покинул ее только в 1919 году.

Это всего несколько примеров из тех, коих в романе найдется много. А что, если в каждом из танцевавших в доме Грибоедова Булгаков зашифровал советских критиков и литераторов? Сколько простора для исследования это предоставляет ученым! А что, если пойти дальше и предположить, что каждая из историй, которые Фагот рассказывает Маргарите о гостях, прибывающих на Бал Полнолуния, не просто выдумка Мастера, а все они имеют под собой историческую подоплеку? Можно не сомневаться, что Михаил Афанасьевич зашифровал множество загадок в своем романе, ведь он был человеком огромной эрудиции, как можно увидеть из этих нескольких примеров. Он скорее

принадлежал к поколению О. Генри и Кэрролла, чем к поколению его современников, «советских литераторов». Традиция вплетать в полотно повествования аллюзии, скрытые цитаты, была элементом какой-то другой, не советской действительности. Только вернувшись к тому восприятию литературных произведений, мы сможем раскрыть многие тайны булгаковского романа.

Наталья Шахназарова
Москва, Россия

Я чувствую

Я чувствую себя Варфоломеем,
Входящим в дом родной, как в старый скит.
Я чувствую себя, но не умею
Соединить в единое куски.

Я чувствую себя в любви и боли,
Я чувствую, что в клетках – воды рек.
Я чувствую себя частицей поля,
Частицей моря, Бога, имярек.

Я чувствую, как снегом или градом
На землю опускаюсь с Божьих уст.
Его власами – травами и садом
Цвету, Неопалимый вечный куст.

Я чувствую себя горой Синая,
Фавором, Иорданью, Маяком.
Я чувствую, как солнце, я сияю
И возношусь, как месяц, высоко.

Я чувствую, сквозь тело прорастает
Ковыль, поет, шумит Твои Псалмы.
Я чувствую, – как снова я растаю
В конце Твоей божественной зимы.

Но где бы я ни находила кожей
Родство с Твоей материей, найти
Во мне меня как целое дай, Боже.
Позволь в себе себя мне обрести.

Юрий Хейфец
Москва, Россия

Всё началось с того, что свет потух –
И как-то вдруг не стало смысла в прятках,
И клюнул в темя жареный петух
Страну, что пребывала в непонятках,

И бог войны расчислил, что пора
Природу взять в свои стальные руки –
И заглушило громкое «ура!»
И стоны боли, и напевы муки,

И с облегченьем ясности сплошной
Все проливали кровь на поле брани
Во имя цели жалкой и смешной
Под ветра вой в водопроводном кране,

Под кровельный пустопорожний гром
Разрухи ржавой на руинах пыльных,
Под бодрой пропаганды горький бром,
Под немоту расстрелянных и ссыльных,

Под тяжкий гнёт привычного греха
Да под глухой бубнёж худой утробы –
И гарью всё несло от петуха,
Не снятого с огня вранья и злобы.

13.04.14

Ксения Хрусталева
Москва, Россия

66-й сонет Шекспира
(перевод К. Хрусталевой)

Я чаю смерть: доколе видеть мне,
Что просит благородный подаянья,
Что вечно лишь бесчестный на коне
И веру предают без покаянья,

Поют хвалы тому, в ком нет заслуг,
Невинный цвет рукой срывают грубой,
Припишут совершенному недуг
И силу сгубят слабостью беззубой,

Обрубят мысль, речённую творцом,
Отправят ум ко блажи в услуженье,
И честного пока зовут глупцом,
Добро у зла на рабском положеньи.

Ушел бы я от этой суеты...
Любимый мой, но с кем же будешь ты?

Знакомьтесь: Ксения Хрусталева

Ирина Чайковская: Ксения, откуда вы, сколько вам лет, где вы учились? Почему вы решили переводить Шекспира?

Ксения Хрусталева. Мне 22 года. Родилась в Москве. Заканчиваю МГИМО, по специальности я востоковед со знанием японского и английского языков. Считаю, что самых сильных преподавателей встретила не на основной профессиональной стезе, а в сфере перевода. Поэтому, собственно, и увлеклась переводом в разных его проявлениях. Шекспира полюбила еще в школе, но тогда у меня не было ни теоретических знаний, ни практических навыков, ни даже мысли о художественных переводах. Позже, уже в институте, прибавилось знаний – пришло и желание заниматься тем, чем занимаюсь сейчас.

И.Ч. Вам не кажется, что переводчиков у сонетов Шекспира слишком много? Не знаю, как на других языках, но на русском их явно «перебор». Почему? Что привлекает? Что привлекло лично вас?

К.Х. Переводчиков сонетов и вправду много. Но такая тяга к произведению меня не удивляет. Гораздо больше удивило бы, если бы все тянулись к поэзии сомнительного содержания и художественной ценности. Возможно, причиной интереса является отсутствие «научного», то есть адекватного перевода на русский язык. Каждый пытается создать какую-то свою концепцию перевода – и в итоге получается личная интерпретация, а не Шекспир. Каждый последующий переводчик критикует предыдущего, пишет новый перевод – и снова не достигает цели. Есть версия, что созданные переводы – это «гумус» для последующего, более совершенного. Я склонна придерживаться этого взгляда. Если сравнить переводы Гербеля и Финкеля, то прогресс просто налицо.

В сонетах очень много привлекательного: загадочность адресатов, очень личная манера изложения, глубина

религиозных, исторических, литературных аллюзий, метафоричность, актуальность: классика на то и классика, что ее темы не устаревают. Меня глубоко привлекла тема бессмертия, которая, на мой взгляд, самая яркая в сонетах.

И.Ч. Что вы хотите делать дальше? Продолжить работу над сонетами? Перейти к другим произведениям Шекспира? Уйти от Шекспира к другим авторам? Есть у вас планы на переводческой, а самостоятельной творческой работы?

К.Х. Мне хотелось бы написать полный перевод сонетов, который будет как минимум не хуже предыдущих. Издать книгу. В планах написать диссертацию по аллюзиям у Шекспира.

Пару лет назад я переводила Уайльда, Йейтса, а также (в меньшей степени) некоторых немецкоязычных поэтов, начиная с Гёте и заканчивая Целаном. Потом – то ли из-за проблем с публикациями, то ли из-за потери спортивного интереса к переводу не очень близких мне авторов – я стала заниматься только «близким» автором. Свои стихи я также писала и пишу, но мало что из них опубликовано (если опубликовано, то в основном в конкурсных альманахах). Помимо творческой (очень привлекательной) стези мне интересна также научная и педагогическая деятельность.

И.Ч. Судя по последней строчке сонета, где у вас «любимый мой», вы, в отличие, от очень многих русских переводчиков, считаете, что автор сонетов обращался к мужчине. У Маршака в этом месте «милый друг», что возможно при обращении как к мужчине, так и женщине. У Пастернака – нейтральное «друг». Вы предпочли определенность...

К.Х. Я абсолютно убеждена, что 120 сонетов из 154 были обращены к мужчине. Об этом убедительно пишут большинство западных исследователей. В России же эта тема табуируется. Мне случалось сталкиваться с тем, что редакторы вычеркивают из статей предложения, которые хоть как-то намекают на нетрадиционные сексуальные

отношения. Не знаю, как другим авторам, но лично мне приходилось исправлять собственный материал, заменяя слово «возлюбленный» на более нейтральное – «друг», «адресат». Насколько я могу судить, единственный перевод, который, пожалуй, «перешагнул» через это табу – это перевод С.Трухтанова, преподавателя МГУ.

И.Ч. Недавно появился необычный перевод шекспировских сонетов переводчика из Америки Анатолия Либермана, в нем каламбурно обыгрываются имя Вильям и слово will, обозначавшее в шекспировские времена половые органы. АЛ считает, что сонеты Шекспира были переполнены непристойностями. Так ли это? По русским переводам этого не скажешь..

К.Х. Я понимаю, о чем вы говорите. Если верить исследованию Katherine Duncan-Jones, которая написала блестящую книгу по сонетам, Анатолий Либерман абсолютно прав. В первых двадцати сонетах, посвященных продолжению рода, часто обыгрывается тема близости с невинной девушкой во имя рождения ребенка. В последующих сонетах есть множество намёков на многочисленные любовные связи адресата. Чтобы не слишком углубляясь сейчас в эту тему, приведу в пример 20-ый сонет, в котором возлюбленный автора изначально задумывался природой как женщина. Затем природа из ревности якобы добавила ту часть тела, которая сделала его более пригодным для того, чтобы приносить удовлетворение женщинам, а не мужчинам. И автор, расстроенный этим обстоятельством, смиряется: так уж и быть, пусть им достанется его тело, а мне – его любовь. (But since she pricked thee out for women's pleasure, mine be thy love and thy love's use their treasure).

В сонетах очень много не только непристойных деталей (не вполне очевидных, если не читать комментарии исследователей), но и обвинений адресата в предательстве, промискуитете, эгоизме, жадности и т.д. Порой складывается впечатление, что и прекрасный юноша, и

смуглая дама, появляющаяся под конец цикла, – абсолютно не те персонажи, которые заслуживают любви и поклонения. Однако русские переводчики подняли эти фигуры до небес, «причесали» оригинальный текст, придумав своего, идеального Шекспира.

И.Ч. В чем-то они не промахнулись. Красота этих сонетов вошла в наше сознание. А вот теперь доходит очередь и до Шекспира в его полный рост. Скажите, Ксения, помогает ли вам японский язык в вашей работе? Японский для вас – довесок к английскому?.

К.Х. Японский язык – официально мой первый иностранный язык. Я специализируюсь на международных отношениях в Восточной Азии и пишу диплом по безопасности в этом регионе. Несколько месяцев прожила в Японии, будучи стажёром в университете города Сидзуока. Я не знаю, как сложится в будущем моя профессиональная жизнь, но пока я в большей степени работала как переводчик (с английским языком), и как аналитик. Японский язык – это не помощь в чем-то и не довесок к чему-то. Это просто моя другая жизнь, которая отличается от поэзии в худшую сторону.

Ирина Чайковская
Вашингтон, США

Два интервью **От Шекспира до Зайончковского**

Интервью с Игорем Шайтановым, доктором филологических наук, главным редактором журнала ВОПРОСЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Ирина Чайковская. Игорь Олегович, вы недавно вернулись из двух поездок, из Англии и Китая.

С Англией все понятно, вы шекспировед, исследователь английской литературы, но Китай... почему Китай? Ведь не модное поветрие вас туда привело?

Игорь Шайтанов. В Китай я был приглашен не как человек, занимающийся Англией, хотя я с ними связан и по этой линии – сейчас уже второй компаративный журнал попросил меня войти в их редколлегию, – но в этот раз у них проходила «международная конференция «М.М. Бахтин в путешествии межкультурного дискурса». Вы знаете, Китай вообще сделал что-то фантастическое. Мне они показывали список того, что они перевели с западных языков и с русского. По теории литературы и по филологии они перевели ВСЕ. В прошлом году в Париже, на мировом съезде компаративистов, на секции, которая была посвящена «единственному гению русской филологии» Александру Николаевичу Веселовскому (у нас все говорят «великий Веселовский, а толком его не изучают), я спросил: «Историческая поэтика целиком на какие языки переведена?» Поднялась одна рука – китайская.

А сейчас на съезд китайских филологов, они пригласили нескольких русских, из которых смогли приехать трое, в том числе и я, мы делали доклады на пленарном заседании. Они нам подарили *пятитомник*, в который вошли материалы: русские ученые о Бахтине, западные ученые о Бахтине, китайские ученые о Бахтине... Труды Бахтина отдельно изданы, прокомментированы. Приходится только поражаться. Есть разные формы вхождения в культуру. Сегодня распространена форма ПРИСВОЕНИЕ. То, что по-английски называют *appropriation*. Это агрессивное насильственное присваивание. И вторая форма – это ОСВОЕНИЕ. *Exploring*. Когда происходит вхождение в чужую культуру, начинается ориентация. И в результате возникает третья форма – УСВОЕНИЕ, когда приходит понимание. Сейчас в Китае филология движется, я бы

сказал, от *освоения к усвоению*. Присваивание им как раз не свойственно.

ИЧ. Очень интересно и даже похоже на дифирамб. И вот какой вопрос у меня возникает. Россия сейчас демонстративно отворачивается от Запада, сближается с Востоком, Азией, тем же Китаем.

Теперь возьмем вас. Вы, как я всегда считала, западник, европеец, что вы скажете об этом уклоне?

ИШ. Я думаю, что для России очень естествен поход на Восток. Но это не означает уход с Запада.

ИЧ. На ваш взгляд, возможно органичное соединение того и другого?

ИШ. Я вам скажу из своего английского опыта – из той поездки, что предшествовала китайской.

Мы договаривались от имени Академии наук о продолжении контактов: можно не говорить о политике, но научные контакты продолжаться должны, а британцы нам на это: «Конечно, должны, но, вы понимаете, у нас теперь другие приоритеты, – мы ориентированы на Восток». И мы в ответ: какое совпадение, у нас тоже – «восточные приоритеты».

ИЧ. Стакнулись, что называется. Но давайте все же перейдем к Западу. Вы шекспировед, недавно у вас вышла книга в серии ЖЗЛ, она так и называется «Шекспир». Я ее к сожалению, еще не читала, но с рецензиями уже сталкивалась.

ИШ. «Антистратфордианцы», конечно, разозлены на мою книгу.

ИЧ. Я понимаю, что вы «стратфордианец», но боюсь, что не все наши читатели представляют, о чем идет здесь речь. В связи с этим такой вопрос. Если Шекспир – человек из плоти и крови, родившийся в Стратфорде-на-Эйвоне, актер и драматург, не принадлежащий к высоким родам, если под этой фамилией выступал он один, а не несколько

человек, как предполагают некоторые ваши оппоненты... то чем реально вы можете подтвердить это утверждение?

ИШ. Я убежденный «стратфордианец», в моей книге об этом много сказано. Хотя это и не одна из главных тем, я несколько раз в ней возвращаюсь. Меня интересует, почему возник этот вопрос, как он аргументировался. Сейчас на английском языке вышла замечательная книга одного из лучших англоязычных шекспироведов, Джеймса Шапиро, американского исследователя классического толка. Он решил выяснить, когда этот вопрос возник, и написал об этом книгу: «Contested Will», «Опротестованное завещание», где каламбурно обыгрывается слово Will. Он показывает, как много подделок, передержек, откровенной фальсификации со стороны «антистратфордианцев». Это такая игра, но игра краплеными картами. Когда мне нужно кратко объяснить, почему я «стратфордианец», я говорю примерно так: «Никто не сомневается в том, что был человек Уильям Шекспир, родившийся в Стрэтфорде-на-Эйвоне тогда-то и умерший тогда-то, но возникает вопрос: житель Стрэтфорда и лондонский драматург – это одно лицо или нет?» И отвечаю: «Было достаточно людей, знающих и драматурга из Лондона, и человека из Стрэтфорда». Я привожу несколько примеров. Бена Джонсона, который в стихотворении памяти Шекспира называет его «эйвонский лебедь». Это вошло в язык культуры. И тут бы нужно ставить крест на противоположной теории. Не ставят, говорят: «Бен Джонсон был включен в игру. Он участвовал в заговоре». Ну, хорошо, Бен Джонсон был включен, но были и другие люди. Был переводчик-испанист из Лондона Леонард Диггс, который воспел Шекспира в стихах его памяти, а его отец, Томас Рассел, знал Шекспира по Стрэтфорду. Шекспир назначил этого Томаса Рассела одним из своих душеприказчиков.

ИЧ. Эти совпадения, конечно, не могут быть случайными

ИШ. Еще одна реплика – по поводу коллективного авторства. В этой теории есть некий смысл. Если общее место современной литературной теории гласит: «автор умер», то в елизаветинском театре 1580-90 гг. он еще не вполне родился. Они писали пьесы – при появлении Шекспира – как сегодня пишут телесериалы. Ты пишешь это, я пишу это, кто что лучше умеет...

ИЧ. Душа не принимает этой теории. По ощущению, это все же не лаборатория писала, а один человек, один автор. Уж очень индивидуален стиль, язык.

ИШ. Разумеется, зрелый Шекспир – совершенно индивидуален, но он начинал в ситуации анонимного и коллективного авторства. Когда он сделал шаг к самостоятельности, то его обругали бывшие соавторы – таков первый дошедший отзыв Роберта Грина. И в конце творчества, когда у Шекспира уже не было сил обеспечивать репертуар труппы короля, он вновь вернулся к соавторству – теперь с новым поколением.

ИЧ. Игорь Олегович, вот какой вопрос. В материалах о Шекспире – а кто из российских не интересовался вопросом? – я сталкивалась с тем, что он человек без образования. Посему «антистратфордианцы» и оспаривают его авторство – за границей не был, университетов не кончал... Но по его пьесам не скажешь, что он человек неученый, плохо образованный. И вот тут я прочла статью Григория Кружкова, переводчика. По Кружкову получается, что Шекспир знал латынь, он даже в этом не сомневается.

ИШ. Вопрос стоит не о том, знал ли он латынь, а о том, учился ли он в грамматической школе. Документы стрэтфордской – очень хорошей – школы, за годы, в которые в ней должен был учиться Шекспир, не сохранились. Но сын зажиточного горожанина не мог не ходить в грамматическую школу.

ИЧ. А латынь там изучали.

ИШ. Не помню, кажется, с четвертого класса в грамматической школе говорили между собой только по-латыни.

ИЧ. Это, наверное, примерно то же самое, что и царская гимназия во времена Ахматовой. Она давала образование.

ИШ. Про латынь сказал Бен Джонсон, что Шекспир знал немного латынь, немного греческий. Прямо по-пушкински: «Он знал довольно по латыни...».

ИЧ. Чтоб эпитафьи разбирать...

ИШ. А он знал, не чтобы эпитафьи разбирать, а чтобы читать начальных классиков. Есть знаменитая книга одного американского автора – Болдуина, где исследована программа грамматической школы, какие авторы, когда и как изучались...

ИЧ. Трудно уйти от Шекспира, давайте еще вас спрошу. В Америке есть профессор Анатолий Либерман, довольно известный переводчик. Он недавно в энный раз перевел все сонеты Шекспира. В комментариях к переводу он утверждает, что русский Шекспир слишком целомудрен, в отличие от настоящего – непристойного. У него нет сомнения, что друг, к которому обращается автор, – это его возлюбленный. Либерман говорит, что во времена Шекспира слово will обозначало половые органы, в его новом переводе много каламбурных шуток... Что скажете?

ИШ. У Шекспира в сонетах, и не только в сонетах, довольно много непристойных подтекстов. Это совершенно верно. Скажем, концовка 20-го сонета, который привел в такую ярость первых шекспироведов в XVIII веке, так что они вообще сонеты отказались комментировать, чтобы не давать им классического статуса. Известно, что до Вордсворта сонеты Шекспира как бы не замечали, он заинтересованно отозвался о них первым.

Когда Шекспир заканчивает 129-й сонет словом hell, тот приобретает непристойное значение; слово это имело определенный смысл, известный не одному только Боккаччо.

Но не нужно преувеличивать, не нужно преувеличивать. И нужно помнить, что, снижая сонет, низводя его с петраркистской небесной высоты, Шекспир умел и заново возвысить его, придать ему новое достоинство.

ИЧ. Вот это очень важно. Не нужно преувеличивать. Сегодня такой тренд – нужно во что бы то ни стало сделать из Шекспира похабника, гея, это сейчас очень модно.

ИШ. Да, сейчас идет снижение сонетов, вопреки Маршаку. Маршак выстроил все в романтическом стиле, так давайте, как говорят сейчас, «опустим».

ИЧ. То есть вы против таких переводов?

ИШ. Все что я хотел сказать о переводах, я написал в журнале ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, № 9 за 2014 год. Там я даю собственные переводы сонетов. Я не собираюсь переводить Шекспира – я ставил некоторую филологическую задачу и пытался показать, как ее можно решить.

ИЧ. Вы решаете ее с позиций Маршака или, скажем, Пастернака, тоже Шекспира переводившего, но в ином ключе?

ИШ. Маршак выполнил замечательную работу. То, что он хотел, он сделал на сто процентов. В момент, когда в сталинские времена, в 1940 –е годы, лирика была под запретом: писать – писали, печатать – не печатали, он транслировал через шекспировский оригинал ту лирику, которая могла дойти до современного русского читателя. Но для этого он перевел шекспировские сонеты в другой стиль и в другой жанр. Он сделал из ренессансных сонетов русский жестокий романс.

ИЧ. То есть это не Шекспир?

ИШ. Это интерпретация Шекспира.

ИЧ. Пастернак, по-вашему, ближе к подлиннику?

ИШ. Пастернак перевел три сонета, причем один в черновой редакции, здесь трудно говорить.

66 сонет все сравнивают. Пастернак как всегда и в своей поэзии – предметнее, детальнее, конкретнее, Маршак – романтически отвлеченнее.

ИЧ. А какой перевод из русских поэтов вы предпочитаете?

Скажу вам, что мы в ЧАЙКЕ недавно опубликовали перевод 66 сонета 22-летней московской выпускницы МГИМО Ксении Хрустальной, она собирается перевести весь сонетный шекспировский цикл. Сколько же у нее было предшественников!

ИШ. Много, и лавина переводов не иссякает. Но если отойдем от сонетов – возьмем «Гамлета». Радлова – прекрасный перевод. Пастернак – прекрасный перевод. Лозинский – превосходный перевод.

ИЧ. А вы что предпочтете?

ИШ. Мне все интересны, как разные книги о Гамлете. У каждого переводчика свой аспект.

Слава Богу, что на русском языке так много шекспировских переводов!

ИЧ. Еще один «американец» Алексей Цветков перевел «Макбета».

ИШ. В стилистике этого самого «снижения».

ИЧ. Да? А мне показалось, перевел страшно, архаично, как в оригинале.

ИШ. А вот Григорий Кружков, владеющий стилем детской поэзии, перевел «Короля Лира», я бы сказал так: «для издания в Детгизе».

ИЧ. Цветков – по-взрослому, Кружков – по-детски. Вот вы как их распределили. Но давайте уйдем от Шекспира к современности. Вы возглавляете журнал, который обозревает современную филологию. У литературных критиков он пользуется огромным авторитетом, напечататься в нем – почетно. Но вот ситуация. Недавно ушел ваш сотрудник, критик Бенедикт Сарнов, два года назад – еще один замечательный критик Станислав

Рассадин. Сегодня почти не осталось доискивающихся до правды, нравственно цельных, бесстрашных критиков, какими были шестидесятники. А кто есть? Есть, на ваш взгляд, сейчас фигуры такого масштаба?

ИШ. Вы знаете, ответ на этот вопрос шире сферы критики...

ИЧ. А про литературу – мой следующий вопрос.

ИШ. Я отвечу сразу на все: в критике, в литературе, в экономической и политической мысли сейчас нет крупных фигур. Так получилось. Это сложно сказать почему. Причем, так получилось в мире, не только в России.

ИЧ. Удивительно совпало. Я знаю человека, который живет наукой. Для него в России нет научных имен, я спрашиваю: а в мире? И он говорит: «И в мире очень мало». Какое-то обмельчание происходит во всех сферах.

ИШ. Если вы перенесете этот вопрос на литературу, я скажу то же самое. Есть хорошие писатели. Или даже так: появляются писатели, которых ты выделяешь, одно произведение, другое... вдруг – куда все уходит? Когда меня несколько лет назад спрашивали, с кого начнется XXI век, я отвечал: «Прочитайте в прозе Зайончковского».

ИЧ. Вот так. А я даже не знаю, кто это.

ИШ. Его сборник рассказов, выстроенных как роман, – «Городок и Сергеев», его первый роман «Петрович», на мой взгляд, – превосходно, тонко, интересно. Замечательная проза. Но тираж у нее в России не более 15-20 тысяч.

И.Ч. Это где такие огромные тиражи? А тысячу не хотите? или как у ахматовского «Вечера» 300 экземпляров?

ИШ. Да, но Минаев и Робски, наша «массовая литература», получают 500 тысяч!

ИЧ. Но подобные соотношения были и во времена Пушкина – Фаддеев Булгариных всегда активнее читают, чем Александров Сергеевичей...

ИШ. Не получают пока у настоящих писателей игры с «массовым вкусом». У Достоевского получилось – взял

бульварный роман и превратил его в «Преступление и наказание».

ИЧ. Достоевский играл на этом, брал сюжеты из газет, из криминальной хроники.

ИШ. Но так делали многие великие: Сервантес взял рыцарский роман и создал современный жанр. Диккенс взял сенсационный сюжет и сделал великий роман.

ИЧ. Это какой? Не «Холодный дом»? Очень люблю этот роман.

ИШ. Я о том, что запрос массового читателя писатели не удовлетворяют. Говорят, что наше время НОН-ФИКШН. Довольно много способных молодых критиков, интересно пишущих, но, если вы меня спросите: назовите имя – я не могу назвать.

ИЧ. Тогда последнее. Вы ведь, Игорь Олегович, работаете с молодежью. У вас в редакции молодежь, вы проводите семинары с молодыми в Липках...

ИШ. У меня средний возраст редакции лет 27-28.

ИЧ. Прекрасно работать в таком девичьем цветнике, знаю ваших молодых сотрудниц – очень симпатичные, умные и образованные. Среди молодежи вы видите имена?

ИШ. Для меня психологически самыми сложными были 1990-е годы. Прежде всего, профессионально. Я ходил в свой университет, читал лекции – и видел, что никого не учу профессии. Студенты воспринимали то, что я читал, как «публичные лекции для общего образования». Они уходили в лучшем случае – в журналистику, а в прочих – в пиар, менеджмент и подобные занятия. Есть, конечно, люди этого круга... У меня в «проблемной группе» когда-то два года был будущий футбольный комментатор Василий Уткин. И я слышу, когда он комментирует футбол, то иногда вспоминает Бахтина, во всяком случае, в начале карьеры вспоминал... Но даже без этих воспоминаний, вероятно, он – хороший игрок на поле массовой культуры, поскольку сам попробовал и иной.

ИЧ. О да, он, кажется, человек весьма литературный. Иногда до меня доносится его комментарий.

ИШ. Ну, так он занимался ОБЭРИУТАМИ.

ИЧ. Здорово! Знания никогда никому не мешали.

ИШ. Конечно, хорошо, что мои студенты занимались филологией, но продолжения в профессии я у них не видел. А вот сейчас начали появляться молодые люди – в Липках, в РГГУ, в «Вопросах литературы»... И хотя это еще не те имена, которые я могу вам назвать, но это профессионалы. Вот эти «девочки» (впрочем, есть и мальчики), которые работают в редакции, они знают русскую поэзию наизусть. Я поражаюсь их знаниям.

ИЧ. Они могут вести отделы. Вы поручили им ответственную работу. Прекрасно, что вы не испугались им ее поручить.

ИШ. Я бы, возможно, испугался – и взял тех, кто постарше, но их нет. Случилась культурная пауза, и было пропущено, как минимум, одно поколение.

ИЧ. Спасибо вам, Игорь Олегович, за интересный содержательный разговор!

Надеюсь, у нас с вами это не последняя встреча – и в следующий раз у вас уже будут для меня *имена*.

Москва, ноябрь 2014

Про дедушку говорить всегда симпатично

Интервью с писателем, радио и тележурналистом Иваном Толстым

Ирина Чайковская. Иван Никитич, вас привела в холодную ноябрьскую Москву 2014 года, где мы с вами сейчас

беседуем, конференция по творчеству Алексея Толстого. Расскажите, пожалуйста, что в ней было интересного.

Иван Толстой. Конференция про дедушку. А про дедушку говорить всегда симпатично, хотя я и не знал его никогда, – я родился через 13 лет после его смерти, – и очень долгие годы вытеснял его существование не из своей памяти, но из своего круга интересов, в памяти-то он сидел прочно: в каждом советском кабинете литературы висел его портрет...

ИЧ. Очень на вас похожий.

ИТ. Может быть. Портрет был с фальшивой надписью: «Октябрьская революция дала мне все».

На самом деле, там внутри купюра, а слова его звучат так: «Октябрьская революция как художнику дала мне все». Согласитесь, «дьявольская разница».

ИЧ. Ну, хотя бы не все придумано, а то ведь бывает.

ИТ. Да, не все. Впрочем, он сам был горазд заниматься «придумыванием». Известна история с фальшивыми воспоминаниями Анны Вырубовой. Стопроцентно это не доказано, но, по-видимому, они были написаны им, совместно с историком Павлом Елисеевичем Щеголевым.

ИЧ. Ух ты, это же пушкинист очень известный!

ИТ. Но он был и хулиган. Он был игрок. Он был человек, ставивший на зело. Здесь он поставил, чтобы сорвать капитал. Он хотел много заработать. Как это называлось? «Минувшие дни» – такой был альманашек. Абсолютно желтого цвета. В одном из номеров Щеголев напечатал знаменитый пасквиль в адрес Пушкина.

ИЧ. Диплом ордена рога носцев, гадость такая...

ИТ. Он это печатал вместе с графологической экспертизой следователя Салькова. Все эти документы относятся к основному фонду нашей пушкинистики. И вместе с тем, на других страницах альманаха он печатал фальшивые воспоминания Вырубовой. Он же входил в

Чрезвычайную комиссию Временного правительства по расследованию преступлений царизма.

ИЧ. Блок тоже входил в эту комиссию.

ИТ. Совершенно верно. Щеголев участвовал в допросах Вырубовой. И они с Алексеем Николаевичем устроили такую «мерзость», похулиганили: сперва сочинили эти записки по-русски, затем дали кому-то из интеллигентных русских дам – перевести на французский, а потом еще одной – перевести обратно на русский язык. Все было, что называется, «отмыто».

ИЧ. Это известная история?

ИТ. О-очень известная.

ИЧ. Но я ее в биографии Алексея Толстого не встречала. Что до Щеголева, странно, как академический ученый-пушкинист мог себе позволить писать и, главное, печатать в своем журнале что-то фальшивое. Он не боялся за свою репутацию добросовестного ученого? За свое доброе имя? Мы, по-видимому, даже не представляем, какой амплитуды поведение могло быть в то время, после февральской революции 1917-го...

ИТ. Вот-вот. Амплитуда широкая. Он присутствовал при допросах Вырубовой как член Чрезвычайной комиссии и при этом использовал этот материал для сочинения фальшивых мемуаров. Хочу сказать: есть какой-то процент, что это все-таки не они. Но по всему – по сумме косвенных доказательств – получается, что они. В 1926 году в соавторстве они написали пьесу «Заговор императрицы». Кроме того, известно из воспоминаний Аксаковой-Сиверс, изданных в Париже в конце 1980-х Владимиром Аллоем, что в заключении ей кто-то сказал, что автор фальшивки Щеголев. Но помимо этого тюремного рассказа Аксаковой-Сиверс, куча людей была посвящена в это дело. Максим Горький слал гневные письма. Журнал «Минувшие дни» закрыли.

ИЧ. А вот интересно: откуда такая бесшабашная смелость, даже наглость? Они не рисковали? В годы, когда сажали вообще ни за что?

ИТ. Они стояли так высоко над прочими людьми, были так близки к нитям литературного управления... Оба сидели на самом облучке вместе с кучером. Кучер не допускал никого до политики. А вот литература и история в те годы... Возьмите весь репертуар того, что писалось об истории культуры, скажем, об истории литературы. Там позволяли себе все что угодно. Печатали откровенно желтые книжки.

ИЧ. Но в то время, в 1920-1930, было и много хорошего напечатано. Сколько классики, сколько научных исследований.

ИТ. Но посмотрите, с какой развязностью, иногда с разнузданностью писались книжки о XIX веке и о самодержавии! Щеголев одновременно издавал и исторические документы, и политические памфлеты.

ИЧ. Он безмерно рисковал – как ученый.

ИТ. Он и был игрок. Скажем, двухтомник «Книга о Лермонтове», вышедший в 1929 году под именем Павла Щеголева, был откровенно украден у Виктора Андрониковича Мануйлова. Мне приходилось об этом писать как раз в лермонтовские юбилейные дни. Мануйлов был стажер.

ИЧ. Как много я о нем слышу с разных сторон, кто-то его вспоминает как учителя, кто-то – как предсказателя судеб, он увлекался хиромантией...

ИТ. Он был чудный человек, скромн до невероятия.

ИЧ. Так он написал, а Щеголев поставил свое имя – как это часто бывает в отношениях учитель-ученик?

ИТ. Да, он написал, а Щеголев сказал: «Витя, так будет лучше, скорее напечатают». Так и оказалось. И книга вышла под именем не Мануйлова, а Щеголева.

ИЧ. Иван Никитич, если вернуться к конференции, там что-нибудь из этого обсуждалось? Или это все круг тем, которые занимают лично вас?

ИТ. Нет, ничего этого не обсуждалось. Что до фальсификаций, то для меня Алексей Николаевич остался человеком вот в этом самом кругу. Он остался для меня на несколько десятилетий «советским писателем», который все фальсифицирует. Это было мое юношеское мнение. Я жил с этим ощущением, понимая, что ни один порядочный исследователь об Алексее Толстом писать не будет. Люди не хотят мараться. Алексей Толстой был «нерукопожатный». Сейчас многое стало меняться.

ИЧ. Вот я и хотела об этом спросить. Сейчас явно какая-то иная тенденция, чему свидетельство та же конференция.

ИТ. Алексей Николаевич был сложной фигурой. И когда его одного обливали черной смолой и вываливали в перьях, видно было, что это не совсем справедливо. Скажем так: справедливо, но не сбалансировано. Другие-то тоже хороши.

ИЧ. В одной из своих телепередач на канале КУЛЬТУРА вы рассказали о пощечине, данной Осипом Мандельштамом Алексею Толстому. Рассказали настолько объективно, что я осталась, как и была, на стороне Мандельштама в этой истории. Но вот что меня всегда удивляло, так это отзыв Ахматовой о вашем дедушке. Кажется, Исае Берлину она это говорила. В ее характеристике «красного графа» есть и «очаровательный негодяй», и «чудовищный антисемит», и «ненадежный друг», но завершается эта характеристика удивительным признанием: «...но он мне нравился, хотя он и был причиной гибели лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня». Не поразительное ли высказывание?

ИТ. Поразительное высказывание. Но Анна Андреевна совершенно не участвует в конкурсе на справедливые оценки. У нее есть зашкаливающие высказывания.

Зашкаливающие по несправедливости. Это несправедливо – то, что она сказала. Не был Мандельштам этим человеком уничтожен. Во мне все против этого восстает.

ИЧ. Понимаю, о чем вы говорите. Осип Эмильевич, скорей всего, поплатился не за пощечину Алексею Толстому, а за антисталинские стихи «Мы живем, под собою не чуя страны»...

ИТ. Мандельштам читал их своим друзьям. Понятно, что на него стукнули. Были писатели, которые мечтали увидеть поверженного Мандельштама и подталкивали Алексея Толстого раздуть эту историю. Но он с самого начала не поддался. Нет ни одного факта, говорящего об обратном. Когда я делал свою передачу, я хотел показать, что в судьбе Мандельштама была своя линия, которая к этому привела. У него была судьба сесть при этом режиме.

ИЧ. О да. Тысячи современников Осипа Эмильевича попадали в лагерь непонятно за что, у Мандельштама же были реальные причины туда попасть.

ИТ. В передаче мне хотелось напомнить зрителю, что он был человек скандальный. Его нервы были доведены до предела, и даже этот предел был перейден.

ИЧ. Что скажешь? Находясь в палате № 6, трудно хотя бы отчасти не лишиться рассудка, они все, жившие в то время, были на последней грани...

ИТ. Его эпоха «довела». Ахматова была не права, обвиняя Алексея Толстого.

ИЧ. Вы на это обратили внимание. Я же обратила внимание на другое: на ее признание, что, несмотря ни на что, она Алексея Толстого любила, а он любил ее.

ИТ. В книжке Елены Толстой, которая называется «Ключи счастья. Алексей Толстой и Серебряный век»...

ИЧ. Извините, пожалуйста, повторите, в чьей книжке? Кто такая Елена Толстая?

ИТ. Это моя двоюродная сестра, она профессор Иерусалимского университета, жена известного

литературоведа Михаила Вайскопфа. Так вот, в ее книжке есть целая глава, посвященная многодесятилетнему роману Алексея Толстого и Анны Ахматовой.

ИЧ. Роману в каком смысле? Любовному?

ИТ. По существу, любовному.

ИЧ. То есть это неучтенный роман, его нет в книгах об Ахматовой.

ИТ. Это роман, вытесненный Ахматовой и никак не вытесненный Алексеем Толстым. Ахматова потрясающе отразилась в творчестве Алексея Толстого. Не полагается хвалить своих, семью, но Елена Дмитриевна, которая это исследовала, написала крайне интересную книгу.

ИЧ. Подскажите тогда, где Ахматова отразилась у Толстого.

ИТ. Во-первых, в пьесе 1912 года...

ИЧ. То есть это дореволюционные дела.

ИТ. Сперва. Пьеса написана у Волошина в Коктебеле, после того как Толстой был подвержен остракизму и изгнан из Петербурга Серебряного века. Он уехал к Волошину зализывать раны. Зализал, перебрался после этого в Москву. Прошло много лет, прежде чем он вернулся в Петербург, тогда уже Петроград, в 1923 году. И на обложке первого советского – оно же авторское – издания «Хождения по мукам», тогда существовала только первая часть «Сестры» (а автор обложки Вениамин Белкин, сосед АТ, снимавший квартиру на той же Ждановской набережной)... Так вот, на обложке две камеи – два женских профиля – Кати и Даши. Кто они? Ольга Глебова-Судейкина и Анна Ахматова. Портретное, стопроцентное сходство.

ИЧ. Значит, Катя – Ольга Глебова-Судейкина, а Даша – Анна Ахматова, так?

ИТ. Ну, не так буквально. Скорее, просто как идея двух сестер. В 1994 году я выпустил первый и единственный номер журнала «Опыты». В этом журнале фотография двух подружек помещена на обложке. И напечатана большая

статья замечательного искусствоведа Юрия Александровича Молока.

ИЧ. Портреты Глебовой-Судейкиной и Ахматовой на обложке «Хождения по мукам»? Так же, как фотография Лили Брик на обложке поэмы «Про это»?

ИТ. Только там фотография, а у Белкина в виде двух камей. Если намечать пунктирно, снова в жизни Толстого Ахматова появляется в 1940 году, когда Алексей Николаевич выдвигает сборник «Из шести книг» на Сталинскую премию. Затем они одновременно в Ташкенте времен эвакуации. Он оказывает ей исключительные знаки внимания, каждый раз это какие-то корзины с пайками... И с его помощью выходит сборник Ахматовой 1943 года. Он ее выводит в роли княжны Вяземской в пьесе об Иване Грозном.

ИЧ. Все это чрезвычайно интересно. Одно у меня сомнение. Ахматоведы – что? Проглядели?

В их ахматовских биографиях Толстому уделено совсем мало места.

ИТ. Я с этого и начал. Это имя было табуировано. Им не занимались. Его вытесняли. Это все результат психологического эффекта.

ИЧ. Вы думаете написать об этом? Все же тема Ахматова и Алексей Толстой – нечто новое.

ИТ. Нет, я об этом писать не собирался. А то, что Елена Толстая написала, – это прорывно интересно.

ИЧ. Почему это не звучит сегодня?

ИТ. Потому что Алексей Толстой все еще не та фигура, которую нужно вытаскивать на первый план. В конце концов, исследователи тоже живые люди, им хочется, чтобы в истории литературы хорошие дружили с хорошими, а плохие – с плохими. Смешение этих парадигм ломает доктринерскую позицию. А, во-вторых, книжка Елены Дмитриевны новая, ей всего года два. Дайте срок.

ИЧ. Ну да, у нас очень медленно все происходит.

ИТ. Да что вы – ввести в ахматовский ареопаг новую фигуру – на это много лет понадобится. В «Ключах счастья» Елены Толстой не только об этом, между прочим, рассказывается. Вы посмотрите: взаимоотношения Софьи Дымшиц и Николая Гумилева. Еще один неизвестный роман Серебряного века.

ИЧ. Ой-ой-ой, Иван Никитич. Давайте на этом остановимся. Мне кажется, что у вас в запасе просто бесконечное число историй, ваша литературно-историческая эрудиция беспредельна. Спасибо вам огромное за интервью!

Ноябрь 2014, Москва

Михаил Лемхин
Сан-Франциско, США

Как это всё случилось? Евреи, мадьяры и Дарвин

О фильме «Солнечный удар»

Как сообщают титры, новый фильм Никиты Михалкова сделан по мотивам рассказа «Солнечный удар» и других произведений Бунина. Некоторое ситуативное сходство с рассказом Бунина в фильме действительно имеется, но это сходство чисто внешнее.

Михалков сообщил журналистам, что он одиннадцать раз переписал от руки бунинский рассказ, «пытаясь погрузиться в его энергетику, поймать неуловимую ауру языка». Однако, погружаясь в «энергетику» рассказа, Михалков не столько вживался в мир Бунина, сколько приспособливал этот мир к понятным ему представлениям о психологии, любви, морали.

Это нормально. Так делается любая экранизация. Но в данном случае несходство представлений писателя и режиссёра оказалось настолько велико, что связь между ними практически исчезла. В результате Бунин и Михалков рассказывают две различные истории про совершенно непохожих друг на друга людей.

Сюжетная схема при этом остаётся той же. И у Бунина, и у Михалкова дело происходит на пароходе, идущем по Волге. И у Бунина, и у Михалкова поручик и «прекрасная незнакомка» сходят на какой-то пристани, проводят вместе ночь и расстаются – «незнакомка» утром садится на следующий пароход, а поручик убивает день в непоименованном приволжском городишке и только потом отправляется дальше.

Разница в том, что рассказ Бунина о неожиданном чувстве, от которого эти двое вдруг теряют голову, о страсти, вспыхнувшей между незнакомыми людьми.

А фильм Михалкова о маленьком романчике молодой замужней женщины и поручика – встретились, переспали и разошлись.

Вот Бунин (прошу прощение за пунктирное цитирование):

«После обеда вышли из ярко и горячо освещённой столовой на палубу и остановились у поручней. Она закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым прелестным смехом, – всё было прелестно в этой маленькой женщине, – и сказала:

– Я кажется пьяна... Откуда вы взялись? Три часа назад я даже не подозревала о вашем существовании. Я даже не знаю, где вы сели. В Самаре? Но всё равно... Это у меня голова кружится или мы куда-то поворачиваем?

Поручик взял её руку, поднёс к губам. Рука, маленькая и сильная, пахла загаром. И блаженно и страшно замерло сердце при мысли, как, вероятно, крепка и смугла она под этим лёгким холстинковым платьем после целого месяца

лежания под южным солнцем, на горячем морском песке (она сказала, что едет из Анапы). Поручик пробормотал:

– Сойдём...

– Куда? – спросила она удивлённо.

– На этой пристани.

– Зачем?

Он промолчал. Она опять приложила тыл руки к горячей щеке.

– Сумасшествие...

– Сойдём, – повторил он тупо. – Умоляю вас...

– Ах, да делайте, как хотите, сказала она, отворачиваясь».

(...)

«Вошли в большой, но страшно душный, горячо накалённый за день солнцем номер с былыми опущенными занавесками на окнах и с двумя необожженными свечами на подзеркальнике, – и как только вошли и лакей затворил дверь, поручик так порывисто кинулся к ней и оба так исступлённо задохнулись в поцелуе, что много лет потом вспоминали эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой».

(...) – Нет, нет, милый, – сказала она в ответ на его просьбу ехать дальше вместе, – нет, вы должны остаться до следующего парохода. Если поедем вместе, всё будет испорчено. Мне это будет очень неприятно. Даю вам честное слово, что я совсем не то, что вы могли обо мне подумать. Никогда ничего даже похожего на то, что случилось, со мной никогда не было, да и не будет больше. На меня точно затмение нашло... Или, вернее, мы оба получили что-то вроде солнечного удара...»

История Михалкова другая и очевидно про совсем других людей.

Развлекая и подначивая зрителя, а временами устраивая клоунаду в духе то ли Гайдая, то ли Эльдара Рязанова, Михалков рассказывает нам о том, как, поднимаясь на пароход, поручик замечает молодую женщину, которая

рассматривает его в бинокль. Разместившись в своей каюте, поручик выходит на палубу в надежде встретиться с этой женщиной, высматривает её издали, а женщина также издали, стреляя глазками, кокетничает с поручиком. При этом поручик неуклюже топчется, гоняется за улетевшим шарфиком, в отсутствие женщины заходит в её каюту, роется в её вещах (и чуть не оказывается пойманным – смешно, не правда ли?). Перепутав её с другой дамой, сошедшей с парохода, он кое-как сваливает свои вещи в баул, вышвыривает их на пристань и прыгает с отходящего парохода сам. А поняв свою ошибку, кричит, размахивает руками, просит вернуть пароход, и пароход – по просьбе обратившейся к капитану женщины – возвращается. Поручик же, с баулом в руках от избытка чувств почему-то танцует на пристани лезгинку (опять очень смешно).

В какой-то момент «прекрасная незнакомка» даже свистит в свисток, чтобы разбудить напившегося в дым поручика.

Всё это происходит на фоне регулярно возникающей в кадре «машины» – пароходного двигателя, в котором, блестя ухоженным металлом, размеренно – туда-сюда, туда-сюда, туда-сюда, – перемещаются какие-то шатуны и поршни. В смысле – вот она, страсть. А для совсем уже непонятливых режиссёр как иллюстрацию в букварь, вклеивает кадры работающих этих самых поршней в постельную сцену.

На фоне этих же поршней происходит и последнее объяснение: «Сойдём, – жалким голосом скулит поручик. – Умоляю вас... Это вопрос жизни и смерти...» Ну, если жизни смерти...

«Запри дверь», – говорит «прекрасная незнакомка» поручику, как только из гостиничного номера выходит обслуга, и этот невообразимый переход на «ты» говорит нам о михалковской героине и обо всей этой истории больше, чем может быть хочет сказать сам режиссёр. А когда поручик делает робкий шаг в её сторону, она останавливает его:

«Подожди... подожди». Проходит минута, мы слышим какое-то шуршание, и вот незнакомка, уже совершенно голая, появляется перед поручиком.

Солнечный удар? Страсть? Ею тут и не пахнет. Поручик стоит, замерев и выкатив глаза, а прекрасная обнаженная незнакомка смотрит на него каким-то хитроватым, игриво-вызывающим взглядом.

А поутру незнакомка умильно глядя на поручика, который по её представлениям спит безмятежно, как ребёнок (никакого, вообразите себе, похмелья), шепчет: «Я уезжаю от тебя: бегу, бегу, бегу. То что случилось с нами обоими – это был солнечный удар. А это нельзя долго – от этого сгорают». Потом она садится за стол и пишет поручику записку (перемешивая бунинские слова со своими): «Никогда того, что между нами случилось со мною не было и самое ужасное более никогда не будет». Подумав, «самое ужасное» вычёркивает – и уезжает.

Да, в качестве сувенира из предметов туалета поручика «незнакомка» прихватывает склянку с одеколоном: «Будет напоминать о тебе, пока не выдохнется». Ему же оставляет чуть примятую конфету-карамельку.

Воображаете, замужняя женщина привозит с курорта початую бутылку мужского одеколona? Неплохо, правда? Уже я не говорю про Бунина, думаю, даже Константин Симонов постеснялся бы такое написать! Впрочем, может быть Михалков ориентируется на зрителя, который именно так рассказ Бунина и прочитает.

Тем более, что на самом-то деле в фильме «Солнечный удар» рассказу «Солнечный удар» отведена я бы сказал, служебная роль. Фильм Михалкова вовсе не про встречу безымянного поручика с безымянной «прелестной женщиной». Никиту Михалкова уже давно не занимают маленькие истории о маленьких людях. Он размышляет о большом: Война, Революция, Россия. Картина «Солнечный удар» по Михалкову это ответ на вопрос: «Как всё это

случилось? С чего началось?» И чтобы зрители не забывали о чём тут речь, вопрос этот на разные лады повторяется в фильме как минимум двадцать раз.

Фильм начинается с обращения Михаила Фрунзе к руководителям Русской армии. От имени Реввоенсовета Южного фронта обращение предлагает избежать бессмысленного кровопролития и сдаться. Солдатам и офицерам гарантируется амнистия под честное слово не выступать больше против советской власти, а тем, кто не пожелает оставаться на родине, будет разрешено беспрепятственно покинуть Советскую Россию.

Титр сообщает нам, что перед нами Юг России, 1920 год. Ветер мотает по мостовой какие-то листовки. Единственное живое существо на улице – непонятным образом оказавшийся в городе павлин. Издалека доносится сакраментальное «Яблочко», появляется трамвай, до отказа набитый братвой, лихими морячками; те, кому не хватило места в вагоне, гроздьями свисают с подножек. Трамвай приближается, гремят выстрелы. В кадре мертвый павлин. Это своеобразный эпиграф.

Надо думать Михалков интерпретирует здесь запись в дневнике Бунина «Окаянные дни», сделанную в июне 1919 года в Одессе:

«Мужики, разгромившие осенью семнадцатого года помещичью усадьбу под Ельцом, ощипали, оборвали для потехи перья с живых павлинов и пустили их, окровавленных, летать, метаться, тыкаться с пронзительными криками куда попало.

Но что за беда! Вот Павел Юшкевич уверяет, что «к революции нельзя подходить с уголовной меркой», что содрогаться от этих павлинов – «обывательщина». Даже Гегеля вспомнил: «Недаром говорил Гегель о разумности всего действительного: есть разум, есть смысл и в русской революции».

Да, да, «бьют и плакать не велят». Каково павлину, и не подозревающему о существовании Гегеля».

Итак, Юг России, 1920 год.

Лагерь военнопленных. Михалков не вдаётся в детали. Какие-то бараки, какая-то свалка, какая-то прямо в этом лагере удивительная лестница – 89 ступеней, – единственное назначение которой – столкнуть по ней вниз детскую коляску, имитируя хрестоматийный эпизод «Броненосца Потёмкина». (Очевидно Михалков хочет подчеркнуть своё неприятие эйзенштейновского пафоса, но что именно он пытается сказать – я, признаюсь, так и не понял).

Прежде чем запустить их в лагерь, пленных регистрируют и просят подписать бумагу о том, что они отказываются от вооруженной борьбы с советской властью. Этой канцелярщиной занимается молодой человек, Георгий Сергеевич, несмотря на страшный титул – Комиссар Особого отдела ВЧК – вежливый, деликатный и, по всему видно, доброжелательный. Проходят один за другим: наивный юнкер с дедовским деревянным фотоаппаратом; полковник, озабоченный тем, чтобы никто не рассердил этого самого Георгий Сергеевича, теперешнего над ними начальника, а то, мол, всем будет плохо; барон, который представляется детским прозвищем Кока, с собакой на коротком поводке, существом, несомненно, голубых, как её хозяин кровей; молодой поручик с чемоданом, заполненным пачками папирос – отцовская коллекция (Георгий Семёнович просит открыть чемодан, но едва заглянув туда, пропускает); ротмистр, который лезет в бутылку, демонстрирует свое презрение к Георгию Семёновичу, ко всей нынешней власти и отказывается снимать погоны. И среди всех этих людей – растерянный, тот самый поручик из «Солнечного удара», теперь уже капитан. «Как всё это случилось?» – бормочет он. «Вы что-то у меня спросили?» – откликается Георгий Сергеевич. «Нет, нет, ничего».

«Как всё это случилось?» – думает капитан, бродя по лагерю и в его памяти всплывает пароходик на Волге, сам он, тринадцать лет назад молодой поручик и вся история с «прекрасной незнакомкой». Таким образом в фильме параллельно развиваются два сюжета.

Эпизоды лагерного быта и любовного приключения на Волге чередуются, фильм длится и длится, и по прошествии, полутора часов вы уже ясно видите, никакого ответа на сакраментальный вопрос «Как это случилось?», история «солнечного удара» не содержит. Жили иначе? Да. Были моложе? Да. Но что же в этом прошлом стало причиной сегодняшней трагедии? Я хочу сказать, что выбор именно рассказа «Солнечный удар» в качестве материала для воспоминаний капитана выглядит совершенно произвольным. С таким же успехом Никита Михалков мог использовать десяток других бунинских рассказов, и в фильме о революции, о том «как это случилось?» ничего бы по существу не изменилось.

А тем временем офицеры интересуются, когда же их вывезут из этого лагеря. «Вопрос решается в Симферополе, – объясняет Георгий Сергеевич. – Решить его должны товарищи Землячка и Бела Кун».

Кто они такие?

«Бела Кун – венгр», – объясняет Георгий Сергеевич.

А Землячка, чья она землячка?

«Наша землячка, – отвечает Георгий Сергеевич. – Розалия Самойловна Залкинд. А для простоты – Землячка».

«Мадьяр и жидовка будут решать судьбу русских офицеров», – говорит ротмистр.

Сотоварищи по заключению его одёргивают – мол, такой неприличный кондовый антисемитизм. Но дело сделано – слова произнесены. А если заинтересованные зрители попробуют узнать, кто такой Бела Кун, они с лёгкостью выяснят, что по рецепту Жириновского, у которого мама

русская, а отец юрист, Бела Кун мог бы сказать про себя: мама венгерка, а отец нотариус.

Какое решение могут вынести жидовка и сын нотариуса? Объявить солдатам и офицерам, что их везут в Очаков, погрузить всех на баржу, вывести её на буксире в море и утопить.

Жаль, что для полноты картины Михалков забывает упомянуть, что Розалия Самойловна Залкинд и сын нотариуса были членами Чрезвычайной тройки по Крыму, председателем которой был русский дворянин Георгий Пятаков.⁶

Но обитатели лагеря до последней минуты не знают о своей участи и спорят, спорят о том, как же это случилось. Во-первых, виноват либерализм. Морской офицер рассказывает, что в 1905 году офицеры, и он в том числе, отказывались командовать расстрелом Петра Шмидта (руководившего мятежом на крейсере «Очаков»). «Теперь вы понимаете, почему вы сидите в таком дерьме? – кипит ротмистр. – Потому что таких как лейтенант Ставраки, который согласился, единицы, а таких, как вы, сотни, тысячи, не перечесть». Во-вторых, виновата русская литература. «Ненавижу русскую литературу, – говорит владелец чемодана с папиросами. – Сто лет сами себя говном поливаем, остановиться не можем. Сто лет... Попов, господ, власть, любую власть. Как это Некрасов – пьянь, картёжник, как он написал «и широкою, ясную грудью дорогу проложит себе». Вот, проложил. Ненавижу! Ни стыда, ни греха, всё можно, всё... /.../ Человека русского загубили, государство русское загубили».

⁶ Георгий Пятаков в 1937-м, а Бела Кун в 1938-м сами получили от своей же банды пулю в затылок. Розалия Залкинд прожила до 70 лет и умерла своей смертью в 1947 году, будучи заместителем председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б).

Матросики уже отцепляют баржу, а пассажиры её в тесноте продолжают скорбеть о судьбе России, и тут к нашему капитану – бывшему поручику – пробирается юнкер и протягивает небольшой свёрток: «Георгий Сергеевич просил вам передать». В свёртке оказываются карманные часы-луковица, завёрнутые в титульную страницу книги Дарвина «Происхождение видов». «Георгий Сергеевич?», – переспрашивает капитан, руки его дрожат. – «Да это же..», только сейчас осознав, что Георгий Сергеевич – это симпатичный паренёк Егорий из приволжского городка, в котором тогда поручик, расставшись с «прекрасной незнакомкой», провёл день. «Егорий, Егорий», – кричит он, высовывается в иллюминатор и машет рукой стоящему на пирсе Георгию Сергеевичу. Георгий Сергеевич тоже машет рукой. Может быть, в ответ капитану. А может быть, отдавая команду буксиру отцепить баржу. В бинокль он наблюдает с пирса, как баржа уходит под воду. Мы не видим его глаз, но лицо вздрагивает, словно от сдерживаемого плача. Он подносит трёхперстие ко лбу, но вовремя остановившись, поправляет свою фуражку со звездой (накануне товарищ Землячка с большим жаром объяснила ему, что разговоры о сходстве коммунистических идей и христианства – вредное заблуждение).

Если задуматься, этот Егорий – Георгий Сергеевич – единственный персонаж, исключая поручика-капитана, конечно, чей портрет разработан в объёмный характер.

У Бунина в «Солнечном ударе» нет никакого Егория – поручик проводит день в одиночестве. У Михалкова поручик спрашивает у мальчишки в порту о расписании пароходов, начинает с ним разговор, и получается так, что с этим мальчиком вдвоём они проводят целый день. Следующий пароход должен отойти от пристани в 9 вечера, и поручик решает немного поспать. Мальчику приходится его будить, а разбудив заспавшегося поручика и погрузив на извозчика поручиков баул, Егорий вдруг понимает, что

поручик забыл свои часы. «Часы! – кричит он вдогонку. – Господин поручик, часы, вы забыли часы!», но догнать извозчика, конечно, не может.

Этот «окающий» и «якающий» смышлённый мальчик с удовольствием и в то же время почтительно составляет компанию тоскующему поручику. Они вдвоём любят волжскими красотами, фотографируются вместе, и мальчик решается задать поручику вопрос, на который сам он не решается дать однозначный ответ. У них в школе новый учитель аж из самого Петербурга, добрый, внимательный, отзывчивый. Так вот этот учитель рассказывал про Чарльза Дарвина. «Происхождение видов», знаете? Он в Бога не верует, он говори, что всё без Бога, от обезьяны. Это правда?

«Ну, если принять теорию Дарвина, тогда так», – отвечает либеральный поручик.

«И вы, господин поручик, от обезьяны!? – изумляется Егорий. – И я от обезьяны!?... Это получается, что и батюшка с матушкой от обезьяны!?... И сам царь от обезьяны!?...»

«Егорий, во что человек верит, то и есть», – отвечает поручик.

То и есть? От обезьяны? Вот оно что. Дарвин разрушил систему мира, в котором воспитывался Егорий. Розалия Самойловна Залкинд объяснила ему, что христианство это вредное заблуждение. Землячка с Бела Куном распорядились, и вот он, русский человек, отдаёт команду топить своих русских братьев.

Вот так это всё и случилось. Если бы не было Некрасова и вообще русской литературы, если бы каждый офицер был готов командовать расстрелом своего товарища, если бы не Дарвин и не евреи, жил бы себе богобоязненный Егорий, поживал. И всё было бы хорошо, просто замечательно!

По-моему, это единственно возможный вывод из трёхчасовой конструкции, сооруженной Никитой Михалковым.

То что это не имеет отношения к рассказу Бунина «Солнечный удар» – очевидно. То что предложенный вывод не имеет никакого отношения к Бунину – несомненно.

По какой-то странной причине многие рецензенты указывают на дневник Бунина «Окаянные дни» как на источник, из которого черпал Михалков своё вдохновение.

Поэтому, наверное, стоит закончить эту статью цитатой из «Окаянных дней»:

«Левые» все «экспессы» революции валят на старый режим, черносотенцы – на евреев. А народ не виноват! «Да и сам народ будет впоследствии валить всё на другого – на соседа, на еврея: «Что ж я? Что Илья, то и я. Это нас жиды на всё это дело подбили...»⁷

Как в воду Иван Алексеевич Бунин глядел.

Михаил Лемхин
Сан-Франциско, США

Трудно быть богом

О фильме Алексея Германа по роману братьев Стругацких

Грязь хлюпает под ногами, её разбрызгивают телеги, она вылетает из-под конских копыт, её зачерпывают горстями, мажут себя, швыряют друг в друга. Она везде. Не будет преувеличением сказать, что грязь – основная составляющая мира, созданного Алексеем Германом в его последней картине «Трудно быть богом». Обитатели этого мира беспрерывно плюются, рыгают, сморкаются, зажав одну ноздрю, гогочут, разевая беззубые рты.

⁷ В сборнике «Свободы вечное предверье», из-во «Художественная литература», Ленинград, 1990 г., стр. 275.

Закадровый голос сообщает нам, что это не Земля, а какая-то другая планета. Несколько десятков земных наблюдателей заброшены сюда, чтобы изучать живую историю, по возможности спасти преследуемых, но не вмешиваясь в эту историю, не нарушать её органического течения. Перед нами королевство Арканар.

Король обитает во дворце, похожем на грязную конюшню. Собственно, слово дворец здесь просто пара к слову король, то что мы видим похоже не на дворец, а на осклизлый каземат. Также примерно выглядит и замок посланца Земли благородного дона Руматы: с потолка капает вода, всё завалено мусором, на столе следы вчерашней пирушки, какие-то объедки, обглоданный рыбий скелет, недопитые кубки с вином, в которых плавают отвратительные насекомые.

В этом мире книжечеев топят в нужниках, женщины норовят ухватить Румату за гульфик, а Румата, хотя и постоянно пьяный (как, впрочем, и остальные земные посланцы), всё же будучи гуманистом, на дуэлях не убивает противников, а просто отрезает им уши. И уже нарезал этих ушей 372 штуки. Носы же встречным-поперечным он ломает просто так, для того, чтобы выпустить скопившуюся мутную злобу. Такой гуманист.

Вызволив доктора Будаха из тюрьмы, Румата водит его на верёвке, словно козла, и, так и не сняв верёвку с шеи старика, затевает с ним разговор о том, можно ли этот мир улучшить. Разговор происходит по пути из здешней тюрьмы под названием Весёлая башня к замку Руматы, и Будах останавливается у стеночки, чтобы пописать как раз после вопроса Руматы: «Если бы ты мог посоветовать богу, что бы ты сказал?» Этот разговор – в определённом смысле, самый значительный в фильме, – происходит под журчание мочи, но и без физиологических подробностей Будах Ируканский выглядит у Германа таким ничтожеством, что ждать от него каких-то откровений было бы даже странно. А когда

перебрав и отбросив все варианты божьего вмешательства как неразумные, Будах говорит: «Оставь нас в нашем гниении», а Румата отвечает: «Сердце моё полно жалости, я не могу этого сделать», появляется чувство какой-то неадекватности, как будто изображение и звуковая дорожка принадлежат разным фильмам. Какой жалости? – хочется спросить. К кому жалости? К тем, кому он отрубил уши?

В мире, созданном Германом, нет осмысленных лиц (разве что два-три лица отдалённо похожи на человеческие); это мир, обитатели которого не способны ни к каким духовным усилиям.

Что это за мир? Жестокий, беспросветный, мир, в котором всегда дождь или туман и никогда не видно солнца, мир, в котором сердцу не на чем отдохнуть?

Некоторые толкователи картины объясняют: «Так это же средневековье, оно таким и было!»

Объяснение по меньшей мере странное. Не потому странное, что средневековье не исчерпывается священной инквизицией и Томасом Торквемадой, что в эти годы жили и творили прекрасные архитекторы, сочинял «Божественную комедию» Данте, писал «Изенгеймский алтарь» Маттиас Грюневальд, и не потому странное, что в средние века люди изобрели не только порох и пушки, но ещё, например, очки и компас. Странное потому, что предполагает, будто Алексей Герман снимал фильм о средневековье.

Но ведь фильм очевидно вовсе не об этом. В самом общем виде эта картина, наверное, должна была бы быть о том, каково интеллигенту в репрессивном государстве, о выборе, который этому интеллигенту приходится делать, чтобы не потерять себя, сохранить свою душу, и о том – можно ли её сохранить, не запачкав руки грязью и кровью.

Сюжетная схема позаимствована из одноимённой повести братьев Стругацких. Повесть, как известно, была написана в 1963 году. Оттепель закончилась. Начался откат в «советское средневековье». Интеллигенты, ещё недавно

воображавшие, что общество вступило в новую эпоху, в эпоху Ренессанса (во всём виноват Сталин, вернёмся к Ленину к ценностям революции), увидели, как всё можно переменить в одночасье. Стоило Хрущёву топнуть ногой и прокричать: «абстракционисты», «пидарасы», «не дадим вам устроить здесь Венгрию, не допустим» – и уже на другой день ударил мороз, прихватив оттепельную жижу крепкой коркой.

Алексей Герман хотел экранизировать повесть «Трудно быть богом» ещё в те стародавние времена. Но после того, как температура понизилась ещё раз и советские танки отправились «с приветом братским» в Прагу, фильм Германа был закрыт. В начале перестройки Герман снова вернулся к этой идее, однако быстро потерял к ней интерес: «Мы написали страниц двадцать и бросили, потому что богом было быть не трудно. Вчера ты завлаб, а сегодня – бог! Да и, вообще – почему это он Рэба, а не Берия?»⁸

Прошло ещё немного времени и оказалось, что система – «вчера ты завлаб, а сегодня – бог!» в жизни означает: вчера ты завлаб, а сегодня олигарх или вчера ты завлаб, а сегодня зек, или, например, вчера ты завлаб, а сегодня министр, подобострастно поддакивающий товарищу Рэбе... полковнику Рэбе... дону Рэбе.

Оказалось, что сюжет не утратил актуальности, и Герман достал с полки старый сценарий. «Я уверен был, что сценарий хороший, а он дико плохой... Это написано было шестидесятниками, а шестидесятники безумно сентиментальны. Мы сейчас сидим и бешено его выкручиваем».⁹

Это выкручивание и съёмки фильма продолжались пятнадцать лет. Алексей Герман не смог закончить картину,

8 Неизвестный классик. Алексей Герман собственными словами» в книге Михаил Лемхин «Вернуться никуда нельзя», изд-во «Читатель», СПб, 2012, стр. 164

9 Там же.

он умер в феврале 2013 года. Картину подготовил к выпуску его сын, Алексей Герман-младший. 13 ноября 2013 года состоялась её премьера.

Картина поражает своей фактурой – каждый кадр наполнен до краёв и каждый кадр совершенен. Но довольно скоро вы начинаете понимать, что сюжет не движется и, если вы не читали книгу Стругацких, то у вас просто нет шансов понять, о чём идёт речь. Перед вами не рассказ, а некая визуальная субстанция, существующая сама в себе. И ради себя. Все эти перипетии – поиски Будаха, убийство короля, государственный переворот, смерть Киры и даже кровавое шествие Руматы по Арканару – всё это лишь повод для того, чтобы проиллюстрировать далеко не новую мысль: мы живём в свинарнике, нас окружают свиньи, да и каждый из нас, из тех, кто воображает себя человеком, тоже недалеко ушёл и, похрюкивая и повизгивая, регулярно склоняется над корытом.

В представлении «шестидесятников» человек изначально хорош, плохим его делают внешние причины, так сказать, условия существования. Сорок лет спустя Герман называл это шестидесятнической сентиментальностью и старался отжать, «выкрутить» её из сценария. Несколько раз Герман показывает разрезанные животы, из которых вываливаются кишки. Ливер – больше в человеке ничего нету.

Сравнивать книгу и фильм по ней поставленный (уж я не говорю, оценивать фильм) – самое последнее дело. Режиссёр – полноправный автор своего фильма, и книга для настоящего режиссёра обычно служит всего лишь толчком. Но проследить – как режиссёр меняет акценты, какие сюжетные линии он отбрасывает, какие развивает, а какие оставляет без изменений, – всегда очень интересно. Если таким образом сопоставить повесть Стругацких с фильмом Германа, мы увидим, что режиссёр настойчиво «снижает» историю, рассказанную Стругацкими. Высокоучёный

доктор Будах превращается в обрюзгшего человечка с туповатым лицом, интриган дон Рэба – в этакое сельского попаика-хитрована, великолепный барон Пампа, в книге освобождённый Руматой и ускокавший в свой замок, представлен плаксивым безмозглым великаном, которого без особенных усилий убивают и чей труп бросают в помойку, девушка Кира (в фильме её зовут Ари), тихая и застенчивая, безоглядно влюблённая в Румату, в фильме становится вульгарной крикливой неумытой девкой, ощупывающей гульфик Руматы и с удовлетворением обнаруживающей то, что она искала.

«Человек изначально и навсегда – свинья,» – декларирует Герман каждым кадром.

Правда в эпилоге, полностью сочинённом Германом, тональность фильма меняется. Румата отказался возвращаться на Землю. Мы видим его в поле, в окружении нескольких слуг, глядящих на своего хозяина с почтением и сочувствием. Вероятно он пьян. В нём ничего не осталось от наглого благородного дона. На нём очки, с которых он счищает пальцем какой-то сор. Слуга нахлобучивает на него шапку. Румата открывает бутылку и, понюхав, пьёт из горла. Слуга вытирает ему рот. Грязи нет, идёт снег, и всё вокруг покрыто снегом: холмы, дорога, деревья впереди. Румата достаёт саксофон, и под его меланхолическую мелодию несколько всадников и телега с Руматой отправляются в путь. Или продолжают путь. Мы не знаем, куда они направляются. Да, вероятнее всего, этого не знают и они сами.

Этот финал заставляет нас вспомнить последние кадры предыдущего фильма Германа «Хрусталёв, машину!» Генерал Кленский, покинув семью, Москву, как бы вырвавшись из структуры, со стаканом портвейна в

компании каких-то бомжей уносится на поезде в бескрайние российские просторы.

Румата, как и генерал Кленский, «уходит в народ», и такой финал выглядит здесь не менее надуманным, чем он выглядел в «Хрусталёве».

Меняет ли эпилог впечатление от фильма? Боюсь, что нет. После того как в течение двух с половиной часов нас заставляли глядеть на свиные рыла, малахольный Румата с саксофоном – даже если бы мы могли поверить в это превращение – не в состоянии показать нам, каким образом грязь и кровь могут преобразиться в добро.

«Искусство несёт в себе тоску по идеалу. Оно поселяет в человеке надежду и веру. Даже если мир, о котором рассказывает художник, не оставляет места для упований. Нет, даже ещё более определённо: чем мрачнее мир, который возникает на экране, тем яснее должен ощущаться положенный в основу творческой концепции художника идеал, тем отчётливей должна приоткрываться перед зрителем возможность выхода на новую духовную высоту».

10

Это слова Андрея Тарковского, но мне всегда казалось, что автор «Двадцати дней без войны» и «Лапшина» мог бы под ними подписаться.

Но автор фильма «Трудно быть богом» с ними определённо не согласен.

10 Цитирую по книге Ольги Сурковой «С Тарковским и о Тарковском», изд-во «Радуга», М, 2005 г., стр. 238.

Лейла Александер-Гарретт
Лондон, Великобритания

Стокгольм Андрея Тарковского

Летние чудеса и воскрешения

Отрывок из очерка «Стокгольм-Помпеи», январь 2015,
Лондон

«Jag älskar Stockholm!» – вырвалось у стремительно идущей мне навстречу улыбающейся шведки. Чувством влюбленности в Стокгольм она делилась со своей спутницей, невольно озвучив и мою мысль. Широкая улыбка незнакомки зеркально отразилась на моем лице. А через несколько мгновений мимо пронесся еще один звонкий женский голос иностранки, совершавшей с друзьями велосипедную прогулку по набережной Страндвэген (Strandvägen):

«I love Stockholm!» Возгласы случайных прохожих ободрили меня, и я ускорила шаг в сторону моста, соединяющего набережную с островом Юргорден (Djurgården), что означает «Звериный сад или парк» (некогда излюбленным местом охоты шведских королей). На этом небольшом острове – одном из 24 тысяч островов, составляющих шведский архипелаг – осенью и зимой 1984 года жил Андрей Тарковский. Каждый год, в конце лета, я приезжаю в Стокгольм и первым делом отправляюсь побродить по парку, навестить знакомые места, где произошла наша встреча. В тот сентябрьский вечер Тарковский позвонил и попросил приехать к нему в гости на «поиски шведской души». Именно так: «Я ищу душу картины...» – определил он многочасовое прослушивание внушительной стопки пластинок со шведской народной музыкой, которую он намеревался использовать в «Жертвоприношении». Тогда же Андрей предложил мне составить ему компанию в Шведский киноинститут на премьеру документального фильма Ингмара Бергмана о съемках картины «Фанни и

Александр», где произошла знаменитая «невстреча» двух обожавших друг друга великих режиссеров.

На следующий день директор картины Катинка Фараго (она была директором картины и на «Фанни и Александр») обратилась ко мне с просьбой помочь Тарковскому с переводом, пока он не определится с профессиональным переводчиком. Как она объяснила: на студию каждый день приходили лучшие шведские толмачи, но режиссер отправлял их восвояси, объясняя «столь странное поведение» тем, что «алхимия не сошлась...» Звонки продолжались весь подготовительный период, но Тарковский не прекращал свой «алхимический» поиск мужчины-переводчика: он боялся, что женщина не справится с работой в «режимное время», когда съемки происходят до восхода солнца, а летом в Швеции оно встает в три часа ночи. Не знаю, что конкретно послужило толчком для окончательного решения заключить со мной контракт на весь съемочный период: то ли «алхимия сошлась», то ли слова поддержки нашего знаменитого оператора Свена Нюквиста: «С тобой Тарковский спокоен...», но «поиск» прекратился (хотя «поиск» и Тарковский – синонимы). «The rest is history», как говорят англичане: «Все остальное история...»

Голоса незнакомых влюбленных в Стокгольм женщин сопровождали меня весь вечер, пока я гуляла по привычным тропинкам Юргордена. Звучат они и теперь: «Я люблю Стокгольм!»

Солнце садилось. Из-за обитавшей на Юргордене живности, а на территории острова расположен знаменитый Скансен (Skansen) – первый в мире музей под открытым небом, основанный в 1891 году; там же находится и зоопарк с представителями северной фауны: медведями, волками, лосями, лисами, рысями и полярными совами, – из-за чего вся местность скудно освещена, а мне хотелось успеть сделать несколько снимков дома Андрея и залива, которым мы часто вместе любовались. Правда, Тарковский всегда

подчеркивал, что мощной стихии моря он предпочитает небольшие речушки и озера.

В стихотворении Иосифа Бродского «Письмо в бутылке» (написано оно в 1965 году – за двадцать лет до создания Тарковским своей последней картины) есть слова, как будто обращенные к фильму: «Надеюсь я также, что некий Швед / спасет от атомной бомбы свет...» Как известно, герой картины Александер – его сыграл замечательный шведский актер Эрланд Юзефсон – делает именно это: «спасает свет» от атомной войны. Точность попадания этих строк поразительна! Хотя ни Тарковский, ни Бродский не питали друг к другу симпатий, у них было много общего: оба обожали шведское блюдо «gravad lax» – маринованного лосося с укропом и молодой картошкой; северную аскетическую природу без прикрас («Север – честная вещь...» – говорил Бродский); у обоих высокомерие по отношению к некоторым особам «зашкаливало» – и у того и у другого оно служило защитным механизмом (себе они тоже ставили «высокую мерку»); оба утверждали, что в некотором роде они, как собаки, руководствуются больше нюхом, нежели интеллектом (чего у них было хоть отбавляй!); оба не уставали цитировать Акутагаву: «У меня нет совести. У меня есть только нервы». Если они чего-то или кого-то не любили, то яростно и беспощадно; зато, когда любили, то от всей души – щедро и нежно. Оба полагали, что свободный человек не винит никого, кроме себя, а поработанный всегда ищет виноватого. Обоим Швеция напоминала Россию: та же цветовая и звуковая гамма, понятная более всего на свете. Оба могли сказать: «Я не способен к жизни в других широтах. / Я нанизан на холод, как гусь на вертел». Швеция для них: «Это как бы голос из дому, оттуда, из того пейзажа, из того мира...» Обоих радушно встречал Стокгольм: «В этом городе, как только выходишь из отеля, / с тобой, выпрыгнув из воды, здоровается семга.» Слова поэта не преувеличение: рыба

здесь действительно выпрыгивает из воды «поздороваться» с гостями столицы. В Стокгольме вежлива даже рыба. Я тому свидетель.

К дому, где жил Тарковский, в старой части Юргордена, можно было несколько остановок проехать на трамвае, но мне захотелось пройти пешком по тем дорожкам, по которыми мы столько раз ходили вместе. Андрей любил этот утопающий в зелени остров. «Похрустим?» – говорил он, беря меня под руку, и мы принимались топтать лежащие под ногами пружинящие опавшие листья, похожие на кем-то искусно разрезанные и разбросанные разноцветные лоскутки ткани. От листьев исходил один из самых прекрасных запахов на Земле – аромат осени. Громадное цветное благоухающее покрывало... А зимними сумерками Андрей подолгу всматривался в силуэты остекленевших от мороза деревьев и старых деревянных домов, фантазируя, что хорошо бы очутиться в одном из них, разжечь камин настоящими дровами, поставить Баха и откупорить бутылку красного вина.

Дорога к дому Андрея проходила мимо величественного Северного музея истории и культуры Швеции (Nordiska museet); сказочного музея Астрид Лингрен – Юнибакен (Junibacken – «Июньский спуск»); не раз я отправлялась со своей дочкой на волшебном поезде в гости к Карлсону и к неутомонной Пеппи Длинный чулок; мимо музея «Васа» (Vasamuseet). Оба музея появились после ухода из жизни Андрея, иначе бы мы непременно посетили и крышу Карлсона, и палубу корабля Васы. Сейчас на своем пути я обнаружила еще один музей популярной в 1970-80 годы группы ABBA. В кафе за столиками сидели люди, ритмично покачивавшиеся под знакомые мелодии. Любил напевать их и Андрей. Музыка неслась отовсюду: рядом с его домом находился один из самых знаменитых развлекательных аттракционов – «Gröna Lund» («Зеленая роща», открытый в 1883 году). В Луна-парке играл джазовый оркестр (ежегодно

с середины августа в Стокгольме проходят музыкальные фестивали – от классики до поп-музыки), где на старинной танцплощадке самозабвенно отплясывали молодые и пожилые пары рок-н-ролл, буги-вуги, свинг, джиттербаг и другие «зажигательные» танцы прошлого века. Оторваться от восторженных лиц танцующих и музыкантов было невозможно. Своими движениями, искрящимися глазами, улыбками они выражали одно: «Я люблю этот теплый августовский вечер! Музыка! Танцы! Этот прекрасный город!» Вспомнились слова Ингмара Бергмана, однажды сказавшего мне: «В мире нет ничего лучше шведского лета...» На протяжении многих лет его секретом я делилась со всеми, кто ломал себе голову, где бы им провести летний отпуск? У шведов языческая, благоговейная любовь к природе. Для них природа неотъемлемая часть их мировосприятия.

Не раз мне приходилось выслушивать стенания обитателей крупных мегаполисов, как в Швеции скучно, стерильно; шведы какие-то роботы, зануды, законопослушные, правильные; всё у них одинаково: на Рождество десятилетиями смотрят одну и ту же передачу – диснеевский мультфильм про взвинченного истеричного утенка, когда все жители страны, как по команде, одновременно открывают пакеты с подарками; что подружиться с ними совершенно невозможно. Насчет Рождества все верно: «the same procedure as the last year» («та же процедура, что и в прошлом году»). Но разве можно сравнить эту безобидную зимнюю порцию шведской традиции (другая – празднование летнего солнцестояния – «midsommar» – «середина лета») с бесчисленными английскими ритуалами?! Швеция не Америка, где через пять минут тебя возведут в лучшие друзья, а завтра, при появлении кого-то нового, ты вылетишь даже из списка знакомых. В Швеции, если ты нашел себе друга, то навсегда. Северная скала разогревается медленно, зато тепло хранит долго.

Для меня нет ничего прекрасней шведского лета, когда по небу разлито бледное, неуловимое сияние; прозрачный воздух щебечет, верещит, воркует, восславляя безоблачное величие голубизны. Мир, напоенный «голубым раствором», в котором «погружен земной простор». «Цвет небесный, синий цвет, / Полюбил я с малых лет. / В детстве он мне означал / Синеву иных начал». Любимое стихотворение «Синий цвет» (1841), в блестящем переводе Бориса Пастернака. Оно написано «грузинским Байроном» – двадцатитрёхлетним Николозом Бараташвили. При жизни у него не было опубликовано ни строчки, зато после смерти (умер поэт в двадцать семь лет) его стали называть классиком грузинской литературы.

Под небесами шушукуются рослые, как шведские девушки, сосны, в траве стрекочут кузнечики, а длинноногие (под стать юным прелестницам) ромашки кокетливо вертят белыми головками, словно заигрывают с ветром и прохожими. Истосковавшиеся по теплу выцветшие за зиму тела викингов с благоговением отдаются ласкам небесного светила. Великолепие и покой царят в природе. Стокгольм трудно описать, им нужно дышать. Им не надышаться! – его водой, разлитой по всему городу, зелению, в которой он утопает, облаками, плывущими в небе и в отражении водной глади, мшистыми валунами, островами (а их в столице четырнадцать!), гранитными скалами...

Летом с обитателями шведского королевства происходят чудеса: из благоверных, уравновешенных протестантов они превращаются в необузданных язычников. В глазах у них загораются озорные искорки и кажется, что неустрашимый скандинавский бог Один похищает их смиренные христианские души и ввергает в неистовый хоровод поклониться четырем стихиям – огню, воде, земле и воздуху.

Юлия Добровольская
Милан, Италия

Мемуар в трёх частях

Что же спасало?

Италия 90-ых годов. Знакомая учительница истории одного частного миланского лицея попросила меня встретиться с её учениками. Они проходили «Один день Ивана Денисовича» Солженицына. И взбунтовались: всё непонятно! Что такое лагерь, за что сажали и, конкретно, где эти люди жили, на чём спали, в чём ходили, что ели-пили...

Мои разъяснения вызвали шок. Встрепенулись только, когда прозвенел звонок на перемену: «Ещё! Ещё!». Пришлось пообещать, что приду ещё, через две недели. В промежутке мне пришло от них двадцать взволнованных писем.

В следующий раз я остановилась на вопросе, который задал мне в своём письме кучерявый крепыш Бруно: «Что помогало вам преодолевать эти нечеловеческие трудности?»

Я ответила так: «Будь я верующей, мне помогала бы вера. Но советских людей с малых лет веры лишали. Что же спасало? Так вот знайте: на свете много добрых людей, которые бескорыстно приходят на помощь. Меня в беде почти всегда спасал добрый человек, иной раз совершенно незнакомый, посторонний. Их имена хранятся у меня в сердце».

Flashback: Елена

Первое в моей вдовьей жизни лето, лето 1974 года, я провела бы в душевной Москве, если бы не Луковниковы: Зина с Борей посадили меня в свой «Москвич» и повезли

на чистый воздух. Взяли курс на Новороссийск. Дикарями, конечно, наугад.

Из дорожных впечатлений осталась в памяти встреча под Тулой. С десятков молодых людей обоего пола, довольно расхристанного вида, загорали неподалеку от бензоколонки, рядом со своим заглушим фургончиком. Как было не поинтересоваться, кто они такие и откуда! Оказалось, студенты из Рима, доверившиеся рекламе московского Интуриста, расхваливавшей «автопробег Рим-Москва, Москва-Рим». Услышав родную речь, ребята повскакали с мест, обступили нас, загалдели.

Помочь бы им, но как, если нужной запчасти в Туле не оказалось... Единственное, что мне пришло в голову, это дать им номер телефона итальянского посольства в Москве. Они тут же, при нас, созвонились, им что-то пообещали, после чего они подступили к нам с расспросами, кто мы, откуда я знаю итальянский. Объясняю – де, я переводчик, перевожу итальянскую художественную литературу на русский язык.

«Che schifo!» – вырвалось у патлатой девицы в джинсах с прорехой на колене, что в переводе на русский значит «какая гадость». Перед нами был образчик вершителей бушевавшей тогда в Европе и Америке молодёжной революции, ниспровергатели «устаревших буржуазных ценностей».

Тем не менее расстались мы неохотно, обеим сторонам явно хотелось пообщаться. Впоследствии знакомый культурный атташе рассказал мне о их ночном нашествии на итальянское посольство, куда их пустили переночевать на бархатистых нежного палевого цвета диванах гостиной.

Больше на нашем пути ничего примечательного не произошло.

Завидев море, мы захотели тут же бросить якорь – попросились в садик-огородик к старику в тельняшке, сидевшему на пороге своей развалюхи. Старик выглядел

картинно: поджарый, жилистый, загорелую лысину прикрывала выдавшая виды флотская фуражка.

«За ценой не постоим», – уговаривали мы его.

«Я не против, – пожал он плечами, – только что вы тут хорошего у меня нашли? За красотами надо ехать дальше...»

Пока Боря ставил палатку, мы с Зиной спроворили ужин и пригласили на рюмку водки хозяина. Не сразу, а выждав дня два, помаленьку раскусив нас, Евсей Богданович разговорился. О том, как десять лет трубил в лагерях, на лесоповале. На обычный, глупый, вопрос, за что его посадили, он проворчал: «А кого тогда не сажали... Гебешникам надо было выполнять сталинскую норму по арестам...» И немного погодя, вздохнув: «Я был бригадиром на новороссийском консервном заводе... Молодой, горячий, энтузиаст социалистического производства... Мне шили саботаж... Признание не выбили, зато выбили передние зубы...» Он показал ровный ряд из нержавеющей стали. «Отсидел от звонка до звонка. Однако приполз... У меня тут родственники... Отходили».

Шестнадцатилетняя племянница Евсея Богдановича с толстой русой косой до пояса приезжала после школы навещать дядю, привозила ему еду и охотно задерживалась. Наше застолье, за отсутствием стола, происходило вокруг бочки из под квашеной капусты. Сидели на чурках, заимствованных из заготовленной на зиму поленницы.

Бывшие зэки немногословны, не охочи откровенничать. Знаю по себе. Вспоминать, как тебя превращали в лагерную пыль, тягостно. Но свой традиционный вопрос я всё-таки задала: встречалось ли Евсею Богдановичу в том ледяном аду человеческое добро.

Попыхивая самокруткой, он рассказал: «Была у нас на лагпункте зэчка, уже немолодая, сидела давно, с 1938 года, звали Еленой. Образованная. Работала уборщицей на медпункте. Начальник, врач из вольных, разрешал ей полежать-передохнуть в чуланчике под лестницей. Этот

чуланчик был для нас как дом родной. О чём Елену, бывало, ни попросишь, всегда найдёт время, сделает. Порвались варежки, починит; прохудилась фуфайка, заштопает; полуграмотному зэку заявление напишет, убитого горем утешит. Всё умела, всех жалела наша Елена Разгон!»

«Как?! Как вы сказали, Евсей Богданович?! Повторите, скажите ещё раз фамилию вашей Елены! Разгон? Вы сказали Разгон?! Так это же сестра нашего Льва Разгона!» – хором голосили мы.

В ту ночь, после того, как донёсся до нас похожий на Лёвин голос Елены Разгон, нам в своих спальных мешках долго не удавалось заснуть.

Спасибо!

Вернёмся в Италию 90-ых. На сей раз в Тоскану, в город Ареццо, где местная ассоциация католической интеллигенции «Sacro cuore» («Священное сердце») посвятила себя борьбе за мир, не голословной, а действенной. Они даже направили свою делегацию в Москву, с конкретными предложениями президенту Ельцину по поводу чеченской войны; делегаты были приняты в Кремле.

Но по здравом размышлении «Sacro cuore» сосредоточила свои усилия на более узкой задаче: было решено создать школу для подготовки в университет молодёжи из враждующих стран, чтобы выпускники, овладев профессией и сдружившись между собой, возвращались домой строить демократическое общество. Школа – учебные помещения, кухня, столовая, общежитие – расположилась близ Ареццо, в заброшенной средневековой деревне Rondine (Ласточка). Пустовавшие здания были отремонтированы, прибыли первые абитуриенты, – чеченец, абхазец, русский, азербайджанец, грузин, армянин – появились волонтёры-учителя. Школа заработала.

Выступать перед учащимися Ласточки приезжали среди прочих гости из России – правозащитник Сергей Ковалёв, академик Дмитрий Лихачёв, писатель Лев Разгон, дипломат Феликс Станевский. Я подарила школьной библиотеке десяток фотокопий своего «Практического курса итальянского языка», ведь «школьникам» предстояло слушать лекции во Флорентийском университете, и быстро овладеть итальянским было для них очень важно.

Тот день был особенный, это был день «Marcia della pace» («Похода за мир»), двадцатитрёхкилометрового факельного шествия из Ареццо в расположенный на высокой горе монастырь Ла Верна.

Пока суд да дело, монастырских гостей – академика Лихачёва с женой и переводчицей и нас со Львом Разгоном – позвали в трапезную ужинать. Мы всё время смотрели на часы и в темноту за окнами, не покажется ли голова шеренги.

Эту неподходящую для проникновенного разговора минуту переводчица Алёна выбрала, чтобы сделать заявление: «Юлия Абрамовна, мне надо сказать вам одну важную вещь... Мне надо сказать вам спасибо за ваше появление в моей жизни. Вы, наверное, не помните... Мы с вами познакомились много лет тому назад у моего дяди Евсея Богдановича Бондаренко, вы у него жили, когда ездили отдыхать на юг со своими друзьями Зинаидой Ильиничной и Борисом Семёновичем Луковниковыми. После вашего отъезда я насилу дождалась окончания школы и помчалась в Москву поступать на итальянское отделение Института иностранных языков»...

«Идут, идут!» – перебил Алёну звонкий мальчишеский голос.

«Откуда тут дети?» – про себя удивились мы и заспешили к выходу, на бельведер – облюбованную нами ещё утром площадку над откосом, с которой видны

подступы к Ла Верне. В темноте на гору взбиралась золотая змейка из горящих факелов...

Юлия Абрамовна Добровольская – итальянистка, переводчица с итальянского, профессор и автор учебников и словарей, - большой друг журнала ЧАЙКА. В нашем журнале впервые были напечатаны главы из ее автобиографической книги «Постскрипtum», посвященные Гражданской войне в Испании и ее итальянским друзьям: Джанни Родари, Марчелло Вентури, Паоло Грасси и Ренато Гуттузо.

Соня Тучинская
Сан-Франциско, США

«Вы не знаете, что такое Люша...»

Памяти Елены Цезаревны Чуковской (1931-2015)

На этот текст меня подвигнул вопрос одного моего знакомого, автора прекрасных литературоведческих эссе на темы русской классики. Увидев траурное объявление о ее смерти, он спросил: «А кто есть Елена Цезаревна Чуковская?» И тогда я подумала, ну, если уж он..., и засела за очерк ее памяти, который можно рассматривать как развернутый ответ на вышеозначенный вопрос.

Минувшей весной, после страшной и непоправимой беды, приключившейся со мной, я решила поехать в свой родной город. Отдышаться, походить по местам, где рос мой сын, подумать о том, что делать дальше со своей жизнью. Остановилась в случайно выбранной гостинице на улице Рубинштейна. «Вы хотите номер окнами во двор или на улицу?» – спросили меня. «На

улицу», – не раздумывая ответила я, зная, что буду жить напротив «утюга» – знаменитого питерского дома у пяти углов, где провели два счастливейших года своей жизни Лидия Корнеевна Чуковская, Митя Бронштейн и маленькая Люша. Мне хотелось по утрам видеть окна квартиры, где Люша усаживалась прямо на исписанные ее гениальным отчимом листы, а он не сердился и, аккуратно передвигая ее босые ножки, продолжал свой труд по космологии в ошеломительной для непосвященных области «расширения вселенной». Этот умильный эпизод описан Лидией Корнеевной в «Прочерке» – предсмертной, без сомнения самой великой и самой дорогой для меня из всех ее книг. А издан и откомментирован «Прочерк» той самой «маленькой Люшей», Еленой Цезаревной Чуковской, известие о смерти которой пришло в эти дни из Москвы.

Кто-то равнодушно пожмет плечами: 83 – возраст вполне солидный, а знаменитая фамилия никому не гарантирует бессмертия. Того же, кто, зная о ней, отличал и любил ее, известие это сразит ощущением страшной и невозполнимой потери. С ее смертью осиротел дом-музей Чуковского в Переделкино. Еще в далеких 70-х она начала водить по нему первых посетителей и потом до конца жизни поддерживала его из своих личных сбережений. Осиротевший переделкинскикий дом – это только малая часть осиротевшей без нее русской культуры. Она была последней, кто по непреложному наследному праву, через мать и деда, связывал нас живой непрерывающейся традицией с Ахматовой и Пастернаком, с Россией Серебряного Века. И вот эта ниточка оборвалась, и восстановить ее некому. Не осталось людей, равных ей по безупречности манер и нравственного чувства, по генетически усвоенному благородству слов и поступков.

Вообще Чуковские сыграли такую непомерно громадную роль в моей жизни, что благодаря им даже в начале 80-х, в самые душные годы брежневской

безвременщины не оставляла надежда, что «силу подлости и злобы, одолеет дух добра». Одолеет просто оттого, что сегодня, сейчас в Москве в своей квартире на улице Горького сидит за письменным столом старая, больная, почти слепая женщина, имя которой запрещено к упоминанию в печати, и пишет свои «открытые письма» в защиту талантливых и гонимых, и их тут же, из-под пера, разносит самиздатом по обеим столицам. Наивно верилось, если эта женщина когда-то не убоилась сановному Шолохову бросить: «Литература Уголовному суду не подсудна. Идеям следует противопоставлять идеи, а не лагеря и тюрьмы... Ваша позорная речь не будет забыта историей...», – то и на сегодняшних подлецов всех мастей найдется управа.

В 1996-ом после ухода Лидии Корнеевны установилась все-таки какая-никакая «гласность», и надобность в публицистике такого рода несколько поуменьшилась. Да и в любом случае, Елена Цезаревна, в которой не было непримиримой категоричности ее матери, не могла бы заменить ее на этом поприще. Дочь занялась другим не менее важным делом. Ведь с того времени весь огромный архив двух поколений Чуковских лег на ее плечи. Ей предстояло привести в порядок, откомментировать и издать некупированные цензурой или никогда не публиковавшиеся рукописи деда и матери. Прodelать эту громадную культурную работу могла только она. Тут требовалась не только привычка к кропотливейшему гуманитарному труду, но и знание изнутри тех деталей, сюжетов и первоисточников, которые были известны ей одной. На годы погруженная в необъятный архив семьи, с юности знакомая со всеми предыдущими изданиями Чуковских, она сделалась первым в мире специалистом по чуковиане. Не имея филологического образования, стала первоклассным текстологом, редактором, издателем, вернувшим в культурный обиход России первозданные, не изувеченные Главлитом книги Чуковских.

Кроме «Прочерка», мы обязаны ей колоссальным трудом по изданию трехтомника Лидии Корнеевны Чуковской «Записки об Анне Ахматовой». Не менее титанических усилий потребовало издание другого трехтомника – «Дневников Чуковского» (как по мне – так эта лучшая его книга) и переиздания в полном объеме уникального рукописного альманаха «Чукоккала». Смерть совладала с ней лишь в тот момент, когда она завершила свой последний труд – подготовила к публикации полные собрания сочинений деда и матери.

...Для домашних она была Люша. Для нас – Елена Цезаревна Чуковская. Внучка Корнея Чуковского и дочь Лидии Корнеевны. Меньше известны имена других ее близких: отца – литературоведа Цезаря Вольпе и отчима – великого астрофизика Матвея Бронштейна, близко дружившего и сотрудничавшего с легендарным Ландау. Окружение свое она не выбирала – ей просто повезло родиться в таком удивительном семействе, которое смело можно отнести к рангусоветской художественной и духовной аристократии. Но и сама она всею своей подвижнической жизнью доказала, что по праву принадлежит к этому замечательному клану.

Лидия Корнеевна, тогда еще просто Лида, с 13 лет нянчилась со своей младшей сестрой Мурочкой, которую их отец Корней Иванович Чуковский не скрываясь любил больше всех других людей на свете. Впоследствии Лидия Корнеевна писала, что именно ее младшая сестра внушила ей непреодолимое желание стать матерью: «с тринадцати лет я мечтала о ребенке, втемяшила себе в голову: мечтаемый младенец у меня будет непременно, и непременно – девочка, моя собственная Мурочка».

Домашний врач Лидии Корнеевны, знающий о целом букете ее хронических недугов, не советовал ей рожать в таких выражениях: «я бы вас для продолжения рода человеческого ни в коем случае не выбрал». Тем не

мене, назло всем прогнозам в 1931-ом году вымечтанная девочка появилась на свет. В том же году любимица всей семьи Мурочка после невообразимо долгих мучений, проходивших на глазах у обезумевшего от горя Корнея Ивановича, умерла в туберкулезном санатории в Алушке. С первых же дней жизни у Люши было предназначение заполнить пустоту, оставшуюся после смерти Мурочки, стать радостью и утешением всей семьи. Впрочем, отчаяния и слез было тогда больше, чем радости. Как и все советские люди ее поколения Люша с раннего детства была втянута в трагическую круговерть лишений и бедствий: арест отчима, бегство матери из Ленинграда, война, эвакуация.

Люшиных родных преступная власть на долгие годы погрузила в пучину нескончаемых мытарств и унижений: ссылка, публичная травля, безжалостная цензура, запрет на публикации, вынужденное писание в стол. Но одного из них – молодого гения, в котором все окружающие видели «украшение рода человеческого», эта власть без сожаления уничтожила. Отчим Люши, Матвей Бронштейн, после средневековых пыток в застенках НКВД был расстрелян, и, как тысячи других невинных, брошен в одну из безымянных могил под Ленинградом.

Для Лидии Корнеевны это стало катастрофой библейского масштаба. Небо для нее упало на землю, вселенная ее обезлюдела. Живой Митя не отвязно преследовал ее во сне и наяву, и после смерти оставаясь центром и смыслом ее существования. Все ее книги – это плач по нему и проклятие его палачам. Сознание невосполнимости потери, сосредоточенность на тайне его ужасной смерти, навязчивое, жгучее, годами не оставляющее ее желание приоткрыть трагическую завесу этой тайны, стало главной темой ее лучших книг. «Прочерк» – это ведь в первую очередь книга о любви, и только потом – о ежовщине. Неизбыточной тоской по Мите продиктованы и пронзительные строки лучших ее стихов.

В один прекрасный день я все долги отдам,
Все письма напишу, на все звонки отвечу,
Все дыры зачиню и все работы сдам –
И медленно пойду к тебе навстречу.

Люше было семь лет, когда убили Митю, но и она хранила детскую память о нем всю свою жизнь. Ее мать писала: «Погибли миллионы людей, погибли все на один лад, но каждый был ведь не мухой, а человеком – человеком своей особой судьбы, своей особой гибели. «Реабилитирован посмертно». «Последствия культа личности Сталина». А что сделалось с личностью, – не с тою, окруженною культом, а той – каждой, – от которой осталась одна лишь справка о посмертной реабилитации? Куда она девалась и где похоронена – личность? Что стало с человеком, что он пережил, начиная от минуты, когда его вывели из дому, – и кончая минутой, когда он возвратился к родным в виде справки?»

Они узнали об этом 19 июля 1990 года, когда матери и дочери дозволили ознакомиться с «Делом Матвея Бронштейна» из архивов НКВД-КГБ. *«Подъехали наконец. Красивая вывеска «Приемная КГБ. Работает круглосуточно». .. Помещение с низкими креслами. Сели – народу немного. И сразу нам навстречу пришел он (чин КГБ, выдавший им на руки «Дело»). Мы его узнали в один миг. Когда здоровались, я протянула ему руку (машинально), Люша – нет. И вот передо мною – Митино дело. Картонная, исчириканная по переплету папка средней набитости. Как описать то, что мы обе прочли?... Убийство с заранее обдуманым намерением».*

В этом отрывке из послесловия к «Прочерку» есть одна поразительная деталь. Лидия Корнеевна, хотя и

машинально, но протянула руку ГБ-шному чину. Кроткая Люша – нет. Эта деталь нам еще пригодится.

...Люша росла чудесным ребенком. Она нередко гостила у Деда в Переделкино, и имя ее часто мелькает в его Дневниках и переписке. Он восхищается ее ласковым и живым нравом, позволявшим ей одинаково хорошо ладить с самыми разными людьми. С юности, закончив с золотой медалью школу и поступив на химический факультет МГУ, она в свободные часы помогает Деду в его литературных делах, в переписке, в ведении архива.

Чуковский пишет в Дневнике: *«с Люшей необыкновенно приятно работать, она так организована, так чётко отделяет плохое от хорошего, так литературна, что если бы я не был болен, я видел бы в работе с ней одно удовольствие»*. Дед, составляя завещание, хорошо понимал в чьи верные руки он передает бесценное свое наследство.

Через 20 лет точно такой же выбор в отношении своего литературного наследника намеревался сделать и Александр Исаевич Солженицын, впервые упомянувший имя Люши в своих автобиографических очерках литературной жизни «Бодался теленок с дубом»: *«Так самоотверженна, действительна и незаменима была Люша, что в начале 1968, всё более подумывая, что меня может не стать внезапно, а как же сделать, чтоб работа моя (речь идет об «Архипелаге») продолжала и после меня докручиваться и написанное донеслось бы до будущего, – я стал примеряться, не сделать ли Люшу своим литературным наследником.... Жажде работы у Люши и отдаче её – не было границ. За три года знакомства вот уже пять моих толстых книг перепечатала она. (По-советскому немаловажно: сколько же стоп хорошей однородной бумаги надо было набрать, такая не всегда продавалась. И сколько копирки). И вместе с моей работой, предприятиями, делила мои манёвры и предосторожности»*.

«Начальник штаба моего» – так он величает ее в «Теленке». Подпольного штаба – уточним мы.

Чуковские предоставляли приют и убежище опальному писателю то в Переделкино, то в своей московской квартире. Но Люша на этом не останавливается. Она становится главным координатором и связной Солженицына в Москве середины – конца 60-х. Это было опасно не только для ее карьеры ученого-химика, но и для ее жизни. Загадочным образом «хулиганов», зверски избившим Люшу в подъезде ее знаменитого дома на ул. Горького 6, никто не остановил, хотя там круглосуточно дежурили консьержи. Такси, в котором она ехала, вдруг врезалось во внезапно вылетевший на встречную полосу грузовик, которым управлял сотрудник МВД. Ей это стоило года лечения. Так вездесущие «органы», с которыми вступил в неравный бой Солженицын, давали знать его главной помощнице, что она находится под их постоянной опекой. Но она, невзирая на обманчиво кроткую внешность, оказалась не из пугливых и от Солженицына не отступилась. Когда мы и наши родители в безопасном тепле своих кухонь возмущались по вечерам газетными наветами на «Литературного Власовца – Солженицына», Люша, тогда уже кандидат наук, после дня напряженной работы в своем академическом НИИ кружила по вечерней Москве. Выполняя поручения Солженицына, она встречалась с диссидентами, хранившими у себя его запрещенные рукописи. Бывшие же узники ГУЛАГА, зная, что «ИХ Писатель» продолжает собирать свидетельства очевидцев, передавали ему через Люшу бесценные свои дневники и записки. Должно быть, именно об этих временах писала Лидия Корнеевна Давиду Самойлову: *«Вы не знаете, что такое Люша. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» И это еще не характеристика».*

В главе о Люше Солженицын передает один их разговор, который почти не оставляет сомнений, что она, кроме естественного для любого русского интеллигента

сочувствия делу борьбы с тотальным злом, относилась к Солженицыну чуть по иному, чем просто к соратнику по общему делу. Ахматова боготворила его. Перед его неотразимым ореолом борца и мученика не могли устоять лучшие люди обоих поколений. Так что, ничего странного или оскорбительного для ее памяти в этом предположении быть не может. Во всяком случае, когда Солженицын однажды спросил у Люши: «разве не для Дела она всё делает? не для той Большой цели», она ответила: «Нет. Просто – для меня, чтобы мне помочь; этой мотивировки Люше было годами довольно, чтоб не иметь надобности разглядывать мою дальнюю цель». Ее ответ ошеломил Солженицына.

Не менее ошеломителен, уже в наше время, был ответ Елены Цезаревны ведущим одного популярного телевизионного шоу на вопрос, в чем заключалась ее помощь опальному Солженицыну в 60-х годах. «Я была его литературной помощницей», – этой неброской фразой начитанные ведущие были явно разочарованны. Ничего о риске, которому она себя ежедневно подвергала, никакого ретроспективного любования собой, своим невероятным мужеством, никаких взволнованных повествований об избиениях в подъезде и подстроенных автомобильных авариях. Единственное, что они услышали, это шутивную историю о том, как она поздравила Солженицына с Нобелем, без лишних раздумий отправив ему поздравительную телеграмму с Центрального Телеграфа. Эта Люшина дерзость не прошла незамеченной. Из «органов» позвонили на ее домашний телефон с вежливым предложением подъехать по одному известному всей Москве адресочку. «Я не скорая помощь и по звонку не выезжаю», – не менее вежливо ответила Люша.

Вот мы и подошли к главному.

В отличие от матери, не прощающей ни малейшего отклонения от своего «категорического императива»,

Елена Цезаревна была полна иронически-спокойной благожелательности и снисхождения к себе подобным. Такова была ее природа. У нее были беззащитно-кроткие глаза, немного смущенная улыбка и деликатная, уступчивая манера речи. Феноменальная ее скромность и полное отсутствие рисовки были столь же беспредельны, как и неколебимая верность тем вечным нравственным принципам, которые она впитала с молоком матери. Мужеству ее в отстаивании этих принципов могли позавидовать не самые пугливые из ее современников мужчин. Добру она служила по иному, чем ее бескомпромиссная мать, но с ничуть не меньшей отдачей. Мне всегда казалось, что латинское присловье «Fortiter in re, suaviter in modo» – «Тверд в деле, мягок в обращении» – это про нее. Ведь именно в этом небывалом сочетании внешней уступчивой тихости и негибкой внутренней силы и была уникальная красота ее личности, пленявшая любого, кто прикоснулся к ее жизни.

Во время той поездки в Россию мне была ниспослана встреча с ней, хотя и случайная, заранее не запланированная. Впрочем..., кто знает, может вовсе и не случайная.

После Питера мне захотелось увидеться с московскими моими друзьями. Через день они спросили, куда меня повезти. Я ответила: в Переделкино. В доме-музее Чуковского я легко отыскала Наташу, которая когда-то впервые провела меня по этому дому со своей замечательно нестандартной экскурсией. Мы болтали с ней на разные около-чуковские темы. Вдруг резко зазвонил ее мобильник. Коротко ответив кому-то, Наташа сказала: «Какое счастливое и невероятное для Вас совпадение и везение! Через 20 минут здесь будет Елена Цезаревна». Мы все вышли во двор встретить ее. Наташа предупредила нас, что она хворала, только что из больницы и еще слаба, и едет проведать на переделкинском погосте «своих».

...Она стояла, элегантно и стильно одетая, с вечной своей косыночкой на шее, с милой улыбкой в кротких

усталых глазах, и слушала не перебивая мой возбужденный бред. Зачем-то меня понесло в воспоминания о ее детстве.

Там в «Прочерке» есть рассказ о том, как доктор, спасший Люшу от почти неминуемой смерти, спросил ее при выписке из больницы, рада ли она, что идет наконец домой. «Мне все равно», – потупившись ответила шестилетняя Люша. Девочка перенесла в больнице невыносимые физические страдания, поэтому ее ответ донельзя удивил Лидию Корнеевну. – «Мама!» – ответила рассудительная Люша, когда они ехали домой. – Как ты не понимаешь? Не могла же я сказать им, что рада уехать отсюда. От них? Это невежливо».

Мне хотелось сказать этой женщине, что я полюбила ее еще тогда, когда, впервые прочитав этот рассказ ее матери, поняла, что деликатность души есть свойство врожденное, не прививаемое извне. О брезгливо непротянутой наследнику палачей руке и о многом другом хотелось мне ей сказать. Но, почувствовав, что ей тяжело стоять, что она устала, я поспешила закончить разговор и откланяться.

По дороге приятель мой осторожно заметил, что со стороны я вела себя несколько развязно, махала руками, говорила громче, чем следует, но он понимает, что это, наверное, от волнения. А я, ничуть не расстроившись по этому поводу, подумала, что ради тех минут, когда я «махала руками и говорила громче, чем следует» с Еленой Цезаревной Чуковской, стоило прилететь из Сан-Франциско.

Она будет лежать на Переделкинском кладбище, рядом с матерью и дедом. Если вы придете их навестить, то отыщите без труда. Надо держать курс на три сосны, которые растут на могиле Пастернака. А Чуковские лежат в одном шаге отсюда – пропустить невозможно.

Виктор Фет
Хантингтон, США

Атлантида

Застыла времени стрела,
и односложные дела
и мысли однокоренные
уходят в заводи иные.

Февраль 15-го снежен,
он из ледовой крошки сложен,
и март, должно быть, неизбежен,
хотя почти и невозможен.

Давно раскуплены билеты
и на заоблачный круиз,
и на речной трамвайчик Леты,
идуший по теченью вниз.

А на какой по счету Рим
вулкан подводный пеплом пышет –
кто сосчитает? кто запишет,
что ведаем и что творим?

26 февраля 2015

Сергей Голлербах
Нью-Йорк, США

Запятая

Каким может быть в наше время творческий успех?

Эссе

С радостью представляем читателям «Чайки» прекрасного художника и эссеиста, представителя «второй эмиграции», живущего в Нью-Йорке, – Сергея Львовича Голлербаха. Эссе, которое Сергей Голлербах прислал для публикации в журнале, совершенно точно отражает сегодняшнее положение дел в живописи, где часто фокусы заменяют искусство, а неумеренный пиар создает репутации.

Первого ноября 2014 года Сергею Голлербаху исполнился 91 год. Сергей Львович, ни один человек из знающих вас никогда не даст вам этого возраста, вы молоды телом и душой, оставайтесь таким же еще много-много лет!!!

Редакция журнала «Чайка»

«Художнику талант не нужен. Он нужен только иллюстратору. Для творчества необходимы лишь уверенность в себе и много энергии». Мысль эта, в моем вольном пересказе по памяти, принадлежит немецкому художнику-модернисту Георгу Базелицу. Выставка его работ состоялась лет двадцать тому назад в музее современного искусства в Нью-Йорке. На ней было показано интервью, данное художником одной журналистке, и в нем-то и были произнесены эти слова. «У меня, кстати, таланта нет», – прибавил художник, и с этим можно было легко согласиться.

Однако, даже самые на первый взгляд абсурдные мысли могут содержать в себе какую-то долю правды. Мне помнится одно высказывание старого профессора мюнхенской Академии художеств, в классе которого я учился с 1946-го по 1949-й год: «Быть многосторонне

одаренным вредно для художника. Он должен быть «штур». Это немецкое слово можно перевести как односторонность или ограниченность, соединенную с настойчивым движением вперед, имея на себе шоры, чтобы не отвлекалось внимание.

Такая точка зрения целиком противоположна понятию «человек Ренессанса». В Эпоху Возрождения, как мы знаем, скульптор мог быть одновременно архитектором, живописцем, поэтом, инженером и изобретателем. Вспомним Микеланджело, Леонардо да Винчи, Борромини. Научный и технический прогресс сузил творческую деятельность человека и, может быть, изменил само понятие таланта.

Каким может быть в наше время творческий успех? И мне представилась такая вполне вероятная история.

Жил-был человек, совершенно лишенный каких-либо талантов. Литература, поэзия, музыка, театр, не говоря о науках, не были ему доступны. Однако, он обладал огромной творческой энергией, которая искала какого-то себе применения. И человек этот решил в конце концов заняться живописью. Ведь что нужно художнику? Краски, кисти и полотно. Купив их, человек изобразил на полотне черной краской большой круг. Но этого ему показалось мало, и он провел слева направо и вниз кривую линию. Так лучше, – решил он. На следующий день он показал картину своему другу. «Да это же запятая!» – воскликнул тот. «Что ж, пусть будет запятая», – решил человек, и это ему даже понравилось. И вот в течение десяти лет он изображал на полотнах запятые разных размеров и в разных красках. Картины его на выставки не принимали, а знакомые посмеивались над ним и даже прикладывали палец ко лбу и постукивали им. Но человек был доволен тем, что нашел выход своей творческой энергии. Когда его спрашивали, какая у него профессия, он отвечал: «Я – художник».

Прошло еще лет десять, а то и больше, и однажды картину с запятой приняли на одну какую-то маленькую выставку новейшего искусства. Большинство участников ее были молоды, и только оноказался человеком пожилым.

Случилось так, что выставку посетил один молодой искусствовед, только что окончивший колледж и готовый, как он сам говорил, находить сложное в простом и делать из простого проблемы. Увидев большую запятую на полотне нашего художника, искусствовед решил, «что в этом что-то есть». Запятая, конечно, знак препинания, но она останавливает повествование, дает паузу мысли, заставляет нас задуматься. Она энигматична и трансцендентна. Она приоткрывает нам дверь в Неизвестное. Поскольку искусствовед был человеком англоязычным и запятая по-английски «комма», то он назвал творчество художника «коммизмом», одним из вариантов концептуального искусства. Большая статья о «коммизме» появилась в одном из художественных журналов, течение это было названо «требовательным».

Одна большая галерея устроила ретроспективную выставку произведений художника. Все сорок полотен на ней изображали запятую в разных видах. На одном полотне запятая находилась в левом верхнем углу, на другом – в нижнем правом. На третьем несколько запятых одна над другой на правой стороне полотна, как бы ставя запятые после нескольких предложений. Были запятые и на всем большом полотне и в разных цветах. Наконец, на темных фонах виднелись светлые запятые.

Выставка имела успех. «Какое постоянство в восприятии, какая глубина в недосказанности», – писали другие критики. Известные коллекционеры приобрели много полотен в полном согласии с колоритом их обстановки. Одна богатая женщина купила большую серую запятую, сказав, что в ней выражена вся ее жизнь. Нашлись

и покупатели из Европы. Один немец назвал творчество художника «комма-кунст» (кунст по-немецки – искусство).

Полотно запятой попало в Россию, где отечественный искусствовед, посмотрев на нее, сразу выпил и затыкнул песенку: «Запятые, запятые на пути встречаю, ах вы, годы молодые, я по вам скучаю».

Художник, тем временем, достиг преклонных лет и материального достатка. Говорили, что он собирается написать автобиографию под названием не то «Запятая в моей жизни», не то «Моя жизнь как запятая»... В случае успеха книги возможен и сценарий для фильма, в котором герой, Джонни Комма, имеет в жизни одну цель – никогда не терять веру в себя.

Что же можно сказать в заключение? Пожалуй, только одно: упомянутые немцы что-то знали и на этом тоже поставили не точку, а запятую.

Елена Дубровина
Филадельфия, США

О портретах Антониса Ван Дейка

«Легенда, облачась в туман, уходит дальше...»
(Вал. Синкевич)

1. Портреты английского короля Карла 1

История картины так же загадочна, как судьба человека, как жизнь самого художника. Каждое произведение искусства имеет свою историю. Оно рождается в творческих муках художника, стремящегося сделать свое творение бессмертным. Творческая энергия художника,

взлет его вдохновения не исчезают, они живут веками в его произведениях.

Об Антонисе Ван Дейке написано более 160 книг и огромное количество статей. Он прожил короткую жизнь и умер в Антверпене, на родине, в возрасте 43 лет, в день крещения своей новорожденной дочери. Читая о нем, о его жизни, творчестве, сухие факты его биографии, научный разбор его творчества, хочется представить, каким же он был, этот гениальный художник, так рано ушедший из жизни. Что было причиной его смерти? Неимоверный, непосильный труд, забирающий физическую и творческую энергию? Была ли судьба так милостива к нему, как пишут об этом исследователи его творчества? Что движет рукой художника, создающего шедевр? Стремление к славе, стремление к вершине, амбиция, бьющие через край чувства или просто желание уйти в себя, от собственной драмы в мир чужой судьбы, чужого счастья или чужого горя? Людвиг Ван Бетховен писал: «Подлинный художник... слишком хорошо понимает, что искусство безгранично. Он смутно ощущает расстояние, отделяющее его от цели; и, быть может, в ту пору, когда люди восхищаются им, он страдает из-за того, что еще не достиг вершины, откуда излучает сияние величайший гений, подобно далекому солнцу».

Когда читаешь страницы биографии фламандского живописца Антониса Ван Дейка или проходишь по залам музеев, где выставлены его портреты, перед глазами возникает жизнь самого художника, история той страны, где он творил, как бы перенося нас в увлекательные романы Александра Дюма. Почти девять лет своей жизни состоял Ван Дейк придворным живописцем при дворе английского короля Карла 1. Популярность художника была настолько велика, что за короткий срок он создал более 350 портретов, включая около 30 портретов самого короля. И хотя у него была большая студия с верными и способными учениками,

для молодого художника это был каждодневный трудный творческий процесс.

Король и королева часто посещали студию художника, в то время как он сам являлся постоянным гостем дворца. Возможно, что красивый, элегантный и бесспорно одаренный молодой человек произвел впечатление на королевскую чету. Через четыре месяца после прибытия в Англию он завершил свой первый и хорошо известный портрет Карла I с женой и детьми. По заказу короля и королевы многие их портреты были повторены по несколько раз. Почти каждый портрет существует в нескольких экземплярах. Сейчас трудно определить сколько раз между 1632 и 1641 гг. Карл I позировал Ван Дейку. Возможно, что не больше 10 раз, а может быть, и того меньше.

Многие восхищались вандейковскими портретами Карла I, позже казненного (он погибнет на гильотине в 1649 году). Ван Дейк сделал английского монарха бессмертным задолго до его казни, как если бы предчувствовал, что через двадцать лет король взойдет на эшафот. Он запечатлел образ обреченного короля – удлинённый овал лица, тонкие черты меланхолического лица, острая бородка и большие печальные глаза. Трагическая смерть английского короля приблизила его к облику святого. Народ провозгласил его бессмертным, а изображению его на портретах Ван Дейка поклонялись, как изображению святого.

Одним из самых интересных является тройной портрет короля, по которому итальянскому скульптору Джованни Бернини был заказан бюст. Рассказывают, что когда готовый бюст монарха был доставлен ко дворцу и Карл I со свитой пошли его осматривать, огромный ястреб, несший в клюве раненую птицу, пролетел над их головами и капли крови упали на бронзовую шею короля. Говорят, что кровь так и осталась на бюсте до самого момента гибели скульптуры в 1697 году во время дворцового пожара. Предзнаменование оказалось зловещим. Сама картина

оставалась собственностью Бернини и его наследников до 1803 года. Позже она была привезена в Англию и прошла через руки многих коллекционеров, прежде чем была куплена в коллекцию короля Георга IV.

Среди лучших портретов Карла I можно назвать его портрет, выполненный в половину величины /поколенный/ в рыцарских доспехах. На этом портрете лицо монарха обращено к нам, выражая величайшее спокойствие и в то же время глубокую грусть. Ярко освещая лицо и руки, контрастно выступающие на темном фоне, художник как бы усиливает выразительность портрета. Известны многочисленные копии, но лучшей считается копия, находящаяся в замке Арундел в Англии. К сожалению, проверить нахождение всех работ не удалось. На запрос в Картинную Галерею Глазго, где должна была находиться одна из работ, сообщили, что такого портрета там никогда не было. Другая известная версия этого портрета – та, где король вместо шлема одной рукой опирается на глобус. Я думаю, что существует много вариантов и разновидностей этого портрета, которые еще не были отмечены искусствоведами. Неизвестно только одно, были ли все они сделаны в студии художника им самим или с помощью его учеников (как и многие его работы этого периода), или скопированы после его смерти умелыми мастерами живописи. Однако надо отметить заслугу Ван Дейка в том, что сумел он, как ни один из его современников, запечатлеть образ обреченного короля. Смотря на выполненные им портреты в период жизни в Англии, мы можем сказать, что был он блестящим психологом, а может быть, и предсказателем.

Как сумел молодой художник в блеске славы и счастья английского короля подметить меланхолию и печаль, о которой будут так много писать исследователи его творчества? Как сумел он предвосхитить будущую драму? Как сумел легким касанием кисти проникнуть в самые тайны чужого бытия? В этом и есть мастерство

великого художника – увидеть, почувствовать и передать то, что недоступно простому смертному – сокровенность мыслей, тайну чужой души, предугадать или предсказать его судьбу. Может быть, с каждым творением уходили силы творца? Он, как бы вкладывал частицу себя, своей жизни, своих сил в каждое созданное полотно. Настоящий художник не может создавать, не черпая вдохновения из своих внутренних источников. Ван Дейк будто сгорал в собственном огне. Силы покидали молодого художника, чем, возможно, и объяснима его ранняя смерть.

В последний период своего творчества Ван Дейк завершил великолепный портрет Карла I «Король на охоте», который сейчас находится в Лувре и приравнивается к мировым шедеврам. Из всех вандейковских портретов короля этот портрет самый блестящий: богатый колорит, чарующая композиция, безукоризненная, уверенная техника. Эта работа художника появляется почти в каждой книге по фламандской живописи. Интересно, что портрет этот был приобретен мадам Дюбарри, любовницей Людовика XV, у частного коллекционера. Через какое-то время она дарит этот портрет королю Франции. Затем картина становится достоянием Лувра. Но существует и другая версия – король приобрел этот портрет на аукционе графа Тьера для мадам Дюбарри; впоследствии, в 1775 году, она продала этот портрет королю Людовику XVI за 24,000 ливров.

Трудно найти такого художника, которого можно приравнять по мастерству портретиста к Ван Дейку. Он создал новый, собственный мир в живописи. Поселившись в 1632 году в Англии, Ван Дейк преобразил искусство английского портрета.

2. Загадка двух портретов

Ван Дейк рано потерял мать и уже в возрасте 16 лет попал в студию Рубенса, бывшего тогда в самом зените

славы, – в качестве его помощника. Согласно утверждениям известного искусствоведа того времени Беллори, Ван Дейк был первым, кого выбрал Рубенс копировать свои работы. Часто Ван Дейка неправильно называют учеником Рубенса в обычном смысле этого слова; скорее, это было близкое сотрудничество в атмосфере студии, где и завершалось формирование великого мастера, заострялся его талант. Уже в то время молодой художник приобретает славу прекрасного портретиста. Портреты его отличает меткая наблюдательность, умение подчеркнуть характерное в человеке, воссоздать живой и выразительный тип лица. Как пишет о Ван Дейке известный английский искусствовед Лионель Каст, его можно сравнить с артистом, имитирующим каждый жест короля, но и придающим каждому движению свои собственные чувства и силу выражения. Еще не достигнув 20 лет, он создал такие шедевры, которые по мастерству не уступали Рубенсу. Манера письма Ван Дейка в тот период мало чем отличалась от его учителя, поэтому часто искусствоведы затруднялись сказать, кому принадлежала работа – ученику или учителю.

Проработав в студии Рубенса несколько лет, Ван Дейк впервые едет в Англию. Эта поездка приносит ему разочарование, и он возвращается на родину в Антверпен, где его с радостью встречает Рубенс. Но молодой художник не хочет надолго задерживаться в стране – он мечтает поехать учиться в Италию, в страну великого Караваджо, у которого учились многие голландские и фламандские художники. На смену маньеризму пришел новый стиль барокко. Возникли группы голландских караваджистов во главе с Ван Бабуреном. Ван Дейк не может и не хочет останавливаться в поисках своего художественного «я», его влечет к новым путям в искусстве самовыражения.

Там в Италии, на мой взгляд, создал он свои лучшие произведения. По преданию, перед тем как отправиться в Италию, в благодарность, решил он подарить своему

великому учителю несколько своих работ, среди которых две работы привлекли мое особое внимание:

1. Портрет Изабеллы Брандт, жены Рубенса
2. Портрет Сюзанны Фурман с дочерью

На этих двух работах я хочу остановиться более подробно.

Одной из картин, якобы подаренной Рубенсу его учеником, был портрет Изабеллы Брандт, первой жены художника, написанный за четыре года до ее смерти. В возрасте восемнадцати лет Изабелла вышла замуж за Рубенса, который был старше ее на двадцать лет. Сразу после свадьбы Рубенс написал портрет, на котором изобразил себя (заметьте – в шляпе, прикрывающей его лысину) с молодой красивой женой, сидящей у его ног. Рубенс боготворил свою юную жену. В подарок ей он покупает огромный дорогой дом в одном из самых богатых районов города. Позже, следуя традиции итальянской архитектурной школы, он соединил здание с построенной рядом триумфальной аркой. В возрасте тридцати лет Изабелла Брандт умирает от туберкулеза, оставив Рубенса с тремя детьми. На портрете, написанном, по мнению многих специалистов, Ван Дейком, она изображена королевой, сидящей на троне перед входом во дворец. На ней роскошное одеяние – кружева, бархат, атлас. На шее – три нитки ожерелья. Те же самые украшения, как, кстати, и наряд, мы заметим позже на других женских портретах Ван Дейка, включая и портрет Ганриетты-Марии, жены Карла I.

Сравнивая этот портрет Изабеллы Брандт с более ранними ее изображениями, вместо молодой счастливой женщины мы видим величественную даму с загадочной полуулыбкой и усталым выражением удлинённого лисьего лица. Такие лица были характерны как для Рубенса (вспомним хотя бы его известный портрет камеристки), так и почти для всех портретов Ван Дейка, особенно английского периода.

Картина эта, если следовать различным источникам, с начала восемнадцатого века находилась в коллекции графа Пьера Кроза, известного в Париже собирателя и ценителя произведений искусства. Из всех собраний первой половины восемнадцатого века во Франции эта коллекция была самой замечательной. В богатом особняке графа хранилось более четырехсот картин великих мастеров и около девятнадцати тысяч рисунков, полторы тысячи гравюр на камне и много других художественных ценностей. После его смерти коллекция частично перешла к его племяннику, маркизу де Шателю, и частично была распродана в пользу бедных. В 1750 году, после смерти маркиза, коллекция была разделена на три части. Одна часть была продана на аукционе. Вторая часть была передана по наследству дочери маркиза Луизе-Онорине, которая была замужем за герцогом Шуазелем, влиятельным министром при дворе Людовика XV. Герцог практически правил страной на протяжении двадцати лет. И третья, последняя часть коллекции, попала в руки барона де Тьера, а потом к его наследникам, которые нуждались в деньгах. С помощью известного философа Дидро они решили продать свою ценнейшую коллекцию. В 1772 году, к великому огорчению парижан, вся коллекция была куплена русской императрицей Екатериной II за 460,000 лир через ее посла во Франции графа Дмитрия Алексеевича Голицына, знатока и любителя живописи и автора ряда книг по искусству.

В коллекции, наряду с интересующим нас портретом Изабеллы Брандт, находились такие шедевры, как автопортрет Ван Дейка (идентичный его портрету, хранящемуся в музее Метрополитен в Нью-Йорке), и еще пять портретов, выполненных Ван Дейком в разные периоды его жизни. Вместе с этими работами были проданы: «Святое семейство» Рафаэля; «Юдифь» Джорджоне, ранее приписываемая Рафаэлю; восемь работ Рембрандта, включая «Даная» и «Святое семейство» (авторство которых теперь

ставят под сомнение), и многие другие художественные жемчужины. Контракт о продаже картин был подписан 4 января 1772 года в Париже, но картины из-за трудностей в транспортировке, прибыли в Россию только в ноябре. Портрет Изабеллы Брандт был доставлен в императорский Эрмитаж под авторством Ван Дейка и помещен в зале... Рубенса.

История портрета Сюзанны Фурман с дочерью примерно такая же. Сюзанна Фурман была сестрой Елены Фурман, второй жены Рубенса. В некоторых источниках намекают на роман Рубенса с Сюзанной. После смерти Изабеллы Брандт и четырехлетнего вдовства Рубенс женился на Елене Фурман, когда ей было только пятнадцать лет, а ему пятьдесят три. Портрет Сюзанны Фурман был куплен также Екатериной II для Эрмитажа с помощью того же Дидро через графа Голицына, у вышеупомянутого герцога Шуазеля за 7,800 франков. Конец государственной карьеры герцога положил конец его коллекционированию. Аукцион Шуазеля был крупнейшей сенсацией в Париже... В галерею Эрмитажа добавилось одиннадцать картин.

В каталоге Шуазеля портрет Сюзанны Фурман с дочерью значился под авторством Ван Дейка.

Просмотрев старые каталоги Эрмитажа, я обнаружила, что в каталоге А. Сомова, изданного в конце девятнадцатого века, этот портрет значится под номером 635 как выполненный Рубенсом, так же, как и портрет Изабеллы Брандт (№ 575). Такого же мнения придерживался не только Сомов. Ту же атрибуцию мы находим в каталоге картин Рубенса, составленного известным брюссельским искусствоведом Максом Роузесом.

По мнению Сомова и Роузеса, этот портрет, хотя и был начат, вероятно, Ван Дейком, закончен был самим Рубенсом. Роузес отмечает сходство манеры письма молодого Ван Дейка и Рубенса. Он считает, что Ван Дейк не писал портрета Изабеллы Брандт, так как Рубенс никогда не

держал дома портретов своей жены, не принадлежащих его собственной кисти. Этот портрет, доказывает Макс Роузес, выделяется «скромным изяществом позы, выражением спокойной душевной ясности и роскошью одежд», все эти признаки присущи, по его словам, скорее всего работам опытного Рубенса, чем молодого Ван Дейка. Изображение рук на портрете Изабеллы Брандт, утверждает дальше Роузес, выполнены кистью «свободной и смелой», что говорит об уже зрелом таланте художника, каким Ван Дейк, по его мнению, в то время еще не был.

В 1893 году в Петербург приезжает известный немецкий искусствовед, директор Мюнхенской Пинакотеки, знаток итальянского Ренессанса и фламандской живописи, непревзойденный Вильгельм фон Боде. Осматривая залы Эрмитажа, он обращает внимание на вышеупомянутые портреты Изабеллы Брандт и Сюзанны Фурман. По мнению Боде, эти два портрета могли принадлежать только кисти Ван Дейка. Вот что он пишет в своем классическом труде «Великие мастера датской и фламандской живописи»: «Портрет молодой женщины с дочерью (№ 635), приписываемый Рубенсу, предположительно портрет Сюзанны Фурман с дочерью Катериной... написаны мастерски и с большим очарованием... Так же, как и известный портрет Изабеллы Брандт на фоне триумфальной арки дворца Рубенса, мне кажется шедевром, исполненным учеником, а не учителем. Я думаю, что этот портрет выполнен, когда Ван Дейк покидал родной дом, чтобы уехать в Англию. Богатые краски, великолепные теплые тона, спокойные серые тени, изящный рисунок руки – все это характерно для Ван Дейка, а не для Рубенса. В изображении тени он избегает холодных голубых полутонов и красного цвета, характерного для Рубенса. Его полутона переходят из серого в зеленоватый». Итак, мнения разделились – М. Роузес и А. Сомов приписывали эти два портрета кисти Рубенса, Вильгельм Боде – Ван Дейку.

На страницах русского периодического искусствоведческого журнала того времени «Старые Годы» разгорелась острая полемика между сторонниками Рооуеса и Боде об авторстве этих двух портретов. Некий Ян Шмидт утверждал, что с обратной стороны обеих оригинальных рам стояли подписи Рубенса, а посему – обе работы принадлежали кисти Рубенса, а не Ван Дейка.

Но история этих двух злополучных портретов на этом не заканчивается. Как стало теперь известно, в начале двадцатых годов, новоиспеченное Советское правительство, заботясь о благополучии России, усиленно продавало произведения искусства за границу для сбора денег на выполнение «пятилеток». Особенно подробно эта тема освещена в интереснейшей книге Роберта Вильямса «Русское искусство и американские деньги» (*Russian Art and American Money*). Так например, известный нам друг Ленина и России, Арманд Хаммер, скупал за бесценок царские украшения, сервизы, различную утварь из золота и серебра, находившиеся в Зимнем Дворце, а потом перепродавал эти бесценные сокровища через американские магазины покупателям, не имевших никакого представления об их ценности.

Такая же судьба постигла и многие картины из частных собраний, конфискованных после революции (таких, как графов Строгановых, герцогов Лейхтенбергских, Кочубеев, Семенова-Тянь-Шаньского, Юсупова, Кушелева-Безбородко и др.), а также картины из коллекции Эрмитажа. Ушли за границу произведения таких мастеров, как Рембрандт, Рубенс, Ван Дейк, Тьеполо, Тициан, Терборх, Ватто, Пуссен (его известная картина «Пробуждение Венеры» находится сейчас в филадельфийском Музее Изобразительных Искусств) и многие другие. Кстати, некий филадельфийский коллекционер Мистер Бринтон, собирал произведения русских авангардистов 20-х годов. В 1946 году после его смерти вся коллекция, согласно

его завещанию, поступила в филаделфийский Музей Изобразительных Искусств. К сожалению, полностью она никогда не выставлялась, но отдельные работы оттуда периодически экспонируются.

Одним из самых активных скупщиков картин из русских музеев, особенно Эрмитажа, был американский промышленный магнат Эндрю Меллон. В 1930 году портрет Изабеллы Брандт и Сюзанны Фурман с дочерью, наряду с такими картинами, как «Мадонна Альба» Рафаэля, «Венера перед зеркалом» Тициана и другие шедевры, были проданы советским правительством Эндрю Меллону. Это событие широко отмечалось в американской печати. Он, в свою очередь, чтобы избежать скандала с налогами, передал большую часть своей коллекции в дар Национальной Галереи Изобразительных Искусств в Вашингтоне. Два известных нам портрета поступили в вашингтонскую коллекцию как картины, выполненные... Рубенсом.

3. Разгадка тайны?

Но на этом история этих двух портретов не заканчивается. Приведу такой интересный факт. В 1987 году директор института, где я работала, профессор Гиларий Копровский (Hilary Koprowski), один из ведущих американских ученых (первооткрыватель вакцины против полиомиелита), и ярый коллекционер, приобрел на аукционе в Лейпциге портрет Карла 1 работы Антониса Ван Дейка (тот самый портрет в полвеличины, о котором я упомянула выше). В сопроводительном каталоге значилось, что картина принадлежала Великой Княгине Марии Николаевне, а затем Сергею и Николаю Лейхтенбергским. Профессор попросил меня помочь ему узнать историю этой картины. Работа эта меня увлекла. В результате поиска выяснилось, что картина принадлежала старшей дочери Николая 1, Марии Николаевне, которая вышла замуж за Максимилиана

Лейхтенбергского, сына Евгения Богарнэ. Как известно, Евгений Богарнэ был приемным сыном Наполеона Бонапарта. По приказу Наполеона, он женился на баварской принцессе Августе и получил в приданое поместье герцогов Лейхтенбергских в Баварии. Максимилиан Лейхтенбергский увлекался коллекционированием картин и обладал богатой коллекцией. Мария Николаевна, в свою очередь, стала президентом Российской Академии Художеств и активной собирательницей произведений искусства (в отличие от своего отца, Николая I). После смерти мужа (Максимилиан умер в возрасте 35 лет) Мария Николаевна вышла замуж за графа Строганова и уехала в Италию. Коллекции картин были разделены между детьми Марии Николаевны и Максимилиана Лейхтенбергского. После революции члены царской семьи поселились в замке Сеон, в поместье герцогов Лейхтенбергских около Мюнхена. Возможно, что таким образом портрет Карла I кисти Ван Дейка оказался на аукционе в Лейпциге.

Вся история этих портретов постепенно разматывалась как клубок по мере моей работы над книгой о неизвестном портрете Карла I работы Антониса Ван Дейка. Наконец, вооружившись всеми необходимыми доказательствами, включая копии статей и цитат из различных источников и их переводами на английский язык, я отправилась в Вашингтон, в Национальную Галерею, на встречу со специалистом по Ван Дейку и нидерландской живописи. Меня встретил молодой человек приятной наружности и мягкой манерой вести разговор. Он внимательно и с интересом выслушал мою историю и повел меня в зал... Ван Дейка, где во всем своем великолепии, сверкая богатством и помпезностью, в старинных золоченых рамах висели два злополучных портрета – портрет Изабеллы Брандт и портрет Сюзанны Фурман с дочерью. Я провела в галерее три часа. Специалист по Ван Дейку рассказывал мне о своих поездках в Россию, водил меня по залам музея, показывая своих подопечных, а

я, зачарованная красотой старинной живописи, слушала его рассказы, затаив дыхание и забыв о цели своего визита. В конце моей аудиенции я горячо поблагодарила профессора за потраченное на меня время, за его гостеприимство и «интерес» к моей работе. И уже прощаясь, я вспомнила, что не задала ему последний вопрос:

«Если картины поступили в галерею из России под авторством Рубенса, кто же и почему поменял их атрибуцию на Ван Дейка?»

Профессор весело рассмеялся и ничего не объясняя, ткнул себя пальцем в грудь. Аудиенция была закончена. А история авторства этих двух портретов?

«Да, – думала я, вернувшись уже одна в зал Антониса Ван Дейка, – как часто история картин так же загадочна, как судьба людей на ней изображенных или жизнь самого художника, оставившего свои творения тайной для будущих историков».

Самуил Кур
Сан-Франциско, США

Блистательный Бакст и его эпоха
Отрывок
Пролог

Эскиз костюма Клеопатры для одноименного балета,
созданный Л. Бакстом.

Это было удивительное время. В России его назвали Серебряным Веком, имея в виду, главным образом, литературу, во Франции – Belle Epoque, Прекрасная эпоха, подразумевая весь стиль жизни. То тут, то там, словно чертик из табакерки, выскакивал новый талант, и общество

далеко не сразу распознавало в нём будущего гения. За считанные годы возникло столько измов, что их хватило бы на всю историю человечества.

Это было трагическое время. На самом взлете оно обрушило на ничего не подозревавшие народы серию невиданных ударов – сначала война, Великая, Первая мировая, потом – революция 1917 года в России, и завершился разгром мировой экономической кризис 1929-1930-х годов.

Но в ту прекрасную и трагическую эпоху, на заре 20 столетия, родилось уникальное явление, которое объединило в себе вечное стремление человека к красоте, неустанный поиск нового и умение внести в обыденную жизнь колорит и настроение праздника. Фантастический свет его идей, не теряя своей яркости, пробился сквозь время и пространство и проник даже к нам, в 21-й век. Потому что это свет настоящего, высокого искусства.

... 2 июня 1909 года. В Париже близок к завершению первый Русский сезон – серия представлений, организованных антрепренером Сергеем Дягилевым. В мае уже были показаны балет «Павильон Армиды», зажигательные половецкие пляски из оперы Бородина «Князь Игорь» и танцевальная сюита «Пир», в которых блеснули молодые дарования – Тамара Карсавина и Вацлав Нижинский. И еще – опера «Псковитянка» с непревзойденным, великим Федором Шаляпиным в роли Ивана Грозного.

И вот сейчас должна начаться последняя премьера сезона – одноактный балет «Клеопатра». Публика в зале театра Шатле переговаривается, смеется, обсуждает великолепную технику русских, гадают, чем они удивят на сей раз. Зрители здесь собрались искушенные и бывалые, выдавшие многих знаменитостей. Они до тонкостей знают, как должна выглядеть сегодняшняя декорация – Древний Египет принято изображать с пирамидами и сфинксом, на пачках у балерин наверняка будет рисунок лотоса, и, конечно, не обойтись без слуг с опахалами.

Звучит увертюра. Поднимается занавес. Зал затихает – то, что открылось перед ним, непривычно и завораживает. Уходят вверх мощные колонны египетского храма. В нишах – каменные статуи фараонов. Сквозь просвет в стене виднеется голубая лагуна Нила. Четверо черных рабов, мерно покачиваясь, выносят на сцену паланкин, расписанный восточными узорами, и опускают его на пол. Из него бережно извлекают нечто вроде мумии и ставят ее лицом к зрителям. Медленно разворачивают и снимают с застывшей фигуры красное покрывало, с вытканными на нём золотистыми крокодилами. Зал ахает – под первым оказывается второе покрывало, зеленое, на котором яркой нитью прочерчена хронология правящих династий. Снимают и его, осторожными движениями, и тогда открывается третье, оранжевое, с разноцветными полосками, и зрители уже с напряженным вниманием ожидают следующего и начинают их считать про себя, и каждое новое поражает другой расцветкой, и каждое снимают как-то по-особому. Одиннадцатое сдергивают одним резким рывком, и тогда Клеопатра мягко и плавно сбрасывает последнее, темно-синее, и предстает в полупрозрачном одеянии, скорее, обнажающем, чем скрывающем ее тело. Коллективный вздох восхищения проносится над залом.

И разыгрывается несложный, но трагический сюжет.

Только что жрец завершил обряд обручения стройного юноши Амуна с прислужницей храма Таор. Они любят друг друга, и Таор счастлива (ее танцует уже известная зрителям блестящая балерина Анна Павлова). Но в этот момент Амун впервые увидел Клеопатру. Увидел – и забыл всё на свете. Чувство вспыхнуло в нём мгновенно, он сражен и просит царицу подарить ему свою любовь. Та удивлена, посмеивается, но внезапно соглашается. При одном условии – это будет стоить смельчаку жизни. Амун не раздумывает ни секунды – он принимает вызов. Клеопатра приглашает его на свое ложе. Начинается любовная игра, напряжение

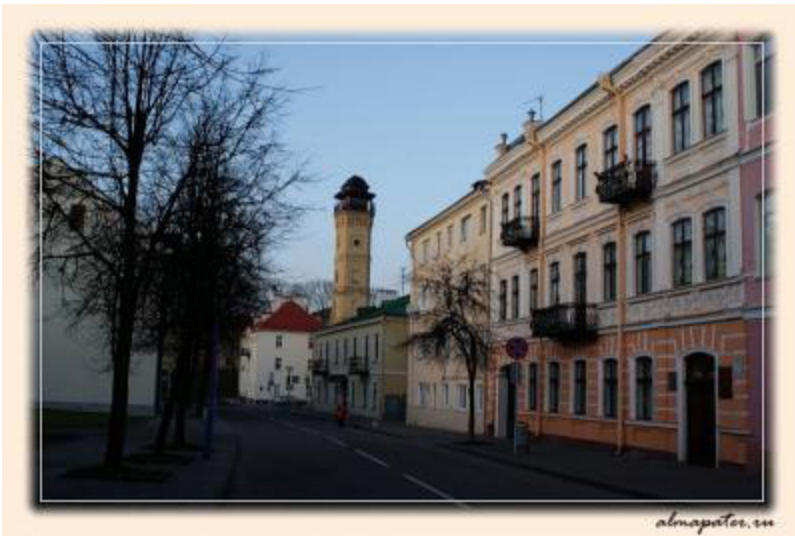
нарастает в зале еще больше, чем на сцене, – и в самый последний момент, закрывая от зрителей происходящее, рабы опускают полог.

Вскоре среди весело танцующих слуг появляется Амур. Ему подносят кубок с ядом, он опустошает его и падает замертво. Возле бездыханного любимого бессильно опускается на пол Таор.

Публика потрясена – разумеется, не довольно шаблонным сюжетом, а впечатлением от цельности всего увиденного. Такого на балете никогда прежде не бывало. По традиции исполнялись отдельные технически сложные фрагменты, вызывающие аплодисменты (например, тридцать два фуэте балерины). Порой встречалось интересное оформление. Но здесь всё слилось в единый ансамбль – декорации, костюмы, игра красок, стиль и характер танцев. Это единство многократно усиливало эстетическое воздействие представления. Сергей Дягилев так потом оценит июньскую премьеру 1909 года: «Успех? Триумф? – эти слова ничего не говорят и не передают того энтузиазма, того священного огня и священного бреда, который охватил всю зрительную залу».

И действительно, Клеопатра, умевшая застывать в неожиданной, не предусмотренной никакими канонами, позе, излучала такую жизненную, такую эротическую энергию, что всплеск ее, подхваченный ярким, бушующим цветом костюмов, жаркой волной захлестывал зрительные ряды. Всех интересовал один вопрос: кто эта поразительная артистка, которую парижане увидели впервые? И кто тот чародей, который сумел создать на сцене удивительно гармоничный мир?

1. Мальчик из Гродно

В одном из домов этого уголка старого Гродно родился
Лев Розенберг

За четверть века до этого памятного спектакля, в один из осенних дней 1883 года, из парадного подъезда Императорской Академии художеств в Санкт-Петербурге чуть ли не вприпрыжку выскочил молодой человек, которого явно переполняли чувства. Он не отличался ни ростом, ни богатырским телосложением, только рыжая шевелюра разлеталась на ветру. Глаза его сияли: сбылось! Приняли! Первым делом надо обрадовать деда! Счастливого молодого человека звали... впрочем, имя его звучало по-разному, в зависимости от обстоятельств. Посторонним он представлялся по-взрослому: Лев. Для домашних был Левушкой. А по документам проходил как Лейб-Хаим. Фамилию имел соответствующую – Розенберг.

Кто знает, какое будущее подготовила бы ему судьба, если бы их семья осталась в Гродно, где он и родился в 1866-м. Конечно, отец там был заслуженным человеком, его ценили в общине за разносторонние знания, за душевность и отзывчивость. И жить бы ему в провинции долго-долго.

Но, к счастью для Левушки, обстоятельства сложились иначе. Дело в том, что его мать была единственной дочерью видного гродненского коммерсанта Бакстера, поставлявшего сукно для русской армии. И были у него большие заслуги перед государством, его даже при дворе ценили. Поэтому, когда он решил переехать в Петербург, у него сложностей не возникло. И этот опытный левушкин дед совершил хитрый тактический маневр – он усыновил своего зятя. Таким образом, он обеспечил переезд своей дочери с зятем в столицу, обойдя закон о черте оседлости.

Когда мальчик подрос, он доставил родителям первые неприятности – они поймали его на том, что он с упоением рисует на листе бумаги разные фигурки. Последовал категорический запрет: впредь никогда не обращаться к этому глупому занятию! Религиозный папа твердо знал требование Торы : «Не сотвори себе кумира», то есть не изображай человека. Конечно, попадались иудеи, нарушавшие заповедь, но это были уже вконец потерявшие веру люди. Чтобы избежать конфликтов, Левушка стал рисовать по ночам. А еще он решил попросить помощи у деда. Дед ему очень нравился. Каждую субботу он приходил к нему в гости, в его потрясающий дом на Невском проспекте, и каждый раз наново восхищался богатым убранством и картинами на стенах.

Дед вел свободную светскую жизнь. У него было много друзей, он слыл заядлым театралом. И он сочувственно отнесся к горю своего внука – не только поощрил тайное увлечение, но и заронил сомнения у родителей: а что, если у мальчика талант? Обязательно надо проверить его способности!

С помощью деда набор рисунков Левушки отправили для оценки в Париж жившему там знаменитому российскому скульптору Марку Антокольскому. Мэтр отозвался о присланных работах весьма похвально и посоветовал их автору в будущем поступить в Академию художеств.

Родители успокоились. А Левушка, который учился в 6-ой петербургской гимназии, в 12 лет выиграл там конкурс на лучшее исполнение портрета В.А. Жуковского – к 100-летию со дня его рождения. Образцом служила гравюра..

... И вот теперь он студент. Правда, его приняли лишь вольнослушателем, но такой же участи удостоивали и других претендентов его национальности, например, того же Антокольского.

Бакст был прекрасным рисовальщиком: «Натурщица», 1901 г.

Начались занятия. Академия полностью оправдала свое название – учили здесь академично, по твердым канонам, как сто и двести лет назад. Никакого простора для фантазии. Зато повезло с другом – у Льва нашлись общие интересы с одним из талантливых студентов, Валентином Серовым. Через несколько лет пришла пора показать результаты

учебы и представить свою работу на Серебряную медаль. Предложенное задание показалось старательному вольнослушателю несложным.

Есть в многовековой традиции живописи на библейские темы один часто повторяемый сюжет – Святая Дева Мария, скорбящая над телом снятого с креста Иисуса, который обычно лежит у нее на коленях. Называется эта тема Пиета, или Оплакивание Христа.

Лев Розенберг хорошо знал историю. И изобразил указанную выше сцену с высокой степенью достоверности. На его полотне измученная еврейская женщина с заплаканными глазами скорбит над телом сына. И по лицам стоящих рядом тоже видно, к какому народу они принадлежат.

А дальше всё выглядело так. Льва вызвали на подведение итогов. И он, бедняга, осознал свой промах только тогда, когда увидел, что его картина перечеркнута крест-накрест, а члены академического совета возмущены до предела. То, что в трактовку важнейшей христианской темы привнесен еврейский акцент, расценили как святотатство. Молодой художник понял, что с Академией пора расставаться, и без сожалений покинул ее, сославшись на ухудшение зрения. Произошло это в 1887 году.

Он уходит на вольные хлеба, тем более, что тому есть серьезные причины. Даже если и хотел бы сделать еще одну попытку получить медаль, всё равно не мог позволить себе этого. Жизнь Левушку не баловала. Скончался дед. Родители разошлись, у каждого из них появилась новая семья. Еще раньше, семилетней девочкой, трагически погибла старшая сестра – случайно опрокинула на себя кипящий самовар. Он, Лев, остался главным кормильцем в семье, состоящей из него, брата и двух сестер. Все вместе они снимали маленькую квартирку.

Еще во время учебы, в поисках заработка Лев набрел на мастерскую по изготовлению наглядных пособий. Ее

владельцем был педагог и писатель А.Н. Канаев. Там нашлась работа – оформление непритязательных книг для детей. Пригодился и давний школьный опыт – спросом пользовались копии портретов известных деятелей, особенно ценились изображения царя. За это платили побольше, чем за книжки.

А еще Лев стал членом Общества акварелистов, которое возглавлял художник Альбер Бенуа. Сложной акварельной техникой юный Розенберг овладел в совершенстве. И тут, словно в награду за усердие, судьба подкинула ему козырную карту. Самым влиятельным человеком в этом творческом содружестве был барон Д.А. Бенкендорф, страстный поклонник живописи и художник-любитель. Акварелисты регулярно проводили свои выставки. К каждой их них барон писал 30 – 40 работ. Качество их, мягко говоря, оставляло желать лучшего. И тогда наступала очередь Льва.

Он брался за кисть и приводил рисунки барона в достойный вид. Делалось это, разумеется, втайне, хотя в курсе «тайны» были многие. Но вслух не обсуждали. Платил за услуги Дмитрий Бенкендорф нещедно. Зато после выставок продавал свои работы великим князьям и другим великосветским знакомым уже по другому преискуртанту. Однако, и своего «редактора» тоже отблагодарил: по его рекомендации Лев стал учить рисованию детей Великого Князя Владимира Александровича.

1889 год. Знаменательная веха в биографии недавнего студента-«академика» – его приглашают участвовать в большой выставке – совместном показе работ российских и финских художников. И вот тут-то Лев серьезно задумался. Хочется, чтобы дебют оказался удачным, чтобы его запомнили. Но кому врежется в память такая нефотогеничная фамилия – Розенберг? И он принимает мудрое решение: берет фамилию деда – Бакстер, отсекает две последние буквы, и с этого дня он – Лев Бакст. Звучит!

И все-таки, самым важным событием этого периода, определившим всю его последующую жизнь, стал непримечательный, на первый взгляд, эпизод: Альбер Бенуа познакомил Льва со своим младшим братом, Александром.

2. Шура, Дима и другие

Лев Бакст в 1890-м году. Фото: Третьяковская Галерея.

Несколько молодых людей, закончивших не так давно престижную частную петербургскую гимназию К. Мая, решили объединиться в группу, которую они рассматривали как кружок самообразования. Нет, они не были полуграмотными недоучками. Столичная гимназия уже сама по себе давала очень высокий уровень подготовки, а после ее окончания их ждал университет. Но в данном случае их увлекла общая цель – интерес к искусству, они хотели проникнуть в него глубже.

Первоначальный костяк группы составили Константин Сомов, ставший художником, Дмитрий Философов – впоследствии публицист, музыканты и критики Альфред

Нурок и Вальтер Нувель и двоюродный брат Дмитрия Сергей Дягилев. Идейным вдохновителем и организатором был Александр Бенуа. Вскоре группа получила название «Мир искусства».

Что их волновало? Во-первых, наследие прошлого, художественная культура России. Во-вторых, современное искусство. Из Франции и Германии приходили сообщения о новых взглядах и подходах, слово «модернизм» звучало как пароль при переходе в новый век, а их родина плелась где-то в обозе.

Надо отдать должное мирискусникам: в России именно они первыми уловили, куда дует ветер. И сделали интересный вывод: одним из ведущих путей нового искусства должен стать синтез нескольких его видов, – в частности, слияние музыки, слова, живописи, танца. А идеальной площадкой для реализации такой идеи является театр.

В этот кружок новаторов, благодаря братьям Бенуа, в 1890 году вошел Лев Бакст. И сразу почувствовал себя в нём своим. Происхождение там роли не играло, отношения были самыми теплыми, обращались друг к другу по именам – Дима, Шура, Сережа, Валечка. И новенький сразу стал Левушкой. Он легко вписался в творческую атмосферу еще и благодаря своему характеру. Позже Дмитрий Философов опишет его так: «Характерная черта Бакста – его неискоренимое добродушие и благодушие, соединенные с детской наивностью, которая так и перла из его донельзя близоруких глаз».

Лев Бакст. Портрет Исаака Левитана, 1899 г.

Благодушие не помешало Левушке быстро проявить себя. В 1898 году они с Дягилевым стали выпускать журнал «Мир искусства». Издание это стало центром притяжения для ведущих фигур российской творческой интеллигенции. Бакст заведовал художественным отделом и оформлял каждый выпуск так, чтобы сама журнальная книжка становилась произведением искусства. В общем журнал самому царю понравился, а имя Бакста стало широко известным.

Между тем, Левушка, окунувшись на встречах мирискусников в накал горячих споров и обсуждений, понял, что с кругозором у него дела обстоят неважно. В приличных семьях было принято отправлять подросших сыновей за границу – проветриться и ума набраться. Товарищи Льва уже и в европейских музеях побывали, и полезные знакомства завели. Нетрудно догадаться, что у него до сих пор такой возможности не было. Но теперь он

о ней уже думал, даже начал деньги собирать. А тут еще удача подвалила.

Благодаря всё тому же Бенкендорфу, Лев Бакст получил выгодный заказ: написать картину, посвященную прибытию российских моряков во главе с адмиралом Авеланом в Париж. Создание такого парадного полотна для царского двора требовало изучения ситуации на месте, безупречного знания военной формы, многочисленных эскизов – то есть времени и денег. Деньги платили регулярно, а исполнение растянулось на 8 лет. В итоге получилось тяжеловесное произведение в скучном академическом стиле. Для кошелька неплохое подспорье, но у юноши с богатой фантазией не лежала душа к таким сюжетам.

Как бы то ни было, в 1891 году он отправляется в европейское турне. Германия, Бельгия, Франция, Испания, Швейцария – разные пласты культуры, творения знаменитых мастеров. Он присматривается к ним в музейных залах пристальным взглядом профессионала. Возвращается домой, но в 1893-м он снова во Франции, где приступает к работе над заказанной картиной. Последующие 8 лет – это, в основном, Париж, где он еще и учится, и вникает в суть современного искусства.

И наездами бывает в Петербурге. Там его захватывает новое увлечение – портреты. Ему в них удается главное – передать характер, настроение, суть человека. Иногда предельно лаконично – одной линией. За короткое время Лев Бакст становится одним из лучших, если вообще не лучшим российским портретистом на переломе веков. Всех, кто ему позировал, трудно перечислить, вот лишь несколько имен: Александр Бенуа, В. Розанов, И. Левитан, Зинаида Гиппиус – на ее знаменитом портрете исключительно точно схвачена противоречивая сущность поэтессы.

Бакст совершает вояж и за пределы европейского континента – в Северную Африку. Милая, совершенно безопасная поездка – золотое время было 100 лет назад!

Он привозит из Алжира и Марокко массу интересных материалов и отраженную в набросках специфику самобытной культуры этих стран.

Бакст уже многому научился. Он задумывается о своем собственном месте в искусстве. Понимает, что новое время требует новых подходов. И, с этой точки зрения, его все больше привлекает многообещающая экспериментальная площадка – театр.

3. Сиротка Ида

Валентин Серов. Портрет Иды Рубинштейн

Париж, Париж, отчего ты такой неприветливый? Трудно простому художнику в столичном мире. Тут и великим-то надо изворачиваться, чтобы выжить. Безвестный петербуржец Лев Бакст крутится, как белка в колесе, работает день и ночь. И жалуется в письме: приходится отдавать свои этюды за бесценок – 20-40 франков.

Он возвращается на родину. Цель ясна: попробовать свои силы в театре. Бакст ступает на, казалось бы, проторенную тропу – в сценографии всё налажено, повторять известные

приемы, и все будут довольны. Но Бенуа и его товарищи потому и стремились в этот вид искусства, что видели в нём массу скрытых возможностей.

С приходом 20-го века литература взрывается новыми идеями, живопись переживает взлет, музыка на подъеме. И только опера и балет застыли: традиционные декорации, раз и навсегда заданные приемы. Балет вообще не принимают за что-то серьезное. В то же время идея обновления, выдвинутая «Миром искусства», привлекает всё новых и новых мастеров слова и кисти из Петербурга и Москвы. Они предлагают свои услуги постановщикам из обеих столиц. В конце концов, не без оснований считают они, весь мир – театр, а игра – любимое занятие человечества.

Левушка начал в 1900-м с оформления спектакля «Сердце маркизы» в Эрмитажном театре. Пантомима, которую поставил Мариус Петипа, была немудреной. Бакст выполнил в едином ключе и декорации, и костюмы, и программку. Премьера состоялась в 1902-м, а в 1903-м зрители увидели его новую работу – балет «Фея кукол» в Мариинском театре. Танцевали звезды – Матильда Кшесинская, Анна Павлова, Михаил Фокин. Но в рецензии балет и его музыка были охарактеризованы, как «верх безвкусыя и тривиальности». И дальше: «К счастью, эта постановка дала возможность художнику Баксту создать прекрасные декорации. Но особенно хороши костюмы». В завершение автор пишет – если и будет успех, то только благодаря Баксту.

В этот период одна за другой выходят в Александринском театре две постановки на античную тему – трагедия Эврипида «Ипполит», а вслед за ней трагедия Софокла «Эдип в Колоне». В созданных для них костюмах и декорациях, на основе росписи древнегреческих ваз, Лев Бакст отходит от шаблона, от общепринятых образцов. Он «итенсивно антиакадемичен» – подчеркивает известный

критик А. Левинсон. А другой рецензент отмечает «тонкое проникновение в дух и стиль эпохи».

Бакст уже широко известен своими портретами и графикой. Теперь к ним присоединился бесспорный успех в оформлении постановок на сценах ведущих столичных театров. Всё это выдвигает его в первые ряды российских художников.

... Светский раут был в разгаре, когда к Баксту подошел знакомый режиссер и представил ему молодую даму:

– Ида Рубинштейн.

Имя Левушке ничего не говорило, а вот внешность поразила. Тонкая, вытянутая, с завораживающим лицом, необъяснимо привлекательным и притягивающим, как магнит. Это был очень своеобразный тип красоты, с которой Лев никогда раньше не встречался. Завязался разговор. Ида с большим пиететом высказалась о работах своего собеседника, а потом неожиданно заявила:

– Лев Самойлович, я хочу, чтобы вы оформили для меня спектакль.

– С большим удовольствием, – улыбнулся Бакст. – В каком театре вы играете?

– «Новый театр» Лидии Борисовны Яворской на Мойке. Речь идет о трагедии Софокла «Антигона».

– И вы там в роли...

– Антигоны, разумеется.

– Ну что ж, мне надо встретиться с режиссером, с руководством, договориться, чтобы утвердили меня, согласовать финансовые вопросы.

– Это всё не должно вас волновать. Спектакль – мой, частный. Плачу я – и вы получите ту сумму, в которую оцените свой труд.

Заинтригованный художник буквально на следующий день обошел нескольких друзей в надежде раздобыть сведения о его юной работодательнице. Задача оказалась не

такой уж сложной, тем более, что нашлись люди, вхожие в ее семейный круг.

Дед Иды недурно разбирался в ценных бумагах, в результате чего кое-что накопил, чтобы оставить сыновьям. Их было двое – Леон и Адольф. Семья отличалась высокой культурой, много жертвовала на благотворительность. Ида, единственная дочка Леона, родилась в 1883-м. Понятно, ее родители тоже были не самыми бедными – пара-тройка банков, пивзавод «Новая Бавария», сахарные заводы, магазины. Увы, прожить долгую жизнь это не помогло. Мать умерла вскоре после рождения дочери, а в 1892-м во Франкфурте умер отец. Ида в девять лет стала наследницей огромного состояния. В десять ее привезли в Петербург к тетке – мадам Горовиц. В богатый дом на Английской набережной.

Ида окончила лучшую частную гимназию. В 18 лет на дому прослушала курс истории русской литературы. Приходивший к ней профессор Погодин рассказал, что его ученица свободно владеет пером, прекрасно знает историю искусства и безупречно общается на английском, французском, итальянском и немецком языках.

Но главная мечта ее жизни – стать трагической актрисой. О чём она и объявила тетке и остальным. Реакция была ожидаемой. Актёрка?! Такого позора добропорядочное религиозное семейство не могло допустить. Что, у нее на хлеб не хватает? Актёрки – они ведь все такие, как бы это помягче сказать... Но отговорить упрямую сироту не удалось. И тогда Иду срочно вывезли во Францию. А там ее встретил известный парижский врач, профессор психиатрии. Как друг семьи, он поставил юной строптивнице диагноз: невменяема. И из самых добрых побуждений определил ее в психиатрическую клинику, чтобы – как сказали бы сегодня – не возникала.

Но тут уже всполошились родные – услужливый доктор явно перегнул палку. Срочно съездили в Париж

и доставили бодрую и очень даже нормальную девушку домой. Ида поняла: от назойливости слишком заботливых, но несовременных родичей надо избавляться. Поразмыслив, она нашла нужное решение.

– Я намерена выйти замуж! – объявила она.

У мадам Горовиц от неожиданности и вполне объяснимого возмущения даже дух перехватило:

– Как?! За кого?

Ида посмотрела на нее преданными глазами:

– За моего двоюродного брата, тетушка, то есть за вашего сына, Владимира.

Настроение мадам качнулось в другую сторону:

– Да, конечно, возраст у тебя уже подходящий.

Этот раунд Ида выиграла чисто. Вряд ли Володя догадывался о тайных замыслах сестренки, но через месяц с хвостиком пара развелась. Отставленному мужу кое-что перепало в смысле финансов. Зато Ида получила свободу и возможность самой определять свою жизнь. Она стала брать уроки, и вот сейчас, в 1904-м, готовилась выйти на сцену.

Левушка Бакст уже в момент знакомства был покорен ею – неумной, энергичной, до одержимости преданной своей цели. Он создал отличные костюмы и декорации. Ида не сомневалась в своем успешном дебюте – публика будет у ее ног. Но одно дело – пылкое воображение начинающей актрисы, и совсем другое – суровая реальность. Ида потерпела сокрушительный провал. Что неудивительно. Сказалось отсутствие опыта, театральной школы. К тому же, у нее был тусклый и слабый голос. Не помогла ее загадочная внешность, которая притягивала внимание – ведь современники отмечали: «Овал лица – как бы начертанный образ без единой помарки счастливым росчерком чьего-то пера».

Л. Бакст. Портрет Сергея Дягилева с няней, 1906

Бакст тоже расстроен неудачей, хотя его она не коснулась. На некоторое время их пути с Идой Рубинштейн расходятся. Лев работает в журналах. В 1906-м пишет портрет Дягилева с няней на заднем плане. По общему мнению – лучший из всех портретов знаменитого антрепренера. Есть и заказы. В 1907-м Мариинский театр проводит несколько благотворительных спектаклей-балетов с хореографией Михаила Фокина. Лев выполняет эскиз костюма для Анны Павловой, танцующей знаменитого «Лебедя» Сен-Санса и эскиз ассиро-египетского костюма для Тамары Карсавиной в танце с факелами на музыку А. Аренского.

Между тем, Иду принимают в театр Веры Комиссаржевской, где она намерена сыграть главную роль в скандальной драме Оскара Уайльда «Саломея». Ей, однако, эту роль не дают. Тогда она решает создать спектакль на свои деньги. С художником ясно – конечно,

им будет Бакст. В качестве режиссера она приглашает Всеволода Мейерхольда. Всё складывается удачно, в 1907-м спектакль готов к выпуску. Но в этот момент вмешивается черносотенный «Союз русского народа». С его подачи Священный Синод признает пьесу аморальной и постановку запрещает.

Болезненный удар. Ида не сдаётся – она всё-таки выйдет на сцену и покажет хотя бы один, центральный эпизод спектакля – танец, для которого она заказала музыку А. Глазунову. И она обратилась за помощью к танцовщику и балетмейстеру Мариинского Театра Михаилу Фокину.

Пока раскручивались эти события, Лев со своим другом, Валентином Серовым, осуществляя давнюю мечту, в том же 1907-м укатили в Грецию и на Крит. Впечатлений от поездки Баксту хватит на всю жизнь. А написанная по горячим следам картина «Античный ужас» – о гибели Атлантиды – получила высокий отзыв в Европе.

Лето 1908 года Ида проводит в Швейцарии – там, в пансионе, под руководством Фокина она отрабатывает «Танец семи покрывал» из «Саломеи». 20 декабря все причастные к уайльдовскому спектаклю встречаются в Петербургской консерватории. Зал забит до отказа – слухи о предстоящем событии уже ходили по городу. На сцене появляется Ида-Саломея. Такого танца еще не видели в российской столице – чувственного, эротического. По ходу исполнения танцовщица одно за другим сбрасывала покрывала, и в финале из одежды на ней осталось только несколько ниток бус. После краткого шока зал взорвался овацией. Ида стала звездой.

В 1909 году Бакст уезжает в Париж – оформлять Русские Сезоны Сергея Дягилева. Именно там и произошло второе рождение этой, ни на кого не похожей актрисы. Когда встал вопрос об исполнительнице роли Клеопатры, утонченные Павлова и Карсавина сразу были отставлены. Фокин вспомнил про Иду и предложил свою ученицу.

Дягилев засомневался. Но Левушка поддержал хореографа, более того – придумал для Клеопатры оригинальный выход. Небывалый успех стал убедительным аргументом в их пользу.

4. Париж пьян Бакстом

Эскиз костюма к балету «Шехеразада», Леон Бакст, 1910

Репертуар 1910 года планировали летом, в Венеции, в узком кругу. И совершенно естественным стало появление в следующем «Русском сезоне» «Шахерезады» – балета, поставленного специально «под Иду». Дягилев попросил Серова создать рекламную афишу и программку с ее изображением на обложке. Тот загорелся и написал знаменитый портрет обнаженной Иды Рубинштейн, вызвавший столько же споров, сколько восторгов.

Музыкальную основу «Шахерезады» составила известная оркестровая сюита Римского – Корсакова. Либретто написал Александр Бенуа – судя по названию, он опирался на «1001 ночь». Однако бесполезно было бы искать в арабских сказках что-то похожее на сочинение Бенуа, скорее всего, у него родилась 1002-я ночь. 4 июня 1910 года в Гранд Опера состоялась премьера. Зал взорвался

овацией, как только поднялся занавес – это была реакция на декорации и костюмы. А потом началось действие.

Шах Шахриар отправляется на охоту, не обращая внимания на просьбу главной жены, Зобеиды, не делать этого. Остальные жены из его гарема, пока хозяина нет, уговаривают евнуха впустить к ним их любовников-негров. Приходит и любовник Зобеиды – Золотой Раб. Внезапно возвращается шах и обнаруживает в своем гареме оргию. Он в бешенстве подает знак, и янычары устраивают расправу. Под их ятаганами падают и женщины, и рабы. Зобеида молит сохранить ей жизнь, но и ее постигает общая участь.

Ида-Зобеида и Золотой Раб-Нижинский великолепны в постановке Фокина. Но главным было то, что под прекрасную музыку на зрителей обрушились «жестокость и чувственность Востока» – ошеломляющие, опьяняющие, отодвигающие на задний план пресную картину будней. Создание этого настроения – в решающей степени дело рук Бакста. Он отлично знал ту эпоху, когда происходит действие. Архитектура декораций и одежда героев передавали самую суть той давней культуры. И при том он не просто владел цветом, он умел задать ему ритм, который раскачивал воображение публики, вызывая спонтанный эмоциональный отклик.

Вот что писал в своей работе сам Бакст: «В каждом цвете существуют оттенки, выражающие иногда искренность и целомудрие, иногда чувственность и даже зверство, иногда гордость, иногда отчаяние. Это может быть... передано публике... Именно это я пытался сделать в «Шахерезаде». На печальный зеленый я кладу синий, полный отчаяния... Есть красные тона торжественные и красные, которые убивают... Художник, умеющий извлекать пользу из этих свойств, подобен дирижеру...»

Я назвал бы это откровение философией цвета.

Реакция парижан на два балетных спектакля русских оказалась потрясающей, более того – по-своему

неожиданной. После «Клеопатры» и «Шахерезады» изменилась даже французская, то есть, по сути, мировая мода. Разрезы на платьях, цветные парики, яркие краски, шаровары, тюрбаны, оранжевые абажуры – это вошло в жизнь не одного поколения под забываемым воздействием увиденного на сцене. И это всё – Бакст.

Свидетель этих событий, уже упоминавшийся критик А. Левинсон, оценил ситуацию так: «Париж был подлинно пьян Бакстом». Марсель Пруст в письме 1911 года писал: «... Передайте Баксту, что я испытываю волшебное удивление, не зная ничего более прекрасного, чем «Шахерезада»». Петербургский журнал «Столица и усадьба» сообщал: «Сейчас Бакст – один из наиболее популярных художников, спрос на него громадный. Рассказывают, что с восьми часов утра к нему трезвонят беспрестанно по телефону поклонники, интервьюеры дежурят часами у его дверей». Его персональные выставки проходят по всей Европе – Париж, Лондон, Берлин, Стокгольм и в США – Нью-Йорк, Бостон, Филадельфия, Чикаго. Король парижской моды Пуаре вынужден, чтобы не потерять клиентуру, создавать новые образцы одежды совместно с Левушкой. Не отстает и другой Дом моды – Пакэн. По заключенному с ним на три года контракту две трети его моделей будет разрабатывать Бакст.

Александр Бенуа очень точно отметил новаторство своего друга, особенности его творческой манеры. Цвет, декорация и костюм на глазах зрителей становились активными и равноправными участниками сценического действия. Парижане очарованы – у «Русских балетов» мгновенный успех. «В этой области, – писал Бенуа, – Бакст с первых же шагов (еще в России) занял прямо-таки доминирующее положение, и с тех пор он так и остался единственным и непревзойденным».

Мальчик, который когда-то рисовал ночами под одеялом, теперь нарасхват и работает в напряженном ритме.

С 1909 по 1914 годы для «русских сезонов», театра Иды Рубинштейн и других он оформил более двадцати балетных, оперных и драматических спектаклей, не считая особых заказов. Что касается Иды, то после триумфальных успехов у Дягилева она ушла из русского балета и основала свой театр. К тому времени она уже окончательно переселилась в Париж.

Сформировав труппу, Ида обращается к известному итальянскому писателю Габриэле Д'Аннунцио с просьбой написать что-нибудь специально для нее. Так появляется «Мистерия о мученичестве Святого Себастьяна». Музыка к спектаклю пишет Клод Дебюсси, сценография, конечно же, Льва Бакста. В главной роли – Ида. Опять ошеломительный успех. Д'Аннунцио в это время живет в Париже с очередной любовницей. О его скандальных похождениях говорит вся Европа, и все с увлечением читают его книги. Однако на сей раз эпатажный писатель получает удар с неожиданной стороны.

Ватикан приходит в ярость: женщина, к тому же еврейка, да еще, говорят, лесбиянка, создает образ знаменитого католического святого! Папа отлучает Д'Аннунцио от церкви и запрещает верующим читать его произведения и смотреть его спектакли. Габриэле не расстраивается – он уже покорен необычной красотой Иды. Он пишет ей пылкие стихи и дает отставку любовнице. В свою очередь, страстный итальянец тоже произвел впечатление на Иду. В разгар завязавшегося романа в Париже появляется американская художница и феминистка Ромэйн Брукс. Она знакомится с Идой и – влюбляется в нее. Правда, у той в данный момент есть мужчина, но Ромэйн эта деталь не смущает. Остальных – тоже, и они начинают жить втроем.

Можно по-всякому относиться к этой явно нестандартной ситуации, но для всех ее участников она оказалась плодотворной. За четыре года тройственного союза Брукс создала лучшие свои работы, в том числе

несколько портретов своей возлюбленной. Сама Ида блистала в спектаклях и снималась в фильмах, сценарии к которым писал Габриэле. Любовь кончилась в 1915-м, и треугольник распался на три составных части.

Разумеется, Бакст работал не только на Иду Рубинштейн. Ушла от Дягилева и Анна Павлова, создав свою труппу. Лев сделал декорации для ее нью-йоркских гастролей. К сожалению, дела у блестящей балерины не заладились – денег, как у Иды, у нее не было, а пробиваться без Дягилева оказалось очень сложно.

Еще две знаменитые женщины обращались за помощью к Баксту.

Маркиза Казати время от времени баловалась сценой. Обладательница несметных богатств, экзотичная итальянка, она слыла роковой красавицей. Числилась за ней и связь всё с тем же Д'Аннунцио. Прославилась как меценатка. Вокруг нее клубился рой поклонников – художники, актеры, писатели. Живописцы наперебой писали ее портреты, в итоге их набралась целая галерея – больше 130. Лев создал эскизы костюмов для индо-персидских танцев, с которыми выступала маркиза.

А М. Кузнецова-Бенуа, прима Мариинского театра, обладательница великолепного сопрано, принимала участие и в русских сезонах. Ее первым мужем был старый знакомый Бакста Альбер Бенуа. Она выступала в ведущих оперных партиях в костюмах, созданных Львом, – в «Богеме» и «Мадам Баттерфляй» Пуччини, в «Орфее» Глюка, «Садко» Римского-Корсакова, «Фаусте» Гуно, «Травиате» Верди и в других.

Но бесспорным приоритетом в творческих устремлениях Бакста оставались «русские сезоны». И сейчас самое время обратиться к этому уникальному явлению и к личности человека, который его придумал.

5. Дягилев: поиски себя

31 марта 1872 года в семье офицера, потомственного дворянина Павла Павловича Дягилева родился сын, которого нарекли Сергеем. Радость от рождения мальчика вскоре была омрачена: через несколько месяцев скончалась его мама. Малыш, однако, не почувствовал горечи сиротства – в его жизни появилась мачеха, прекрасная и заботливая женщина. Ее звали Елена. Сергей полюбил ее трепетно и безоглядно – как любят только мать.

Отца по службе перевели в Пермь, и там их дом стал одним из самых известных и гостеприимных. В нём пели, играли на рояле и даже ставили домашние спектакли.

После окончания гимназии, в 1890-м, Сергея отправляют к тетке, Анне Философовой, в Петербург. Он поступает на юрфак университета и одновременно берет уроки музыки у Н.А. Римского-Корсакова. И, став дипломированным юристом, уходит на эту, казалось бы, побочную дорогу: решает посвятить себя пропаганде искусства.

Приступил он к этому делу с энтузиазмом: вытаскивал из небытия замечательных русских художников 18 века; взялся за организацию выставок; стал выпускать вместе с Бакстом журнал; с 1899 года редактировал «Ежегодник императорских театров». Энергия била в нём через край. Пытался даже устроить гастрольные гастроли иностранных музыкантов в столице, но потерпел фиаско – пробиться через дебри российской бюрократической системы ему не удалось.

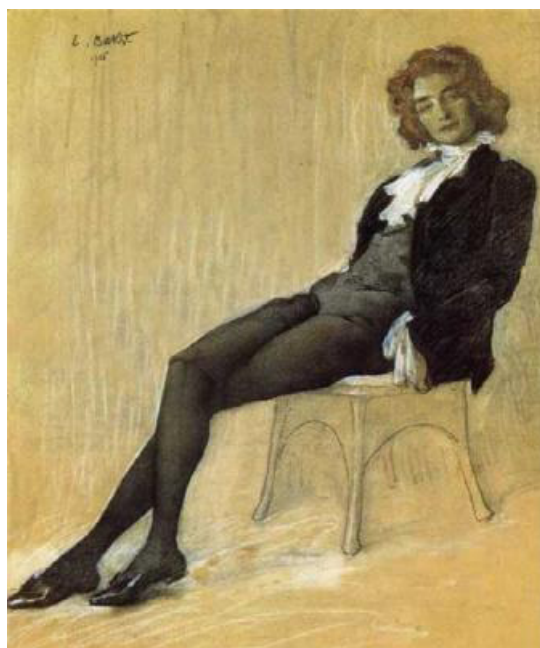
И вдруг, в начале 20 столетия, он ставит перед собой нелегкую задачу – вывезти за рубеж с концертами плеяду русских талантов. С чего бы такой резкий поворот: от просвещения родного народа – к гастролям по Европам? Утверждают – хотел доказать, что Россия способна занять достойное место в цветнике европейских культур. Безусловно, так оно и было. Это – правда. Но не вся.

Ах, какие сюжеты предложили зрителям и замысел «Русских сезонов», и они сами! Любовь всех мастей и

оттенков, благородство и предательство, ревность и измену! Причем пикантность этих сюжетов заключалась в том, что разворачивались они не на сцене, а в реальной жизни. Именно там творческие взлеты и падения под накалом безумных страстей сплелись в нерасторжимый клубок.

Для мальчика из Перми всё началось в 1890-м – окончание гимназии, Петербург, университет. В честь этих событий Анна Философова отправила своего сына Диму вместе с Сергеем в путешествие по Италии. Поехали они туда двоюродными братьями, а вернулись – любовниками.

Этот союз оказал самое благотворное влияние на Сергея Дягилева. Он был счастлив. Вошел в объединение «Мир искусства». Активно проявлял себя в художественной жизни российской столицы. В одном из номеров издаваемого им журнала опубликовал эссе Зинаиды Гиппиус – яркой представительницы новой русской поэзии.

Этот портрет Зинаиды Гиппиус Бакст написал в 1906 г.

Как раз к тому времени долго искавшая себя и пытавшаяся разобраться со своей сексуальной, гендерной идентичностью Гиппиус поняла, наконец, что она – мужчина в женском теле. Происходило это 100 лет назад, операций тогда не делали, но страсти бушевали посильнее, чем сегодня. Новая идентификация требовала нового партнера, и, осмотревшись вокруг, поэтесса заметила Диму Философова. «Это то, что мне нужно», решила она и пошла в атаку. Молодой человек вначале сопротивлялся, но в конце концов ей удалось уломать его и, таким образом, оторвать от Дягилева. После чего она устроила семью из троих – Зинаида, ее муж Мережковский и Дима. Ничего хорошего из этой затеи не вышло, не было там ни любви, ни согласия. И союз этот рассыпался.

Однако для Сергея Дягилева случившееся – измена и уход Димы – стало сильнейшей травмой. Он забросил журнал и захандрил. И тут в его жизнь вошел балет. Не сразу, постепенно, но предстояло ему закрепиться в ней навсегда. Дягилев и раньше был связан с театром, знал многих артистов и режиссеров. Среди его предпочтений балет, как искусство легкомысленное, находился на последнем месте. Но то, каким образом он сейчас столкнулся с ним, имело свою, очень специфическую подоплеку.

В начале первого десятилетия нового века Дягилев понимал, что его надежды на блестящую карьеру в Петербурге потерпели крах. А ведь его даже метили в министры. Но он умудрился поругаться с дирекцией Императорских театров из-за своих друзей-художников и потерял работу. Сергей Павлович начинает посматривать за рубеж и в 1907-м бросает пробный камень: организует в Париже первый «Русский сезон». В «Исторических русских концертах» выступили выдающиеся композиторы и исполнители. Проба оказалась удачной.

В том же году князь Павел Львов представляет Дягилеву молодого танцовщика Мариинского театра Вацлава Нижинского. О нём говорили, как о подающем надежды артисте. Львов, однако, имел в виду совсем другое. Богатый князь был равнодушен к юным дарованиям мужского пола, и Вацлав уже около года являлся его избранником. Теперь же, – очевидно, остыв, – он хотел передать его в надежные руки.

Дягилев загорелся не сразу, зато Нижинский с нетерпением ожидал этого сближения. Он видел в нём залог своих будущих успехов, своего взлета. Его родители, поляки, странствующие артисты, внушили сыну, что в балете именно такой путь является самым перспективным. Люди опытные, они знали, что происходит за кулисами. И то, что должно было свершиться, свершилось. У Дягилева отныне появилась будоражащая цель – раскрутить талант своего нового возлюбленного, показать его Европе.

Маленькое отступление. У читателей может сложиться впечатление, что все отношения между главными героями нашего повествования были далеки от традиционных. Безусловно, это не так. Просто, не одобряя таких вещей официально, в начале 20 века предпочитали закрывать на них глаза. А в начале 21 века, между прочим, их массово легализовали. В то же время говорить о русских сезонах и Дягилеве и опустить эти детали – значит исказить истину: слишком велико было их воздействие и на творческие моменты, и на организаторские.

Что касается Бакста, то его воображение волновали женщины.

Б. М. Носик в своей книге «С Невского на Монпарнас. Русские художники за рубежом» приводит любопытный факт. В Петербурге тех лет пользовалась большой известностью жрица любви и «жизнетворчества» Людмила Вилькина. Носик обнаружил в архиве запись, которую сделал в 1902 году Валерий Брюсов, приударявший за

Людмилой. Она показала ему письмо Бакста, с помощью которого тот пытался соблазнить ее: «Для художника не существует одежды, – писал он, – я мысленно вижу вас голой, люблюсь вашим телом, хочу его».

Александр Бенуа вспоминал, что в жизни Льва Бакста было несколько периодов, «окутанных эротической одержимостью». Например, в Париже, еще до 1900 года, он пережил страстное увлечение госпожой Ж. – актрисой французской труппы петербургского Михайловского театра. Бенуа с улыбкой описывает, как бедный Левушка, новичок в любовных делах, попал в цепкие руки опытной дивы, которая вовсю старалась «просветить» и «испортить» его, проведя через все круги эротического ада.

Лев Бакст с женой Любой, 1903 г.

Чуть позже Лев влюбился всерьез. Ее звали Люба, и была она дочерью предпринимателя, того самого знаменитого Павла Третьякова, который собирал картины и основал в Москве галерею его имени. Люба раньше была замужем за художником-маринистом Н.Н. Гриценко, родила от него дочь. Но потом, один за одним, соответственно в 1898-м и 1900-м, скончались ее отец и муж. Молодая вдова завладела

думами и чувствами Льва Бакста, и он сделал Любви Павловне предложение.

Красивый жест, но безрезультатный – никто не мог зарегистрировать брак двух людей различного вероисповедания. Преодолеть преграду можно было только перейдя в православие. Художник оказался перед трудным выбором – либо отказаться от любви, либо отказаться от веры предков. После долгого раздумья Лев поступил так, как, чаще всего поступали в таких случаях другие евреи – он не принял православие, но перешел в лютеранство. Получив на эти акции разрешение министра внутренних дел, он уехал в Варшаву, где и совершил необходимый обряд. 12 ноября 1903 года они с Любой обвенчались.

Через 4 года родился сын, Андрей. Лев любил и его, и приемную дочь, Марину. И всё же, трудно сказать, почему, но отношения в семье постепенно разладились, и супруги расстались. После развода, в 1910 году, Лев Бакст предпринял шаг, на который, кажется, никто не решался ни до него, ни после него: он вернулся обратно в иудаизм. А с Любой и детьми сохранил хорошие отношения и до конца жизни помогал им...

Юлий Зыслин

Роквилл, Мэриленд, США

Марина Цветаева как художник

Всё ли мы знаем о любимых поэтах, о наших
литературных кумирах?

*В Российской государственной библиотеке хранятся
рисунки Марины Цветаевой*

Оказывается, до сих пор есть белые пятна и малоизвестные факты даже в биографии Лермонтова,

хотя прошло 200 лет со дня его рождения. Например, многие ли знают, что в юности, находясь в Благородном пансионе при Московском университете, он брал уроки игры на нескольких инструментах и при сдаче экзамена по скрипке играл первую часть Скрипичного концерта Людвиг Маурера? И что он напевал свои стихи на свои же мелодии, аккомпанируя себе на рояле? А Борис Пастернак вообще всю жизнь играл на фортепьяно, и не только для себя. Например, в свои молодые годы в компании поэтов он иногда сочинял импровизации, изображающие каждого из них. Мало того, сохранились ноты двух сочинённых им в юности прелюдий и одной сонаты. Кстати, когда во время Второй мировой войны поэт находился некоторое время в Чистополе, куда была ещё летом 1941 г. эвакуирована его семья, он приходил поиграть на пианино в семью эвакуированных москвичей Голяковских, в доме которых был инструмент. Пастернак аккомпанировал знаменитому басу Большого театра Максиму Дормидонтовичу Михайлову, который тоже был эвакуирован в Чистополь и иногда давал там концерты. Это нам сообщил проживающий в Нью-Йорке хирург и писатель Владимир Голяковский. В своё время он изредка лечил ногу поэта, которую тот покалечил в юности, когда его сбросила лошадь. Во время Первой мировой войны Пастернак проходил медицинскую комиссию в Елабуге (помещение купеческого клуба) и был освобождён от мобилизации, по-видимому, не столько из-за ноги, сколько потому, что, отвечая на вопрос военврача Морева о художнике Пастернаке, назвался музыкантом и сыном того самого художника (сообщено культурологом и краеведом Еленой Поздиной, Елабуга).

Не уверен, что многие знают о пристрастии большого числа поэтов и писателей к рисованию (*«В каждом писателе таится зуд к рисованию»*. А.Ремизов, *«Поэта далеко заводит глаз»*. Газета.RU, 21 августа 2013 г.).

Про Пушкина, Лермонтова, Маяковского и, может быть, Волошина знают многие. А о десятках других поэтов?

В 2013 г. в Москве, в Литературном музее, проходила специальная выставка «Рисунки писателей», и она была не первой (подобные выставки бывали, например, в Вашингтоне и в Петербурге в 1981, 1988, 1994 и 1999 годах). В прессе отмечалось, что от многих писательских рисунков нельзя требовать профессионализма («*Важно не как нарисовано, а кем*». «Ведомости», 22 августа 2013 г.)

Приведём некоторые имена русских поэтов и писателей XIX и XX веков, кроме упомянутых выше, замеченных в рисовальных опытах. Это Ф. Достоевский, И. Тургенев, Н.Гоголь, В.А.Жуковский, Л.Н.Толстой, Е.Баратынский, Н.Батюшков, Д.Веневитинов, Я.Полонский, Л.Андреев, А.Ремизов, В.Набоков, А.Н.Толстой, М.Осоргин, В.Хлебников, А.Ахматова, Н.Гумилёв, С.Городецкий, А.Белый, В.Брюсов, Д.Бурлюк, В.Каменский, С.Парнок, Е.Гуро, В.Набоков, Б.Пастернак, П.Антокольский.

Можно ли представить себе, что образованнейшая и умнейшая Марина Цветаева не заметила эту «рисовальную тенденцию» в русской культуре вообще, а в Серебряном веке особенно, и не попробовала себя в рисовании?

А среда, в которой она выросла? Все в семье больше или меньше рисовали. Отец И.В.Цветаев создавал художественный музей. Детей в семье учили языкам, музыке, рисованию. У Марины были любимые картины, гравюры, иллюстрации к книгам. Она их собирала и хранила. (Кстати, Марина Цветаева всю жизнь общалась и дружила с художниками, писала о некоторых из них, прекрасно разбираясь в изобразительном искусстве и много зная о нём).

Конечно, в гимназиях и пансионатах, где учились сёстры Цветаевы, были уроки рисования. Её младшая сестра Анастасия вспоминала о сестре: «...*Учась отлично и готова уроки неучитываемо быстро, она успевала и*

читать, и рисовать, и играть на рояле...» (выделено нами. – Ю.З.). В своих рабочих тетрадях и в письмах она нередко что-то набрасывала (в ряде случаев свидетелем этого была её дочь Ариадна Эфрон).

Однако до настоящего времени эти её рисовальные наклонности никто специально не исследовал. Так сложилась жизнь великого поэта, что она вынуждена была уехать из России в 1922 году, а потом возвратилась обратно в 1939 году, и при этом отдельные части её архивов терялись, продавались, дарились. После её смерти прошло немало лет, прежде чем усилиями её дочери и нескольких литературоведов собралось немало материалов о её жизни и творчестве. Но не всё. И не обо всём нашлись документы и упоминания. Что-то так и не нашлось, а до другого – не доходили руки.

Анастасия Цветаева, биограф поэта А.Саакянц и архивист Е.Лубянникова в разное время обращали внимание на наличие нераскрытых тайн в наследии Марины Цветаевой.

Например, есть восемь графических рисунков, о которых ничего неизвестно, кроме того, что они хранятся с 1950 года в Российской государственной библиотеке (РГБ), где зарегистрированы под именем Марины Цветаевой (см. справку РГБ).

РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БИБЛИОТЕКЕ,
 НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ РУКОПИСЕЙ

АВТОР	Цветаева, Марина Ивановна
ЗАГЛАВИЕ	Рисунки: Мужские и женские головы. Карандаш.
ДАТА	[1910-ые]
МЕСТО	
КОЛ-ВО ЛИСТОВ	8
ШИФР РУКОПИСИ:	
ФОНД №	198 (Никитинские субботники)
КАРТОН №	15
ЕД. ХР. №	54
ПРИМЕЧАНИЯ	Пост. 16-1950

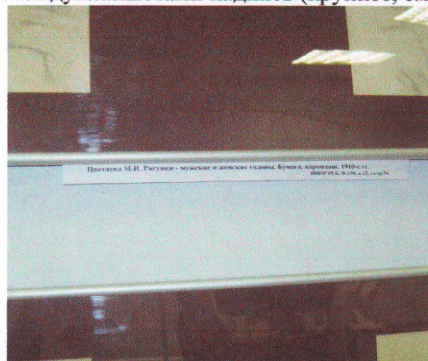
Справка РГБ о рисунках Марины Цветаевой

Никто ими всерьёз не занимался. Они оставались малоизвестными, пока РГБ не показала их у себя на двух цветаевских выставках в 1992 и 2013 годах. В 1992 г. их видела ныне, к сожалению, покойная А.Саакянц. Тогда же она высказалась о предстоящих цветаевских сюрпризах.

Цветаевская выставка в РГБ. Декабрь. 2014.

Два планшета по 4 рисунка.
Междупланшетами надпись (крупнее, см.ниже)

Надпись между планшетами:
«Цветаева М.И. Рисунки – мужские и Женские головы. Бумага. Карандаш. 1910-е гг. НИОР РГБ. Ф. 198, К.15, ЕД.ХР.54»

Фрагмент выставки 2013 года с рисунками Марины Цветаевой

Вот эти рисунки. 8 графических портретов: 4 женских головы и 4 мужских.

(Копии этих рисунков были приобретены нами в РГБ в 2005 г. по договору и опубликованы в США и на Интернетe в 2006 г.)

Женские портреты

Мужские портреты

Эти рисунки вызывают противоречивые суждения, что говорит об их нетривиальности. Одни художники и специалисты находят, например, что это совершенно ученические и неинтересные работы, а другие, наоборот, считают некоторые рисунки довольно профессиональными. Первое утверждение говорит, возможно, о том, что Марина, попробовав рисовать, не стала совершенствоваться в этом искусстве. Для неё, конечно, с раннего возраста главным была поэзия, да и жизнь не позволяла ей всерьёз расширить свою творческую деятельность, к чему её могучая натура в принципе была предрасположена. Конечно, прошло время после её рисовальных проб, и она, кроме поэзии, попробовала себя в драматургии, в прозе, в искусствоведении. И во всём была неповторима (*«В каждом жанре Цветаева достигает поразительных результатов»*). А.Саакянц)

Профессиональность некоторых её рисунков, если с этим согласиться, лишний раз подтверждает её общую гениальность. И если бы она продолжила этим заниматься и уделила этому время и внимание, то добилась бы многого. Нам кажется, гениальный человек быстрее и глубже осваивает любое дело. На то есть примеры. Соученики Марины Цветаевой по гимназиям вспоминали, как она читала во время уроков, сидя на последней парте. А когда учитель задавал ей вопрос, ответ был всеобъемлющим и нестандартным. Потом она садилась на место и вновь углублялась в чтение.

Очень интересен вопрос, кто изображён на этих восьми рисунках. Есть много предположений. Каждый читатель может попробовать свои силы в оценках. Рисунки ждут серьёзных искусствоведов, которые решат этот вопрос.

О предрасположенности Марины Цветаевой к рисованию свидетельствует не оспариваемый никем её авторский рисунок (экспонируется в Музее-квартире Марины Цветаевой в Болшеве, Россия).

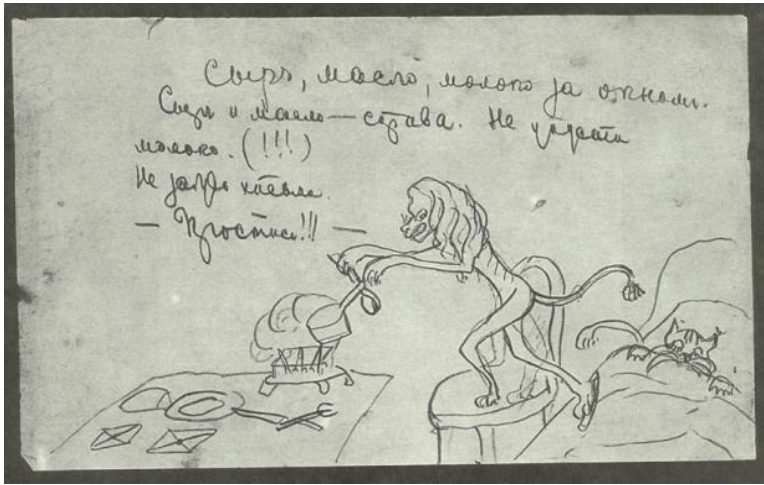

Рисунок Марины Цветаевой. Музей-квартира М.И.Цветаевой в
Болшеве

За несколько минут, убегая куда-то по своим делам, она набросала целую жанровую сцену, поручая мужу Сергею Эфрону некоторые хозяйственные заботы: «...*Не упусти молоко. Не забудь <отправить> письма...*». Здесь Эфрон крупно изображён в виде Льва (Лев – его домашнее имя), сын помещён в коляску в виде кота (Мур – его домашнее имя). Здесь же стул, стол, кастрюлька, ложка, кирогаз или примус, конверты, тарелки, нож и вилка.

В графических портретах, хранящихся в РГБ, есть, по мнению некоторых художников, неточности, которые недопустимы для профессионала. Можно также предположить, что рисунки – лишь наброски. Кое-кто из художников отмечал и то, что рисунки написаны женщиной. Многих посетителей «Вашингтонского музея русской поэзии и музыки», кому мы показывали эти работы, обожгли свойственные Цветаевой эмоциональность и лиризм. Равнодушного отношения эти рисунки не вызывали.

Сколько ещё нас ждёт сюрпризов от любимых поэтов...

Вера Чайковская
Москва, Россия

Русские сезоны еврейского искусства

На выставке Вершины еврейского театра в России: Габима и ГОСЕТ (1919-1949), прошедшей в музее им. А.А. Бахрушина (с 19 февраля по 19 марта 2015 г)

Когда я писала книгу об Александре Тышлере, замечательном художнике, скульпторе и сценографе, ставшем в годы войны главным художником ГОСЕТа, я вынула из завалов старую книжонку о советском искусстве, написанную П. Лебедевым в начале 60-х годов. Нашла в именном указателе три ссылки на художника. Все упоминания были агрессивно отрицательные.

И вот на выставке в бахрушинском музее обнаружила дикую записку этого самого П.Лебедева – председателя по делам искусств при Совете Министров СССР – к Сталину с предложением закрыть ГОСЕТ. Якобы за нерентабельностью. Что и было в том же 1949 году, уже после убийства Михоэлса и ареста Вениамина Зускина, произведено. Черная страница русской культуры.

Но были и светлые. И эта выставка в основном о них.

Поразительное дело, в центре экспозиции – фотографии корифеев русского театра – Станиславского, Немировича-Данченко. Замечательный шарж Михаила Чехова на Евгения Вахтангова, фотографические портреты Федора Шаляпина (с дарственной надписью создателю Габимы Науму Цемаху) и Анатолия Луначарского. И все эти люди оказались здесь не случайно. Все они внесли свой вклад в создание государственного российского еврейского театра в лице «Габимы» и «ГОСЕТа».

Выставка всем своим составом (а среди партнеров проекта множество организаций) нам сразу как бы заявляет:

еврейский театр был не маргинальным явлением, не на задворках русской и европейской культуры, а вобрал все лучшее, что они могли дать. Недаром мэтр европейского театра Гордон Крэг, попав на «Короля Лира» в ГОСЕТе, стал его «фанатом», не пропустив до своего отъезда в Англию, – ни одного спектакля. Высоко он оценил и игравшую спектакли на иврите «Габиму», труппа которой, уехав на гастроли в 1926 году в Европу, там и осталась.

Михаил Чехов, шарж на Евгения Вахтангова, муз. театра им. Евг. Вахтангова

Но в то же время еврейский театр предъявил «городу и миру» нечто неповторимо свое, фольклорно-национальное, что видно уже по представленным на экспозиции эскизам замечательных художников – Шагала, Фалька, Альтмана, Рабиновича, Лабаса, Тышлера.

Роль Станиславского в истории российского еврейского театра необыкновенно значительна. В сущности, он сделал «Габиму» одной из студий Художественного театра,

где лучший спектакль «Гадибук» в сценографии Натана Альтмана, – поставил ученик Станиславского Евгений Вахтангов (1922). (Кстати говоря, еще раз полюбовалась скульптурным автопортретом молодого Альтмана из ГТГ, выкрашенным в черный цвет и причудливо совместившем приметы архаического и модернистского искусства (1916, дерево, бронза).

Но даже эти альтмановские эскизы к «Гадибуку», развешенные по стенам, своей фольклорной обобщенностью и экспрессивной фантазийностью, говорят, что играли в театре вовсе «не по Станиславскому». Об этом же свидетельствуют выразительнейшие фотографии мизансцен.

С «системой Станиславского» в ГОСЕТе тоже были сложности. С ней боролись и первый главный художник театра Марк Шагал, и последний – Александр Тышлер. Они не терпели в театре натуралистичности, выступали за приоритет фантазии и причудливости. А их художественная мощь была такова, что весь спектакль подстраивался к предложенной ими сценографии.

Достаточно взглянуть на причудливейшее панно Шагала вверху экспозиции, позаимствованное из ГТГ и знаменующее собой некое «введение в еврейский театр», чтобы стало ясно, что тут актеры, режиссеры, сценографы работают не по Станиславскому, а как-то иначе. (И еще вспомнилось, что все панно Шагала, сделанные для ГОСЕТа, спас от гибели после закрытия театра Александр Тышлер).

Выставка заставляет задуматься над тем несомненным фактом, что в еврейских театрах в качестве сценографов работали крупнейшие авангардные мастера российского искусства тех лет. Так что и фотография первого наркома Просвещения Луначарского на экспозиции не случайна. Ведь Шагал и Альтман работали в ИЗО Наркомпроса. Фальк был деканом ВХУТЕМАСа. Это были личности, определявшие культурную политику всей страны.

Натан Альтман, Автопортрет, 1916, дерево, бронза, ГТГ

И они же не считали для себя зазорным (а напротив, считали за честь) работать в еврейских театрах. Редкостный и неповторимый этап российской культурной истории!

Замечательный историк искусства и художественный критик Абрам Эфрос писал, размышляя о художниках ГОСЕТа: «Плеяда еврейских художников работала развернуто и торжествующе... В каждом течении русского и европейского искусства, среди каждой школы, у нее были руководящие представители».

Очень выразительны показанные на выставке эскизы Роберта Фалька к знаменитому госетовскому спектаклю еще времен основателя театра Алексея Грановского, позже оставшегося в Европе, «Путешествие Вениамина 111» (1927, по М.Мойшер –Сфориму). Признаться, такого озорного, веселящегося, ребячливого Фалька я в живописи никогда не видела. Он и в жизни-то, как я писала в одной

из статей, улыбался с некоторым напряжением . А тут и широко улыбающаяся голова еврея в виде солнцеобразного шара на любимом художником красном фоне, и смешная женщина с гусем, и грустно-комичная, двугорбая лошадка с хвостом в виде елочки. Фалька Михоэлс шутливо называл своей «подругой». Вероятно, в еврейском театре художник чувствовал себя совсем своим и внутренне раскрепощался.

Роберт Фальк. Лошадка. Эскиз к «Путешествию Вениамина III» в ГОСЕТе, ГЦТМ им. А. Бахрушина

Великолепные эскизы молодого Александра Тышлера (ему всего в это время 37 лет) к «Королю Лиру» (1935) широко известны. Его эскизы с Михоэлсом в образе Лира поражают. Уж не знаешь, кто за кем шел. Художник ли подсказывал актеру эти удивительные мизансцены, или же Тышлер запечатлевал какие-то наиболее выразительные моменты игры Михоэлса . Но абсолютно соглашаешься с фразой того же Гордона Крэга: «... какие бы похвалы не были сформулированы по адресу актера Михоэлса, это не будет преувеличением». Эскизы Тышлера великолепно дают это почувствовать.

Расскажу в этой связи о самом сильном своем впечатлении. Во втором, затемненном, зале показывается фильм о Михоэлсе. Идут фрагменты из «Короля Лира».

Прежде я видела только один фрагмент – смерть Корделии. Но, оказывается, сохранились и некоторые другие. И вот этот небольшой монтаж фрагментов производит потрясающее впечатление. Я знала, что тышлеровские декорации к первому действию с неким «ларцем», стоящем на деревянных статуях химер-придворных, завораживали зрителей. Но фотографии не могут передать того, что передает один из фрагментов фильма, где Шут в блистательном исполнении Вениамина Зускина, словно бы общается с этими химерами. Они даны в человеческий рост и в кадре почти оживают, как это будет впоследствии в живописи Тышлера с куклами, чучелами и масками.

А как хорош Михоэлс – Лир, горделиво снимающий с себя корону и отдающий меч, который ему подносит придворный, а он примеривается этим мечом к его шее!

Наконец-то увидела то разрушенное молнией дерево, на фоне которого проходит сцена бури. Некоторым современникам декорация второго акта казалась бедной. Мне она понравилась очень.

Невыразимо прекрасна последняя сцена со смертью Корделии. Интересно, что персонажи шевелят губами, но звука мы не слышим. В театре был текст на идише. Но кадры говорят, что текст не обязателен, столь выразительна мимика, позы, жесты персонажей. Прощальный жест руки Лира ... Мне кажется, я видела его у своего дожившего до глубокой старости дедушки, многие годы продававшего в калининском (ныне – тверском) парке газированную воду с вкусным вишневым сиропом, певшего за общим столом без слов какие-то древние песнопения.

В еврейский театр ходили не только евреи. Это со всей очевидностью понимаешь, когда кадры из «Короля Лира» сменяются кадрами похорон убитого властью Михоэлса. Огромная толпа встречает тело на Белорусском вокзале. И потом его несут по запруженным народом улицам. Какие-

то очень современные ассоциации возникают. Народный герой!

Поистине, нам показали вершины еврейской культуры в России. Грустно, что этого сейчас нет. Но, как советовал Василий Жуковский, нужно быть благодарными, что это было.

Часть 3.
РОССИЯ И АМЕРИКА

Саша Немировский
Сан-Франциско, США

Ботаника

Калифорния – как ботанический сад.
Весь двор похож на отряд,
Набранный из разных широт.
Тут растет алыча из вяза, а в рот
Попадает яблоко. Птицы клюют черешню.
Наоборот
В январе плодоносит вдруг апельсин.
И конечно,
Из известных лесин –
Красное дерево, эвкалипты, сосны.
Но нет осин.
Лиственниц и остального, что не выносит солнца.
Но я прижился. Одеревенение
Происходит почти органически. Ему сопутствуют
Редкие приступы вдохновения,
Но больше помогает его отсутствие.
Только деревья чуть примиряют со временем.
Для секвойи тысяча лет – обычное дело.
Многие много старше.
А мы, кратко живущие, как умеем,
Набиваем свежую память строчками на бумагу.
Иногда раскрашиваем
И так потом оставляем.
В наглую.
Потому что не можем жить в рамках предела.
Да здесь прорастает все. Лишь бы была вода.
Так человеку удастся какая-нибудь карьера,
Едва найдется работодатель труда,
Тогда все равно, что делать
– долбить ли стену карьера

Или мелом
Писать на доске, повернувшись спиной к классу.
Года
Собираются в плотную массу
И сливаются в, конце концов, просто в один.
Существуя, плодонося
В этой древесной толпе,
Медленно распускаясь цветком седин,
Иногда хочется мерзнуть в краю осин
И бежать по тайге, ничего дождям не простя.

2013
Калифорния

Джудит Виорст в переводе
Галины Ицкович
Нью-Йорк, США

Посмертное

Возвращаясь с мужем домой с вечеринки,
я подумала, не упомянуть ли тактично,
что перебивать некрасиво, и что
размахивать руками не надо, и что
кричать, обсуждая политику, неприлично,
и что некоторые истории за столом неуместны, и что
одну и ту же шутку повторять годами невозможно, и что
кошмарная дама в красном оказалась хозяйкой дома,
и высказываться на ее счет
было как минимум неосторожно,
и что второй кусок торта был ему совершенно не нужен, и
что
шестой бокал шардоне был излишним,
но за тридцать лет брака
я наконец понимаю, что не нужно
обсуждать с мужем по дороге домой с ужина.

Postmortems

On the way home with my husband from the dinner party,
I thought I'd very tactfully point out
That he shouldn't interrupt, and that
He shouldn't talk with his hands, and that
He shouldn't, when discussing politics, shout.
And that he shouldn't tell that story while people
are eating, and that
He shouldn't tell that joke for the rest of his
life, and that
He shouldn't have said when he said about that
terrible lady in red because

She happens to be the-person-he-said-it-to's wife.
And that he didn't need that second helping of
mousse cake, and that
He didn't need to finish the Chardonnay.
But after thirty years of marriage
I finally understand what not to say
On the way home with my husband from a
dinner party.

Это дебют переводчицы Галины Ицкович у нас в журнале. Предлагаем читателям небольшое интервью с дебютанткой.

ИЧ. Почему именно Джудит Виорст вы решили переводить?

ГИ. Мне нравится ее ироничный и рациональный взгляд на отношения, на жизненный цикл, на сугубо женские темы. Я, кстати, ее коллега и безусловно ценю то, как ее профессиональная жизнь переплетается с литературной.

Конечно, я перевожу и многих других авторов – Б. Коллинза, Д. Паркер, Р. Бротигана, Ч. Буковски и т. д.

ИЧ. Что скажете об этой поэтессе, кроме того, что она психоаналитик и живет под Вашингтоном?

ГИ. Джудит Виорст в феврале исполняется 84 года, но она продолжает активно работать в области психоаналитических исследований, журналистики и литературы. Она пишет в уникальной манере, объединяя психологию, художественную литературу и мемуары под одной обложкой. Ее книги для детей широко известны (лучшая – «Александр и ужасный, кошмарный, нехороший, очень плохой день»). Другой популярнейший проект – это книжки иронических стихов, посвященные женщинам определенных возрастных групп. Она выпустила семь таких

книжек; последняя называется «Неожиданно 80». В 2011 году Джудит Виорст получила премию Национального Центра Исследований по Вопросам Здоровья.

ИЧ. В присланной в ЧАЙКУ подборке одно из стихотворений Джудит Виорст вы перевели привычным для русского уха стихом – рифмованным пятистопным ямбом, прочие же – свободным стихом. Так было и в оригинале?

ГИ. При переводе я постаралась сохранить особенности текста и авторской схемы рифмовки. Английский стих характерен полурифмами и аллитерациями, но в первом стихотворении подборки действительно присутствует знакомый размер, ямб. Мне кажется, что автор, используя классический размер, стремился к комическому эффекту.

ИЧ. Не пробовали вы сами писать стихи? Вы ощущаете себя поэтом или поэтом-переводчиком? Что для вас интереснее?

ГИ. Ни в коем случае нельзя бросать писать стихи на русском, – утратишь чувство поэзии как таковое. Я пишу стихи и рассказы, понемногу публикуюсь. Мне кажется, переводы учат организации, вообще как-то дисциплинируют то, что я пишу сама. Прикоснуться таким образом к хорошим стихам очень приятно. Перевод затягивает, это увлекательно, как детективное расследование. Также переводы дают мне возможность познакомиться других с любимыми моими стихами.

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

Внимание: наркомания

Почему наши дети могут стать или уже стали
наркоманами?

Почти каждый день в средствах массовой информации США появляются сообщения о новых жертвах разного

рода наркотиков. Молодые люди попадают в больницы, некоторые погибают. Ночью в канун последнего воскресенья февраля 11 студентов университета «Уэсли» в штате Коннектикут оказались в больнице с подозрением на передозировку модного у молодёжи наркотика-стимулятора под названием «Молли». По сообщению врачей, двое студентов поступили в критическом состоянии, ещё двое – в тяжёлом. Молли – это новое название всё того же печально известного экстази, синтетического стимулятора центральной нервной системы метилendioкси-метамфетамина или, сокращённо, МДМА. Этот препарат похож одновременно на амфетамин и галлюциногенный мескалин. Молли молодёжь часто принимает в клубах, на музыкальных фестивалях, на концертах популярных музыкальных групп, на танцевальных и прочих тусовках, в студенческих городках. В 2013 году в Нью-Йорке из-за приёма таблеток молли умерли двое студентов и четверо были госпитализированы. Из-за сверхдозы молли пострадали зрители музыкально-танцевальных концертов в Бостоне, Сиэтле, Майами, Вашингтоне. В Бостоне и в Вашингтоне тоже были смертные случаи. Эксперты выступают против такого понятия, как «передозировка», потому что приём этого стимулятора опасен в любой дозе. Проблема в том, что почти 90% этого синтетического наркотика поступает в США из Китая, где состав таблеток не соответствует американским клиническим нормам. Но МДМА даже американского производства нельзя назвать безопасным. Он вызывает эйфорию, ощущение полного счастья, галлюцинации, стимулирует приток крови к мозгу и к сердцу, что может привести к инсульту, к инфаркту и даже к смерти.

По мнению некоторых русскоязычных врачей и фармацевтов, почти каждый второй русскоязычный подросток, живущий в Нью-Йорке, пробовал те или иные наркотические препараты. В одном реабилитационном

центре под Нью-Йорком из группы в 87 наркоманов половина состоит из русскоязычных молодых людей от 16 до 25 лет. Начинают обычно в 14. Переломный возраст 18-19 лет. В 20 уже законченные наркоманы. Цифры о том, сколько излечиваются в центрах, как правило не оглашаются. Государство выделяет на лечение каждого подростка по 30 тысяч долларов. Что-то доплачивает семья.

По признанию официальных лиц (VA Police Chief Albert Aviles), наркомания в США превратилась в общенациональную эпидемию, которую нельзя игнорировать. Самую большую опасность наркотики представляют для подростков и молодых людей от 13 до 25 лет.

Статистика: каждый десятый подросток пробовал тяжёлые наркотики. Вероятность того, что подростки, пьющие алкогольные напитки, нюхают кокаин, в 50 раз выше, чем у непьющих подростков. Наркомания среди подростков, с которыми родители регулярно говорят об опасности наркотиков, меньше на 42%, чем у подростков, с которыми родители не говорят на эту тему. Более 60% подростков покупают, получают или хранят наркотики в школе. Почти каждый третий подросток знает одноклассника или друга, который принимает наркотики (экстази и др). 15% учеников старших классов (от 10-го до 12-го) принимают амфетамин. Примерно 1 миллион 800 тысяч подростков от 12 лет и старше регулярно прибегают к кокаину. К сожалению, подростки из русскоязычных семей – не исключение. Мы не знаем точно, каков процент наркоманов в русскоязычной общине Нью-Йорка, но судя по тому, что почти у каждого есть знакомая семья, в которой столкнулись с этой проблемой, можно говорить об очень большом количестве. Это объясняет интерес к беседам, которые проводит дважды в месяц общественная организация Be Proud Foundation совместно с футбольным клубом «Черноморец». Основной спонсор этой программы

– Комитет Ассамблеи штата Нью-Йорк по борьбе с алкоголизмом и наркоманией.

В спортивном клубе на углу Авеню Y и Макдональд Авеню в Бруклине перед родителями, ожидавшими, пока дети закончат тренировку по футболу, выступили сержанты нью-йоркской полиции Энтони Каджиано и Юрий Чуйко, частный детектив Роман Хайкин, и сотрудник бруклинского еврейского центра «Кингсбэй Y» Вадим Щиглик.

Они говорили о том, что в борьбе с наркоманией среди русскоязычных подростков главная роль принадлежит не прокуратуре, не полиции, и даже не школе, а семье. В наше время самый доступный, а потому самый популярный наркотик – это обезболивающие и психотропные лекарства. Поэтому первый совет: закрыть детям и подросткам доступ к домашней аптечке, где хранятся лекарства родителей, бабушек и дедушек. Второй совет: хорошо знать, с кем дети дружат в школе и вне школы, кому звонят, с кем обмениваются электронными посланиями.

– Вы должны взять под контроль круг общения ваших детей, – говорит Роман Хайкин.

По словам полицейских Энтони Каджиано и Юрия Чуйко, первыми признаками неблагополучия является изменение в поведении подростка: проявление неуважения к родителям, пропажа денег, поначалу небольшой суммы, ювелирных украшений, аппаратуры и всего того, что можно легко продать. Сигналом опасности служат необъяснимые пропуски школьных занятий.

Энтони Каджиано:

– Если вы видите свою 13-летнюю дочь или 14-летнего сына с 20-летним парнем, то подумайте, могут ли у них быть общие интересы? А если могут, то какие?

Юрий Чуйко:

– Если у вас в домашней аптечке есть антидепрессанты или болеутоляющие лекарства, то вы должны точно знать, сколько там таблеток или капсул. Ведите им счёт, чтобы

вовремя заметить пропажу. Такие лекарства дети могут принимать сами либо продавать в школе или на улице.

По мнению участников этой беседы, в подавляющем большинстве первое знакомство с наркотиками происходит в школе. Именно там дети узнают, у кого можно получить наркотик, на каком углу и кто их продаёт.

– Попробуйте как можно скорее выяснить, кто этот новый, неожиданно появившийся знакомый вашего ребёнка, – говорит Роман Хайкин. – Но делать это надо не грубо, ибо испортив отношения с сыном или дочерью, сделав конфликт ещё глубже, вы ничего не добьётесь.

– Старайтесь, чтобы дети не были в доме или в квартире одни, – предупреждает сержант Каджиано. – Если они знают точно, что в определённое время папа, мама и другие члены семьи на работе или уехали в отпуск, то они могут привести друзей и устроить вечеринку с наркотиками. И ещё: помните, что по закону штата Нью-Йорк, за преступление, в том числе за распространение и хранение наркотика, подростка от 16 лет можно судить как взрослого. И если у человека есть судимость, есть история арестов, то его карьере конец. У наркомана, оказавшегося перед судом, есть выбор: либо в тюрьму, либо на лечение от наркомании. Если недолечился, ушёл с программы раньше срока, то – в тюрьму.

Все эксперты в один голос советуют как можно плотнее занять досуг подростка спортом, дополнительными уроками, конструированием, музыкой, театром, чем угодно, чтобы свободного времени не оставалось.

Вадим Щиглик рассказал, что в еврейском центре «Кингсбэй Y» есть специальная программа для детей и родителей по превентивным мерам от наркомании у подростков.

Фармацевты на Брайтон-Бич хорошо знают, что наркоманы идут в аптеку один за другим в пятницу после 5-6 вечера, чтобы фармацевт не мог дозвониться до врача и проверить подлинность рецепта. Чтобы получить

по рецептам максимальное количество, то есть до 160 обезболивающих таблеток, наркоманы имитируют тяжёлую болезнь и боль: приходят с палочкой, хромают, даже один другого везёт на инвалидной коляске, а уходят из аптеки как здоровые.

По инициативе общественной некоммерческой организации *We Proud Foundation* при поддержке Комитета Ассамблеи штата Нью-Йорк по борьбе с алкоголизмом и наркоманией, за круглым столом собрались те, кто либо прямо или косвенно стал жертвой эпидемии, либо участвует в борьбе с этим злом. Мой первый вопрос к собравшимся:

– Насколько острой, на ваш взгляд, стала эта проблема для русскоязычных семей?

Елена Берг, которая прошла со своей дочерью все круги наркотического ада, ответила:

– Проблема очень острая для нас. Одна из причин – языковой барьер. Дети, которые становятся наркоманами, легко манипулируют родителями, ибо умело пользуются недостаточным знанием английского у родителей, а тем более у бабушек и дедушек. Такие дети умело обманывают, говоря полуправду. Они хорошо знают, что родителям хочется услышать, и говорят именно это. А родители покупаются: как же не верить родному чаду! В русскоязычных семьях дома говорят на русском языке. Родители чаще всего не знают уличного сленга, на котором подростки разговаривают между собой. И вот первый совет для родителей: необходимо выучить этот сленг, и если не говорить на нём со своими детьми, то хотя бы понимать их язык. Это даст ключ к названиям наркотиков на сленге и поможет распознать опасность как можно раньше.

Артур Гершфельд, бывший прокурор, а ныне адвокат по уголовным делам:

– Примерно, половина моих подзащитных, интересы которых я представляю в суде по делам, связанным с наркотиками, это молодёжь из русскоязычных семей.

– Артур, эффективно ли борется с распространением наркотиков закон и правоохранительные органы, если эпидемия растёт? Не слишком ли либеральны законы по отношению к наркодилерам? Арестовывают на улице, но в дом к торговцу не заходят?

– Торговцы наркотиками, как правило, сами наркоманы, то есть они преступники и одновременно жертвы. И ещё у них тоже есть мамы и папы, бабушки и дедушки. Это легко сказать: «Давайте всех уличных торговцев наркотиками посадим в тюрьмы, и проблема будет решена». Это не так. Им тоже нужна помощь врачей, воспитателей и даже адвокатов. Наркоманов надо лечить. Но американский закон не разрешает лечить насильно. Совершеннолетнего наркомана нельзя отправить на лечебно-воспитательную программу против его воли. Решать проблему надо вместе с его семьёй, если она хоть как-то может влиять на этого человека, и одновременно, если за дело берётся опытный адвокат, можно через суд добиться более жёсткого ответственного контроля родителей над наркоманом, сыном или дочерью. Альтернативой может стать тюремное заключение по обвинению в распространении наркотиков.

– Елена, как и где началась история вашей дочери? В чём, вы считаете, упущение родителей?

– Я не заметила вовремя, потому что я не могла поверить, что это может произойти в нашей семье. Я сама не была знакома с проблемой наркотиков, и среди моих знакомых таких людей не было. Я думала, что наркоманом становится тот, у кого в семье уже есть наркоманы. Мне даже в голову не могло прийти, что девочка, тем более моя дочь, может стать наркоманкой. Когда у неё начались проблемы, когда она стала конфликтовать со мной и с другими членами семьи, я списывала это на подростковый возраст и ждала, что она перерастёт этот переходный период. Трудность была ещё и в том, что изменения у дочери происходили плавно, не резко... Может быть я не увидела проблемы,

потому что не хотела видеть. Я объясняла себе её поведение тем, что, может быть, она устала, что у неё просто плохое настроение, что в школе что-то не получается, поссорилась с подружкой... В принципе, изменения начались, когда она перешла из средней школы в старшую. Я думала – ей тяжело в новой школе.

– Какие именно наркотики она употребляла?

– Сначала антидепрессанты. Потом я узнала, что такие дети, как моя дочь, начинают с того, что жалуются на депрессию и просят отвести их к психиатру. Вот один из первых сигналов. Врач выписывает антидепрессанты, такие как ксанакс, потом обезболивающее перкосет (оксикодон). Когда ребёнок на них подсаживается, тогда он ищет более сильнодействующие таблетки. Чаще всего такие таблетки можно найти в домашних аптечках родителей или бабушек и дедушек. Такие таблетки дети несут в школу и продают другим детям.

– Значит, родителям надо следить не только за собственной аптечкой, но и за школьными друзьями и знать всех, с кем ваши дети общаются?

– Безусловно. Наркоманом не становятся в одиночку. Начинается в компании, чтобы быть, как все, и чтобы все это видели. Подросток не запирается в ванной, чтобы принять таблетку.

В печати достаточно информации о наркотических препаратах и их названиях, как медицинских, так и сленговых. «Крокодил» – это дезоморфинтоксичная самодельная синтетическая субстанция, заменяющая героин, состоит из кодеина в смеси с жидкостью для зажигалки и с промышленным очистителем, – из России перекочевала в Америку. Кожа на участке инъекции становится серо-зелёной, омертвевшей, может вызвать гангрену и ампутацию. «Кофеиновый порошок». «N-Bomb» – синтетический галлюциноген типа LSD или мескалина. Его называют также «Legal acid», «Smiles», «251». Бывает в виде порошка

и жидкости. Сильнее, чем LSD. Маленькая доза может привести к инфаркту и даже к остановке дыхания. «Syjur», «Purple Drank», «Sizzurp», «Lean» – это выписанный врачом сироп от сильного кашля, содержащий кодеин и прометазин. Сироп смешивают с содовым напитком. Популярен с конца 90-х. Риск повышается, если принимается с алкоголем. Оксикодон. Он же Перкодон, Перкосет, Тилокс, Роксицет, Роксикодон, Эндоцет, Виколен или Викодин, Гидрокодон, Гикодан, Оксикодон с толинолом (действует как морфин). Оксиконтин, популярный у американских подростков, развивает сильную зависимость.

У русскоязычных свои уличные названия: Катюха, Кода, Пендальпомидор, Пончик, Пурун, Пульман, Калики, Карпик, Лепёшки, Моргалики, Нокс, Оторва, Зерногатугустрица, Дёмик, Дементий, Окси, Колёса...

Мы продолжаем разговор за круглым столом.

Адвокат Артур Гершфельд:

– Борьба с подростковой наркоманией невозможно без посторонней помощи. К этому надо подключать всю семью, школу, полицию, врачей, частных детективов, фармацевтов, родственников, соседей. Все средства хороши для спасения ребёнка.

Елена Берг:

– Есть немало случаев, когда спасти ребёнка не удаётся. Но чаще бывает, когда удётся помочь подросткам восстановиться, если они сами хотят этого.

Артур Гершфельд:

– Моя задача как адвоката часто сводится к тому, чтобы убедить и подростка, и его родителей в необходимости отправить наркомана в лечебно-воспитательный центр на специальную программу. Трудность в том, что семья хочет этого, а сам подросток не хочет. И это тупиковая ситуация. Бывает, наркоман идёт на программу, но, не закончив цикла, сбегает из центра, он может попасть в тюрьму. Если программа пройдена благополучно, судья может снять

обвинение. Если подросток арестован за распространение или за хранение наркотиков и если он признан виновным, родители нанимают адвоката в надежде, как говорится, «отмазать» его. И адвокат вынужден делать свою работу, даже если понимает, что обвинение справедливо. Мне жаль их. У этих детей есть своя жизнь: они могут быть студентами или школьниками, у них есть какие-то мечты, какие-то способности... Я вижу свою задачу в том, чтобы спасти такого человека от него самого, от его наркотической зависимости. По моему опыту, – продолжает адвокат Артур Гершфельд, – если родители смогли выстроить очень близкие, дружественные, доверительные отношения с детьми, если родители каждый день спрашивают ребёнка о его делах, вникают в его интересы, искренне интересуются его друзьями, это путь к предотвращению беды. Конечно, мы все очень заняты, у нас работа, у нас свои личные проблемы, но ребёнку надо уделять внимание, это первостепенная обязанность родителей, и нечего рассчитывать на школу.

– Нужно найти очень тонкий подход к своему ребёнку, – говорит Елена Берг, дочь которой прошла курс лечения от наркомании. – Надо пытаться воспитать в ребёнке отрицательное отношение к наркотикам. Но как? Читать им нравоучения? Это только вызовет раздражение у подростка. В лучшем случае, он просто не будет вас слушать. Сложно удержать ребёнка от любопытства, от желания попробовать, что такое наркотик, как он действует, испытать на себе. Надо внушить ему или ей страх перед последствиями такого любопытства. В школе им говорят об опасности наркотиков. А им хочется узнать, в чём состоит опасность, и правда ли это? Моя дочь хорошо знала, что наркотики это плохо, но как плохо – не знала. И захотела узнать. Каждый будущий наркоман сначала уверен в себе и думает, что может остановиться в любой момент. И родители иногда так думают.

– Скажите, Артур, как проверить, употребляет ли человек наркотики?

– Например, марихуана, которая теперь во многих штатах уже не считается наркотиком, остаётся в организме, в частности, в моче 30 дней. По анализу мочи можно обнаружить и другие наркотики.

– Елена, если родителям ясно, что ребёнок стал наркоманом, к кому надо обратиться за помощью в первую очередь?

– Только не к врачу.

– Почему?

– У нас стало хуже после посещения врача. Нужно найти специализированный центр помощи наркоманам. Врач этого не сделает. Чем дольше длится программа в реабилитационном центре, тем лучше, то есть тем больше шанс успешного лечения. Если ребёнок противится длительному лечению, советую родителям соглашаться хотя бы на 30 дней. Моя дочь не хотела идти на программу до тех пор, пока я не создала такие условия, при которых у неё не было иного выхода.

Ещё одна трудность, типичная именно для нашей общины, – это отсутствие гласности. Мы скрываем свою беду, боимся обращаться за помощью, признать своё бессилие. Но и здесь есть выход: можно обратиться к частному детективу. Вот что советует русскоязычный частный детектив Роман Хайкин:

– Я уже 15 лет занимаюсь частной практикой, и самые тяжёлые для меня случаи, когда родители просят проследить, наркоман ли их сын или дочь, кто его друзья, кому он продаёт вещи из дома, у кого покупает наркотики. Мне эмоционально тяжело заниматься этим, поскольку я вижу страдания и слёзы родителей. Наши частные детективы должны в рамках закона собрать нужную информацию и предоставить её клиенту. Я не обязан делиться такой информацией с правоохранительными

органами, с полицией, с прокуратурой. Если мы выявляем в круге общения подростка того, кто торгует наркотиками, то решение о том, как распорядиться такой информацией, принимает наш клиент, то есть родители наркомана.

Врач-терапевт Сюзен Левит осуждает тех своих коллег, которые с лёгкостью выписывают подросткам рецепты на получение сильно действующих психотропных препаратов:

– Некоторые врачи дают рецепты в расчёте на то, что этот юноша или девушка станут их постоянными пациентами. Для такого врача деньги важнее здоровья и жизни человека. Такое поведение преступно. К счастью, таких врачей мало.

– Есть ли у человека генетическая, наследственная предрасположенность к наркомании?

– Генетики тут нет. Но влияние семьи есть. Обстановка в семье, атмосфера любви и заботы друг о друге – вот что влияет на ребёнка и служит ему примером. Родители должны воспитать в своих детях доверие к ним, желание делиться своими проблемами. Разрыв связей между детьми и родителями, отчуждённость – вот что рождает в подростковом возрасте желание уйти, забыться, найти кайф вне семьи. Когда подросток не может быть откровенным дома, не может посоветоваться с родителями, он идёт к «друзьям».

– Доктор, как наркотики действуют на организм подростка?

– Наркотики опасны тем, что они проникают в центральную нервную систему и оказывают влияние на мышление, на быстроту реакции, на принятие решений, на восприятие реальности. Естественно, наркотики влияют на функции печени, почек и так далее. Например, кокаин вызывает даже у молодых людей сильнейшую боль в сердце. В 22-25 лет такой человек может получить инфаркт.

– Привыкнуть к наркотикам можно довольно быстро, – говорит Роман Хайкин. – Поэтому очень важно забить тревогу при появлении самых первых признаков. Лучше перестраховаться, чем опоздать. Такими признаками может быть пропажа лекарств из домашней аптечки, пропажа денег, резкая смена настроений, пропуск занятий в школе, враньё,

нежелание говорить с родителями. Это не обязательно признак наркомании. У меня был такой случай. Оказалось, что мальчик замкнулся потому, что старшеклассники вымогали у него деньги. Он для них воровал из дому, потому что парней боялся больше, чем родителей.

– Да, – говорит Сюзен Левит, – страхи желания спрятаться, уйти от проблем в фантазии, в галлюцинации тоже может привести к наркомании. Не криком, не скандалом должны родители удержать подростка, а решительной и конкретной помощью. Отстаёт в школе? Нанять частного преподавателя. Ему скучно? Занять спортом, искусством, путешествиями, коллекционированием. У тебя проблемы? Какие, мы поможем. Вот что должны говорить и делать родители. Подросток становится агрессивным от беспомощности. Родители не имеют права отвечать агрессией на агрессию. Не задаривать сына или дочь машиной, дорогой модной одеждой, а важнее просто разговор по душам, скажем, за обедом, за ужином, на прогулке, перед сном. На детей надо тратить своё время.

...Хочется верить, что разговор о наркомании в русскоязычной общине натолкнёт тех, кого коснулась эта проблема, на более активный поиск выхода из трудного положения, на поиск помощи у специалистов, на выбор соответствующей реабилитационной программы.

...Разговор о наркомании среди русскоязычных подростков и молодёжи будет продолжаться, пока тема не потеряет актуальности. А это, к сожалению, произойдёт не скоро.

Альберт Маковоз
Стэмфорд, Коннектикут, США

Подводя итоги

Размышления русского американца

Мы решили опубликовать эту полемическую статью, при том что во многом не разделяем критического

пафоса автора в отношении Америки. Первоначально мы думали противопоставить заметкам Альберта Маковоза спокойный и взвешенный ответ по существу его критических замечаний. В итоге пришли к выводу, что каждый читатель сам сумеет – или найти свои возражения для доводов автора, или согласиться с ними.

Much of the social history of the Western world, over the past three decades, has been a history of replacing what worked good with what sounded good.

Thomas Sowell

Социальная история Западного мира последних трех десятилетий, это история замены того, что работало хорошо, на то, что звучало хорошо.

Томас Соуэл

Справка: Thomas Sowell-черный и не подлежит тесту на политкорректность.

Цель этих заметок дать читателю возможность понять смену моих настроений за 35 лет жизни в Штатах от восхищения до почти полного неприятия. Я думаю, что есть достаточное число эмигрантов из Союза, которые в той или иной мере разделяют мои чувства, как и отдаю себе полный отчет в том, что найдется еще большее число тех, кто видят и чувствуют себя в Америке иначе. Так подсказывает опыт моего общения в кругу многочисленных новоприобретенных друзей. Это лишь канва того, что я хочу сказать. Хочу надеяться, что мне удастся более объемно осветить наиболее острые моменты моей жизни в Америке в недалеком будущем.

Я эмигрировал в США в 1980 году. Мой маршрут в Союзе был таким: Вильнюс, Литва 1948-1950, Кривой Рог, Украина, 1950-1964, Минск, Беларусь 1964-1978, снова Вильнюс, Литва 1978-1980. С 1980 года живу в Стэмфорде, Коннектикут. По образованию-математик, по профессии-программист. Трое детей от двух браков: дочери – 42 года, сыновьям 21 и 11 лет. Начал работать через два месяца после приезда.

Встречавшие меня в аэропорту JFK совсем свежие эмигранты предупредили: «Никаких разговорах о политике и религии». Мне это показалось несколько неожиданным, но общая эйфория от приезда в Америку отвлекла меня от дальнейших размышлений на эту тему. И по сей день я это предупреждение неуклонно исполнял. Я ни разу не был свидетелем того, чтобы «аборигены» заводили эти разговоры на рабочем месте, а вне работы я с ними практически не общался. Разговоры о политике, культуре в Союзе были неотъемлемым атрибутом любого интеллигентного общения: и на работе, и на кухне. Это делало рабочий день короче и несравненно интересней. Как и отсутствие флирта на рабочем месте, задушенного прошедшей волной «sexual harassment», сделало работу уже совсем скучным делом. Пусть и хорошо оплачиваемым. Постепенно я также осознал, что, если у тебя есть свое мнение, не совпадающее с мнением большинства, то ты «opinionated», термин, имеющий откровенно негативный характер. Как и если ты пытаешься, даже в очень мягкой форме, отстоять свою позицию, то ты «aggressive» с тем же негативным оттенком значения. Так установилась форма тотальной «мягкой» цензуры под названием «политкорректность». Люди на всех уровнях социальной лестницы теряли свою работу, высказывая свое отношение к разным и далеко неоднозначным явлениям. Как например, к однополым бракам. Ну, а если сказать что-нибудь не восторженное о

противоположной расе (т.е. черной, о белой можно) – кара будет беспощадной. Нужны примеры?

По приезду я считал, что самые интеллигентные люди в Америке – это продавцы (sales people). По манере одеваться, галантности, дружелюбию и отличному английскому. В результате я купил страховку жизни для здорового семилетнего ребенка, как и сделал много других столь же диких покупок. Я также пришел к выводу, что выражение «will be in touch» это вовсе не обещание, а простая «галантность». И отучился хватать собеседника за пуговицу при словах «How are you?». Правда, восклицать с притворным радушием «Hi, Kevin!» я так и не научился.

Так уж получилось, что моим первым боссом, с которым я работал почти 15 лет и который в один день удвоил мою зарплату через 4 месяца после начала моей работы, оказался человек исключительный, из числа американской аристократии. На мое первое интервью он самолично приехал ко мне домой, и мы разговаривали под шум оконного кондиционера. Общение с ним дало мне, как дальнейшая моя карьера показала, абсолютно ложное представление о реальном корпоративном положении трудящихся. Впрочем, и времена были другие. Ложным в оценке действительности, как дальнейшая ассимиляция показала, было и время Рейгана, особенно на фоне кремлевских маразматиков 70-80 годов. Но опять-таки, частная жизнь была насыщена установлением новых дружеских отношений, путешествиями по стране и за рубежом в безвизовом режиме. В общем и целом – жизнь удалась.

*«You can't make a weak man strong by making a strong
man weak»
Abraham Lincoln*

*Нельзя сделать слабого сильным, делая сильного
слабым.*

Авраам Линкольн

Дочь посещала частную еврейскую школу, человеком была ответственным, училась отлично. Необходимости знакомиться с постановкой образования у меня не было. Думаю, что если бы я в те годы и стал в это вникать, то, видимо, больших изъянов не обнаружил бы. Сыновья же оказались людьми безответственными, хотя и очень способными. Но, видимо, 20 лет прошедшие с 1980 до 1999 года, нанесли серьезный урон делу народного образования в Стэмфорде, одном из очень дорогих и, предположительно, хороших городов Америки. То, что я увидел, не могло оставить меня равнодушным. Ориентированная на дебилов программа обучения (в первую очередь по точным наукам), отсутствие оценок в начальной, а с недавнего времени и в «средней» школах – не дай бог расстроить хрупкий детский организм! А на самом деле, с целью скрыть факт, что «социально обделенные» не дотягивают до необходимого интеллектуального уровня. Атмосфера «чиерлидерства» в классе, развращающая наших детей, делающая их нетерпимыми к любой критике, соединение в одном классе детей с очевидной, радикальной разницей в уровне подготовки и среде обитания. Домашние задания на 10-15 минут. Мало того, что я, как домовладелец, плачу городские налоги (из которых составляется бюджет городских школ) и тем самым оплачиваю образование детей, родители которых находятся на содержании государства, так еще и за мой счет детей из «неблагополучных» районов города везут через весь город в нашу школу, находящуюся в «благополучном» районе. Я искренне не против того, чтобы в школах «неблагополучных» районов классы были меньше и подбирали лучших учителей за деньги, сэкономленные на транспорте. Не говоря уже о том, что эти поездки отнимают,

по меньшей мере, час у этих детей. Но попробуйте заикнуться об этой идее. Задумайтесь над этим.

Частые вызовы в школу по поводу проблем с поведением старшего сына, а также регулярные teacher-parent conferences, да и просто знакомство с учителями, позволило нарисовать довольно неутешительную картину качеств людей, которым мы доверяем самое дорогое, что у нас есть. В массе своей – какие то унылые, усталые люди. Когда в 3-м классе я первый раз пришел на родительское собрание в школе и увидел учительницу, мне стало дурно. Учительница, дама неопределенного возраста, с многократно проколотыми ушами и ноздрей, не способная без кривляний произнести двух слов! И с этим человеком мой сын должен общаться целый день. Вернувшись домой, позвонил моей знакомой (русской), учительнице старших классов в соседнем городе. Что делать????! Она: «Сиди, помочь не сможешь, а навредишь – 100%».

Так уж получилось, что в 5-м классе у моих ребят была одна и та же учительница, заметно отличная от остальных. Хотя бы тем, что она была Doctor of Education, да и в целом у нее была выработана особая форма организации класса. Десять лет тому назад ей позволили отобрать в класс способных детей из 4-х классов школы, что, разумеется, сыграло на пользу детей (и страны в целом). Когда же через 10 лет мой младший попал в ее класс, такую роскошь, как отбор способных детей, ей уже не позволили. В результате, в одном классе оказались дети разного уровня подготовки. И поэтому ей пришлось внутри класса разделить детей по цветам (упаси бог – кожи!): зеленые, голубые, фиолетовые – по каждому из предметов. Тем самым утраивалась ее нагрузка, поскольку детям нужно было готовить три домашних задания; а как она могла учить три «потока» в одном классе, для меня остается загадкой.

Стоит ли удивляться, что на моем последнем месте работы из 70 человек IT персонала, 4/5 были индусы, несколько русских (в главных ролях) и китайцев – и ни одного коренного американца!

Несколько лет тому назад одна моя знакомая в Стэмфорде организовала группу озабоченных русских родителей (куда и я ненароком был тоже зачислен) с намерением надавить на Board of Education, чтобы ввести в Стэмфордских школах передовую Сингапурскую (!) систему преподавания математики взамен отечественной Common Core. Я, к этому времени хорошо знакомый с Board of Education, был скептически настроен по поводу успеха этого мероприятия. Основным аргументом оргкомитета был факт, что Сингапурская система была с успехом принята в школах Вэстпорта и Вилтона (это города миллионеров). Моим контраргументом был факт, что демографическая картина в этих городах существенно отлична от Стэмфорда. Недавно встретил мою знакомую, поинтересовался как дела. Говорит: все нормально. Спрашиваю: что, неужели удалось протащить? Нет, говорит, мы переехали в Вэстпорт.

Неудивительно, что 50% Силиконовой долины – это «русские» или дети «русских», что 85 % новых Старт-апов это опять новые эмигранты или их дети.

Смена правительств – Буш старший, Клинтон, Буш младший и сопутствующие им дебаты – казались мне делом скучным, национальные новостные телевизионные программы, заикленные на Америке, были исключительно и причудливо глупы и по тематике, и по освещению каких-то незначительных событий. Мелкие скандалы, сопровождавшие правление этой троицы были мне мало интересны, как и сами личности. Затем все больше и больше

опережающими темпами на телевидении стали появляться лица, отражающие быстро изменяющийся демографический ландшафт страны. Появились бойкие, резкие, наглые молодые люди, отражающие быстро изменяющийся культурный ландшафт страны. В конце концов появились и подонки типа Ала Шарптона и Джэси Джексона. Сколько раз, смотря эти передачи, я задавал себе вопрос: как надо не уважать свой народ, с каким презрением к нему относиться, чтобы каждый день выливать с экрана эти помои. Не замечал ни разу, чтобы кто-то возмутился.

Картина стала резко меняться с появлением Горбачева в России, с «гласностью», с развалом СССР и Интернетом. Когда дверь в Союз слегка проткрылась, я поехал туда как раз в дни неудавшегося мятежа 1991 (Вильнюс-Минск-Ленинград). Провал мятежа встретил на Дворцовой площади в Ленинграде. Был рад видеть возбужденные лица моих бывших соотечественников. Кстати, это был первый раз, что я был в России (если не считать семейных поездок в Крым, до того как его отдали Украине). Второй раз я был в России в 1993 году и, находясь в Москве, был госпитализирован и прооперирован с прободением язвы в Боткинской больнице в Москве. И как раз в том отделении, куда привезли Ленина после покушения на него, о чем свидетельствовала мемориальная доска, под которой я курил. В 2007 году у меня нашли рак легких, я был оперативно оперирован, 1-я стадия, химии и радиации не потребовалось. Но легкие были крепко изношены (эмфизема). Я проработал еще год и вынужден был выйти на инвалидность. С тех пор я был многократно госпитализирован в единственном в нашем городе госпитале. С каждым разом стал замечать, что персонал – и сестры и врачи – очень быстро темнеют. Соответственно, и качество ухода стало на уровне слаборазвитых стран. Вызвать сестру, допроситься, чтобы тебе что-то дали или сделали, стало практически

невозможно. Только тогда, когда меня кто-нибудь навещал, мне удавалось чего-нибудь добиться. Так, последний раз, в январе этого года, когда я попал в госпиталь, я привез с собой балон с кислородом (на котором я нахожусь 24/7 уже два года). К нему подключен короткий шланг, метр-полтора длиной. Этот шланг они подключили к своей системе кислородной подачи, когда я лежал в Emergency. Через пять часов меня, наконец, определили в палату с тем же шлангом. Я попросил моего темнокожего мед-брата дать мне длинный шланг, чтобы я мог свободно дойти до туалета. У него вскоре началась пересменка, шланга я не увидел. Пришла новая темнокожая сестричка. Попросил ее. С тем же результатом. Слава богу, что у меня был мой баллон и я мог встать, отсоединить шланг от трубопровода, подсоединить к баллону и потом сделать все в обратном порядке. Только когда на следующий день меня навестила знакомая, мне удалось добиться, чтобы мне принесли длинный шланг. Это лишь маленький и самый свежий пример. И дело даже не в цвете кожи персонала: просто его общая культура резко понизилась. Но это характерно не только для медицины. В предыдущий раз, когда я был доставлен в госпиталь, из пяти врачей (!) которые принимали участие в моем лечении, четверо были черные и только одна – индуска. О сестрах и так должно быть все ясно. Хотя и была пара филиппинок. Приходящие врачи, почти все время разные, видят тебя в первый раз и потому ты должен кратко и четко сформулировать, почему ты здесь и на что жалуешься. При этом они разве что не дрыгают ногами, настолько ты их не интересуешь. Прочитать твою историю болезни у них, разумеется, времени нет. С некоторых пор твой терапевт навещать тебя в госпитале уже не может. Вместо него есть новая должность-hospitologist, т.е посредник между больным и терапевтом. Я вынужден был бежать, не хотелось кончать свои дни в этом месте. Но состояние мое не улучшалось, и я позвонил своему терапевту: что делать? Он посоветовел

мне ехать в соседний город – Гринвич – один из богатейших городов Америки. Что я и сделал. Что я могу сказать? День и ночь во всех смыслах этого сравнения. Надолго ли? С преобразованием медицины в стране евреи перестали идти в доктора. Не верите? Возьмите «Yellow Pages» 20-летней давности и нынешние, сравните..

Как заметила одна моя знакомая: люди стали меньше улыбаться... К чему бы это?

Я уверен, что экономическую коррупцию можно в целом искоренить введением эффективного законодательства и созданием нетерпимого отношения к ней в обществе. Духовная же коррупция в Америке, как наш советский опыт подсказывает, искореняется намного более болезненно и совсем другой ценой.

Я серьезно болен, вряд ли успею узнать...**Абсолютно чужая страна, абсолютно чужие люди, абсолютно чужая (нет – чуждая) культура.**

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес, США

Две киорецензии

К Черному морю на «Черной вдове»

Новый приключенческий триллер с таким близким для нас названием – «Чёрное море» («Black Sea») вышел в прошлом месяце в кинотеатрах Великобритании, а в самом конце января – в России и США. Именно эти три страны приняли участие в его производстве, при главенствующей роли Англии.

Что касается России, то тут не обошлось предоставлением своей территории для съемок. Почти половина основных

персонажей фильма – известные российские актеры. Таким образом, в одной связке с Джудом Лоу, Беном Менделсоном, Дэниэлом Райаном и Скотом Мак-Нэйри сыграли Григорий Добрыгин (Морозов), Константин Хабенский (Блэки), Сергей Пускепалис (Зайцев), Сергей Колесников (Левченко) и Сергей Векслер – радист. И персонажами всех пятерых были именно русские парни.

Нужно сразу оговориться, что сюжет «Черного моря» не связан ни с военным противостоянием, ни со шпионскими играми, ни с политическими интригами. Героев фильма можно классифицировать как интернациональную «шайку» наемных кладоискателей, потерявших голову в процессе поисков от блеска золота и жажды наживы.

Британцу Кевину Мак-Дональду, режиссёру и продюсеру фильма, в творческом содружестве с прекрасным сценаристом Деннисом Келли и знатоком своего дела оператором Кристофером Россом, удалось создать добротное остросюжетное кино с хорошей долей глубины, найти нетривиальное решение в общем-то тривиальной темы охотников за сокровищами.

Почему «удалось»? Объясню: Мак-Дональд – один из самых видных документа-листов своей страны, отличительная особенность которого – вдумчивость, достоверность, умение работать с фактическим и историческим материалом. («Однажды в сентябре», «Касаясь пустоты», «Последний король Шотландии», «Большая игра», «Марли»), имеет «Оскара» и другие премии и номинации. Но фишка в том, что он ни разу не пробовал себя в игровом кино и сразу замахнулся на крутой подводный триллер.

Так о чем, собственно, фильм?

Отставной капитан-подводник Робинсон (Джуд Лоу), 30 лет отдавший опасной и тяжелой службе на подводной лодке Королевского флота Великобритании, внезапно оказывается не у дел – бывший начальник разорвал с ним

контракт, жена ушла к другому, забрав ребёнка. И теперь у него нет ничего – ни семьи, ни работы, ни заработка.

И тут к Робинсону поступает предложение от таинственного нанимателя собрать и возглавить команду для поиска сокровищ Третьего рейха, покоящихся на дне Чёрного моря – в нацистской субмарине, затонувшей в годы Второй Мировой Войны. Действовать нужно тайно, не привлекая к себе внимания, под носом у российского Черноморского флота, но игра стоит свеч. Ведь речь идет о золотых слитках на сумму 182 миллиона долларов, о существовании которых российское правительство даже не догадывается. Заказчик пообещал 60 процентов добычи оставить кладоискателям в виде вознаграждения. Как выяснится позже, то была циничная «подстава».

Робинсон не задумываясь соглашается, так как ему нужны деньги и он жаждет свести счеты со своим бывшим работодателем. Он набирает интернациональную команду из случайных русских и английских парней – бывших подводников, арендует в Севастополе списанную советскую субмарину и отправляется на поиски затонувших сокровищ. Однако очень скоро начинает понимать, что ввязался в авантюру, которая может дорого ему обойтись.

Несмотря на то, что действовать им предстоит на российской территории, назревающий в фильме конфликт никак не связан с политикой. Он целиком развивается в замкнутом пространстве подлодки. А начинается все с взаимного непонимания между членами тяп-ляп собранной команды, говорящей на разных языках, с несостыковки культур, привычек, традиций, включая такие, казалось бы, мелочи, как неприятие англичанами русской стряпни.

Неприязнь перерастает в открытую вражду и конфликты. Команда загодя начинает ссориться из-за дележки неубитого медведя – ведь субмарина с золотом еще не найдена. Стремление присвоить себе побольше толкает некоторых из них на преступления, цена которым

– человеческая жизнь. Внезапная авария, произошедшая на подлодке, делает их пленниками морских недр. К тому же выясняется, что не назвавший себя наниматель использовал их «в темную» и все совсем не так, как обговаривалось вначале. Теперь искатели сокровищ борются не столько за золото, сколько за выживание. Напряжение растет – как внутри подводной лодки, так и за ее пределами.

«Они под водой около месяца, – объясняет режиссер Кевин. – Этого срока вполне достаточно, чтобы исчерпать запас продуктов, удариться в панику и потерять человеческий облик». Таков вкратце сюжет «Черного моря».

Приехав с фильмом в Россию и давая многочисленные интервью, Кевин Мак-Дональд охотно отвечал на все вопросы о своих актерах, об идее фильма и его съемках. О том, например, что недалеко от Лондона, у частного коллекционера подводных лодок, им удалось найти доживавшую свой век старую, основательно проржавевшую советскую субмарину 1967 года, со зловещим названием «Черная вдова», которую и использовали для интерьеров. На ней уже не ходили в плавание – она стоит на приколе на реке Медуэй, в графстве Кент. А после того, как над ней, с согласия владельца, поработали художники-постановщики, «Черная вдова» приобрела еще более устрашающий и мрачный вид.

Понятно, что осуществить все съемки внутри узкой, тесной подлодки практически невозможно. И тем не менее – не только для достоверности, но и ради того, чтобы персонажи могли вжиться в обстановку и среду, которую им надлежало передать, их первые две недели снимали в недрах советской субмарины, а потом уже перевели в павильон со специально построенным бассейном и очень сложной платформой.

Идея фильма долго вынашивалась, а приступить к ее реализации все никак не удавалось. Кевин жалуется, что

кинорынок прочно оккупирован Голливудом и киностудиям других стран нелегко найти инвесторов. Вторая загвоздка заключалась в главном герое. «Мы несколько лет бились над этим проектом, и только когда заполучили Джуда Лоу, всерьёз начали готовиться к съёмкам», – говорит он.

Кстати, привлечение Джуда Лоу, британского актёра театра и кино, с его далеко не мужественной внешностью, на роль крутого подводника, главного героя и стержня всего сюжета, поначалу кажется несколько странным, поскольку актёр этот зарекомендовал себя в ролях совсем иной тональности.

Высокий, пронзительно голубоглазый, с шапкой вьющихся светлых волос, в 2004-м признанный самым красивым мужчиной планеты и «самым сексуальным мужчиной из ныне живущих» (по версии журнала People), он, наверное, больше всего подходит на роль Гамлета (за исполнение которой в бродвейском спектакле и был номинирован на престижную театральную премию Лоуренса Оливье).

Поначалу роли, предлагаемые Джуду, соответствовали его внешности – импозантный герой-любовник, причем для обоих полов. Достаточно вспомнить биографическую драму «Уайльд» где он сыграл изнеженного аристократа Бози, лорда Альфреда Дугласа, возлюбленного и близкого друга Оскара Уайльда. Или роль Билли Хэнсона, любовника Джима Уильямса персонажа Кевина Спейси в криминальной драме Клинта Иствуда «Полночь в саду Добра и Зла». В психологическом триллере «Талантливый мистер Рипли» Джуд Лоу выступил в роли богатого прожигателя жизни Дикки Гринлифа, на которого положил глаз герой фильма. За эту высоко оцененную критиками и зрителями роль он получил целый букет номинаций.

В «Искусственном разуме» Стивена Спилберга, классике научной фантастики, Лоу перевоплотился в андроида – такого лакированного, гуттаперчивого

биоробота, запрограммированного на то, чтобы доставлять удовольствие женщинам. В триллере «Immortality» (или «Мудрость крокодилов») Лоу сыграл красавца-вампира, а в голливудской интерпретации историй о Шерлоке Холмсе (Гая Ричи) доктора Ватсона.

Но образ женственного, изнеженного гея был присущ лишь его экранным героям. «Если бы я мог потерять голову от мужчины, то только от Роберта Дауни-младшего», – со смехом сообщает он. В реальной жизни Лоу придерживается вполне «традиционной ориентации», имеет четырех детей (пятый на подходе). И, хотя с тремя их матерями он уже разбежался, отцовские обязанности исполняет не просто исправно, а с большим удовольствием.

Сегодня Джуду Лоу 42. Конечно, он уже не тот красавчик, по которому сходили с ума миллионы представительниц противоположного пола. Он заматерел, начал терять свою шикарную шевелюру и романтическую поволоку огромных, излучающих свет глаз. Но зато приобрел мастерство и опыт, щедро сдобренный прирожденным актерским талантом, делающим его востребованным в любом качестве. За его плечами обширная актерская карьера (ведь на сцену он впервые вышел в 6 лет) – в одной связке с мировыми звездами первой величины, достаточное количество наград и номинаций, в числе которых – на «Оскара», BAFTA, «Золотой глобус», «Сатурн».

И вот этот актер теперь предстает перед зрителем в образе капитана подводной лодки, британца Робинсона. «Я никогда не играл подобных персонажей, – признается Джуд. – Поэтому для меня участие в «Черном море» стало своеобразным вызовом и экспериментом. Мой герой – противоречивая личность, его мучает жажда мести, но при этом он стремится сохранить собственное достоинство» (И, надо признать, сохраняет его до конца).

Получив столь неожиданную роль, Джуд отправился в спортзал, подгонять свое тело под комплекцию морского

волка. Затем, дабы придать лицу мужественности, отрастил бороду, свел свою шевелюру к минимуму и научился говорить с шотландским акцентом. А чтобы вжиться в образ, за месяц до съемок четверо суток провел в Гибралтарском проливе, на борту действующей атомной подлодки.

Ему необходимо было понять, как подводники превращаются в семью, в единый живой организм. Он внимательно наблюдал за тем, как капитан субмарины общается с моряками, как отдает приказания, как двигается. А потом использовал приобретенный опыт во время съемок.

Фактура и специфика фильма такова, что героям большую часть времени пришлось играть в тесном замкнутом пространстве подводной лодки, что многократно усложняло для них задачу. Обычно в такой ситуации, говорит Кевин, актеры, не имея «инструментов построения ролей», демонстрируют скованность и плохую игру. На вопросы, почему на роль капитана Робинсона он взял именно Джуда Лоу, Кевин отвечает, что он искал артистов, которые хорошо сыграли бы «парней из низов». Что Джуд Лоу, конечно же, меньше всего похож на такого парня, но он настолько талантлив, что может сыграть все и везде, даже в пустом пространстве без декораций и стен. «Я верил, что Джуд сможет создать для себя и для коллег-актеров воображаемый мир, в котором они будут выглядеть ярко и убедительно. И, как видите, я не ошибся – он справился».

И не только он. По мнению режиссера, главная заслуга успеха «Чёрного моря» заключена в самоотдаче актёров, которых он подбирал по тому же принципу. По его задумке, часть команды Робинсона должны были составить русские. Чтобы отобрать их, он пересмотрел много российских фильмов, побывал на кастингах в Москве и остановил свой выбор на пятерых.

Таким образом, половина персонажей фильма «Черное море» – российские актеры, что придало ему особый колорит и уникальность. Джуду уже доводилось сталкиваться с

русской культурой и раньше. В голливудской военной драме «Враг у ворот», рассказывающей о битве за Сталинград, он сыграл легендарного снайпера Василия Зайцева. А в очередной экранизации «Анны Карениной», в британской интерпретации – Алексея Каренина (с Кирой Найтли в роли Анны). Но там нужно было сыграть русских персонажей, а здесь – работать в одной связке с русскими актерами, что не одно и то же.

Во всех своих интервью Кевин Мак-Дональд подчеркивает, что старался избегать принятых в американском кино штампов и клише на образы русских. В отличие от Голливуда, использующего обычно на «русских ролях» сербов и болгар, он пригласил для съемок самих российских актеров.

Объясняя свою позицию и свой выбор, он говорит: «Я хотел показать, что все мы – русские, англичане, американцы, очень похожи, что все мы люди в любой ситуации». Ну, если честно, то как раз в данной ситуации, где угнетающее психику замкнутое пространство и запах большой наживы пробуждает в членах команды агрессивность, алчность и жажду наживы, они все ведут себя не очень-то как люди.

Когда в интервью с Кевином речь заходила о «русских стереотипах», ему непременно задавали вопрос об ушанке, которую не снимал один из русских персонажей – радист подлодки в исполнении Сергея Векслера. На что Кевин отвечал: «Сергей сам хотел носить ушанку. Она – часть сложной работы Сергея над своим образом. Ее, кстати, долго искали в Санкт-Петербурге представители военно-морского флота, которые к этой просьбе отнеслись с большим уважением. И персонаж носит шапку не просто так, она защищает уши – его рабочий инструмент. Шапка – почти физическая часть этого героя. Это не клише, клянусь».

Само собой, столь разношерстный состав съемочной группы должен был создать определенные трудности. Но, вопреки ожиданиям, кинопроизводители и актеры

довольно быстро нашли общий язык и работать им было, по выражению режиссера, легко, интересно и даже весело. А «языковой барьер» они весьма органично вплели в канву сюжета.

Чтобы всех подружить и лучше узнать друг друга, Кевин собрал их на целую неделю. Актеры устраивали совместные читки сценария, посещали действующую субмарину, много спорили – «обо всем на свете». Режиссер разрешал им вносить изменения в диалоги, чтобы сделать героев более правдоподобными. «Мы вместе обедали, пили, – говорит он. – Только так и можно друг к другу присмотреться».

Был в этом альянсе и еще один аспект, чисто творческий. В процессе съемок столкнулись, так сказать, две разные, а главное – сильные, актерские школы: русская и английская, существенно, как выяснилось, отличающиеся одна от другой.

«Мне было очень интересно наблюдать, как каждый русский актер привносил в фильм свои навыки, свою технику игры, свою харизму и верность системе Станиславского даже в самых незначительных и маленьких эпизодах. Даже там, где не было пространства для актерской игры как таковой, – делится впечатлениями Кевин. – Русские актеры очень плотно, качественно и скрупулезно работали над каждым эпизодом, и порой мозги мне проедали расспросами: что двигает поступками их героя, как он должен говорить, как ходить. Но как только они решали для себя, что нащупали героя, они шли проторенным путем до конца, не отступая от намеченной линии. Наши работают иначе. Им говоришь: скажи вот так. Как бы сложно им ни было, они найдут оправдание происходящему внутри себя и скажут так, как ты просил. С русскими актерами такое не проходит – они будут спорить до посинения, утверждая, что с их персонажем это несовместимо, что он так не сказал бы. И в результате наши герои получились настоящими – живыми и естественными. Я благодарен им за такую дотошность».

Российские актеры не только скорректировали собственные роли и диалоги, но и помогли всем, по словам режиссера, прочувствовать и понять специфику подводной службы. Сергей Пускепалис имел опыт прохождения службы в военно-морском флоте, а у Григория Добрыгина подводником был отец, и он с детства прекрасно разбирается во всем, что касалось подводной лодки.

Герой Добрыгина, обросший бородой Морозов, поначалу все время молчит, не говоря ни по-английски, ни по-русски, и остается в тени, пока другие члены экипажа проявляют себя. А потом, когда открывает рот, неожиданно выясняется, что он не совсем тот, кем казался, и с английским у него нет проблем. Кевин назвал это «очень мощным драматургическим ходом», хорошо воздействующим на зрителя. «Ведь «Черное море» – не просто развлекательное кино, – уточнил он, – а психологический триллер, в котором есть глубина».

И тут же поспешил успокоить: «Разумеется, на этом мы не ограничиваемся и добавляем остросюжетные сцены подводных съемок. У нас много экшена, дающего зрителю качественное развлечение... Но никакой экшн не будет работать, если за ним не стоит человеческая история».

Рассказывая в Москве о сюжете и замысле своего первого игрового фильма, Кевин неизменно говорит (а если не скажет, то его об этом спросят), что толчком для него послужила трагедия с российским атомным подводным крейсером «Курск», затонувшем вместе с экипажем в 2000-м году. «Это самое жуткое, что могло случиться с людьми. И я решил взять ее за основу, но подумал, что, во-первых, речь должна идти не о военных, во-вторых, важную роль должен сыграть мотив алчности, взятый из «Сокровищ Сьерра Мадре», и в-третьих – это должна быть история о парнях, оказавшихся на обочине жизни».

Думается, «Курск» здесь явно притянут за уши. Более того, подобная аналогия звучит почти кощунственно по

отношению к памяти 118 погибших членов экипажа. Но она почему-то пришлась по душе нашим соотечественникам, и они цитируют ее где надо и не надо, и при каждом удобном случае заставляют Кевина развивать эту тему. И тогда он пытается уточнить: «Моряки, запертые под водой без возможности на спасение, и их взаимоотношения в замкнутом пространстве – вот о чем я мечтал снять фильм. Мне очень хотелось исследовать, как будет вести себя человек, оказавшись в такой экстремальной ситуации, сможет ли победить своих внутренних демонов и сохранить в себе человеческое начало».

«Золушка» по англо-американски

В первой половине марта Голливуд, в содружестве с английскими коллегами, решил порадовать зрителя красивой, романтической и бесхитростной киноисторией Cinderella – «Золушка». Что несколько даже неожиданно на фоне лавинообразно выбрасываемой на экраны агрессии, ужасов и грязного юмора.

Кто из нас не знает, не любит эту сказку с детства, воплощенную в очаровательном, можно сказать, бессмертном фильме «Золушка», снятом в 1947-м, восстановленном в 67-м и 81-м, и обретшем краски в 2009-м? Почему мы не переснимаем, а обновляем эту старую-старую ленту? Наверное, потому, что не родились еще на свет актеры, способные, пардон, переплюнуть гениальных Фаину Раневскую и Эраста Гарина, трогательных Янину Жеймо и Алексея Консовского.

«Золушка» завоевала сердца людей благодаря Джамбаттисту Базиле, первому, кто ее записал («Сказка сказок» – «Pentamerone»), и интерпретации Шарля Перро и братьев Гримм. Позже она многократно адаптировалась для компьютерных игр, мультфильмов, игрового кино и

оперной сцены. Сказка эта имеет свыше тысячи воплощений в фольклоре разных народов. По-французски она звучит как Cendrillon, по-немецки – Aschenputtel, по-английски – Cinderella. А истоки ее, запечатленные на папирусе, уходят, аж, в Египет.

В том, первоначальном варианте, девушка-гречанка по имени Родопис была похищена пиратами, вывезена в Египет и продана в рабство. Хозяин купил ей изящные кожаные позолоченные сандалии. Однажды, когда она купалась в реке, бог Гор, в облике сокола, украл её сандалию и принес фараону. Восхищенный изяществом миниатюрной туфельки фараон отдал приказ найти ее обладательницу. Так Родопис стала возлюбленной и женой фараона. Эта переосмысленная история не забывается и в наши дни романтично настроенной частью человечества.

На сей раз Англия и США надумали предложить свою версию осчастливленной Замарашки, как окрестил ее Тургенев. Режиссер и основные актеры в ней британцы, а производство фильма осуществлялось студией Walt Disney Pictures. И получилась у них классическая костюмная экранизация, яркая, броская, эффектная, одним словом, зрелищная.

Сценарий к «Золушке» был написан американским сценаристом, а также режиссером, актером и продюсером, Крисом Вайцем. Из полдюжины срежиссированных им фильмов можно назвать одну из серий вампирской саги – «Сумерки. Новолуние», по роману мормонки Стефани Майер. А из шести написанных им сценариев – About a Boy («Мой мальчик») номинированный на премии Оскар и Британской академии, как Лучший сценарий. Что касается «Золушки», Вайц полностью сохранил классическую фабулу, сделав откровенный ремейк одноименного диснеевского мультфильма 1950 года, добавив лишь незначительные нюансы и дополнения.

Поскольку «Золушка» – фильм зрелищный, как по костюмам, так и по декорациям, то роль художников в нем крайне важна. Поэтому приятно было узнать, что трудились над ним лучшие из лучших – Данте Ферретти, Рави Бансал, Энтони Кэрон-Делион, Сэнди Пауэлл. Чего стоит один Dante Ferretti (1943 г.р.), итальянский художник-постановщик и художник по костюмам, кавалер ордена «За заслуги перед Итальянской Республикой», трижды оscarоносный (при восьми номинациях), плюс имеющий четыре BAFTA. В числе семи десятков оформленных им картин назову лишь несколько: «Гамлет», «Травиата», «Интервью с вампиром», «Авиатор», «Хранитель времени», «Остров проклятых», «Холодная гора». За свою долгую карьеру ему довелось работать в одной связке с такими колоссами киноискусства, как Пазолини (5 картин), Феллини (5 картин), Скорсезе (7 картин), Коппола, Мингелла и т.д.

Разумеется, в таком романтически-сказочном фильме, как «Золушка», музыка должна играть далеко не второстепенную роль, добавляя ему красок, полета и очарования. Поэтому зрителю, думается, не безразлично будет узнать, что взял на себя эту задачу некто Патрик Дойл, почти 30 лет плодотворно сотрудничающий с режиссером «Золушки», Кеннетом Браной, и Шекспировским сообществом.

Patrick Doyle (1953 г.р.) – шотландский музыкант и композитор, автор саундтреков ко многим фильмам самых разных жанров, театральным и телевизионным постановкам, как в Англии, так и в Голливуде. (В частности – для фильма «Умереть заново», студии Paramount Pictures, режиссером которого был Кеннет Брана.) Его диапазон многогранен и широк. Уже к концу прошлого века он одним из первых начал применять синтезаторы в сочетании с традиционным оркестром, хором и соло-вокалистами. Присутствие Патрика Дойла в фильмах и постановках, как

правило, не проходит незамеченным. Номинации и награды – на Оскар, Золотой глобус, ВАФТА – *тому доказательство.*

Ну а дирижировал этим ярким оркестром британец Кеннет Брана, 1960 г.р. (Sir Kenneth Charles Branagh) – личность творческая, обладающая суперактивностью и разносторонностью. Он – и режиссер, и продюсер, и сценарист, а также – актер театра и кино, исполнитель нескольких саундтреков к фильмам и телесериалам. Все, за что Брана берется, как правило, получается со знаком плюс. Из полученных им наград упомяну лишь премии ВАФТА и «Эмми», четыре номинации на «Золотой глобус» и пять номинаций на «Оскар». А в 2012-м британская королева Елизавета II посвятила Кеннета Брану в рыцари. (Отсюда приставка «сэр».)

В качестве актера ему довелось сыграть Генриха V и Яго (в «Отелло»), Гамлета и Франклина Рузвельта, и даже Франкенштейна. Одно время он часто играл в паре с собственной (теперь уже бывшей) женой, актрисой Эммой Томпсон, снявшись с ней в шести фильмах. (Для наводки: Томпсон сыграла профессора Сивиллу Трелони в фильме «Гарри Поттер и узник Азкабана».)

В кинокартине «Джек Райан: Теория хаоса» (2014), съемки которой частично проводились в Москве, Брана одновременно и режиссер-постановщик, и исполнитель одной из главных ролей – русского олигарха, стремящегося... подорвать экономику Америки. (Забавно, не правда ли, в свете последних внешнеполитических событий.) Согласно сценарию, ему нужно было говорить по-русски и, чтобы быть на высоте, он брал уроки русского языка, слушал русское радио и телевидение... Известность королевский рыцарь приобрел благодаря многочисленным и весьма успешным экранизациям пьес Шекспира. В фильмографии Браны-режиссёра 16 кинокартин, Браны-продюсера – 10.

Нет нужды пересказывать всем давно известный сюжет новой игровой версии, поскольку он почти не изменен.

Упомяну лишь несколько незначительных дополнений. Отец юной Эллы, в данной интерпретации купец, овдовев, женится вторично, приведя в их старинный и совсем не бедный дом мегеру (леди Тремэйн) с двумя дочерьми, Анастасией и Дризеллой. А когда он неожиданно умирает, все вместе они третируют кроткую, покладистую и трудолюбивую падчерицу с золотыми руками, превратив ее из хозяйки дома в безответную служанку, не успевающую даже отмыться от золы, за что и получает от них прозвище «Золушка».

В фильме расширены роли злой мачехи и доброй феи-крестной, которая, в облике нищенки, наблюдает за Золушкой, прежде чем предстать перед ней во всем своем блеске.

Первая встреча Эллы и Принца происходит не на балу, а в лесу – она на прогулке верхом, он – на охоте. Молодые люди с первого взгляда влюбляются друг в друга. Юноша не открывает Элле, что он – принц, а вернувшись во дворец, просит отца устроить балл и созвать на него всех девушек королевства, чтобы снова встретиться с Эллой.

Дальше все как обычно – козни мачехи, волшебница-крестная, бальный наряд, мыши, тыква-каре́та, хрустальные башмачки... балл, восторги и роковая полночь. И все это в добрых старых традициях студии Диснея – честно, чистенько, красиво, без современного зловредного «переосмысления» классических сюжетов, добавляющего в них сарказма, монстров, ужасов и кровищи.

В картине задействован весьма интересный актерский состав, включая звезд мировой величины на ролях второго плана.

Так, зловредную мачеху Золушки, леди Тремэйн, вторую жену ее отца, сыграла Кейт Бланишетт – 45-летняя австралийская актриса театра и кино, успевшая сняться в более чем 40 фильмах и сыграть в 20 театральных постановках, заработать множество наград, в том числе

два «Оскар», три «Золотых глобуса» и три BAFTA (за фильмы «Елизавета», где она сыграла молодую королеву Англии, «Авиатор» и «Жасмин»), плюс персональную звезду на Аллее Славы в Голливуде. Кейт Блانشетт, в силу своего врожденного шарма и таланта, хороша в любой роли. А роль мачехи Золушки выигрышна и сама по себе. Так что образ получился яркий, запоминающийся.

В роли эксцентричной феи, золушкиной крестной, предстала Хелен Бонем Картер, 48-летняя британская актриса театра и кино, лауреат премии BAFTA, семикратная номинантка на «Золотой глобус» и двукратная – на «Оскар». В числе множества разноплановых ролей ею была сыграна, не больше, не меньше – Элизабет Тейлор в телевизионной драме «Бертон и Тейлор». Несмотря на то, что Хелен – актриса яркая и талантливая, на мой взгляд, волшебницы из нее не получилось. Даже в своих сказочно пышных нарядах она выглядит как-то уж очень кукольно и реалистично. (Возможно, это лишь субъективное восприятие.)

Стеллана Скарсгарда (63 лет), сыгравшего в новой «Золушке» Великого герцога, величают «одним из наиболее узнаваемых шведских артистов современности» и «самым популярным шведом Голливуда». А еще – главой кинематографической династии Скарсгардов, поскольку пять его сыновей: Александр, Густаф, Сэм, Билл и Вальтер, пошли по стопам отца. Дочь Эйя – модель. (Кем станут два последних сына, от второго брака, пока неизвестно – они еще слишком маленькие.) Скарсгард Старший снялся более чем в 120 кинофильмах, как у себя в Швеции, так и в Голливуде, не говоря уже о бесчисленных ролях на сцене Королевского драматического театра в Стокгольме и на национальном телевидении.

Одну из двух дочерей мачехи, Анастасию, сыграла 26-летняя британская актриса Холлидей Грейнджер, начавшая сниматься с шестилетнего возраста. В ее

фильмографии уже несколько десятков ролей, в том числе – баронессы в «Анне Карениной» (2012)

Другую дочь мачехи, Дризеллу, сыграла 30-летняя британка Софи Макшера. Несмотря на то, что эта актриса постарше Грейнджер, «послужной список» у нее поскромнее – около десяти сыгранных ролей в национальных телесериалах. Софи однажды уже была партнершей Лили Джеймс (главной героини «Золушки») – в «Аббатстве Даунтон». Только там кухаркой была Софи, а Лили – аристократкой, леди Роуз. В Cinderella они изначально как бы меняются ролями, на что Софи со смехом заявила Лили: «Ну, теперь-то я на тебе отыграюсь!».

В роли Короля предстал 76-летний британский актер Дерек Джекоби, обладатель множества наград за образы, созданные им в кино, театре и на телевидении.

Что на главные роли, Золушки (Эллы) и Принца (Кита), из огромного числа претендентов были выбраны актеры, не успевшие еще примелькаться на большом экране, кинокритики расценивают, как плюс режиссеру, поскольку это сказка, основная прелесть которой должна заключаться в новизне ее героев.

Прекрасного принца сыграл 28-летний шотландский актер театра, кино и телевидения Ричард Мэдден, выходец из сельской глубинки, из многодетной семьи простых служащих. Снимается он с 11 лет, а по-настоящему заявил о себе как актер, сыграв наследника престола Робба Старка в историческом британском телесериале «Игра престолов». Затем Мэдден перевоплотился в фельдишера скорой помощи, Эшли, в комедийном сериале «Сирены». А после созданного им образа Прекрасного принца переселится в совсем иную атмосферу – в фильм «Любовник леди Чаттерлей».

Одноименный роман Дэвида Лоуренса, положенный в его основу, впервые был опубликован в 1928 году, и тогда же был запрещен в Великобритании, а весь тираж – изъят и уничтожен. Лишь в 1960-м, после громкого судебного

процесса, запрет был снят, после чего его неоднократно переиздавали. Но всякий раз появление романа сопровождалось шумными скандалами, возмущением и протестами. Его запрещали и в других странах, что впрочем не отразилось на его многократных экранизациях. По принципу запретный плод сладок?

А дело все в том, что в нем слишком откровенно и подробно описываются любовные улады молодой баронессы, жены аристократа-инвалида, с их угрюмым, нелюдимым егерем, Оливером Меллорсом. Вот этого самого егеря и сыграет на следующем витке своей карьеры избранник Золушки.

Лили Джеймс (белокурая Элла) традиционно начинала свое восхождение на Олимп с эпизодических ролей в лондонских театрах, телесериалах и шоу. До сих пор самой известной ее ролью была леди Роуз в костюмированной многосерийной драме «Аббатство Даунтон», за участие в которой Лили получила в этом году «Премия Гильдии киноактёров США». «Золушка» – первая серьезная работа 25-летней актрисы в большом кино. Лили Джеймс – это псевдоним, настоящее ее имя – Лили Хлоя Нинетт Томпсон. И от природы она не блондинка, а брюнетка.

Бальному наряду Золушки из лазурно-лавандового шелка было уделено так много внимания, что он, этот наряд, чуть не уморил актрису. На воплощение его сказочного эскиза пошло... 240 метров ткани и 10 тысяч кристаллов. Можно себе представить, сколько оно весило. «Когда Принц поднял меня в конце нашего танца, он еле удержался на ногах, – откровенничает Лили. – Вообще вся съемка танца напоминала военную операцию. Платье было таким объемным, что нам приходилось специально разучивать каждый шаг и адаптироваться, чтобы не наступить ни на один из подъюбников.» Но и это еще не все.

Художнице по костюмам, Сэнди Пауэлл, показалась недостаточной природная стройность ее талии, и девушку

затянули в тесный корсет, не дававший ей ни дышать, ни есть. «Мы снимались целыми днями, я не могла снять корсет, поэтому во время перерывов пила только чай, соки или бульон, – рассказывает Лили, и добавляет с забавной непосредственностью: – Такой способ питания ни к чему хорошему не мог привести – я постоянно икала в лицо своему партнеру.» Думается, в жестких хрустальных туфельках от Сваровски ей тоже было не очень комфортно.

Куда занесет судьба сказочного Принца после «Золушки», мы уже разобрали. А в кого перевоплотится сама Золушка? Оказывается – в Наташу Ростову, в британском телесериале «Война и мир», съемки которого уже начались. Приятно было узнать. Но в данном случае привлекает другое – внутренний настрой актрисы и ее трансформация.

В одном из интервью ей задали провокационный вопрос по поводу ее следующей роли:

– И снова ты хрупкая и нежная девушка. А тебе не хотелось бы сыграть, наконец, плохую девчонку?

На что Лили со смехом отвечает:

– О, да! Я хочу убивать! Но роль Наташи для меня все равно очень важна. Согласитесь, такой значимый персонаж! Это экзамен для меня как актрисы.

– Но людей-то ты все равно в скором времени будешь убивать...

– Буду! В этом году выходит «Гордость и предубеждение... и зомби». Вот где я разгуляюсь!

Как видим, исполнительница милой и беспредельно доброй героини любимой сказки по нутру не очень-то ей и соответствует.

Кто-то из журналистов заметил Лили, что Золушка в ее исполнении слишком сексуальна для детского фильма. На что она ответила:

«Ну нет! Просто она 18-летняя девушка, которая превращается в прекрасную женщину, исследует себя и мир

вокруг, влюбляется впервые – это все, конечно, сексуально само по себе».

Добавим к этому, что «Золушка» адресована не только детской аудитории. Мечтать о чистой и прекрасной любви, верить в то, что Добро рано или поздно победит Зло, не запрещено в любом возрасте.

Когда мачеха с ехидством заявляет падчерице, что за все в этом мире надо платить, кроткая Золушка дает ей отпор, который вполне можно было бы вынести в эпиграф к фильму: «За любовь и доброту платить не надо».

Александр Сиротин
Нью-Йорк, США

В этой деревне даже месяц – много
«Месяц в деревне» Тургенева. Новая американская
постановка

...В этой деревне даже месяц – много. Поэтому в конце пьесы богатое поместье Иславых покидают студент Алексей, друг дома Ракитин, воспитанница Верочка, компаньонка Лизавета...

У манхеттенского внебродвейского театра классической пьесы Classic Stage Company очень высокая репутация. Здесь ставят пьесы Шекспира, Мольера, Брехта. Из русских классиков – пьесы не только Чехова, но даже Островского, который мало известен в Америке. И вот теперь – Тургенев. «Месяц в деревне» время от времени идёт на американской сцене. В новой постановке (режиссёр Эрика Шмидт) сразу хочется отметить хорошее оформление сцены и костюмы. В первом акте действие происходит на веранде. Садовый столик, садовые кресла... За верандой – берёзовая роща. Публика, входя в зрительный зал, слышит щебетанье птиц.

Где-то далеко лают собаки. Солнечный свет заливает сцену. Всё дышит деревенским покоем...

Пятиактную пьесу уложили в два акта. Сегодняшний зритель больше не выдерживает. Тургенев назвал пьесу комедией. Это означает, что он смеётся над своими персонажами. Да и как не посмеяться: он любит её, она любит другого, которого любит другая, доктор любит деньги, а мальчик любит играть.

Главную героиню, помещицу Наталью Петровну, терзает безделье. Всё, что может развлечь и увлечь даму, – её чувства и выяснение отношений. Она, 29-летняя замужняя женщина, влюбляется в студента 21 года Алексея, учителя её 10-летнего сына. Муж Натальи Петровны 36-летний Аркадий Ислаев слишком занят заботами о хозяйстве, о благополучии семьи, он любящий сын, муж и отец, верный друг... ну, словом, ужасно скучный тип, которого любить не за что, как Анне Карениной не за что было любить Алексея Каренина. Исполнительница главной роли красавица Тейлор Шиллинг создаёт сложный, многоплановый образ женщины, у которой «страстью и негою сердце трепещет». На афишу вынесены двое: Тейлор Шиллинг в роли Натальи и Питер Динклейдж в роли Михаила Ракитина. Вот в нём-то и весь цимес. По Тургеневу, Ракитин (роль, можно сказать, резонёрская) – человек умный, начитанный, хорошо понимающий психологическое состояние Натальи, в которую он давно (уже 4 года) влюблён, но которого она считает не более, чем другом. Динклейдж – признанный киноактёр, запомнившийся в фильмах «Станционный смотритель», «Эльф», «Признайте меня виновным», «Хроника Нарнии: Принц Каспиан», «Игра престолов» (премии «Эмми» и «Золотой глобус»). Во всех этих фильмах использован его рост 135 см и его физическая аномалия: врождённая хондродистрофия, то есть карликовость. В роли Ракитина такой актёр выглядит аномально. Трудно поверить, что в консервативной российской провинции середины 19 века

помещики принимают на равных такого человека, что у старой Анны Ислаевой возникает подозрение, будто между её невесткой Натальей и Ракитиным-Динклэйджем роман, что студент Алексей и Ракитин-Динклэйдж – соперники. Это всё равно, что белокожий Отелло или стройный Квазимодо. Конечно, режиссёрским новациям нет предела. Особенно, когда режиссёр-постановщик пьесы Эрика Шмидт, – жена Питера Динклэйджа. Она и чеховского «Дядю Ваню» ставила с Динклэйджем в главной роли.

...Хотя в спектакле по Тургеневу есть большие актёрские удачи, Константин Сергеевич Станиславский все два акта кричал во мне: «Не верю!»

P.S. Мои американские друзья, смотревшие спектакль, со мной не согласны.

Владимир Нузов
Нью-Джерси, США

Лермонтов в Америке Вечер в клубе «Вечера на Гудзоне»

200-летие со дня рождения великого русского поэта, кажется, не оставило равнодушным ни одного русскоязычного американца. Да и множество коренных американцев пришли на организованное клубом «Вечера на Гудзоне» празднование юбилея поэта. Оно прошло 21 ноября с.г. в Opera Center на Манхэттене. Сценарий вечера подготовила президент клуба Ольга Славнина, а превратили его в великолепное действо мастера сцены: заслуженный артист РФ Эрнст Зорин, лауреат международных конкурсов пианистка Ирина Нузова, американская певица Кирстейн

Кейн, скрипачка Мара Милкис, актрисы Инна Есилевская и Ди Жу. В необычной для себя роли – чтеца-декламатора – выступил Народный художник Украины Михаил Туровский, ставший буквально на следующий день Человеком года русскоязычной Америки.

Еще раз подчеркну, что вечер был русско-американский, поэтому и стихи Лермонтова, и романсы на его гениальные тексты звучали на обоих языках, и этому милому смешению наверняка порадовался бы сам Михаил Юрьевич, как известно, свободно владевший языком своих предков – английским. Предки Лермонтова – выходцы из старинного шотландского рода Лерма. К слову сказать, в шотландском городке Эрлтоне к юбилею поэта поставлен памятник ему.

Но вернемся на вечер, название которого определило его содержание: «Лермонтов и музыка». Музыка в жизни поэта занимала едва ли не столь же огромное место, как и поэзия. Он играл на многих музыкальных инструментах, в том числе, на флейте и фортепиано, читал оперные клавиры. Его любимыми композиторами были Россини и Бетховен, и вполне естественно было услышать прозвучавшую на вечере Сонату для скрипки и фортепиано ля минор Бетховена и отрывок из Мессы Россини.

Петр Ильич Чайковский говорил, что композиторы берутся сочинять музыку к стихам Лермонтова с большой осторожностью и бережностью. Сам П.И. написал один из известнейших романсов на стихи Лермонтова «Любовь мертвеца». Его коллеги последовали его примеру. Это и Даргомыжский («Нет, не тебя я пылко так люблю»), и Варламов («Белеет парус одинокий»), Римский-Корсаков («Как небеса, твой взор блистает») и так далее.

Мы присутствовали при довольно редко возникающем контакте зала с исполнителями, они вдохновляли, взаимно подпитывали друг друга. Только настоящее искусство способно вызывать такие эмоции, и

лишь тонкий, подготовленный, я бы сказал, неслучайный зритель и слушатель безоглядно распахивает душу навстречу этому искусству.

Мы говорили о музыке, но было бы несправедливо забыть прекрасное исполнение стихотворений великого поэта. Отрывок из поэмы Лермонтова «Мцыри» («Встреча с барсом») в блистательном, наполненном эмоциями прочтении Эрнста Зорина нашел отклик в сердцах не только взрослых, но и юных зрителей.

Хочется отметить весомый вклад в успех вечера супругов Юдифи Донской и Цалия Кацнельсона. Это они на общественных началах, без отрыва от основного поприща создали сайт клуба «Вечера на Гудзоне» – можно только догадываться, какая это скрупулезная и трудоемкая работа! Делом их рук была и программа вечера, ставшая настоящим путеводителем по творчеству Лермонтова для англоговорящей публики.

«Чем мне закончить мой отрывок?» Вот в этом стихотворении Лермонтова нашли выражение и музыка, и поэзия, и восхищение прекрасным...

Она поет – и звуки тают,
Как поцелуи на устах,
Глядит – и небеса играют
В ее божественных глазах;
Идет ли – все ее движения,
Иль молвит слово – все черты
Так полны чувства, выраженья,
Так полны дивной простоты.

Валентина Синкевич
Филадельфия, США

Валентина Синкевич – одна из «последних могокан» второй – военной – эмиграции, поэтесса со своим особым голосом, автор замечательной книги эссе «Мои встречи: русская литература в Америке» (Владивосток, «Рубеж», 2010)

Евгений Евтушенко в XXI веке

Один из номеров ЗНАМЕНИ (2011) начинается не с поэтической подборки, как всегда, а с очерка Натальи Ивановой «Запрет на любовь. О дефиците эмоций в современной словесности». Она кратко характеризует нынешнее состояние словесности: «Выключение из поэзии и прозы спектра базовых человеческих эмоций: радость, гнев, страх, печаль; понижение эмоциональной температуры вплоть до нулевой». И заключение: «В наших толстожурнальных палестинах чувство – редкий гость».

Эти высказывания автора, находящегося в самом центре литературной жизни, важны для меня, зарубежного читателя, все еще следящего за творческим процессом в России.

Я тоже и уже давно заметила описанную Н. Ивановой современную тенденцию погашать в литературе «базовые человеческие эмоции». Однако с радостью могу сказать, что есть исключения. Одним из таковых считаю творчество Евгения Евтушенко.

Недавно мой филадельфийский друг Марк Авербух подарил мне поэтический сборник Евгения Евтушенко «Стихи XXI века». Я его прочла и вдруг захотелось как-то откликнуться, что-то написать о поэте, которого считаю

ярким литературным явлением. На фоне чего — времени? Да, конечно, и времени, позже названного оттепелью.

Я не задаюсь целью писать о Евтушенко нечто сугубо апологическое, в моей апологии этот поэт не нуждается. Просто под впечатлением его новых стихов выскажу свои мысли, пусть, как всегда, у меня они несколько эмоциональны, не в ногу с нынешним временем. Должна признаться, что чувствую вину перед поэтом, так как некогда, встречаясь с ним, хотя и второпях, в суматохе и толчее, иногда создаваемой сонмом его поклонников, я не высказала ему благодарность за тот комок в горле, который ощущала, слушая его стихи. Поэт всегда читал наизусть, эмоциональный накал его слов бил своей энергией прямо в зал, нередко вызывая ответный эмоциональный отклик даже у довольно равнодушных к поэзии слушателей — американцев, например.

Евтушенко, как почти никто в нашей современной, бесстрастной — постмодернистской, концептуальной или еще какой-нибудь поэзии, умеет вызвать это чувство, назову его сопричастностью к искреннему поэтическому выражению эмоций и мыслей. Его стихи производят сиюминутное, сильное впечатление. О чем они? Прежде всего это гражданская лирика его времени — сравнительно недавнего прошлого и настоящего. Она, конечно, не исключает множества чисто лирических стихов поэта, одно из которых совершенно изумительное «Окно выходит в белые деревья...». А в целом — творчество этого поэта страстно говорит о жизни, на которую он не смотрит с «холодным вниманием». О нет. Он, можно сказать, стихийный жизнелюб.

И Евгений Евтушенко не «книжный» поэт, осторожный в словах и жестах. Он громко выражает свой взгляд на события внешнего мира. (О своем внутреннем темно и загадочно довольно много говорят другие поэты, с другим поэтическим настроением.) Острый взгляд Евтушенко

направлен на то, что происходит вокруг него, не исключая политические и общественные события. Он дает оценку этим событиям, часто негативную, иногда вызывающую бурные споры. У него четкое понятие о справедливости, о том «что такое хорошо и что такое плохо». Нельзя сказать, что другие поэты лишены чувства справедливости, но они это чувство, в большинстве своем, не облачают в поэтическую форму. А Евтушенко облакает, неизменно вовлекаясь во все «проклятые вопросы» России: это тоже характерная черта *его* творчества, где бы ни жил поэт — хоть на луне.

Что же дал своему времени Евгений Евтушенко? Много. «Оказалось, что смертно бессмертие ваше, Владимир Ильич», — говорил он, один из первых, и по сей день говорит на разные лады множество раз. О нас, эмигрантах второй волны, в большинстве своем — эмигрантах поневоле, могу сказать следующее: мы вдруг стали свидетелями того, что даже в Советской России смог появиться поэт, перекричавший громкие славословия всему, что называлось советским. Он на весь мир, «во весь голос» провозгласил, что не всё так прекрасно в его стране, что есть трудно смыываемые черные пятна на советской действительности. Евтушенко доказал, что поэзия может стать прорывом в свободу — даже в литературе, скованной крепкими цепями советской цензуры. И воскресил веру в то, что поэзия — сила. Он сказал, что «в России поэт больше, чем поэт». И оказался прав. Подтверждение этому: над Бабьим Яром — памятник есть! К слову: я не могу поверить, что «Бабий Яр» написан с корыстной целью. Сенсация, карьера? Нет! Это смелый поступок смелого человека. Одна из его «прогулок по карнизу», которая могла закончиться весьма плачевно. Поэт не мог не знать этого.

Да, Евгений Евтушенко стал внезапно знаменитым не только в России, но и во всем мире. Рано и неожиданно он познал настоящую, головокружительную, ошеломляющую

славу — выдержал ее и не сломался. Наверное, в этом ему помогло его сибирское происхождение. Там, кажется, люди более выносливые. Так думает и сам поэт:

Я не знаю, что со мною станется.
Устоять бы, не сойти с ума,
но во мне живет пацан со станции —
самой теплой станции — Зима.

Или: «Я учился в Зиме / у моих молчаливейших бабок / не бояться порезов, царапин / и прочих других окарябок...».

Однако не все радовались и гордились *своим* поэтом. Были и до сих пор есть у него и недоброжелатели. Евтушенко говорит и об этой проблеме в своих стихах: «Клеветой мою душу прожгло, / Меня сплетнями всеми хлестало...». Или: «И я с тех пор, как оказался взгретым, — / стал наконец-то всё-таки поэтом, / когда узнал, как бьет с носка Москва...». Увы, не только она.

О чем же и как пишет Евгений Евтушенко в нынешнем веке, в котором из «той» четверки он один остался с нами? Вот его «Стихи XXI века». В них есть боль за свою страну, за сдачу позиций, то есть за отказ от идеалов, которые всё-таки существовали даже в самые страшные годы прошлого века. Но стихи, как и прежде, свидетельствуют о не слабеющей, живой поэтической энергии. Поэт не дописывает недописанного, а по-прежнему пишет новые стихи, говорящие о его непреходящем интересе к событиям и проблемам — в основном русском, как и прежде. Да и к каким же еще, если «сам я собран из родинок родины, / ссадин и шрамов, / колыбелей и кладбищ, / хибарок и храмов...»? Или: «‘Россияне’ сегодня звучит как ‘рассеяние’. / Мы — осколки разломанной нами самими страны». И еще вот это, нечто очень важное, ныне необходимое: «Россия-мать, ты нам не простишь /

как ложную попытку созиданья / потуги возродить былой
престиж / ценой потери состраданья».

Поэт по-прежнему оживляет русский язык
неологизмами — многие из которых не вызовут восторга
в изысканных литературных салонах. Иногда в его строках
встречаются такие части речи: *подмаяковили, окарябки,
набестолковили, прибульваренно, угощатель, завечерилось,
безмужиковые избы, шестидесантники, бродсколюдые...*
(Последнее слово напомнило Коржавина: «Я не против
Бродского, я против бродкистов») Эти словечки «работают»
в живой, смелой, родной речи поэта. Вот о ней:

Я так люблю родную речь,
такую теплую, как печь,
где можно, словно в детстве, лечь
горяченьким
калачиком,
во сне жар-птицу подстеречь,
кобылку бурую запречь
и столько свеч за кружкой сжечь
с Ариной Родионовной,
как с незабытой Родиной,
которая у нас одна
и нечто больше, чем страна:
страдалица, провидица,
и только Пушкин да она —
вот всё мое правительство.

А вот стихотворение «Вера Павлова»:

Я не гоюсь на кавалера,
но перестаньте материться, Вера.
Лучше поплывем на лодке по реке.
В этом мире, никому не узком,
лучше помолчим на русском —
самом лучшем для молчанья языке.

Мне кажется, что уроженец станции Зима знал «ненормативную лексику» получше Веры Павловой. Но в своем творчестве он ее не употреблял.

Вторую часть сборника «Стихи XXI века» автор посвятил русским поэтам. Их много. Каждый из них представлен чем-нибудь для него характерным: биографический штрих, особенность наружности, черта характера, манера письма... Во всем этом поражает великолепное знание автором русской поэзии, включая зарубежную. Сам он еще в 80-х годах сказал: «Ваши лица — мой Лувр, / мое тайное личное Prado /.../ Вы себя написали / изгрызанной мной авторучкой...».

Раздел начинается с поэтесс (я не чураюсь этого слова, так как лучшего нет — не тургеневские же «поэтки»!). Есть все три Анны: Бунина, Ахматова, Баркова. Марина тоже и много других. Вот некоторые.

Берггольц: «У Победы лицо настрадавшееся — / Ольги Федоровны Берггольц...».

Белла Ахмадулина: «Дива, модница, рыцарь, артистка, / угощатель друзей дорогих, / никогда не боялась ты риска, / а боялась всегда за других...».

И замечательное стихотворение о неизвестной женщине, похороненной на парижском русском кладбище Сент-Женевьев-де-Буа. Она из-под земли вопрошает поэта: «Что ж вы воюете, русские с русскими, / будто гражданской войне нет конца? / Что ж вы деретесь, как малые дети, / как за игрушки, за деньги, за власть? / Что ж вы Россию всё делите, делите — / так вообще она может пропасть...».

А Ирина Одоевцева отдана мужу Георгию Иванову в следующий раздел, потому что: «Такая жизнь двоих — вселенная, / ну хоть цветы в постель стели, / где вместе плечи драгоценные / и драгоценные стихи». («Драгоценные плечи» в стихотворении Иванова, посвященного Одоевцевой: «И тогда в романтическом Летнем саду, / В голубой белизне

петербургского мая, / По пустынным аллеям неслышно
пройду, / Драгоценные плечи твои обнимая».)

И поэты-мужчины. Кого здесь только нет! Даниил Заточник — XII или XIII век. Протопоп Аввакум, век XVII: «Переходила истовость в неистовость / горящего пророка во плоти, / и книгу Аввакума перелистывать, / как будто в сруб пылающий войти...» И Кантемир, XVIII век. Силлабический стих: «Во времена царя Гороха / до Кантемира Антиоха / поэт был в роли скомороха, / гонимый вроде кабысдоха, / и стих иного пустобрёха / был как среди чертополоха / коровья вязкая лепёха...».

И немного позже — тот же век — Ломоносов:

Наш многорукий русский Шива,
пустыми не держал он рук.
Он знал, что спесь невежд фальшива
и что оборвана и вшива
Россия будет без наук.
Одной рукой держал он колбу,
второй — метафоры творя,
а третьей — громко хлопал по лбу,
осатанев от комарья...

Из не столь знаменитых поэтов XIX века был, например, очень русский поэт Иван Ключников: «Не из послушников, а из ослушников, / был на Руси поэт пьющий — Ключников...».

А из знаменитых — Афанасий Фет: «Но ведь внимал ему, поэту, / сам Лев Толстой не для забав, / и сапоги тачал он Фету / с гвоздями, сжатыми в зубах...» (Известно, что Фет, для развлечения своих гостей, *кутил* у Льва Николаевича пару сапог его ручного изделия.)

Апухтин: «С молодости был в немолодых, / и въехал он в бессмертие на паре / чужою страстью загнанных гнедых...».

А из недавнего XX века — вот коктебельский Волошин: «Ветрами киммерийскими взъерошен, / схватив седые кудри ремешком, / как Санта-Клаус, шествовал Волошин / с наполненным спасеньями мешком...». (Некогда Волошин спасал белых от красных, и красных от белых.)

И Ходасевич: «В желчность пряча жалость к миру / Владислав Фелицианович / растоптал пятою лиру, / чтобы больше не жила, / ибо слишком тяжела...». (Аллюзия на сборник Ходасевича «Тяжелая лира».)

Пастернак, который «был как большая детская улыбка / у мученика-века на лице...» (О некой «детскости» поэта писали его современники.)

И снова штрих пастернаковской наружности в стихотворении «На смерть друга» о Владимире Соколове, он «владелец пушкинских глаз прилежных / и пастернаковских ноздрей Фру-Фру...». (Цветаева говорила, что Пастернак похож одновременно на араба и на его коня. Фру-Фру — лошадь Вронского.) Такие строки можно цитировать еще очень долго.

Но вот Бродский, последний наш нобелевский лауреат по литературе. Известно, что ни дружеские, ни профессиональные отношения у поэтов не сложились. В книге есть стихотворение на эту тему, названное «Брат мой, враг мой», начинающееся с вопросов: «Как же так получилось оно? / Кто натравливал брата на брата? / Что — двоим и в России тесно? / И в Америке тесновато?..». Действительно: как и кто? Вопросы остаются открытыми.

В заключение скажу, что для меня было огромным событием услышать в исполнении знаменитого Филадельфийского оркестра и Мендельсоновского хора 13-ю Симфонию Шостаковича, написанную на слова Евгения Евтушенко. Особенно первая часть — «Бабий Яр» произвела потрясающее впечатление. В энциклопедическом трехтомнике Российской Академии Наук «Русская литература XX века» есть большая статья о поэте, в которой

цитируются строки письма Шостаковича В.Я. Шебалину о 13-й Симфонии: «Я использовал для этого сочинения слова поэта Евгения Евтушенко. При ближайшем знакомстве с этим поэтом мне стало ясно, что это большой и, главное, мыслящий талант».

Большой и мыслящий талант. Это Шостакович *услышал* в стихах тогда еще молодого поэта. Абсолютный слух великого современного композитора ему не изменил.

Виктор Родионов
Луисвилл, Кентукки, США

Французский Пигмалион и американская Галатей

Леди Либерти анфас и в профиль

Так случилось, что два самых гениальных скульптора нового времени родом из Франции, и даже тезки по второму имени. Франсуа Огюст Роден и Фредерик Огюст Бартольди. Роден более «на слуху», зато Бартольди больше «на виду». Его статуя Свободы – самая узнаваемая скульптура в мире.

В этом году у ее автора две круглых даты. 180 лет со дня рождения и 110 со дня смерти. Чем не повод вспомнить о французском Пигмалионе и его американской Галатее?

Конечно, рассказывать читателям о статуе Свободы сподручней жителям Нью-Йорка, а не провинциалу из американской Тьмутаракани. Но не судите слишком строго, рискну. Хотя бы на правах старого знакомого Леди Ли, как статую фамильярно зовут нью-йоркцы. Я был у нее «в гостях» три раза.

У гениев всегда есть недоброжелатели и завистники. Но чтобы целый город? И не абы какой, а колыбель Возрождения

– Флоренция! Одна из архитектурных жемчужин Флоренции – базилика Санта-Кроче с усыпальницами великих людей города. Я был в базилике несколько лет назад. Какие имена! Данте, Галилей, Маккиавели, Микеланджело, Россини, Ферми... О поэте Джованни Никколини, честно, никогда не слышал, но флорентийцам виднее, раз в базилике для него тоже нашлось место. И даже с персональной скульптурой над саркофагом, олицетворяющей Свободу Поэзии. Подозрительно похожую на... нью-йоркскую статую Свободы.

Флоренция твердо уверена, что, интеллигентно говоря, Бартольди позаимствовал в Санта-Кроче идею своего самого известного творения. Логика флорентийцев незатейлива. В 1870-м скульптор целый год жил во Флоренции и, как художник, не мог не побывать в Санта-Кроче. Следовательно... А никаких «следовательно». Надгробие Никколини установили в 1883 году, когда будущая Леди Либерти была уже почти готова в Париже. При всем желании Бартольди не мог скопировать то, чего не было вообще в природе. Правда, Флоренцию это не убеждает, и она продолжает верить в свою легенду. Хотя нет дыма без огня. У обоих скульпторов один источник вдохновения – римская богиня Liberta.

На самом деле, у леди Либерти более достоверны египетские корни. Еще в юные годы Бартольди совершил путешествие в Северную Африку. Молодого человека поразили сфинксы и колоссы древнего мира, отсюда его страсть к гигантомании и смена профессии. Учась на архитектора, Фредерик стал скульптором. Будучи из состоятельной семьи, молодой ваятель в начале карьеры мог не думать о хлебе насущном, а работать по велению души и собственной фантазии. В 1860-х годах он создает проект маяка на входе в Суэцкий канал. Гигантская женщина в египетской национальной одежде на пьедестале с факелом

в поднятой руке. Египтяне упустили исторический шанс – маяк оказался им слишком дорогим удовольствием.

Африканский проект был положен в долгий ящик, сам автор занялся рутинной работой – выполнением заказов. И без Леди Либерти Бартольди вошел бы в историю мирового искусства. Его «Бельфорский лев» считается одним из высших образцов ваяния в XIX веке. Высеченный в скале, царь зверей поражает не только размерами, мощностью, экспрессией, но и уникальным художественным решением. Величественный фонтан в Лионе стал визитной карточкой «второго Парижа». Профессиональная репутация и материальная независимость позволяли художнику не считаться с мнениями заказчиков. Скульптор руководствовался одним критерием – собственным вкусом. Да и спорить с ним было трудно, Бартольди слыл капризным, сварливым и вздорным человеком. Беда с этими гениями. Роден тоже не был подарком, тиран еще тот. Но что, кроме таланта, объединяло коллег, – это длинные списки любовниц. Хотя этому есть несколько циничное объяснение – специфика творчества. Попробуй натурщицы устоять, часами позируя в чем мама родила? Да и скульпторы не из гипса сделаны.

Во второй половине XIX века в Париже жил профессор права и сенатор Лефевр де Лабулайе. Именно этому человеку Леди Либерти обязана появлением на свет. Кроме прочих достоинств, месье де Лабулайе был крупным специалистом по США и вообще большим поклонником этой страны. У него родилась идея что-нибудь подарить Америке от французов в связи с приближающейся столетней годовщиной Соединенных Штатов. Какой – сенатор точно еще не знал. Помогли обширные связи. Кто-то подсказал – статую, и даже имя будущего автора. Бартольди подпрыгнул от радости. Вот он, звездный час его египетской красавицы! Естественно, следовало поменять восточный колорит, но основа для работы была готова. О поисках вариантов можно

судить по моделям скульптуры – они хранятся в музее Бартольди в его родном городе Кольмаре.

Проект де Лабулайе понравился, для его реализации было создано Франко-американское общество. Считается, что Леди Либерти – подарок Америке от Франции. На самом деле, это частная инициатива на частные пожертвования с обеих сторон. Французы взяли на себя расходы на создание статуи, американцы обязались найти средства на пьедестал и установку гигантской композиции высотой под сто метров. Единственное, на что раскошелось французское правительство, – оплатило фрахт парохода со статуей в Америку.

Место для памятника должен был выбрать автор. В 1871 году его командируют в США. Еще не сойдя с парохода, Бартольди определился с выбором – небольшой островок Бедлоу на входе в нью-йоркскую гавань. Бартольди устроили встречу с президентом США, и Улисс Грант согласился с предложением скульптора. Под наслоением времени забылось о первоначальном предназначении скульптуры. В патенте на установку Леди Ли числится маяком.

Поставить скульптуру планировали к «красной дате» – 4 июля 1876 года. Фактически были готовы только отдельные фрагменты. В Филадельфии демонстрировали руку с факелом, в Париже – голову. Вместо шести лет работа растянулась на шестнадцать. За творчество отвечал Бартольди, за инженерные вопросы – Густав Эйфель, за финансы и организацию – сенатор де Лабулайе. С американской стороны неопределима роль отца «желтой прессы» Джозефа Пулитцера.

28 октября 1886 года, с опозданием на десять лет, статуя была установлена при стечении тысяч нью-йоркцев и в присутствии президента страны Кливленда Гувера. Ее полное имя известно не всем – Liberty Enlightening the World (Свобода, освещающая мир).

За годы работы над статуей Бартольди трижды ездил в США, дважды пересек всю страну на поезде. Америка принимала знаменитого скульптора с радушием и не скупилась на заказы. Помимо Либерти, Бартольди сделал в США еще три значительные работы. Генерал Лафайет в Нью-Йорке, фонтан Капитолия в Вашингтоне и «Трубящие ангелы» в Бостоне. В ответ скульптор всегда отзывался с теплотой об Америке. Но не верьте лицемерному французу. В Нью-йоркской публичной библиотеке хранятся американские путевые дневники Бартольди. Любопытны некоторые цитаты оттуда:

– «Американцы не интересуются искусством. Только деньгами».

– «В Америке много замечательных мест и инженерных сооружений, но сами американцы неинтересны».

– «У американцев нет шарма и вкуса. Америка – это дама, жующая табак».

К созданию Леди Либерти «приложили руки» несколько стран. Медные листы для нее откатаны в России, стальные конструкции из Германии, гранит и камень для пьедестала из карьеров США и Канады. Над самой скульптурой работали мастера многих национальностей. Интересен еврейский след.

Правой рукой Эйфеля был инженер-еврей Морис Кехлин.

Главный спонсор американской части проекта – Джозеф Пулитцер, выходец из венгерских евреев.

Автор выбитого у ног Свободы сонета «Новый колосс» – Эмма Лазарус, еврейка с португальскими корнями.

Одна из тайн Леди Либерти – кто послужил для нее моделью? Версий несколько. Одна из достоверных – американская еврейка Изабелла Бойер-Зингер, последняя жена знаменитого изобретателя швейной машинки. Зингеры больше жили в Париже, чем в Америке. Глава семьи слыл неисправимым бабником и «лучшим другом портних». В

шести браках у Зингера родились 23 ребенка. Сколько от портних, неизвестно. На Изабелле Бойер он женился в 52 года, с разницей с возрастом жены в тридцать лет. После его смерти молодой вдове досталось огромное состояние, а вскоре и утешитель – темпераментный красавец и модный скульптор Бартольди. По наиболее расхожей версии, голова статуи слеплена с матери Фредерика, а торс с Изабеллы Бойер-Зингер.

Как и Роден, Бартольди был расчетливым и успешным бизнесменом. Тысячи лет скульпторы делали только оригинальные работы, редко одну-две копии. Роден и Бартольди первыми поставили искусство на конвейер. Мастера клепают копии, авторы ставят подписи, не придерешься. Где только я не видел роденовского «Мыслителя», «Поцелуй» и «Граждан Кале»! Москва, Брюссель, Рига, Париж, Нью-Йорк, Филадельфия, и даже в моем Луисвилле. Собственно, так сегодня работают все успешные художники мира.

Первый из клонов Либерти появился в 1890 году. Американская диаспора Парижа решила сделать красивый жест – от нашего стола вашему. Уменьшенную копию Свободы поставили на Сене, на фоне Эйфелевой башни. Сегодня только в Париже целых пять «Свобод». Еще три в остальной Франции, включая на родине скульптора – Кольмаре. Вариации леди Либерти стоят в Лас-Вегасе, на острове Маккинак в Мичигане, Токио, Ужгороде... Рижская Милда с тремя звездами на поднятых руках. Пожалуй, самый продвинутый вариант статуи во Львове – там ее усадили на крышу музея этнографии.

Но сколько бы ни было в мире «двойников» Леди Либерти, оригинал есть оригинал, он недосыгаем. Фредерик Бартольди недолго любил Америку, но какие это пустяки по сравнению с тем, что он для нее сделал.

Merci, Monsieur Bartholdi!

Акулы, бурбон и виски

Алкогольная война в Теннесси

Основные производители виски в США – штаты Кентукки и Теннесси. Только виски в Кентукки зовется бурбоном, в соседнем Теннесси, как и положено, просто виски. Хотя прародитель у них один – самогон, по-английски moonshine – «лунное сияние». С муншайном связаны самые романтические страницы времен Сухого закона. Благодаря самоотверженному стахановскому труду самогонщиков и бутлегеров, муншайн с Аппалачских гор рекой тек в крупные города Америки. В Нью-Йорке, Чикаго, Атлантик-Сити под синкопы джаза и автоматов «Томми» шли гангстерские разборки и рождались великие состояния.

Изначально муншайн оправдывал свое плебейское происхождение. Главными его достоинствами были низкая цена и убойная сила. Но со временем внебрачное дитя Великого запрета легализовалось, остепенилось, стало приобретать светские манеры, изысканный вкус и отменное качество. Американский виски завоевал признание во всем мире. В этом заслуга нескольких поколений производителей бурбона и виски. Показательный пример – последняя глобальная экономическая рецессия никак не коснулась этой отрасли. Больше того, прибыли стабильно росли.

Но и в этой благополучной заводи есть свои муты. Долгие годы в Добровольческом штате (второе название Теннесси) работают два монопольных производителя виски – Jack Daniel's и George Dickel. В этом году появился экзотический третий, собственник винокурни – знаменитая итальянская оружейная фирма «Беретта». Кроме них, в Теннесси есть немало легализованных наследников муншайна, но они

маломощны и не делают погоды на рынке виски. Кстати, два года назад я ездил по некогда «Великому самогонному пути» в Аппалачах, но цивилизованные винокурни уже не смотрятся без ореола прежней романтики. Сейчас самогон вполне законно продается в «ликёрках», даже знаменитый в прошлом муншайн Popcorn Sutton. Неинтересно, пей – не хочу, не надо ни от кого отстреливаться, Jack Daniel’s и George Dickel работают бок о бок, в пятнадцати милях друг от друга. Забавный момент: в «сухом» графстве Линкольн запрет на продажу и потребление алкоголя. Но не на его производство. Типичная для Аппалачей картина. «Левый» самогон в горах до сих пор пользуется популярностью у местного населения, но аппалачцы регулярно голосуют против легального спиртного. Мирное соседство между «Джеком» и «Джорджем» длилось немало лет, пока в прошлом году между ними не пробежала черная кошка. Спустя двести лет после последней англо-американской войны 1812-1815 годов, в Аппалачах началась новая. К счастью, на юридических полях сражений, без жертв и крови.

Хотя причем здесь США и Англия? А вот причем. Jack Daniel’s и George Dickel на самом деле пешки. За ними стоят две могущественные алкогольные корпорации. За «Джеком» – американская Brown Forman. Владеет такими известными марками, как виски Jack Daniel’s и Canadian Mist, водка Finlandia, ликер Southern Comfort, игристое вино Korbel, итальянские, французские и калифорнийские вина. В активе британского гиганта Diageo, крупнейшего игрока в мире на алкогольном рынке, восемь из двадцати самых известных в мире брендов. Diageo не брезгует ничем. Виски, шнапс, водка, ликер, ром, пиво, текила, вина. Даже гамбургеры. До 2002 года компания владела известной сетью фастфуда Burger King. В США силы гигантов примерно равны, каждый контролирует четверть американского рынка алкоголя.

До недавнего времени между корпорациями существовало джентльменское соглашение. Brown Forman поставляет в торговую сеть США недорогой виски по доступным ценам, Diageo – премиум класса. За исключением одной марки – George Dickel, – выпускаемой, как и Jack Daniel's, в штате Теннесси. В принципе, английский гость в Аппалачах не очень-то мешал американскому хозяину. На один ящик британского виски приходилось 88 американских. Big deal. Но в прошлом году Brown Forman делает коварный ход – через лобби в законодательном собрании штата проталкивает закон о дефиниции теннессийского виски. Проще говоря о том, какой виски имеет право считаться сделанным в Теннесси, а какой нет.

Спрашивается, кому жарко, кому холодно? И «Джек», и «Джордж» сделаны в Теннесси, о чем свидетельствуют торговые этикетки. Ответ кроется в джунглях нового закона. Для того, чтобы виски считалось теннессийским, отныне он должен соответствовать четырем главным критериям.

1. Содержание кукурузы в сусле должно быть не менее 51%.
2. Созревание виски должно проходить только в новых обожженных дубовых бочках трехметровой высоты.
3. Обязательная фильтрация виски через древесный уголь из сахарного клена.
4. Все этапы созревания и производства должны проходить исключительно в границах штата.

Не успела на законе просохнуть подпись губернатора Теннесси, как юристы Brown Forman тут же вчинили судебный иск о лишении виски George Dickel права пользоваться торговой маркой – «Теннессийский». Англичане нарушают сразу три основных требования из четырех. В процессе изготовления «Джорджа» деревянная тара, как правило, используется неоднократно. Виски не проходит угольную фильтрацию. Сусло «Джорджа»

бродит на территории Теннесси, на созревание его отвозят в Кентукки. Следовательно, «Джордж Дикель» не отвечает требованиям закона и должен быть признан *persona non grata* на территории Теннесси.

Реакция Diageo не заставила себя ждать. В ответном иске англичане не стали мелочиться, и обратились в Верховный Суд Теннесси с требованием отменить Закон о дефиниции, как антиконституционный, протекционистский, ущемляющий свободу рынка, передвижения товаров и услуг. В этом месяце Верховный Суд штата приступает к рассмотрению иска по существу.

Мнения независимых экспертов разные. Большинство считает, что время идиллического сосуществования алкогольных игроков уходит в прошлое. Становится все теснее. И нынешний финт с «Джорджем» лишь начало алкогольной войны за передел североамериканского рынка. И есть за что бороться. В одном только штате Теннесси в год производится виски на миллиард долларов.

Наверное, нет дыма без огня, но мне ближе другая, альтруистическая позиция. Мы живем во время стремительной стандартизации всего и вся, что нас окружает. Во всех уголках земли одни и те же телевизоры, телефоны, автомобили, начинка квартир и домов, смотрим одни и те же фильмы, едим одинаковую пищу. С одной стороны, это благо, гигантская экономия ресурсов. С другой, мы становимся одинаковыми, одноцветными, одномерными, как детали машин.

Прогресс отменить невозможно, но в наших силах оставить в этом мире что-то свое, единственное, неповторимое. ЮНЕСКО и ООН относят к памятникам культурного наследия человечества не только города, дворцы, скульптуры и картины, но и предметы народного творчества, ритуалы, уникальные продукты питания. Испанский хамон может быть произведен только в определенной области в соответствии с традиционной

технологией. Иначе он будет простым куском ветчины. Из того же ряда костромское масло, швейцарские сыры, лобстеры штата Мэн, crab cakes Мэриленда, французский коньяк, чешское пиво, калифорнийские вина, кентуккийский бурбон.

Оградить оригиналы от подделок и фальсификаций может только закон. И в этом аспекте теннессийский закон о защите локального виски можно только приветствовать. Ему пытаются навесить ярлык протекционизма и тормоза прогресса в алкогольной индустрии. В таком случае – я за такой протекционизм. Что касается «тормоза», на самом деле этот аргумент рассчитан на манипуляцию общественным мнением. Законодатели Теннесси не запрещают никому – ни английской Diageo, ни итальянской «Беретте» – выпускать любые сорта виски. Но если они захотят использовать имя «Теннесси», извините, играйте по правилам. Только новые бочки, только древесные фильтры, и только в Теннесси. Соседний Кентукки делает лучший в мире бурбон, но это вовсе не означает, что кентуккийская почва, вода, микроклимат подходят для создания прекрасного виски.

В этом плане идеал соответствует старой истине – где родился, там и сгодился.

Бурбон от Нептуна

Все так, но жизнь как всегда богаче схем.

Одна из фольклорных легенд Кентукки: якобы, в штате есть голубая трава и даже бывает голубая луна, которых никто не видел. Как-то за столом на загородной партии я спросил соседа-профессора, правда это или нет? Профессор подтвердил гипотезу о голубой траве и луне, но при одном условии – бывает, после бутылки хорошего бурбона.

Не знаю, сколько в тот вечер выпили два приятеля на борту небольшого суденышка у побережья Коста-Рики, но

повод был уважительный. Одному из них, Крису Фишеру, исполнилось сорок лет. Впрочем, и без круглой даты, обстановка располагала к выпивке. Тропический закат солнца, океан, конец рабочего дня. Что пьют настоящие кентуккийские мужчины, даже в тропиках? Правильно, виски-бурбон. В конкретном случае, особый. Собственного изготовления второго приятеля – Трэя Золлера – специалиста по дистилляции винокурни «Джефферсон Бурбон» из Кентукки. Голубой луны в тот вечер в Коста-Рике вроде не было, но приятелей осенила нестандартная идея. А что будет с бурбоном, если бочонок виски месяцев шесть-семь возить по тропикам?

Все условия для эксперимента были под рукой. Крис Фишер (кстати, брат мэра нашего города) был успешным бизнесменом в Луисвилле, но в тридцать лет его «укусила муха». Крис продает за 70 миллионов бизнес, деньги есть – вольный казак, увозит жену и детей в Юту. Покупает списанный рыболовный траулер и переоборудует в научно-исследовательское судно. С тех пор семья видит отца несколько месяцев в году, остальное время он бороздит южные воды Мирового океана в поисках тигровых акул. Со своей небольшой командой Фишер и его компания Osearch занимается изучением второго – после белой акулы – в иерархии океанских хищников. Одновременно – пропагандой на телевидении бережного отношения человека к этой малосимпатичной для нас рыбке. Бездумное уничтожение акулей популяции нарушает баланс подводного мира и наносит ущерб окружающей среде в целом.

Задумано – сделано. В следующий круиз Трэй Золлер загружает на судно несколько бочек с восьмилетним бурбоном из своей винокурни. За семь месяцев странствий по морям-океанам сухопутный бурбон стал просоленным

морским волком. Его продували ветры Атлантического и Тихого океанов, он побывал в Китае, Австралии и Южной Америке, четырежды пересекал экватор. Все это время Трэй вел ежедневный погодный дневник. И, наконец, торжественный момент – дегустация первого в мире океанского бурбона. Результат превзошел самые смелые ожидания – бочки и виски впитали в себя тропическое солнце, океанскую влагу и соль, создав изумительный по цвету и вкусу букет.

390 баррелей океанского бурбона были проданы в Кентукки в считанные дни, притом, по немалой цене – двести долларов за бутылку. Очередь ожидания на будущий бурбон – несколько лет. Сейчас друзья поставили дело на поток. Каждый рейс судно Фишера загружается десятками бочек бурбона. Цель – заработать 250.000 долларов. Все деньги пойдут на научные и просветительские программы Фишера. Короче, на акул.

Но кроме просто акул, есть акулы юриспруденции. Ходит слух о готовом иске против океанского бурбона. Почти по тем же причинам, что и в Теннесси. Напиток-самозванец не отвечает главным критериям закона о чистоте кентуккийского бурбона. Он должен быть родом из Кентукки, а не безродным космополитом. Сухопутным, а не морским бродягой. Созревшим в мягком континентальном климате, а не в тропиках. В общем, новый алкогольный напиток может быть чем угодно, только не бурбоном.

Формально правильно, но всегда ли нужно втискивать красивые и благородные идеи в прокрустово ложе закона? Не знаю. А может для ясности выпить бурбона?

Леопольд Эпштейн
Бостон, США

Питеру С.

В декабре Мерида кажется идеалом
Климата: не мёрзнешь и не потеешь
(Днём – в бассейне, ночью – под одеялом),
От райского сада отличаясь тем лишь,
Что всё гремит – как на прокатном стане
Киножурнала начала шестидесятых:
Грузовики, автобусы, птичьи стаи,
Телевизоры, фейерверки... Замечу кстати,
Что фейерверки – чуть ли не раз в неделю,
Карнавал не поспекает за карнавалом,
И вообще: за исключением денег,
У населения – всего навалом.
А главное – у всех позитивный вектор:
Не страдай, расслабься, не злись, не гнобься.
Если быть бедным, то уж лучше в этом
Климате, где от холода не загнобься.

Но лучше всё-таки быть побогаче,
Подавать нищему два-три песо,
Понимая: могло б сложиться иначе,
Потому что жизнь, как плохая пьеса,
Не боится штампов и прёт как хочет,
Наделяя каждого чем попало
Без каких-то тонкостей и отсрочек:
Ты сиди в кутузке, а ты – под пальмой.
Пьеса не искусна, но не банальна,
Судит не по замыслу, а по факту:
Мог бы жрать баланду – жую бананы
(Не по Провиденью, а лишь по фарту).

Небо здесь – с особыми облаками,
На которых – виза другого мира,
То они – как грузные пеликаны,
То – как пламенеющие фламинго.
Впрочем, расстояние до океана –
Километров сорок. С колокольни собора
Видны улицы, крыши, лес, саванна,
Но любая влага скрыта от взора
Кроме облачной. И повсюду – камень.
Городские улицы – как ущелья.
Каждый дом, соседей тесня боками
Защищает личный квадрат веселья
От чужого взгляда. Но если – сверху,
То видны столы, гамаки, навесы,
И ретивый ум производит сверку,
Как оценку женщины – глаз повесы.
Что ж, картинка радует. Принимаю
Этот рай, явившийся ненароком,
Где безумный зной раскалится к маю
И сентябрь с небес загремит потоком.

У индейцев майя – жёсткие лица,
Их черты и пугают, и привлекают,
Потому что рай здесь недолго длится.

Но я слышал, что к этому привыкают.

2014

Вадим Массальский
Вашингтон, США

Строить мосты сотрудничества в духе Эльбы

Интервью с Сюзан Лерман, спонсором Института
русской культуры

В Вашингтоне на базе Американского университета создан Институт русской культуры и истории имени Кармела (*The Carmel Institute of Russian Culture & History*), вдохновителем которого стала известная благотворительница и общественный деятель Сюзан Кармел Лерман. По заданию журнала «Чайка», я попросил ее рассказать о новой общественной инициативе и о личном видении американо-русских отношений.

Вадим Массальский. Сегодня отношения США и России скатываются, как считают многие эксперты, к новой «холодной войне». И в это время вы создаете Институт русской культуры и истории. С чем связан такой выбор для меценатства?

Сюзан Лерман. Учитывая нынешний политический климат между нашими странами, настоящее время представляется мне наиболее подходящим для создания Института имени Кармела. Вместо того, чтобы игнорировать проблемы между нашими народами, наша программа направлена на культуру, общие ценности, на общие интересы и различия. Обращая внимание на роль культурных связей между студентами в вашингтонском регионе, Институт будет инвестировать в будущие поколения и стимулировать сотрудничество и взаимное уважение, которые в конечном итоге приведут к взаимовыгодному и спокойному миру.

В.М. Участие в каких благотворительных проектах вам особенно дорого? И какие планы у вашего Института?

С.Л. Культурная работа должна быть направлена на то, чтобы сделать мир лучше, и для меня это означает, что особое внимание будет уделено в этой работе молодым людям и будущим поколениям. Я искренне верю, что последующим поколениям очень важно будет найти способ, чтобы понять и принять различные культуры, различные исторические особенности. Культурное понимание поможет молодежи достичь открытости в отношениях, а не прибегать к стереотипам.

В.М. Расскажите, пожалуйста, о программе стипендий, которая действует благодаря вашему Институту.

С.Л. Наш институт, директором которого является профессор Антон Федяшин, предлагает широкий спектр денежных наград, позволяющих американским студентам учиться в России в течение лета. Ежегодная премия Саймингтона оплачивает летние курсы в МГИМО. Она была создана в честь конгрессмена Джеймса Саймингтона и его вклада в улучшение американо-российских отношений. Институт также предлагает шесть ежегодных наград Сюзан Кармел Лерман на шестинедельные летние программы в МГИМО или в Высшей школе экономики в Москве. Студенты сами решают, где они хотели бы учиться. Институт выдает, как минимум, три стипендии на изучение языка, которые могут быть использованы в любой программе в России. Этим летом семь наград позволят студентам принять участие в поездке с Антоном Федяшиным по «Литературным местам России», включающей Москву, Петербург, Ясную Поляну и Старую Руссу. Все награды разыгрываются по конкурсу – в зависимости от качества сочинений и общей успеваемости. За последние четыре года институт выдал почти 70 наград для обучения студентов в России. Институт отправляет американских студентов в Россию, чтобы они делали собственные выводы о стране, основанные на личных контактах, культурном погружении и прямом образовательном опыте.

В.М. Социологические опросы и в США, и в России показывают, что граждане обеих стран все более негативно относятся друг к другу. Может ли «народная дипломатия» сегодня изменить этот тренд или это упирается в большую политику, где простые люди бессильны?

С.Л. Реальные перемены должны идти от сердца, и я искренне верю, что культура – это главный инструмент в понимании людей. Личные взаимодействия и обмен личным опытом является главным принципом, на котором основан Институт русской культуры и истории имени Кармела. Прямые контакты лежат в основе всех инициатив, которые я поддерживаю. Сегодня мы сталкиваемся со многими проблемами в международных отношениях, но каждый раз, когда люди, с разным историческим прошлым, с разными национальными культурами и личными биографиями могут встретиться и понять, что их объединяет и что различает, мы испытываем положительные эмоции, и они нас делают ближе на один шаг к эпохе сотрудничества и взаимного уважения. Я считаю, что именно эти небольшие шаги приведут нас к мирному и успешному будущему.

В.М. Приходилось ли вам бывать в России? Где и когда? Что запомнилось? Что понравилось в этой стране, а что вызвало неприятие или, скажем, непонимание?

С.Л. Да, мне очень повезло, что за последние несколько лет меня приглашали на несколько важных мероприятий в Россию: на открытие Большого театра, открытие Мариинской второй сцены (Мариинка 2), на Фестиваль «Белые ночи» в Санкт-Петербурге и на Екатерининский Бал в Царском Селе. Я также ездила по собственной инициативе, навещала друзей и участвовала в мероприятиях для наших студентов во время их поездки в Россию. Этим летом я планирую посетить Шаляпинский фестиваль и конкурс имени Чайковского. Мои поездки в Россию всегда были замечательными: красивые отели, рестораны с большим выбором великолепных блюд, театры, музеи, магазины,

история и искусство. Я обнаружила, что легендарное русское гостеприимство не миф. Люди, с которыми я встречалась и общалась, даже совершенно случайно – гуляя по улицам, – были вежливыми, доброжелательными и, я бы сказала, терпеливыми в общении, учитывая мои проблемы с русским языком. Я всегда чувствовала себя в безопасности во время экскурсий по достопримечательностям городов. Я всегда увожу с собой красоту России, которая отражается в людях, благодаря их прекрасным, дружеским и вежливым манерам.

В.М. Сейчас отмечается юбилей встречи на Эльбе американской и советской армии весной 1945-го. Впереди 70-летие Победы. Это дата сегодня очень по-разному воспринимается в Вашингтоне и Москве. Даются разные оценки не только той эпохи, но и союзническим отношениям двух стран. Пользуясь случаем, в связи с юбилеем, что бы вы хотели пожелать нашим читателям по обе стороны Атлантики?

С.Л. Россия – красивая страна с великолепной культурой и богатой историей. У меня много прекрасных друзей в России – людей, которых я очень уважаю и которыми восхищаюсь. За спиной у наших стран – историческое сотрудничество. Россия была нашим союзником в каждой крупной войне. Русская музыка и культура танца оказали огромное влияние на американскую культуру – тут и сюита из балета «Щелкунчик», которую мы слушаем каждый раз во время Рождества, и увертюра «1812 год», которую мы исполняем в национальный праздник 4 июля. Мы многого достигли за счет сотрудничества в области науки и научных исследований. Международная космическая станция тому хороший пример. В наших университетах преподают историю русского кино, театра, ведут курсы по литературе. И все это повлияло на развитие нашего искусства. В эти юбилейные Дни Победы над нацизмом в Европе я желаю

всем по обе стороны Атлантического океана лучше понимать друг друга и строить мосты сотрудничества в духе Эльбы.

My wish for everyone on both sides of the Atlantic would be to gain a greater understanding of each other and to build bridges of cooperation in the Spirit of the Elbe.

Вадим Массальский
Вашингтон, США

Русские американцы

Под крутым бейдевиндом, или мастер-класс профессора
Леонтьева

Когда они обогнули мыс и впереди за мостом, соединяющим обрывистые берега залива, стал угадываться океанский простор, двигатель вдруг зачихал, закашлял, закряхтел и затем, издав предсмертный стон, затих.

– Джон, что там стряслось? – крикнул хозяин яхты, постучав по открытой крышке люка моторного отделения.

Моторист, он же боцман и единственный матрос парусника, по-змеиному извиваясь, выскользнул из узкого люка, и тихо пережевывая морские ругательства, объяснил.

– Забился топливный фильтр, мистер Леонтьев.

Крепкий и подтянутый, несмотря на свои шестьдесят с гаком, профессор Гарварда и заядлый яхтсмен Василий Васильевич Леонтьев насупил густые седые брови. Он давно знал и любил Джона Макклара. Это был хороший механик и бесстрашный моряк. Он ухаживал за яхтой, как за любимой женщиной, особенно в зимние дни, когда она беззащитная, беспарусная стояла на эллингах, подставив свои борта ледяным ветрам Новой Англии. Но у Джона был

недостаток, доставшийся, возможно, от его шотландских предков. Он был скуп и сейчас, видимо, поплатился за это, купив по дешевке солярку у заезжих продавцов.

– Джон, если мы ляжем в дрейф, вы сможете быстро заменить фильтр?

Джон кивнул, потупив глаза. Он не был уверен, что дело ограничится только заменой фильтра, но пока решил придержать эти опасения при себе.

– Василий Васильевич, мы можем поднять парус. Я ведь когда-то служил матросом в Кронштадте, – вступил в разговор Сергей Воронцов, единственный на этот раз гость на борту, которого Василий Леонтьев пригласил на воскресную морскую прогулку.

Леонтьев посмотрел на пассажира, годившегося ему в сыновья, с укором бывалого шкипера, которому юнга дает советы. Но все-таки промолчал, боясь обидеть гостя. Воронцов был одет в серую штормовку, комбинезон и тяжелые армейские ботинки, но очки в роговой оправе выдавали в нем кабинетного ученого.

Вообще этот настырный парень, приехавший на полугодовую стажировку в Гарвард по линии научного обмена, давно понравился Леонтьеву. Помнится, в первый раз Леонтьев увидел его в 1959-м в Москве, куда прилетел по официальному приглашению уже как маститый ученый, создатель модели универсального межотраслевого баланса, которой уже широко пользовались на Западе. После лекции в ИМЭМО, в тесном, забитом до отказа зальчике в Китайском переулке, к Леонтьеву подошел – вернее, протиснулся через толпу – молоденький аспирант и задал вопрос:

– Можно ли из вашего доклада, профессор, сделать вывод, что через двадцать лет Советский Союз обгонит Америку по основным экономическим показателям?

Тогда Леонтьев ответил уклончиво. Вопрос показался ему слишком наивным, и в ответ он посоветовал только ознакомиться с его работами и трудами Кейнса.

Впрочем, ответ был тоже наивным. Где в СССР с ними можно было «ознакомиться»?

Сейчас все было по-другому. Сейчас Воронцов был уже не безусым аспирантом, а кандидатом наук, который занимался исследованиями в команде Леонида Канторовича. Того самого, выдающегося советского экономиста и математика, которого Леонтьев знал, с которым не раз спорил, но к которому – кстати, тоже будущему Нобелевскому лауреату – испытывал чувство профессионального уважения.

Сам Воронцов тоже вызывал у него симпатию. И он относился к этому, несомненно, талантливому парню почти по-отечески. Но при этом, боясь показаться фамильярным, старался держаться на равных и по старой петербургской традиции величал стажера исключительно по имени-отчеству – Сергеем Петровичем. Однажды, когда полугодовая стажировка Воронцова при Гарвардском Центре экономических исследований, который возглавлял Леонтьев, подходила к концу, молодой ученый подошел к профессору и произнес почти заговорщически:

– Василий Васильевич, мне бы хотелось переговорить с вами по одному очень личному и деликатному делу. Но, желательно, не в рабочей обстановке. Это связано с возвращением на родину...

Леонтьев согласился, что дальнейший разговор на эту тему в университетских стенах будет действительно неуместным. Он не стал вдаваться в подробности, следует ли понимать, что молодой советский ученый хочет стать невозвращенцем. Но, пользуясь случаем, Леонтьев вдруг, неожиданно даже для самого себя, пригласил Воронцова в нынешний, пожалуй, уже последний теплый осенний уикенд на свою яхту. Решил – пусть там и расскажет.

– ...Капитан, я жду команды на подъем стакселя, – вернул профессора из задумчивости Воронцов.

Леонтьев стал к штурвалу и с сомнением посмотрел на пассажира-матроса.

– А поймаете ли ветер в заливе?

Воронцов с энтузиазмом закивал головой и принялся выбирать стаксель-фал сначала руками, а затем лебедкой. Леонтьев внимательно наблюдал за его движениями. Он понял, что у парня есть общие навыки на уровне школы юнг, но, вряд ли у него была хорошая морская практика. Иначе он бы не пытался при таких слабых порывах поймать ветер.

Яхта несколько раз меняла галсы, но стаксель так и не шелохнулся, и даже вспомогательный спинакер висел как лохмотья. Воронцов посмотрел на шкипера молящим взглядом, прося дать ему еще одну попытку. Вместо этого Леонтьев молча закрепил штурвал, спустился в каюту и принес оттуда кофе в термосе и тарелку с бутербродами.

Когда они снова легли в дрейф, за ланчем, профессор позволил себе пофилософствовать:

– Я часто, объясняя студентам, как функционирует экономика страны, сравниваю ее с яхтой в море. Чтобы дела шли хорошо, нужен ветер, – это заинтересованность. Руль – государственное регулирование. Сейчас у вас проблемы с заинтересованностью. Прямо как в Советском Союзе.

Воронцов ответил критикой на критику:

– Зато в Америке проблемы с управлением. А если еще и двигатель выйдет из строя...

Профессор кивнул, делая глоток обжигающе горячего кофе:

– Да, у американской экономики слабый руль. Нельзя делать так, как советуют наши консерваторы: дескать, поднимите паруса, пусть их наполнит ветер, и идите в каюту пить коктейли. Так нас на скалы вынесет, и яхту разобьет вдребезги. У Советского Союза наоборот: ветер не наполняет паруса, а тогда и руль не помогает.

– Ну и где пример для подражания?

– В Японии. – Леонтьев прищурился от яркого солнца и сделал паузу. – Но боюсь, ни у нас – американцев, ни у вас – русских так не получится...

Воронцов, поморщился, словно, прямо перед его носом грубо захлопнули дверь. Не дожевав и наспех проглотив кусок бутерброда, он с досадой спросил:

– А вы разве не считаете себя русским?

Леонтьев пожал плечами, попробовал поразмышлять вслух.

– Мать моя – одесская еврейка. Отец – петербургский купец, старообрядец. Сам я родился в Мюнхене. Крестился в России. Учился в Германии, работал в Китае. Вот и судите, кто я?

– Человек мира, – понимающе кивнул Воронцов. И вдруг выпалил. – Но неужели вам никогда не хотелось помочь своей родине – России?

Леонтьев извинительно улыбнулся:

– А я ведь помогал во время войны.

Воронцов промолчал, будто приглашая собеседника продолжить свой рассказ.

– Я работал в специальной комиссии Пентагона. По моей матрице «затраты – выпуск» для экономики Германии выбирались цели бомбардировок промышленных объектов нацистов. Правда, сейчас в СССР не любят вспоминать, что это союзная авиация уничтожила военную индустрию Гитлера.

Воронцов понимающе пожал плечами.

– Но это не все, – профессор устроился за раскладным столиком на юте как за кафедрой. Я еще занимался расчетами объема и структуры ленд – лиза. В том числе – военными поставками в СССР. Вот это мой вклад в нашу общую победу.

– Об этом мне известно, – заметил Воронцов, несколько загадочно. – Тогда вы руководили русским экономическим подразделением стратегических сил США. И, судя по

анализу, ваши расчеты по точности не уступали нашим собственным. Хотя велись по другой математической модели с большим количеством неизвестных величин.

По лицу Леонтьева пробежала легкая тень. Он подумал, что для рядового кандидата наук этот парень слишком хорошо информирован. Ему вдруг стало даже любопытно, а действительно ли этот стажер мог быть связан с КГБ, о чем профессору не раз нашептывали сверхосторожные старые эмигранты... Но с другой стороны, какая разница, подумал Леонтьев. Во – первых, сам он не говорил сейчас ничего секретного. А во – вторых... Леонтьев вдруг легонько хлопнул себя ладонью по лбу, как человек, неожиданно разгадавший головоломку:

– Сергей Петрович, помилуйте! Если вы решили уговорить меня вернуться в СССР, то это глупая затея. И для меня, и тем более для вас...

Воронцов вскинул брови. Леонтьев поспешил объяснить:

– Я как экономист буду вам только мешать. У вас же во всем двойная бухгалтерия! Очковтирательство! От колхоза до госплана... И наконец, эти безответственные, эти безграмотные планы – за 20 лет построить рай на земле!

Профессор завелся. Он покраснел и начал жестикулировать, сейчас ему оказалось бы малым даже пространство за кафедрой, а не то, что место за раскладным столиком на пятачке у трапа в каюту.

Но Воронцов вдруг резко перебил собеседника:

– Это ушло вместе с Хрущевым. Сейчас пришли новые люди. Прагматики, ориентированные на диалог в политике и на личную инициативу людей в экономике...

– И что? Значит, вы больше уже не строите коммунизм?! – профессор всплеснул руками и расхохотался. Чайка, сидевшая на якорной лебедке, испуганно вскрикнула и взмахнула крыльями. Ей не хотелось улетать с насиженного

места. Но она с тревогой следила за фигурой человека, неожиданно ставшей угрожающей.

Воронцов хладнокровно выждал, когда профессор немного успокоится.

– Василий Васильевич, теперь мы будем строить социализм. Настоящий. С человеческим лицом. Такой, какой хотят строить в Европе.

– Кто хочет? – усмехнулся Леонтьев.

– Ну, например, Дубчек в Чехословакии.

Леонтьев посмотрел на него недоверчиво. Он читал о реформаторских проектах нового лидера чехословацких коммунистов Александра Дубчека, но сомневался, и как оказалось не зря, что Москва позволит Праге действительно пойти на либеральные реформы... Профессор в сомнениях пожал плечами.

– Нет, голубчик, решительно не понимаю, чем я реально могу быть вам полезен. Это все равно, что учить человека ходить спиной вперед. И, заметьте, человека, который сам себя заковал в кандалы.

– Вот эти кандалы и надо снять! А для этого – сформировать общественное мнение. И прежде всего – в научной среде.

Воронцов взял кофейник и хотел добавить кофе в профессорскую чашку, но Леонтьев жестом остановил его.

– Общественное мнение? Гм – м, боюсь, я сразу потеряю свое собственное, как только снова попаду за железный занавес.

– Василий Васильевич, в конце концов, вы всегда можете вернуться.

Леонтьев чуть наклонился вперед и в упор посмотрел в глаза своему советскому стажеру. Воронцов медленно и не отводя взгляда, поправил очки на переносице. Взгляд этот вдруг сделался немигающе хищным. В какой – то момент Леонтьеву даже показалось, что зрачки у его собеседника по – волчьим блеснули. Где – то он уже видел точь-в-точь

такой взгляд и такой блеск? Где? Яхту слегка закачало. И ли это закачало Леонтьева на волнах его памяти? Профессор посмотрел вдаль за самый горизонт. Да, точно, видел! Именно такой.

1925 год. Ленинград. Врачи поставили университетскому вундеркинду, 19-му летнему (!) преподавателю кафедры экономической географии ЛГУ Василию Леонтьеву страшный, и как потом оказалось, ошибочный, диагноз – саркома челюсти. Они же ходатайствовали о выезде молодого дарования на лечение в Германию. Как позже будет шутить сам Леонтьев, «ему саркома помогла». А уже задолго до этого у талантливого экономиста начались неприятности в университете. Причем, как ему казалось, по мелочам. Сам он старался держаться подальше от политики. Но политика следовала за ним по пятам. По доносам за вольнодумство его несколько раз вызывали на «профилактические беседы». А затем и на допросы. Как-то сказали уже совсем без обиняков: «Мы ведь вас, юноша, и расстрелять можем». На лечение (многие думали – все равно помрет) неожиданно выпустили. Но перед выездом за границу снова вызвали в ОГПУ, тогда еще на Гороховой улице. Здесь Леонтьева встретил элегантный, стройный мужчина с безупречными манерами. Видимо, из перековавшихся старорежимщиков. Он был не в гимнастерке, не в кожане, а в модном, на заказ пошитом костюме-тройке. И говорил тихо, вежливо, озвучивая инструкцию о том, как вести себя во враждебном буржуазном окружении. Но вид у Леонтьева все равно был похоронный.

– Не отчаивайтесь, Сергей Петрович. В Германии хорошие врачи, лечитесь и возвращайтесь, – при этом чекист по-волчьи блеснул глазами, да так, что Леонтьев вздрогнул как от электрошока. – Мы с вами еще увидимся.

Вот и увиделись. Впрочем, Леонтьеву сейчас все равно было как-то неловко за свои подозрения. Может, он все-

таким образом на своего стажера? Профессор деликатно поинтересовался:

– Сергей Петрович, милейший, а откуда у вас такие полномочия? Вы ведь только кандидат наук, а не академик, не директор института?

– Пока нет, – улыбнулся Воронцов, – но среди моих старших товарищей, которые уполномочили меня на этот разговор, есть и академики, и директора... Я могу дать их контакты. Напишите им или позвоните сами.

Леонтьев чуть поморщился. Воронцов истолковал это по – своему:

– Василий Васильевич, в Америке превратное представление о советских людях. Если вас что-то беспокоит, то скажите...

Леонтьев бросил взгляд на океанскую даль.

– Если сейчас меня что-то и беспокоит, так вот эти тучи на горизонте. Погода портится. Надо поднимать паруса.

Воронцов кивнул. Он понял, что разговор окончен.

Профессор глянул на часы, стрелки которых сошлись на цифре четыре, легко поднялся в такт покачивающейся палубе и сделал несколько шагов в сторону моторного отделения. Через открытый люк он увидел спину Макклара. Механик сидел, словно йог, в какой-то невысказанно перекрученной позе, громко кряхтел и пытался завести за переборку новый патрубок топливопровода.

– Джон, ну что там у вас?

Макклар, извиваясь как змея, высунул голову из люка. По перепачканному лицу его, по глазам, сощурившимся от яркого света, трудно было сразу понять: улыбается он или корчит гримасу.

– Не волнуйтесь, кэп. Осталось заменить пару патрубков и поставить новую муфту. Думаю, за час справлюсь.

– За час? – недоверчиво переспросил Леонтьев и кивком головы показал на восток, где одна на другую до самого горизонта громоздились свинцовые тучи. – Через

час нас вынесет течением из залива, через два зайдет солнце, а через три начнется шторм, при котором приближаться к прибрежным скалам станет слишком опасно.

Трое мужчин переглянулись. Перспектива провести ночь в штормовом океане, переживая бурю, никак не входила в их планы на уикенд. Над палубой повисла тишина, на фоне которой вдруг отчетливо стало слышно дыхание ветра.

Леонтьев на правах старшего на борту прервал затянувшуюся паузу и заговорил со спокойной академической любезностью, будто речь шла не об опасном морском предприятии, а о решении практической задачки в университетской аудитории.

– Ну-с, любезный Сергей Петрович, вы, кажется, хотели получить мастер-класс хождения под парусом?

Воронцов с готовностью кивнул. Лицо его чуть побледнело, но в глазах светилась решимость.

– Тогда заступайте на матросскую вахту, – скомандовал шкипер и протянул гостю потертые кожаные перчатки.

План профессора-капитана был одновременно прост и дерзок. Сам Леонтьев становился к штурвалу, чтобы направить яхту к берегу под крутым бейдевиндом (курсом под максимально острым углом к ветру), не дожидаясь, пока норд-вест усилится и вместе с отжимным течением окончательно понесет яхту в открытый океан. Задача палубного матроса была в том, чтобы успевать управляться с парусами при частой смене галсов.

Дело это было плевое для любого бывалого моряка, например, такого как Джон Макклар. Но сейчас Макклар возился с мотором, и его задача была дать ход до того, как яхта приблизится к прибрежным камням. И у Леонтьева были некоторые сомнения, что когда палуба заходит ходуном при лавировке, механику удастся также ловко, как в дрейфе, менять свои йоговские асаны и орудовать ключами.

Но профессора приятно удивил его советский стажер. Хотя он имел больше теоретическое представление об управлении парусами, но, несомненно, был способным учеником и ловил на лету все команды шкипера.

Правда, сердце Леонтьева каждый раз екало, когда Воронцов выполнял поворот оверштаг, и при этом парус, проходя через левентик, переходил с одной стороны на другую. Шкипер даже залюбовался, глядя, как его пассажир по-матросски лихо перебрасывал тяжелый, намокший парус с борта на борт.

«Все-таки молодость – великая сила», – с завистью подумал профессор и в ту же секунду выкрикнул:

– Берегись!

Неожиданно шквальный порыв ветра, словно кувалда, ударил в скулу яхты. Этот морской нокдаун пришелся как раз в тот момент, когда парусник пытался стать точно по ветру. Стаксель тряхнуло и тяжелый металлический гик, словно ось карусели, полетел по кругу и с размаха ударил Воронцова по спине. Тот кубарем полетел за борт.

Леонтьев круто переложил руль вправо на разворот и бросился крепить парус. Ему удалось это сделать за считанные секунды, но волны отнесли Воронцова на добрую сотню футов. Его несло на скалы. И, похоже, что при падении беднягу оглушило. Он как оранжевый поплавоч выныривал из воды в спасательном жилете, но не показывал признаков жизни.

Леонтьев бросился за подмогой к Макклару, но прежде чем добрался до него по скользкой палубе, он услышал чихание, кашель, а затем мерное глухое ворчание ожившего двигателя. И эта музыка мотора вдруг показалась капитану самой прекрасной мелодией на свете.

...Когда яхта с полным экипажем на борту ошвартовалась у родного причала в закрытой гавани, был уже вечер. По набережной гулял игривый ветерок, кружа и увлекая за

собой опавшие, легкие как пух листья. Даже не верилось, что где-то совсем рядом уже бушевал океанский шторм.

– Знаете, чего я действительно боюсь, – сказал, прощаясь, профессор Леонтьев, когда подвез своего советского стажера до университетского кампуса.

Воронцов пожал плечами. Он действительно не понимал, куда сейчас клонит профессор.

– Я боюсь, что завтра с Россией может случиться то же, что с нашей яхтой сегодня.

Воронцов чуть поежился. Воспоминания сегодняшнего дня были для него не самыми приятными.

– Так вот. Я боюсь, что оставшись без привычного движителя экономики – высоких в цене нефти и газа, вы в спешке начнете ставить паруса, и вас понесет на скалы. И тогда вам ничего не останется делать, как направить свой корабль штормовать в океан. Курсом, которого вы не прокладывали, и который неизвестно, куда приведет.

Воронцов истолковал это пророчество по-своему:

– Тогда до встречи на родном корабле в штормовом океане!

Леонтьев устало усмехнулся:

– Нет, ну почему вы все-таки так уверены, что я к вам приеду?

– Все просто: вы говорите о России с тревогой и надеждой.

...Будущий нобелевский лауреат, создатель Центра в Гарварде и Института в Нью-Йорке действительно еще не один раз приезжал в Россию, когда началась перестройка – второй за столетие великий российский эксперимент. Как и от первого – большевистского – Леонтьев был от него не в восторге. Да, конечно, он приветствовал рыночные демократические реформы, но он был в шоке от социально-

экономической «шоковой терапии». Осенью 1992 года в Голландии, выступая как почетный председатель и «ключевой оратор» на конференции, посвященной странам Восточной Европы, 86-летний патриарх экономической науки Василий Васильевич Леонтьев с тревогой задавался вопросом: представляют ли себе люди у власти в Москве, Киеве, в других постсоветских столицах, какое общество и какую экономику они хотят построить на руинах коммунизма. Порой кажется, недоумевал ученый, что они хотят капитализма, которого уже нет и на Западе.

В 1996-м Леонтьев вместе с группой всемирно известных американских и российских экономистов подписал обращение к президенту РФ Борису Ельцину, предлагая ему основы новой экономической политики. В этом обращении говорилось о необходимости борьбы с инфляцией, с утечкой капиталов, с разрушением социально-производственной инфраструктуры, а главное – борьбы с КРИМИНАЛИЗАЦИЕЙ всей экономической жизни. Увы, обращение осталось без ответа. А в 1997-м году, когда страна уже пожинала плоды залоговых аукционов, была отменена за ненадобностью и московская международная экономическая конференция, участником которой должны были стать и американские нобелевские лауреаты – «подписанты», в их числе и Василий Васильевич Леонтьев. Это была его последняя попытка быть полезным России. 5 февраля 1999-го великого ученого не стало.

Конечно, идеи Леонтьева, которого называют «Энштейном в экономике» и сегодня живут в России. В Санкт-Петербурге продолжает работать созданный еще в 1991-м международный Леонтьевский Центр, подготовивший за эти годы более 500 исследовательских, консалтинговых, издательских и других проектов. Но идеи всегда остаются только идеями, пока не находятся люди, способные претворить их в жизнь. Те, кто готов стать к штурвалу, поднять паруса и повести государственный

корабль даже под крутым бейдевиндом, не дожидаясь, когда задует попутный ветер. Есть ли сегодня такие люди в России?

Михаил Бузукашвили
Нью-Йорк, США

Жизнерадостное мироощущение, исполненное веры в будущее

О книге «Феномен еврейской культуры». Интервью с
Юрием Окуневым

Юрий Окунев – человек очень разносторонний, поистине энциклопедически образованный, причем в самых разных сферах, вроде бы не связанных друг с другом. Он ученый в области теоретической радиотехники, автор научных монографий и учебных пособий по теории кодирования, модуляции и обработки сигналов, то есть в тех отраслях науки, в которых очень немногие разбираются по – настоящему. Работал в Санкт-Петербурге, затем в США получил 28 патентов на изобретения, удостоен почтной награды имени Чарльза Гирша за выдающийся вклад в теорию фазовой модуляции и разработку мобильных систем радиосвязи.

И в то же время, он известен как писатель-публицист, историк науки и культуры, автор книг на русском и английском языках. Многие из них неоднократно переиздавались. Среди них фундаментальная книга «Ось всемирной истории» – сборник эссе на темы еврейской истории и философии, на мой взгляд, интереснейшее из того, что мне доводилось читать на эту тему в последние годы.

Только что вышла в свет его новая книга «Феномен еврейской культуры». Это масштабное, читаемое с огромным интересом глубокое исследование, обращенное к истории и дню сегодняшнему, поразительно емкое по объему фактов, книга, очень ярко показывающая вклад евреев в мировую цивилизацию.

Корр. Эпиграфом к вашей книге служат слова второго президента США Джона Адамса: «Я настаиваю, что евреи сделали для цивилизации человека больше, чем любая другая нация». У каждой нации есть, наверное, то, чем она может гордиться. Вы подчас говорите о достижениях еврейской культуры в возвышенных тонах и превосходных степенях. Означает ли это, что вы превозносите еврейскую культуру над культурами других народов?

Ю.О. Это и простой, и непростой вопрос – как к нему подходить, но, конечно, это вопрос болезненный.

Если ограничиться кратким ответом, то он прост – нет, не превозношу! Если бы я писал книгу, например, о русской культуре, то применял бы для описания творчества, скажем, Чайковского, Менделеева, Репина, Пушкина и Толстого не менее возвышенные и даже пафосные слова, чем для Мендельсона, Эйнштейна, Шагала, Галеви, и Агнона.

Если, однако, попытаться осветить болезненную сердцевину данного вопроса, то следует непременно сказать: одной из особенностей феномена еврейской культуры являются преднамеренные, постоянные попытки ее забвения или даже отрицания ее существования. Например, в лексиконе Советского Союза на протяжении значительной части его истории словосочетание «еврейская культура» просто не существовало, а малейшее погружение в эту культуру приравнивалось к проявлениям «еврейского буржуазного национализма» – напомню, что именно с такой формулировкой обвинительного заключения были расстреляны выдающиеся деятели еврейской культуры в

1952 году. Попытки отторжения еврейской культуры от мировой культуры в целом предпринимаются под разным соусом и в наши дни. Один мой знакомый, прочитав книгу еще в рукописи, сказал, что термины «еврейская культура», «еврейская музыка» и т.д. вызывают у него отрицательные ассоциации и напоминают нацистские антисемитские выпады – таков результат многовековой юдофобской пропаганды. Дело доходит до того, что некоторые евреи не желают знать свою национальную культуру, опасливо сторонятся ее – такого я, признаться, не припомню ни у одного другого народа.

В этой книге нет попыток превозносить еврейскую культуру, мои собственные оценки вообще не содержат сопоставления или противопоставления различных культур, а все оценки вклада евреев в мировую культуру базируются на высказываниях неевреев – американского президента Адамса, британского историка Джонсона, русского композитора Шостаковича, американских писателей Твена и Эмерсона, русских философов Соловьева, Бердяева, Булгакова и Федотова и многих других.

Я бы сказал, что еврейская культура отнюдь не нуждается в «превозношении», она нуждается в правдивом, честном, непредвзятом и всестороннем описании, которое противостояло бы не другим культурам, а многовековым юдофобским наветам, равно как и основанным на лжи попыткам забвения и стирания из памяти человечества вклада евреев в нашу цивилизацию. Именно это я и попытался сделать в книге «Феномен еврейской культуры».

Корр. А когда зарождалась еврейская культура? Понимаю, что нет таких точных данных, все это уходит корнями в глубину тысячелетий, но, и об этом вы пишете в своей книге, можно более или менее четко определить время, когда начиналось то, что мы называем образованием.

Ю.О. Да, эта тяга к образованию, это стремление к учебе проявились у евреев с древнейших времен, тогда,

когда у других народов грамотность была привилегией лишь одиночек, принадлежащих к высшим слоям общества. Всеобщее обязательное начальное образование – подчеркиваю, всеобщее – было введено в еврейском государстве в первом веке до нашей эры во времена правления иудейской царицы Александры. Известный историк Макс Даймонт, автор книги «Евреи, бог и история» писал: «за сто лет до рождения Христа, в мире сплошной безграмотности еврейский народ в своем крохотном государстве практически решил эту проблему».

Согласно недавно опубликованному Принстонским университетом совместному исследованию двух ученых-экономистов из Италии и Израиля, невероятный экономический успех евреев во времена средневековья они объясняют всеобщей грамотностью евреев, основанной на постоянном, с детских лет, чтении Торы и Талмуда. И это происходило тогда, когда евреям чинились всяческие препятствия, когда их притесняли как могли, не говоря уже и о такой форме преследования, как сожжение на кострах. И высокий уровень образованности евреев резко выделялся на фоне тотальной неграмотности окружающего мира.

А если говорить о гораздо более отдаленных от нас временах, то скажем так, что все образование начиналось тогда, когда возник алфавит. Уму непостижимо, как в темной глубине веков, в древности, возникла эта ошеломительная идея алфавитного письма. В книге я уделяю немало внимания этому вопросу, пишу о том, что история изобретения алфавитного письма до сих пор остается загадкой и вокруг этой загадки существует немало легенд. Если говорить коротко, то одна из наиболее достоверных версий состоит в том, что гениальный изобретатель алфавитного письма жил в середине второго тысячелетия до нашей эры, скорее всего в древнем Ханаане, говорил на семитском наречии и сочинил первый алфавит из согласных букв, называвшихся древнееврейскими словами – алеф, бейт, гимел, далет. Это

было самое начало. Удивительна, возвышенна и загадочна история создания алфавитной письменности. И из всех народов, участвовавших так или иначе в создании первого в мире прото-алфавита и донесших алфавитное письмо до древних греков, сохранился в наше время на земле только еврейский народ. Все другие народы полностью исчезли, не оставили после себя значительных письменных источников, созданных с помощью того алфавита, который они принесли человечеству. И только евреи донесли до нашего времени Книгу книг, написанную буквами еврейского алфавита, который почти неотличим от того, который был изобретен гением человека три с половиной тысячи лет тому назад.

Если говорить о Библии, то надо отметить, что в этом уникальном историческом, религиозном и культурном памятнике человечества, который веками вдохновлял философов, писателей, художников, за все эти тысячелетия не изменилась ни одна буква. Ни в оригинале на древнееврейском языке, ни в греческом и латинском переводах, ни в последующих переводах на все современные европейские языки. Тексты Библии никогда не редактировались и не адаптировались. А попробуйте читать неадаптированные поэмы Гомера или оригинальные тексты Шекспира. Возьмем, например, «Слово о полку Игореве» в подлиннике. Исходный текст «Слова» был написан сплошной строкой без делений на слова. Только через шесть веков эту однострочную рукопись удалось расшифровать и разделить на 2800 осмысленных слов, но и тогда это было трудно понять, пока академик Дмитрий Лихачев не перевел текст на современный язык. А ведь все это было значительно позже Библии, в которой, повторяю, ни одна буква не изменилась на протяжении тысячелетий.

Корр. На протяжении тысячелетий евреи не имели своей государственности и единого языка. В своей книге вы приводите длинные и очень впечатляющие списки людей, евреев по национальности, настоящих гигантов мировой

истории, науки, культуры. Эти люди жили в разное время в разных странах, говорили на разных языках, в зависимости от того, в какой стране жили. И этих стран были десятки. Вы сами пишете о том, что это затрудняет идентификацию творчества еврейских авторов, представителей еврейской духовности и культуры из разных областей жизни. Кем был Альберт Эйнштейн? О нем пишут – немецкий ученый. Кем был Марк Шагал? О нем пишут – французский художник. Или белорусский художник.

Ю.О. Вы здесь упомянули только некоторые имена. В своей книге я отвечаю на этот вопрос, приводя примером хорошо известных представителей еврейской культуры из четырех разных областей – науки, литературы, живописи и музыки. Четыре гигантские вершины прошлого столетия – Альберт Эйнштейн, Франц Кафка, Марк Шагал и Густав Малер. В справочной литературе принадлежность этих гениев к еврейской культуре и вообще к еврейству иногда доходила – да и сейчас доходит – до откровенного издевательства над истиной. Про величайшего физика Эйнштейна писали, что он швейцарский, немецкий или американский ученый. Или писали, что он американский физик немецкого происхождения. А у нас, в бывшем СССР в книгах об Эйнштейне ни разу не встречались слова «еврей» или «еврейский». И это не только во времена очень отдаленные, но уже ближе к нам, в годы, когда стали происходить перемены. В 80-е годы был выпущен справочник по истории физики. Краткие сведения и маленькие – с почтовую марку – портреты всех крупных физиков. И только для четырех физиков, как о них писали – величайших ученых всех времен и народов, были сделаны исключения, поместили их большие портреты. Это Галилей, Ньютон, Ломоносов и Эйнштейн. Про Галилея писали, что он выдающийся итальянский физик. Про Ньютона, что он выдающийся английский ученый. Про Ломоносова – выдающийся

русский ученый. А про Эйнштейна было написано, что он выдающийся ученый-теоретик.

Или я пишу о Кафке. Замечательный писатель, знаковая фигура в мировой литературе прошлого века родился и прожил большую часть своей жизни рядом с еврейским кварталом старой Праги, часто ходил в синагоги. К его памяти чехи относятся с большим уважением, но не считают его чешским писателем. Ведь он писал на немецком языке. Немцы не называют немецким писателем человека, всех родственников которого они уничтожили в концлагерях именно за еврейское происхождение. Называют его нередко австрийским писателем, что нелогично. Исходят из того, что во времена Кафки до первой мировой войны Прага была частью Австро-Венгерской империи, но тогда было бы более логичным называть его австро-венгерским писателем. В конце концов некоторые биографы нашли выход – назвали его пражским писателем. Это как у нас было известное выражение – мама русская, а папа юрист. То есть понятно, кто есть папа. И ни у кого язык не повернулся назвать Кафку еврейским писателем. Я пишу о том, что творчество Кафки базировалось на глубинной, ветхозаветной принадлежности писателя к еврейской культуре, хотя и писал он волею судьбы на немецком языке.

А о Марке Шагале в знаменитой Британской энциклопедии было написано, что он французский художник белорусского происхождения. Насчет французского возражать особо не станем, он пришел в мир евреем Мовше Сегалом, а покинул его французом Марком Шагалом. Но откуда взялось это «белорусское происхождение»? Он родился в семье еврейского грузчика в Витебской области Российской губернии. В то время Белоруссии как административно-государственного образования не существовало. В сегодняшней Белоруссии, в которой в советские времена долгие годы отрекались от Шагала, как от проклятого, память его чтут, открывают музеи. Сейчас

в моде более сбалансированная оценка – «российский и французский художник еврейского происхождения». То есть получается, что сам он, конечно, еврей, но художник не еврейский, а напротив, одновременно и параллельно российский и французский. Какая-то абракадабра получается. А ведь из далекого детства и до последних полотен и фресок протянулась еврейская тема в искусстве Марка Шагала. Исследователи отмечают постоянное присутствие явных черт хасидизма в творчестве Шагала, а в некоторых его картинах обнаружен буквальный перевод на изобразительный язык еврейских идиом.

Густав Малер считается австрийским композитором, ибо большую часть своей жизни работал и творил в Вене. Вы заметили, что австрийскими называют всех незаурядных ученых, музыкантов, писателей, философов еврейского происхождения, как тех, кто был убит австрийскими нацистами, так и бежавших из Австрии от преследований фашистов. Среди великих австрийцев, как о них теперь пишут, Имре Кальман, Зигмунд Фрейд, Карл Поппер, Стефан Цвейг и многие другие выдающиеся евреи, которые успели уехать из Австрии до того, как их бы отправили в газовые камеры. Вот трагическая статистика. Более 120 тысяч австрийских евреев бежали со своей родины, а 65 тысяч, которые не успели убежать, были поголовно уничтожены. Советские войска освободили Вену 13 апреля 1945 года. Из 200 тысяч евреев до этого дня в живых остались лишь 800 человек. Тысячелетняя культура и колыбель еврейских талантов были уничтожены австрийцами всего за несколько лет.

Сам Малер не дожил до прихода австрийских фашистов к власти, но всю жизнь страдал от антисемитизма. Когда его хотели назначить директором Венской придворной оперетты, император Франц-Иосиф спросил: но ведь он еврей? Ему объяснили, что Малер крестился, чтобы занять место директора. Франц-Иосиф сказал: знаете,

он мне больше нравится евреем. Малер играл огромную роль в мировой музыкальной культуре того времени, но антисемитизм всегда его преследовал. Он говорил о себе – «везде я чувствую себя чужим – в Австрии как чех, в Германии как австриец, и во всем мире – как еврей».

Этих четырех гигантов мировой культуры связывало осознание неотторжимой принадлежности к еврейству. И не только их этническое происхождение. Они родились и росли в разных странах, не были похожими ни по характеру, ни по роду занятий. Но их связывала коренная, фундаментальная принадлежность к еврейской культуре. Своего рода еврейская жестокость в творчестве, в отстаивании своих идей, мятежного отторжения догматов и стандартных решений, яростного неприятия несправедливости и смирения перед ней.

Корр. В своей книге вы много пишете о литературе, об евреях писателях, рассказываете и о тех, без кого трудно себе представить русскую литературу. Среди них Борис Пастернак, Самуил Маршак, Исаак Бабель, Илья Эренбург, Илья Ильф, Осип Мандельштам, братья Стругацкие и Вайнеры, Анатолий Рыбаков, Иосиф Бродский. Этот замечательный список еще долго можно продолжать. Вы много пишете и о мастерах художественного слова, которые стали классиками литературы разных стран. А кто из писателей-евреев, живущих или сравнительно недавно ушедших из жизни, вошел в современную американскую литературу?

Ю.О. За сто лет сейчас внучке Шолом-Алейхема Белл Кауфман. Многих еще лет жизни ей! В свое время большой интерес вызвала ее книга «Вверх по лестнице, бегущей вниз». Бестселлером и общественным событием мирового значения стал роман Эдгара Доктороу «Рэтгайм», который талантливо перевел на русский язык Василий Аксенов. Джером Сэлинджер – сын еврея из Литвы и шотландки, принявшей иудаизм, написал всего один роман «Над

пропастью во ржи», но этот роман стал выдающимся, знаковым событием мировой литературы прошлого века и имел огромный успех. Любители литературы хорошо знают Ирвина Шоу, Джозефа Хеллера, Ирвинга Стоуна, Леона Юриса, Атрура Миллера, Говарда Фаста, Сола Беллоу и других писателей, чьи имена вошли в американскую литературу.

Корр. А если говорить о писателях, ставших классиками в разных странах, евреях в нееврейской литературе?

Ю.О. Назову только некоторые имена, ибо список огромный. Это Марсель Пруст, Андре Моруа, Морис Дрюон, Эльза Триоле, Альберто Моравиа, Станислав Ежи Лец, Станислав Лем, Примо Леви, Януш Корчак, Юлиан Тувим.

Корр. В одном интервью трудно затронуть все грани того огромного исторического и публицистического материала, который отличает вашу книгу. Но один вопрос не могу не задать. Почему еврейская культура так светла и оптимистична, несмотря на многие века переследований и гонений?

Ю.О. Это замечательный вопрос, на него легко и радостно отвечать.

Однажды премьер-министр Израиля мудрая Голда Меир сказала слова, ставшие крылатым выражением-символом (Вы, как мне помнится, приводили их в одном из ваших интервью): «Израильтяне не имеют привилегии быть пессимистами». Эти слова относятся не только к израильтянам, но и ко всему еврейскому народу, равно как и к его культуре. Более того – возможно, они являются квинтэссенцией еврейской культуры, ее мотивацией и духом. Подобно многотысячелетнему загадочному выживанию еврейского народа в самых невыносимых условиях за стеной из ненависти со стороны окружающего мира, этот народ пронес через века страданий свое жизнерадостное

мироощущение, исполненное веры в будущее. В книге этому удивительному свойству еврейской культуры посвящена отдельная притча, завершающая раздел «Выброшенные из кареты поднимаются». Многие философы и писатели обращали внимание на неистребимый оптимизм и жезнестойкость евреев. Например, Марк Твен писал: «Египтяне, вавилоняне и персы поднялись, наполнили мир шумом и блеском, а затем завяли и канули в вечность; греки и римляне пошли по их стопам... Еврей видел всех, победил всех и сейчас такой же, каким был всегда. Он не показывает ни признаков заката, ни старческого бессилия. Его таланты не поблекли, и его бодрость не изменила ему».

Может быть, неблекнущие оптимизм, бодрость и являются одной из причин вызывающего недоумение философов многовекового выживания евреев и постоянного возрождения их культуры, подобно сказочной птице Феникс?

В любом случае хотелось бы подчеркнуть – оптимистический настрой еврейской культуры не имеет ничего общего с бесчувственным, шапкозакидательским, пьяноугарным весельем – это, скорее, «смех сквозь слезы», победа радости бытия над пережитыми страданиями. Уникальную двуслойность еврейской культуры отмечали многие исследователи. Например, Дмитрий Шостакович, восторгаясь еврейской народной музыкой, говорил:

«Еврейская народная музыка... многогранна. Она может казаться радостной и в действительности быть глубоко трагичной. Почти всегда это смех сквозь слезы. Это качество еврейской народной музыки очень близко моему представлению о том, какой должна быть музыка. Она должна всегда иметь два слоя. Евреи так долго мучались, что научились скрывать свое отчаяние».

Отмеченная Дмитрием Шостаковичем двуслойность свойственна не только еврейской музыке, но и, в меньшей степени, еврейской живописи и литературе. Посмотрите на

картины великого еврейского художника Марка Шагала – за сумасшедшим цветом, за радостным, на грани ликования, буйством красок почти всегда лежат нелегкие, полные забот и страданий проблемы жизни людей. Почему произведения великого классика еврейской литературы Шолома Алейхема не устаревают, почему мюзикл «Скрипач на крыше» по его роману не сходит со сцен и экранов, почему музыкальный театр из Токио в XXI веке разыгрывает на японском языке историю еврейского местечка? – ведь есть мюзиклы с не менее выразительными интригой и музыкой! Потому, что роман Шолома Алейхема «имеет два слоя», потому что это – «смех сквозь слезы», бессмертное основание оптимизма еврейской культуры.

Нельзя не упомянуть в ответе на Ваш вопрос тот бесспорный факт, что оптимизм еврейской культуры укоренен в религиозно-этических основах Торы, призывающих к построению справедливого общества свободных и счастливых людей не на небесах, а здесь – на Земле. Говоря о еврейской культуре и философии хасидов, выдающийся еврейский философ Мартин Бубер пояснял: «Сердце хасидского учения – это стремление к жизни на основе религиозного порыва, восторженного ликования. Данная доктрина – отнюдь не оторванная от реальности теория. Она скорее теоретическое приложение к жизни хасидов».

Биение сердца, наполненного «религиозным порывом и восторженным ликованием», вдохновляло на протяжении столетий творцов еврейской культуры. Их радостное мироощущение нашло отражение и в клезмерской музыке, и в знаменитой «Хава Нагиле», и в картинах Марка Шагала, и, наконец, в многочисленных литературных произведениях на идише и иврите.

Евсей Цейтлин
Чикаго, США

Другие глаза

Из книги «Шаги спящих. Дневник этих лет»

Пыль

Она пробовала учить дочку моих родственников музыке, но потом – недели через две – отказалась. Промолвила презрительно:

– Я не привыкла получать деньги даром, а здесь нет и намёка на способности.

Всё это не имеет теперь никакого значения. Девочка, которую мрачная сила родительского упрямства всё же заставила выучиться играть на фортепьяно, давно стала взрослой и – Пантофель была права – выбрала другую профессию. Наконец, позади уже остались долгие, похожие друг на друга годы: они ломали, старили, они вроде бы незаметно, но всегда жестоко испытывали нас.

Мы жили в одном подъезде: наша семья – на пятом, она – на первом этаже. Почему однажды я напросился к ней в гости, а потом стал бывать у неё – нечасто, но регулярно? По возрасту годился ей в сыновья. Общих интересов у нас не было. К тому же она встречала меня скорее неприветливо, чем радушно.

Сначала мне казалось: я прихожу к Пантофель из-за острого её языка, не щадящего никого и ничто. Однако вернее другое: в самой интонации её речи, в её жестах, в воздухе её маленькой квартирке я неосознанно, но очевидно различал тяжёлое дыхание судьбы.

– Слушаю... Ах, это вы...

Пантофель недовольно бурчала в трубку и – неизменно приглашала в гости.

Только теперь начинаю понимать ту сумятицу чувств, что туманом окутывали её. Она была рада мне, хотя и потом,

при встрече, говорила с той же усмешкой, чуть цедя слова. Разумеется, рада: наконец-то могла прямо, безжалостно высказать свои утаённые мысли – те, делиться которыми с русскими знакомыми ей не позволяло достоинство.

– Евреи – это пыль, – с вызовом повторяла Пантофель.

Она ничуть не сомневалась, что её утверждениям не нужны доказательства, но всё же порой развивала своё сравнение:

– ...Вы не задумывались, почему *их* всюду ненавидят? А ведь всё так просто! Народ, как и любой человек, имеет срок жизни и должен умирать вовремя, а не путаться под ногами у молодых. Евреи же... *Они* давным-давно отжили своё и теперь мешают всем: хитрят, подлаживаются, втираются куда только можно... Ну как же надоела *их* извечная скорбь, *их* претензия на всезнание, предвидение: всё уже было, было, было... А человек до всего должен доходить собственным умом! Мы не зря не любим тех стариков, что только предостерегают, наставляют. Вы-то, разумеется, знаете: у японцев это старичьё раньше просто отводили в горы, на кладбище: подошёл срок – пусть умирают там. И правильно!

Она энергично прерывала свой монолог; бывало, лишь махнёт рукой: и так, мол, всё ясно – «пыль, только пыль»...

Сидела передо мной прямо, как старая балерина, по привычке не позволяющая себе расслабиться в кресле. Поза Пантофель точно отражала суть её странного существования. Иногда я думал: как и зачем она живёт, если из всего, что когда-то беспокоило и терзало её, осталась одна ненависть – чем-то ещё согревающая её ненависть к собственному народу.

Правда, помню, однажды Пантофель недоумённо спросила меня и – должно быть, в который раз, – себя:

– Пыль... А что, собственно, такое пыль? Почему она возникает, и прежде всего – там, где живёт человек? Не

замечали: в комнате, из которой все выехали, пыли почти не бывает?

Об этих скрытых, а потому особенно сильных, будто сжатых пружинкой молчания, чувствах Клары Пантофель никто не подозревал. Конечно, в музыкальной школе, где она до самой пенсии заведовала учебной частью, подметили: к ученикам и преподавателям – евреям Пантофель особенно строга: не выискивает специально недостатки, однако никогда их не прощает. Думали, это обычная у евреев болезненная предусмотрительность: вдруг упрекнул в солидарности со «своими»?

Но я не сомневался: Клара Пантофель давно уже ничего не боялась.

Вспоминая о ней, вдруг замечаю, что невольно избегаю описаний. Например, описания её однокомнатной квартиры, где всё походило на районную поликлинику – было чисто, но безлико; или описания её одежды, также лишённой индивидуальности; или того, как она неизменно угощала меня зелёным чаем: «Это полезно!»

Думаю сейчас о другом. Антисемитизм, встречающийся среди самих евреев, не так уж таинствен, непонятен, как порой кажется. Это противоестественная, но вполне объяснимая реакция загнанного судьбой человека. Однажды он начинает ненавидеть соплеменников, которые якобы виноваты в его неудачах и несчастьях, а иногда – странно абстрагируясь – не может уже выносить самого себя.

Конечно, в основе антисемитизма Клары Пантофель тоже было отчаяние – сгустившееся в душе одного человека отчаяние нескольких поколений.

Она никогда ни на что не жаловалась. Только из многих наших разговоров (в сущности, случайно) я узнал о судьбе её родных. Деда до революции растоптали погромщики в Кишинёве. Отца и мать забрали в тридцать седьмом как врагов народа (Клара в это время уже работала после окончания консерватории в Сибири).

Почему она не вышла замуж? Разумеется, никогда её об этом не спрашивал, хотя ещё на моей памяти она была довольно хороша собой. Но невозможно было представить кого-то рядом с Пантофель: всё её существо излучало отталкивающую, испепеляющую любого нормального человека энергию.

Таким образом, её вовсе не оригинальная теория вызревала медленно, в одиноких раздумьях. В мире всё справедливо, рассуждала она; если уж сама жизнь выталкивает евреев, значит, они должны уйти.

Кто же у неё всё-таки был?

Я знал, что иногда её навещала бывшая ученица – всегда меланхоличная старая дева; та считала своим долгом «оказывать помощь», а Пантофель язвительно высмеивала её печали.

Однажды летом я познакомился с сестрой Клары Михайловны, тоже уцелевшей в тридцать седьмом и в войну. Она вернулась из эвакуации в Минск, выучилась на инженера, имела сына и пьяницу-мужа, но радость жизни находила во всевозможных экскурсиях.

Клара Пантофель на всю жизнь осталась хрупким подростком. А сестра её оказалась породистой шатенкой: она рассказывала мне о своих поездках, играя блестящими глазами, достав блокнот, где были аккуратно переписаны все её маршруты. Так говорят о любви, не замечая банальности ситуации.

Через год любительница путешествий умерла от скоротечного рака. Сообщив об этом, Пантофель не плакала. Все её мысли теперь занимал племянник. Тому исполнилось двадцать шесть; не помню, где он работал, но, помню, учился заочно в институте и собирался жениться.

– Только бы не взял в жёны еврейку, – тоскливо заклинала Пантофель. – Наши внуки должны быть счастливы.

После смерти её сестры мы встречались гораздо реже. Я подумал: наверное, эта смерть окончательно убедила Клару Михайловну в правоте её жизненной философии.

– Простите, я занята, – и в телефонной трубке раздавался щелчок.

Как-то, придя к ней, сразу заметил перемену: она вся вдруг как бы подсохла, сморщилась. При этом судьба по-прежнему смеялась над Пантофель: теперь она походила на еврейку всё больше и больше. Всегда сжатые тонкие губы обрамляли глубокие морщины – следы неизменной усмешки. Резко выделялись на лице глаза, форму которых принято сравнивать с миндалём.

Во время нашего разговора она – видимо, по привычке, – страдальчески взглянула в зеркало. Я понял: она пугалась отражения. Она презирала собственное лицо.

И, наверное, потому почти перестала выходить на улицу.

Пантофель похоронили торопливо, как хоронят всех одиноких людей.

Когда мы возвращались с кладбища, её племянника уже ждали представители домоуправления: надо быстрее освободить квартиру, туда должна заселиться мать-одиночка с двумя детьми, а вещи... их ведь можно пока перенести в пустующий, через несколько кварталов, сарай? Вряд ли это была только забота о несчастной женщине, скорее – опасение: как бы приезжий еврей не начал «химичить», не попытался сам занять жилплощадь.

Через день я случайно увидел, как дворник и некий дюжий парень (видимо, друг новой жилицы) перетаскивали скарб Пантофель. Они решили составить всё у подъезда, чтобы потом разом погрузить вещи в машину.

Разворачиваясь, грузовик переехал кресло, в котором так любила сидеть покойная. Кресло разлетелось на несколько частей, пружины резко распрямились и вытолкнули из тёмного чрева охапки скатавшейся пыли.

Версия

Они притягивали меня своей загадкой ещё тогда, раньше, когда его официальная биография была совсем уж скупа. Обычные еврейские глаза за большими стёклами очков.

Потом, после перестройки, стали появляться странные подробности – в основном в жёлтой прессе, в газетах русских «патриотов». Но, впрочем, и в солидных изданиях. Дескать, фамилия его матери – Флекенштейн; рано умерший отец, кажется, тоже был евреем.

Серьёзные люди в это не верили. Ну скажите: как, каким образом еврей мог оказаться во главе КГБ, а потом стать руководителем государства? И это – в эпоху строжайшей проверки анкет. Да и доводы очень шатки. Вот мать: известно ведь – её просто *удочерила* еврейская семья.

Однако я поверил в *это* сразу. Не в том дело, что знал: еврейские семьи до революции не могли усыновить или удочерить ребёнка, если тот не приходился им родственником. (Такова была традиция, объяснять которую сейчас – не к месту.)

Меня убедили другие детали, одиноко и жёстко торчащие из благостных воспоминаний о нём.

Как тщательно заметал он любые следы, ведущие в его детство, юность, молодость...

Направленный на работу в Петрозаводск и мечтающий о большой карьере, решительно и навсегда оставит в Ярославле первую семью. Хотя совсем недавно, своей рукой, вывел на обороте супружеского фотоснимка признание, похожее на стихи: *«Если Вам когда-нибудь будет скучно, если Вы хоть на минуту почувствуете себя несчастными, то взгляните на эту фотографию и вспомните, что в мире существуют два счастливых существа. Счастье – заразительно. Оно вместе с воздухом проникает к нам*

в душу и в одно мгновение может сделать то, что не в состоянии сделать годы».

Что потом проникло в его душу? В чём нашёл счастье? Никогда больше не видел жену. С сыном и дочерью встретился только в старости, да и то не по своей инициативе.

Директор детдома, где он рос и где им так гордились, однажды передаст ему привет – на провинциальной партконференции, через его же, командированного туда, сотрудника. Тот имел глупость донести тёплые слова до адресата. И на несколько лет был удалён от шефа.

...Я думаю сейчас не о той известной его жестокости, которая была даже predetermined должностью. Я думаю о его жестокости по отношению к себе. О бессонных ночах. О том, как с оглядкой на разоблачение просчитывал каждый шаг. О том, как сам с подозрением вглядывался в собственные фотографии.

Хотел ли он когда-нибудь сделать пластическую операцию? Допытывался ли у врачей, в какой степени специальные контактные линзы могут изменить выражение глаз?

Лора Завилянская
Бостон, США

Три стихотворения

Как много хороших поэтов!
Читаешь – и в горле комок.
Но в далях неведомых, где-то,
Где, может быть, властвует Бог,
Витает, парит одиноко,
Царит гениальный поэт...
Насмешки, забвения, срока
Земного для гения нет!

Пусть в душе стало меньше для радости мест –
Я прочла твои строчки в единый присест,
И захлопнула книгу, вздохнув не спеша,
И отраду свободно вместила душа!

Один собирает марки, другой – монеты, открытки –
Маленькие подарки с миру беря по нитке.
Я собираю миги. Старательно собираю.
То тяжкие как вериги, то легче облачка в мае.
В невидимой оболочке они ко мне прилетают,
А я их вмещаю в строчки – глядишь, потом почитаю...

Часть 4.
ФАНТАСТИКА
И СКАЗКИ

Ирина Чайковская
Вашингтон, США

Мечта

Из стихов для детей

Если только звездолет
Нас с собою заберет,
Мы отправимся в то место,
Где ни горя, ни забот,

Мама там не устает,
Папа рано не встает,
Там народ до самой ночи
Лишь танцует и поет.

Если только звездолет
Нас с собою заберет,
Мы отправимся в то место,
Где ни горя, ни забот.

Там дворовый рыжий кот
Молочко из блюдца пьет.
И щенок, по кличке Джерри,
Там не умер, а живет.

Элеонора Мандалян
Лос-Анджелес, США

Последний Рассказ

От резкого толчка Мальчик проснулся. Сел. Казалось, кровать все еще покачивается... В доме было тихо. Все спали. Видно, приснился плохой сон. Он посидел еще немного, свесив тонкие, с выступающими косточками ноги, тревожно вслушиваясь в тишину – никаких звуков, кроме знакомого, монотонного жужжания кондиционеров.

Мальчик взглянул в окно: Большая Медведица и Полярная звезда привычно и мирно поблескивали в небесной пустоте. «Значит, приснилось», – окончательно решил он и, спрятав ноги под одеяло, уткнулся в подушку.

Наутро он даже не вспомнил про ночные страхи. Ведь у него было столько интересных дел! Задевая валявшиеся повсюду игрушки, он спустился в парадную столовую и оттуда напрямик в сад.

Небо нежно розовело, освещая все вокруг ровным, спокойным светом. Каждое утро Мальчик поливал сад, выращенный его собственными руками. В нем круглый год цвели восковыми крупными цветками гордые гладиолусы и желтые нарциссы, сильно ипряно пахнущие левкой и разноцветные звездочки петуний, огненно-рыжие любопытные настурции и празднично разнаряженные, тяжелые георгины, неприхотливые флоксы и заносчивые ирисы, золотые шары, вознесшиеся над другими цветами, и конечно же розы. Мальчик ухаживал за цветами, аккуратно срезая отцветшие головки, подвязывая хрупкие стебли, выпалывая сорные травы.

Тут же, в саду, в тесных клетках жили его друзья – горластый белый Какаду с желтым хохолком; тихая, задумчивая Обезьянка, Олененок и Филин, всегда

смущавший его своим пристальным человеческим взглядом. Стоило Мальчику появиться в саду,

Какаду гортанно приветствовал его: «Доброе утро, Дружок!» И животные тотчас пробуждались от сонного бездействия, не спуская глаз со своего хозяина, который и вправду был их единственным другом...

Небо уже ярко светилось над головой, когда Мальчик, полив цветы и накормив животных, вернулся в дом. А за завтраком Мама вдруг спросила:

– Вы почувствовали ночью толчок?

И лица всех – Отца, Дедушки, Старшего Брата – стали напряженными. Мальчик вспомнил о своем внезапном пробуждении и понял, что это был не сон. Но чтобы успокоить остальных или по какой-то другой причине, Дедушка сказал:

– Я ничего не почувствовал. Тебе показалось.

А ведь Дедушка давно страдал бессонницей и, когда остальные спали, бродил по дому, скрипя половицами. Он был большой, грузный, дряблый. На всех смотрел из-под густых бровей подозрительно и недовольно. Массивные перстни навечно врезались в его оплывшие пальцы. Атласный халат, казалось, вот-вот лопнет на необъятном животе.

– Конечно же, вам показалось, – повторил Дедушка, вонзая искусственные зубы в тост из искусственной муки.

– Уж не твои ли Драконы подкапываются под наш дом? – поинтересовался Мальчик.

Дедушка рассердился:

– Оставь в покое моих Драконов. Они кормят, одевают и развлекают вас. Без них вы все были бы беззащитны и беспомощны.

– Они пожирают и поганят все вокруг, – с тихой яростью проговорила Мать. Это была бледная, худая женщина, выглядевшая значительно старше своих лет, с

редкими волосами и землистым цветом слишком тонкой, слишком сухой кожи.

– Если нас не склюют Черные Коршуны твоего мужа, моих Дракончиков можете не опасаться, – усмехнулся старик, многозначительно подняв мясистый короткий палец.

– И все же я уверена: подземный толчок – их работа. Больше некому, – упрямо, но без всякого выражения на лице стояла на своем женщина. Эти пустые, ни к чему не ведущие споры ей давно уже успели надоест. – Когда-нибудь они сожрут и нас.

Разговоры о Коршунах и Драконах возникали в доме за каждой трапезой. Мальчик слышал их со дня своего рождения, уже двенадцать лет, но никогда не видел ни тех, ни других. Они снились ему по ночам – огромные всесильные чудовища, могучие и ненасытные. Он часто думал о них и никак не мог понять, почему, вопреки опасениям Матери, они не только не нападают на их семью, но наоборот – задабривают подарками.

После завтрака Мальчик обычно снова спешит к своим друзьям, полюбоваться цветами и яркой зеленью сада. Если есть настроение – плескается в бассейне или катается по аллеям на велосипеде. Даже в полдень, когда небо особенно ярко, жарче не становится. Приятная, мягкая прохлада не меняется ни днем, ни ночью.

«Давно не было облаков», – вспомнил он за завтраком. И будто по заказу появились облака, легко скользящие над головой и исчезающие за кронами садовых деревьев.

«Здр-р-равствуй, др-ружок!» – тоскливо зовет из клетки Какаду, и Мальчик идет на зов с тихой улыбкой на бледных, бескровных губах. И снова Филин, уже в который раз, смотрит прямо в глаза с немим упреком... или обожанием – не понять. И снова грустная Обезьянка прижимается к прутьям клетки, прося почесать ей головку, а Олененок, который на самом деле очень старый, больной Олень,

тянется узкой мордой, выклянчивая взамен искусственного корма пучок свежей травы.

Мальчик задумчиво сидел на земле перед своими клетками, когда вернулся Старший Брат, как всегда покрытый потом и грязью, обвешанный автоматами, саблями, арбалетами. Он был худой и длинный, с белым лицом, бесцветными глазами и волосами. Ему исполнилось 20 лет, но выглядел он незрелым юнцом. И казалось странным, как он может таскать на себе сразу столько оружия.

– Опять скучаешь? А я чудесно провел день. – Он с грохотом сбросил оружие на

землю. – Подрасти еще немного, и я начну брать тебя с собой на войну. Вдвоем будет куда веселее.

– Ты воюешь каждый день, – заметил Мальчик, даже не улыбнувшись Брату. – Зачем ты это делаешь?

– Как зачем?! – искренне удивился тот. – Чтобы быть настоящим мужчиной: сильным, храбрым, непобедимым. Ты тоже обязан учиться воевать. Мужчины в нашей семье всегда были воинами, как я...

– Или хозяевами Черных Коршунов, как папа?

– Это одно и то же, – усмехнулся Старший Брат.

Мальчик не понимал связи между военными играми Старшего Брата и Черными Коршунами Отца, но он уже привык к тому, что его, как самого маленького в семье, ни во что не посвящают.

– А по мнению Дедушки, например, в будущем мне следует заняться Драконами. Так кого же мне слушать?

– Какой ты еще глупый, – пожалел его Старший Брат. – Без Драконов не было бы ни Коршунов, ни войны.

Мальчик только пожал плечами и отвернулся к цветам, таким нежным, радостным, благоуханным.

– Ты как будто не из нашей семьи, – рассердился Старший Брат и, подобрав оружие, ушел в дом.

«Да! Мне противны твои автоматы и сабли! – пробормотал про себя Мальчик. – Противны чванливые разговоры про Драконов и Коршунов. Неужели нельзя обходиться без всего этого? Только Мама понимает меня. Одна только Мама. Но ее никто не слушает».

А ночью снова трянуло, да так сильно, что кровать откатилась от стены на середину комнаты. Посыпались с полок вещи. Слышно было, как внизу в столовой вылетает из шкафов и со звоном бьется посуда. Включились от толчка механические игрушки и с шумом стали носиться по комнате.

Насмерть перепуганные домочадцы собрались в верхней гостиной. Снова задрожали стены, а люстра зловеще раскачивалась над их головами. Пол поехал из-под ног, накренился.

Казалось, потолок вот-вот рухнет.

– М... мама, ч... что это? – стуча зубами, прошептал Мальчик.

– Должно быть, землетрясение. – Мать с трудом выкарабкалась из-под опрокинувшегося на нее кресла.

– Дедушка! Ты снова утром скажешь, что все это нам приснилось?

Дедушке было не до внука: Отец и Старший Брат тщетно пытались поднять его с пола – он был слишком тяжел и неповоротлив. Мальчик растерянно смотрел на валявшиеся повсюду осколки, на перекошенные, съехавшие со своих мест картины. Остаток ночи прошел в напряженном ожидании, но землетрясение не повторилось. А наутро они заметили, что стены их дома дали трещины.

– Что же теперь делать? – сокрушалась Мать, и в ее глазах, устремленных на Дедушку, были упрек и негодование.

– Придется, видно, остановить Драконов, – мрачно сказал Отец. Он не побрился сегодня, и седая щетина

покрыла его впалые щеки. Обычно тусклые глаза его светились тревогой.

«Так значит все-таки Драконы, а не землетрясение», – насторожился Мальчик.

– Никогда! – отрезал Дед. – Об этом не может быть и речи. Да мы просто не выживем без них.

«Ах эти постоянные недомолвки, иносказания... Взрослые скрывают от него что-то очень важное.» Раздосадованный Мальчик вышел в сад – свою единственную отраду, и замер. Вместо привычной прохлады его встретил сухой зной, а воздух, вдруг утратив прозрачность, затуманился и стал едким.

Мальчик бросился к своим цветам. Они поникли. Животные суетились, проявляя беспокойство... Мальчик помчался обратно в дом, крича, что с садом происходит что-то неладное. Все поспешили в сад... остановились в растерянности... переглянулись. По их лицам нетрудно было догадаться, что они-то прекрасно понимают, что происходит вокруг.

– Да-а, – мрачно сказал Дед, почесав толстый загривок. – Вот этого я не ожидал. Я был уверен в нашей неуязвимости.

– Ты слишком близко подпустил Драконов, – вздохнул Отец.

– У меня не было другого выхода, – пробормотал Дедушка, и Мальчик удивился, куда девалась его неизменная самоуверенность.

Старший Брат, запрокинув голову, озирался по сторонам, внимательно к чему-то прислушиваясь. Наконец он воскликнул:

– Это там! Слышите?

Все умолкли, сосредоточенно глядя в направлении его вытянутой руки. И тотчас уловили тонкий свистящий звук. На фоне потускневшего неба Мальчик увидел длинные тугие струйки не то дыма, не то пара.

– Там трещина! – забыв о присутствии ребенка, заключил Старший Брат.

– Как! Треснуло небо?! – поразился Мальчик, и его темно-карие большие глаза наполнились ужасом.

Все трое озадаченно переглянулись.

– Шел бы ты лучше домой, – строго сказал Отец. – Не до тебя сейчас.

– Но мои цветы!.. Они завяли.

– Думаю, цветы уже не спасти. Да это и не самое страшное.

– Зачем ты... – попытался остановить его Дедушка.

Отец безнадежно махнул рукой:

– Чего уж там. Скрывали, сколько могли. Теперь все равно всё узнает.

Мальчик стоял подле взрослых и больше не задавал вопросов. Он понял одно – на них надвигается большая беда. И не важно, как она называется.

В этот день умер Филин. Его рыжие человеческие глаза никогда больше не посмотрят на Мальчика пристально и преданно. Мальчик прижал к груди безжизненный комочек перьев и долго ходил с ним по поникшему саду, тщетно пытаясь передать ему частицу своего тепла. К вечеру погибли старый Олененок и грустная Обезьянка, и Мальчик уже не пытался спасти их. Зной, несмотря на позднее время, все усиливался, а зловонный, слезоточивый воздух густел на глазах. Какаду ерошил перья, шумно дышал открытым клювом и выглядел совсем несчастным. Мальчик поспешил укрыться в доме, захватив с собой Попугая, пока не погиб и он.

К счастью, дома было по-прежнему прохладно – кондиционеры работали исправно. И Какаду, казалось, немного приободрился: долго, жадно пил воду и даже разгрыз несколько синтетических орешков.

Вся семья собралась в столовой, но никто не притронулся к еде. Взрослые обсуждали что-то очень

важное, и умолкли при появлении Мальчика. Однако, не выдержав, за-говорили снова. И он наконец узнал, что из-за подземных толчков лопнул плексигласовый купол, отделявший их дом и сад от внешнего мира. И теперь этот самый «внешний мир» просачивается сквозь трещину в сад, убивая цветы и животных... Мальчик с грустью подумал, что еще сутки назад он понятия не имел о том, что живет под куполом, что ясное, жемчужное небо и облака, плывущие по нему, всего лишь обман, иллюзия.

Он вспомнил, как к закату небосвод медленно тускнел и угасал, покрываясь желты-ми светящимися искорками, по которым они с Матерью изучали созвездия... Выходит, созвездия тоже были искусственными, выходит он никогда-никогда не видел настоящего неба, солнца и звезд?

Очень редко, раз или два в году, «с неба» шел легкий, прохладный дождик. Мальчик даже не догадывался, какое множество водоочистительных систем скрывалось в метровых стенах изгороди для того, чтобы на сад могла пролиться эта изумительная влага. Не знал, что бесчисленные каналыца и устьяца тщательно соберут с земли излишки воды и снова подадут их в очистительные устройства для следующего дождя, который будет скуднее и короче предыдущего. И вот эта совершенная по замыслу система дала трещину, и все сразу нарушилось, а их маленькая семья оказалась на краю катастрофы...

Ночью, когда Мальчик боялся уснуть в тревожном ожидании новых толчков, ему послышался тяжкий вздох. Он вскочил. Щелкнул выключателем. В комнате никого не было. Разбуженный светом Какаду недовольно взъерошился.

– Это ты вздыхал? – спросил его Мальчик.

Какаду засунул голову под крыло.

«Почудилось», – решил Мальчик, погасил свет и снова лег. Вздох повторился. Более явственный. Более тяжелый. Спустив ноги в темноту,

Мальчик сел на постели.

– Кто тут? – спросил испуганным шепотом.

– Я-я-я, – выдохом прошелестело из-под ног.

– К-кто «я»?

– Зем-ля-я-я.

Мальчик сжался в маленький, беззащитный комочек. Ему стало совсем страшно. А снизу снова обреченно вздохнули.

– О-охо-ох-о-ох-х, беда-а, Мальчик, беда-а-а...

Он хотел вскочить, включить свет, позвать на помощь, но тело вдруг стало чужим и непослушным. Он не мог даже пошевелиться.

– У-уходи-ите отсюда скорее, и-иначе все-е погибнете-е, – снова послышался гулкий голос, будто доносившийся из колодца или из подвала. – У меня-я не-е хва-атит си-и-ил удержа-ать вас. Я-я-я сли-ишком ослабла-а-а, а под ва-ашим до-омом пустота-а-а.

Пол слабо вздрогнул, как если бы по чьему-то гигантскому телу прошел озноб, и все смолкло. Придя в себя, Мальчик бросился в спальню родителей, разбудил их.

– Вставайте! Вставайте же!!! – возбужденно кричал он. – Нам надо бежать отсюда.

– Не мешай спать, – сонно отмахнулась Мать, переворачиваясь на другой бок.

– Здесь мы все погибнем! – стоял на своем Мальчик.

– Отстань, – безо всякого раздражения буркнул Отец, зарываясь лицом в подушку.

Мальчик не мог признаться им, что с ним разговаривала сама Земля, ему все равно бы не поверили, и не мог понять, почему родители так странно реагируют.

Мать приподняла голову, посмотрела на сына долгим, полным сострадания и обреченности взглядом. И, словно сжалившись над ним, посоветовала:

– Попробуй-ка ты лучше уснуть, пока есть на чем спать... Нам некуда идти, сынок. Так что оставь нас в покое.

Мальчик понуро вернулся в свою комнату, но уснуть конечно же не смог. Утром за завтраком его пожурили за ночной переполох. А потом Отец, Дедушка и Старший брат решили все вместе отправиться к Драконам за помощью, потому что только Драконы могли починить расколовшийся купол. Мать провожала мужчин до ворот, к которым Мальчику не разрешалось даже приближаться. И вдруг все четверо в ужасе отпрянули, захлопнув ворота. Мальчик бросился к ним. Впервые на него не обратили внимания.

– Все заполнено Океаном! – услышал он возбужденный голос Отца. – Мы жили в километре от берега, а сейчас там... кругом вода.

Мальчик понятия не имел, что жил всего в километре от Океана, о существовании которого знал только по книжкам.

– Океан перешел в наступление. Я предвидел это, – сказал Дедушка, не казавшийся больше таким тучным. За последние два дня он как-то сразу похудел, и теперь кожа дрябло свисала с его щек и подбородка. – А все твои Коршуны!

«Коршуны сильнее Океана?! – удивился Мальчик. – Разве может такое быть?»

– Там есть хоть крохотная тропинка? – поинтересовалась Мать. – Нужно спешить. Нужно уходить отсюда, иначе нас затопит.

«Ведь Земля предупредила его. А он – их. Они не поверили. Они все проспали.»

– Ждите нас здесь и следите за Океаном, – сказал Отец. – Если он опередит нас, бегите в горы. – И мрачно добавил: – Ворота можно не запирать.

Все сознавали, что скрывать от ребенка правду уже не имело смысла. Он сам всё понял. А чего еще не знает, слишком скоро поймет. Купол лопнул, нарушив

герметизацию, а Океан гонит их прочь из единственного надежного пристанища, и шансы выжить практически равны нулю.

– Займись срочно вещами, – подсказал невестке Дедушка, – бери только самое необходимое. Не успеешь – бегите прочь с пустыми руками.

И все трое скрылись за воротами.

– Пойдем в дом, ты pomoжешь мне собраться, – сказала Мать.

– Лучше я поспежу за Океаном, – возразил Мальчик, – и крикну тебе, если он слишком приблизится.

Мать посмотрела на сына с благодарностью и молча ушла в дом. А он впервые в жизни ступил за ворота.

Зной, еще более нестерпимый, чем в саду, разом навалился, завладев не только его телом, но и легкими. Темная, тусклая завеса, низко провисшая над землей, не имела ничего общего с тем сияющим куполом, который Мальчик по наивности так долго принимал за настоящее небо. Солнечный диск едва просвечивал сквозь густые клубы

дыма. В нескольких шагах от дома была вода. Она пенилась и булькала – иссохшая земля жадно поглощала соленую влагу. Мальчика поразило такое огромное количество воды.

Когда он был маленьким, Мать, среди прочих прекрасных сказок, часто рассказывала ему об Океане, полном серебряной рыбы, удивительных морских животных, подводных цветов и кораллов...

Он бросился к Океану, с надеждой всматриваясь в его мутные грязные воды, но так ничего и не увидел: ни рыбешки, ни водорослей. Разочарованный, Мальчик отвернулся от Океана и только теперь заметил колоссальную свалку, закрывавшую собой полнеба, целую гору из пришедших в негодность подарков Драконов – бесчисленного множества заржавевших, искореженных автомобилей, какой-то

техники, кораблей, поломанной мебели, жестяных банок, бумажных упаковок, и не разобрать чего еще.

«Так это о ней говорила Мама, что свалка похоронила под собой два континента?»

Поморщившись, Мальчик обошел высокую изгородь с другой стороны. Перед ним открылось небольшое каменистое плато, на котором возвышался их дом, и горные хребты на горизонте грязно-серого цвета – ни деревца, ни травинки, ни каких-либо других признаков жизни. Одна только голая, покрытая толстым слоем копоти, растрескавшаяся земля, которую еще не успела поглотить свалка. На душе Мальчика стало невыносимо пусто и одиноко. Он даже не понимал, что плачет, потому что слезы скатывались из его глаз и тут же испарялись в сухом, горячем зное.

На грани Океана и суши показались какие-то странные существа. Они быстро приближались, и у Мальчика вспыхнула надежда, что на Земле, кроме них, еще кто-то обитает. У существ были маленькие тела, очень длинные шеи и огромные головы. Они проворно вскарабкались на ближайшую гору и, разинув страшные пасти, вонзили зубы в скалу.

Тревожась за сына, Мать вышла следом за ним за ворота и тоже замороженно следила за странными существами.

– Мама! Это и есть Дедушкины Драконы? – спросил Мальчик, прижимаясь к ней.

– Нет, сынок, это их дети, – печально улыбнулась Мать. И, устав от бессмысленной лжи, наконец объяснила: – Однажды в сердцах я обозвала драконами заводы и фабрики твоего Деда за то, что они опустошают нашу Землю, поедая ее недра, душат ее свалками, отравляют отходами. На Земле давно уже нет ни чистой воды, ни чистого воздуха. На ней ничего не растет и никто не живет, кроме нас, горемычных. А мы все никак не можем отказаться от их услуг, хотя иначе

их теперь и не называем, как Драконами... А те, что на горе, – всего лишь землеройные роботы. Они готовят площадку для нашего нового дома. – И Мать добавила, тяжело вздохнув: – Как будто можно спастись от самих себя... жить в этом мертвом мире, дышать этим ужасным ядовитым воздухом...

Мальчик, который всего лишь несколько дней назад был счастлив, ухаживая за любимыми животными, выращивая свой сад, глядя в сияющее, ясное небо, не мог поверить своим ушам, не мог принять увиденное.

– Не отчаивайся, сынок. – Мать притянула к груди его голову, погладила по тонким волосам и снова попыталась обмануть. – Над нашим будущим домом на горе мы построим новый, еще более высокий купол с искусственным Солнцем и воздухом... Ты опять разведешь цветы... Вот только животных вряд ли удастся найти.

– Но я не хочу так жить! Не хочу! – закричал Мальчик, вырываясь из рук Матери. Он плакал так горько, что горячий воздух не успевал высушивать его слезы. – Значит, ты обманывала меня, рассказывая, что Океан полон рыбы, а в тенистых зеленых лесах живут олени и зайцы, лисы и волки, ежи, медведи, белки, что там день и ночь поют сладкоголо-дые птицы?

– Да, мальчик мой, обманывала, – сурово глядя ему в глаза, призналась Мать. – Нет на свете больше лесов. Нет ни зверей, ни птиц. Мертв Океан, и оттого он особенно страшен. – Она обернулась, чтобы взглянуть на Океан, и вскрикнула:

– Боже мой! Наш дом!

Накренившись набок, дом вместе с расколотым куполом наполовину скрылся в размытой водой, провалившейся земле.

– Наши вещи... – простонала Мать, пряча лицо в ладонях. – Всё погребло... Всё!

– Что погребло, Мама? – не по-детски зло усмехнулся Мальчик. – Дедушкины Драконы сделают для нас новые

столы и стулья, новые постели и игрушки. И – ты сама только что сказала – построят новый дом.

– Но Океан проснулся! Он может затопить все его заводы и фабрики, и тогда о нас некому будет позаботиться.

– А почему Океан проснулся?! Почему вдруг двинулся на сушу?

– Все из-за папиных Черных Коршунов, сынок. Они изменили климат на всей планете. Это по их вине наступила такая жара. А ядовитый дым от фабрик не дает теплу остывать. Мы давно уже ждали и этой беды. От жары все ледники на полюсах растаяли, и Океан больше не помещается в своих берегах.

– Если уж ты решила мне все объяснить, так скажи, кто такие Коршуны, – попросил Мальчик. – Это тоже твоя выдумка?

– Нет. На сей раз папина. Он с гордостью называл Коршунами атомные, ядерные, водородные бомбы, а потом и лазерные установки, которым посвятил всю свою жизнь. Он понастроил полигоны по всей планете. Он испытывал своих коршунов под землей, под водой и в космосе, пока атмосфера не перестала быть пригодной для жизни. Видишь, как

мы выглядим? Разве мы пришли в этот мир такими! У меня было красивое розовое лицо и

пышные густые волосы. У меня были искрящиеся глаза, и я очень любила смеяться. Мы все смертельно больны, мой мальчик. А ты уже родился больным. Больше у меня никогда не будет детей. Ты – последний, понимаешь? Последний во всем мире!

– Но я не хочу быть последним!..

Они стояли вдвоем, последняя Мать и последний Сын на Земле, смотрели, как погружаются в волны Океана остатки их дома, и даже не пытались спасти хоть что-нибудь

из того, что было им дорого. А черные клубы дыма стелились над самой землей, будто стремясь окончательно поглотить ее.

Сквозь завесу снова возникли машины-роботы. Они несли в стальных челюстях искусственные бревна для нового дома. Рядом с ними карабкались в гору, подстегиваемые прибывавшими водами Океана, Дедушка, Отец и Старший Брат Мальчика.

– Вон они! С ними ничего не случилось! – обрадовалась Мать. – Пойдем к ним. Скорее! Здесь оставаться опасно.

Мальчик послушно влез на гору, сел на голую, горячую землю и стал наблюдать за роботами. Постепенно ему это наскучило, и он перевел взгляд на Океан, успевший смять и потопить не только дом, но и купол, и теперь подбирался к свалке.

«Что же делать? Как спасти несчастную умирающую Землю? – размышлял Мальчик, тяжело дыша и изнывая от зноя. – Старший Брат хочет, чтобы я воевал, как он, всю свою жизнь. Отец хочет, чтобы я строил полигоны и запускал Черных Коршунов. А Дедушка собирался научить меня управлять Драконами. Они никогда не откажутся от своих занятий. Они считают себя законными хозяевами Земли даже теперь, когда им больше нечего пить, нечего есть, негде жить и нечем дышать. Если бы я смог уничтожить фабрики и полигоны, и оружие Старшего Брата – они создали бы все заново, потому что не умеют жить по-другому. – Он вспомнил, как тяжело вздохнула этой ночью Земля, как, умирающая, изнывающая, пыталась предупредить его об опасности, спасти своих же мучителей... – Милая Земля! Чем я могу помочь тебе?!» – в невыразимой тоске мысленно зывал Мальчик.

И вдруг Земля ответила:

– Я – твоя мать. И твой отец. И брат. И дедушка. И ты сам. Все вы – дети мои, плоть от плоти моей. Я должна

или погибнуть вместе с вами, или спасти себя для будущей жизни. А для этого мне нужно отнять у вас память. Лишь тебе одному я сохраню ее. В назидание. Пока люди вспомнят все снова и примутся за прежнее, пройдут тысячелетия, и я смогу передохнуть – восстановить силы, залечить раны...

Мальчик даже не успел ей ответить. Скалы дрогнули и раскололись. И вырвалось наружу пламя до самого неба. И потекли по склонам алые огнедышащие реки, с шипением сливавшиеся с вздыбившимся стеной Океаном. С глухим утробным ревом содрогалась и уходила из-под ног почва. Низвергались в пучину осколки горных хребтов. И мутный день превратился в беспросветную ночь, будто Солнце навсегда покинуло планету и унеслось в космические дали.

Сколько продолжалось это светопреставление – день.. год... вечность... – определить было невозможно да и некому. Но в конце концов стихло все вокруг. Распогодилось.

На нежной влажной зелени густых дубрав играли лучи утреннего солнца. Небо резало глаза празднующей свободу голубизной, а воды родника, прозрачного, как само небо, весело журчали, перебегая с камня на камень. В его струях сновали юркие серебристые рыбешки.

Вдохнув чистый прохладный воздух, Мальчик с ликованием огляделся по

Сторонам: у входа в пещеру Мать, сидя на корточках, шила рыбьей иглой шкуру леопарда. Ее густые длинные волосы были спутаны, а глаза сияли, как воды родника. Рядом Дед, помолодевший и подтянутый, самозабвенно шлифовал каменный наконечник для копья. А Отец, продубленный сизым загаром, в одной набедренной повязке, сосредоточенно пытался высечь искру для костра...

Из зарослей появился Старший Брат, тоже мускулистый и загорелый. С победным кличем он выволок на стойбище здоровенный бивень мамонта...

Охваченный радостным восторгом, Мальчик смутно догадывался, что с первого огня да с каменных наконечников все и начиналось.

Алексей Зайцев
Москва, Россия

Сегодня конец света

В десять часов утра диктор по центральному каналу телевидения сообщил, что сегодня наступит конец света.

По его словам, астрономы зафиксировали приближение к Земле планеты под названием Нибиру. Траектория ее полета такова, что столкновение с Землей неизбежно. Размер планеты огромен. Двигается она невероятно быстро, и к десяти часам вечера Земля будет уничтожена. Шансов на спасение нет, хотя ученые все еще пытаются в экстренном порядке что-то придумать. В довершение диктор призвал телезрителей собраться с духом и мужественно принять эту новость.

Какни странно, ноя почувствовал от его слов облегчение. Наконец-то не нужно никуда спешить, притворно улыбаться, незачем теперь выражать добродушие людям, которых на дух не переносишь. Теперь можно расслабиться и жить спокойно. Пусть даже до десяти часов вечера.

Побрившись, я взял журнал «Литературные новинки» и направился в свое излюбленное кафе «Фантазия», где проводил каждое утро за чашкой кофе с молоком и двумя круассанами.

Погода выдалась пасмурной, и я снова порадовался тому, что скоро этот кошмар закончится и мне никогда больше не нужно будет существовать. Никогда я уже не озябну, никогда не стану искать окоченевшими пальцами

в кармане плаща ключи, не стану прятаться от холодного дождя под зонтом и видеть это пакостное осеннее небо.

Прохожие на улице изменились. Это были уже не те люди, которых я видел вчера, неделю, месяц, год назад. Теперь они четко делились на две категории: первые взвинченные и нервные куда-то спешили, вторые едва волоклись, понутив голову. Впрочем, мне не было до них никакого дела, люди всегда не слишком меня интересовали.

Добравшись до кафе, я поздоровался с хозяйкой, уселся за столик и начал листать журнал.

– Вы уже слышали?

Я поднял голову.

Передо мной стояла Марина. Дивное двадцатилетнее создание, с лучистой улыбкой и рыжими кудрями.

– Про конец света?

Она кивнула.

– Да, слышал.

– Ужасно, правда?

Я покачал головой.

– Не думаю.

– То есть, как это не думаете?

Она села напротив и секунд двадцать, я лицезрел ее большие голубые глаза, удивленно глядевшие куда-то вглубь моего лица. Длинные ресницы, подкрашенные тушью, трепетали. Это было по-настоящему красивое зрелище.

– А что тут ужасного?

– Но мы же все погибнем! Понимаете? Все человечество! Почему же вы так равнодушно к этому относитесь?

– Потому, что по большому счету это ничего не меняет. С тем же успехом и вы, и я могли бы погибнуть, например, в метро, от теракта. У нас ведь это не редкость. Или скажем, под колесами автомобиля, переходя улицу. А то и от упавшей на голову сосульки.

– Но это же совсем другое! Это взбесившаяся планета, которая желает нас всех угробить!

– Планета предмет неодушевленный, Марина. У нее нет желаний. Знаете что, воспринимайте ее просто как сосульку, которая падает не с крыши дома, а из космоса, и не на одну голову, а на все сразу. А чтобы никому не было обидно, погибнут все. И никому не придется проливать слезинку ребенка ради всеобщего блага. Будем рыдать все вместе. Это достаточно справедливо, вы не находите?

– Какие ужасы вы говорите!

Я пожал плечами и углубился в чтение журнала. Писали, что Жан Лерой выпустил новый сборник стихов, а Поль Ларье завершает пьесу, над которой работал последние два года. Бедняга! Едва ли ее теперь кто-либо успеет поставить на сцене!

– Но ведь это конец! Понимаете?

Я отложил журнал и снова нырнул в ее голубые глаза.

– А вы хотите жить вечно?

Послышался голос хозяйки.

– Марина, не надоедай господину Смоленцеву, лучше принеси ему его кофе и круассаны, а то он перестанет к нам ходить.

– Господин Смоленцев! Как звучит! По-дворянски! Словно в девятнадцатом веке! – улыбнувшись, я покачал головой.

– Он и так перестанет, Ирина Марковна.

– Почему это? – голос у старухи был скрипучий, но раздражения не вызывал.

– Потому что завтра не наступит!

Сказав это, Марина, как маленькая обиженная девочка вскочила из-за стола.

Хозяйка что-то пробормотала, но я не расслышал.

Через пять минут Марина принесла мне кофе и круассаны. Снова села напротив.

– Может, тогда и себе чашечку возьмете? А то мне одному как-то неловко.

Два голубых озера. Взмах ресниц.

– Возможно, это глупо продолжать здесь работать и выполнять заказы, когда все катится в тартарары?

Я, молча, пожал плечами.

– Нет, скажите, как вы считаете?

– Все глупо. И принимать заказы, и пить кофе. Даже смотреть на ваше милое лицо и то глупо, Марина.

– И все-таки это как-то особенно бессмысленно. В такой день...хожу и расставляю по столам блюдца и чашки.

– А чего бы вам хотелось?

Она задумалась.

– Мне бы хотелось лежать на берегу моря и загорать. Пить из хрустального бокала холодный сок манго. Читать интересную книгу. Есть мороженое. Много чего. Но уж никак не носиться от столика к столику.

– Тогда присаживайтесь. Угощу вас мороженым.

– Я не о том. Вы не понимаете. Я хочу сказать, что раз уж вечером я погибну, имеет смысл провести этот день по-особому, как самый лучший в жизни, вы так не думаете?

– Нет, Марина. Я давным-давно уже вообще ни о чем не думаю. Слишком уж тягостное это занятие.

Она накрыла своей ладонью мою.

– Вот вы шутите, а я ведь серьезно! Этот день последний! И потому – особенный! Я теперь могу что угодно. Могу послать хозяйку, куда глаза глядят или...да хоть поцеловать вас!

Внезапно она придвинулась и легко чмокнула меня в губы. На мгновение я ощутил вкус корицы.

– Марина, вы меня удивляете. Может накануне вселенской катастрофы у вас проснулся инстинкт продолжения рода?

– А может мне и раньше этого хотелось. Вы об этом не думали?

Я покачал головой.

– Жаль, что у вас ничего не просыпается, господин Смоленцев.

Слово «господин» она произнесла с ироничным оттенком, передразнивая хозяйку.

– У него ничего и не может проснуться. Вы же знаете, он давно уже мертв! Хоть и ходит среди живых. Здравствуй, Марина! Привет, Юра!

За мой стол уселся Денис Парфенов. Человек, с которым мы были знакомы уже пять лет. Парфенов был по образованию философом и наивно полагал, что образование и в самом деле делает его таковым.

Марина встала из-за стола, явно огорченная его приходом.

– Будете что-нибудь заказывать?

– Да. Омлет и рюмку коньяка, Мариночка.

Стук каблуков: пошла исполнять заказ.

– Полагаю, ты уже слышал о конце света?

Парфенов скорчил серьезную рожу и уставился на меня немигающим взглядом. Сквозь стекла очков его зрачки походили на две крупных маслины.

– Слышал.

– И что же? Сидишь тут и пьешь свой ежедневный кофе, как ни в чем не бывало?

– Как видишь.

– И это все на что тебя хватает?

– Тебя, как я вижу, хватает на омлет.

– Это временное явление. Я перекушу и начну бороться. Начну делать что-нибудь, предпринимать, действовать! А ты? Так и будешь сидеть тут до самого вечера и скорчившись читать свой журнальчик?

Я сделал глоток кофе.

– И что же ты планируешь предпринять?

Марина поставила перед ним омлет и рюмку коньяка. Парфенов принялся есть. Я вообще не люблю смотреть,

как люди едят, но вид поглощающего пищу Парфенова, заставил меня углубиться в чтение журнала.

– Ученые утверждают, что именно Россия станет эпицентром столкновения Нибиру с Землей. Понимаешь? Как и следовало ожидать, конец света наступит в России!

Он победоносно усмехнулся.

– Так вот, я планирую сесть в самолет и улететь в противоположный конец глобуса. Улавливаешь? Конечно шансов, что после столкновения с Нибиру вся планета не развалится на куски, практически нет. Но это хоть какая – то надежда! Это действие! – последнее слово он произнес с нажимом. – Это лучше чем сидеть, сложа руки, и пассивно ждать смерти как делаешь ты. В такую минуту...

Я отложил журнал в сторону.

– В какую? Минута самая обыкновенная, чтобы ты там ни говорил. Ровным счетом ничего не изменилось. Смерть всегда следовала за людьми по пятам. Она неминуема. Смерть начинает дышать вместе с нами, уже при рождении. Просто обычно она приходит нежданно, а тут вдруг взяла и назначила свидание на конкретное время. А поскольку от моногамии она видимо устала, свидание назначено всем сразу.

Парфенов презрительно усмехнулся.

– Ты как мышшь из известной притчи. Помнишь ее? Две мышши свалились в крынку с молоком. Одна решила, что смерть неизбежна и, перестав бороться, сразу же утонула, а вторая пыталась выплыть хоть и понимала что это практически невозможно. Она била изо всех сил лапами, и сама не заметила, как взбила молоко в масло. Тогда она встала на это масло и выбралась из крынки. Понимаешь? Ты – мышшь, которая тонет, даже не пытаешься спастись.

Я откусил кусочек круассана. Все-таки выпечка в «Фантазии» была изумительной.

– Ты просто не знаешь, чем закончилась эта история на самом деле. Когда вторая мышшь вылезла из крынки, она

спрыгнула на пол, чтобы пробраться в норку, но в этот момент ее поймала кошка. Взяла в лапы и слопала. Понял? Так что вся ее борьба была тщетной.

Парфенов доел омлет и одним махом осушил рюмку.

– Ты просто пессимист.

– Ну хорошо, допустим, ты улетишь от Нибиру на другой конец Земли. Допустим даже, что тебе удастся там уцелеть после столкновения. Но что потом? Через год ты можешь поскользнуться на коже от банана, удариться головой об асфальт и умереть. Вот и скажи, стоило ли ради этого мчаться в аэропорт и лететь на другой конец света? И для меня и для тебя итог будет один – голодная кошачья пасть.

– Может, по-твоему, тогда и болезни лечить незачем? Все равно ведь конец неизбежен.

Я наклонился к нему поближе и заговорщическим шепотом произнес:

– Открою тебе один секрет. Если бы та мышь все-таки сумела вырваться из кошачьих лап и пробежать к норке, ее убило бы поставленной хозяином мышеловкой. Сколько веревочка не вейся...

– Типичная пораженческая позиция! Хорошо, пусть я проживу год или два, но это все равно лучше, чем умереть сразу!

– Разве? Два года лежать под капельницами и аппаратом искусственного дыхания лучше, чем быстрая и безболезненная смерть?

– Любая жизнь лучше, чем небытие!

В этот момент дверь открылась – и вошел мужчина в сером плаще, растянутом зеленом свитере и застиранных джинсах. Он подошел к барной стойке и позвал хозяйку.

– Мадам.

– Слушаю вас? – Ирина Марковна, глядевшая на него сквозь очки, казалась строгой учительницей.

– Скажите, у вас есть радиоприемник?

- Конечно.
- Вы бы не могли его включить?
- Только в том случае, если вы что-нибудь закажете.

На мгновение вошедший задумался. Окинул взглядом стеклянный прилавок, где лежали различные пирожные, печенья, куски тортов.

- Тогда чай и какую – нибудь булочку.
- Хорошо, присаживайтесь за свободный столик.
- А приемник?
- Через пару минут приемник принесут.

Он уселся за соседний столик. Поймав взгляд Парфенова, нервно потер пальцами бороду.

– Хочется знать, что происходит. А то зайдешь в кафе, а ученые, глядишь, уже что-нибудь придумали.

– Я бы на вашем месте не слишком рассчитывал на ученых, – усмехнулся Парфенов. – Рассчитывать стоит только на самого себя. Судя по тому, что происходит, проку от ученых никакого нет. Они бессильны.

Новоприбывший поправил очки и быстро заморгал.

– Насколько мне известно, как раз сейчас ведутся работы по изменению траектории полета Нибиру. Вроде бы есть возможность как – то повлиять на ее движение за счет магнитного поля.

Парфенов пренебрежительно махнул рукой.

– Все это чушь! Какое поле сможет передвинуть такую машину? Они со снегом-то зимой справиться не могут, а вы хотите, чтобы они планету передвинули! Единственный шанс на спасение это улететь на Мальту. Там последствия столкновения будут минимальны.

Хозяйка принесла допотопный радиоприемник и поставила вместе с булочкой и чаем перед посетителем. Тот, не медля ни секунды, настроился на «Городские новости». Голос диктора разнесся по всему кафе: «Журналисты разных стран занимают наиболее выгодные места, для освещения этого волнительного события!»

– Безобразие, – бородач неодобрительно покачал головой, – что за люди? Даже на грани исчезновения они заняты лишь поиском сенсации!

К нам снова под села Марина.

– Марина, – Парфенов посмотрел на нее строгим серьезным взглядом, – убедите этого оболтуса лететь со мной на Мальту!

– Зачем?

– Согласно сведениям информбюро, последствия столкновения с Нибиру на Мальте будут наименее ощутимы. Это чуть ли не единственное место на Земле, где есть шанс спастись.

Марина пожала плечами.

– Мне кажется, глупо бежать от неминуемого. Лучше смириться и прожить этот день так, как хочется, чем быть настигнутым во время бегства. Я использую этот день для того, чтобы стать свободной. Освободиться от всяких дурацких условностей.

Парфенов недовольно покачал головой.

– Вы такая же сумасшедшая, как и он!

Снова послышался голос диктора: «Президент и члены правительства в экстренном порядке покидают страну».

– Ну, иного от этих крыс и ожидать было нельзя! – проговорил бородач. – В коем веке показали свое истинное лицо!

Парфенов поднялся из – за стола.

– Я поеду домой, соберу вещи и попробую выкупить билет на самолет. Приблизительно через час снова буду здесь. У вас есть время на размышление. Я бы предпочел лететь на Мальту с компанией.

Я сделал еще глоток кофе.

– Ты и так полетишь с компанией. С компанией своих чемоданов.

– Все бы тебе юморить, Юра, все бы юморить.

Он торопливо вышел из кафе.

Марина пристально смотрела мне в лицо.

– Значит, решили остаться? – спросил я, чтобы выдержать этот пристальный взгляд.

– Да. А вы? Полетите?

– Зачем? Не думаю, что оно того стоит.

– Но он же сказал, там есть шанс уцелеть. Неужели, вам безразлична собственная жизнь?

Я пожал плечами.

– Похоже на то.

– Не понимаю.

– Чего?

– Как такое может быть?

Я задумался.

– Это складывается постепенно. Как песочный замок. Разочарования будто песчинки ложатся одно на другое, и вот замок возведен, ты сидишь в нем и тебе уже безразлично, что принесет завтрашний день, печаль или радость, ты уже всего этого не чувствуешь.

Она грустно покачала головой.

– Это ужасно.

– Ну, по – вашему, все ужасно. Это...обычно и даже скучно, если хотите.

– А что если я скажу, что люблю вас?

– Я вам не поверю.

– Но почему?

– Из чего сложилась ваша любовь? Из тех случайных разговоров, которые мы вели, когда я приходил, чтобы выпить кофе?

– Из вашего чувства юмора, вашей начитанности, эрудиции, вашего лица, взгляда, улыбки. Но неужели вас совсем не волнует конец света?

– Нет. Мне все безразлично. Сгорит Земля или останется стоять, какая, в сущности, разница? Пожалуй, даже, если останется, это хуже.

– И, тем не менее, я вас люблю!

– Это вам только кажется, Марина, только кажется.

Она придвинулась ко мне и снова поцеловала.

Я взглянул на нее выжидающим взглядом.

– Может быть вы женаты?

– Нет.

– И никого не любите.

– Никого.

– И не любили?

Я улыбнулся.

– Ну почему же? В этом городе еще живет женщина, которую я любил и которая в благодарность за это выворачивала мне душу, как мокрую тряпку.

– Боже мой! – это было сказано так громко, что Марина обернулась.

За самым дальним от нас столиком сидели юноша и девушка. Юноше было лет двадцать пять, девушке – двадцать.

– Боже мой! – юноша обхватил лоб руками. – Ну почему именно сейчас? Скажи? Каких усилий нам стоило справиться с родственниками и, наконец, пожениться! И вот теперь, когда все сложилось для того, чтобы быть счастливыми, происходит этот кошмар!

Девушка погладила его по голове.

– Успокойся, любимый.

– Какое уж тут спокойствие? Судьба словно смеется над нами! Едва я обрел веру в то, что, наконец, смогу радоваться каждому новому дню и получать от жизни удовольствие, как это произошло! Ты же сама знаешь, как трудно было нам этого добиться!

– Эй, сынок! – его окликнул из другого конца кафе дед, сидевший перед куском шоколадного торта.

– Что? – только тут я заметил, что юноша плачет.

– Не ной. Не одному тебе плохо. Я три месяца пролежал в больнице, борясь со страшной болезнью. Целыми днями мне делали переливания крови, капельницы, уколы. Наконец

болезнь отступила. Меня выписали. Я вышел из больницы, чувствуя себя победителем. А на следующий день узнал о Нибиру! Понимаешь?

Юноша стал утирать слезы.

– Ишь, как расклеился! – дед неодобрительно покачал головой.

– Вы просто не понимаете, что нам пришлось пережить – сказала девушка. – Мои родители были категорически против нашей свадьбы, потому что Боря много пил. Но он вылезился, устроился на работу и смог завоевать их уважение. Но тут на дыбы встали его родители, которым не нравилось, что мои отец с матерью перешли из православия в католичество. Они устраивали Боре скандалы и под угрозой проклятья запрещали ему на мне жениться. Все это тянулось очень долго. А поскольку зарабатывал Боря не так много, мы вынуждены были ютиться в комнате, которую снимали у одной скандальной старухи, каждый день трепавшей нам нервы. Наконец после долгих мытарств его родители признали нашу любовь, а я, в качестве уступки, пообещала им, что воспитаю ребенка в православной вере. Мы поженились. Но это не все! Месяц назад Боря выиграл в лотерею. Скажи им, сколько ты выиграл.

– Три миллиона рублей!

– Ничего себе! – присвистнул старик.

– Да, он выиграл три миллиона! Представляете, что это для нас значило? Мы, наконец, расстались с вредной хозяйкой, купили квартиру. Боря устроился на хорошо оплачиваемую работу и вот теперь...

– И вот теперь все катится в тар-тара-ры! – проговорил юноша.

– Ерунда, – дед покачал головой. – Ваши страдания ничто в сравнении с тем, что пришлось испытать мне. Еще раз повторяю – четыре месяца подряд я терпел различные анализы, питался больничной едой, жил борьбой со

своей болезнью и мыслью, что когда-нибудь сумею с ней совладать. И что в итоге? В итоге – вселенская катастрофа!

– Вы хотите сказать, что мы действительно все умрем, – подал голос подросток лет пятнадцати, сидевший неподалеку от старика.

– Судя по всему – да! – сказал тот.

– Я думал это все какая – то игра... – подросток ошалело посмотрел по сторонам.

– Тебе, наверное, сейчас лучше быть дома с родителями, – сказала девушка.

– Мои родители улетели отдыхать на Камчатку. Едва ли они успеют вернуться сюда до того как все это случится. А это больно? Как это произойдет?

– Должно быть, это будет довольно быстро. Думаю, мы задохнемся раньше, чем Нибиру в нас врежется. Полагаю, она разрушит озоновый слой, и мы не сможем дышать, – сказал бородач, тщетно пытающийся настроить вышедший из строя радиоприемник.

– А вдруг...вдруг, когда Нибиру в нас врежется мы сгорим заживо? – подросток с трудом сдерживал слезы.

– Не думай об этом, – сказал старик.

– Я не могу об этом не думать! – на этот раз сдержать слезы ему не удалось.

– Юра! – она потрепала меня за рукав.

– Марина, вы в первый раз назвали меня по имени.

– Послушайте, ведь я действительно вас люблю. Я понимаю, вы думаете, глупая девочка, придумала себе какой – то образ и влюбилась в него. Но это не так! За мной много кто ухаживал, начиная со школы. Я с разными мужчинами общалась – и с ровесниками, и вашего возраста. Но у вас лицо совсем другое, вы вообще очень сильно от них отличаетесь. Я вам больше скажу, я сюда работать – то хожу последние месяцы только, чтобы вас лишний раз увидеть.

– Вы шутите.

– Нет, не шучу. Я бы могла уже давно уволиться и поступить в университет. Что, по – вашему, меня здесь держит?

Я взял ее за руку.

– Марина, я недостоин вашей любви. Я отвратительный, злобный мизантроп, которого раздражает все на свете. Большую часть своей жизни я думаю о том, как здорово было бы умереть и как меня напрягает необходимость терпеть окружающих.

– Это от одиночества. Дайте мне шанс, и я вас вылечу!

– Опомнитесь, Марина! До столкновения осталось восемь часов!

– Ну и что? А вдруг...а вдруг она промахнется.

– В любом случае. Я не страдаю от одиночества, а наоборот стремлюсь к нему. А страдаю я от общения.

– И со мной тоже? Вы сейчас страдаете?

– Нет. С вами нет. Вы мне очень нравитесь, правда. Но я хочу быть один. Хочу, чтобы меня оставили в покое. Как говорит Парфенов, – я мышь, которая решила утонуть в молоке. И больше всего на свете, я хочу, чтобы мне не мешали. Не кидали спасательных кругов, не убеждали махать лапками и любить этот отвратительный мир. Я просто хочу находиться в стороне. Вне всего. Считайте, что я уже умер. Реагируйте на меня как на обычного мертвеца.

– Мертвецы не пьют кофе, – она вскочила из – за стола и убежала в комнатку, где хранилась посуда.

Я уставился в журнал, но читать не хотелось, на душе было очень гнусно.

Минут через тридцать на пороге появился Парфенов.

– А-а, ты еще здесь?

– Да.

Он снова сел напротив меня.

– Черт знает, что творится на улице!

– В смысле?

– Анархия. Это просто кошмар! Люди спятили! Решили, что теперь все позволено! Разбивают витрины магазинов, забирают продукты, технику, угоняют машины, убивают друг друга. Кругом драки, на моих глазах насильовали женщину.

– Что же ты за нее не заступился? Ты ведь у нас активная мышь! Борец!

– Вот поэтому и не заступился. Я, знаешь ли, борец за свою жизнь, а не за чужие. Нечего ей было шляться по улицам. Сидела бы дома – все бы для нее кончилось благополучно. Так нет же, еще и мини-юбку надела! Сама виновата. Это провокация! А я, знаешь ли, должен позаботиться прежде всего о себе. Полезешь, а тебя ножом! Зачем мне это нужно? Я люблю жизнь и буду бороться за то, чтобы выжить.

Снова раздался скрип двери, и в кафе вошла старуха в старой коричневой кофте и несуразной черной юбке до самых пят. На груди у нее висел большой медный крест. Руки крепко сжимали икону с изображением держащего огненный меч ангела. Волосы растрепаны, глаза горят. От нее пахло нафталином и безумием.

– Что вам угодно? – спросила Ирина Марковна.

Но старуха не ответила. Она вышла в самый центр помещения и завопила громким истошным голосом.

– Покайтесь Господу! Ибо сказано в писании: настанет судный день и грешники предстанут перед судом его! И будут они вечно гореть в адском пламени!

– На Бога, надейся, а сам не плошай, бабуля! – выкрикнул Парфенов.

– Все сгорите в аду! Все сгорите! – старуха указала пальцем на подростка, и даже

несмотря на разделявшее нас расстояние, я заметил, как он побледнел.

– Иди отсюда, ведьма старая, нечего нам нервы трепать! – закричал на нее старик.

– Геена огненная – вот ваше будущее! – завопила она в ответ.

– А ну, пошла отсюда! – дед замахнулся на нее костылем, который все это время стоял прислоненным к его столику.

Яростно зашипев, старуха, тем не менее, покинула кафе.

– Их сейчас много на улице, – сказал Парфенов. – Ходят целыми толпами и призывают уверовать. Говорят, кто уверует, спасется, кто нет – погибнет!

– Ты же говорил, там анархисты, – сказал я.

– В том числе. К слову сказать, двоих таких проповедников на моих глазах пристрелили.

Происходящее не укладывалось в голове.

– Все так серьезно?

Парфенов почесал затылок.

– Боюсь, что да.

– Эй, простите, вы не могли бы сделать радио погромче? – закричал плакавший некоторое время назад Борис.

– Секундочку, – бородач увеличил громкость.

Зазвучал уже знакомый нам голос диктора: «На улице происходят страшные беспорядки. Люди обезумели и, поддавшись панике, проявляют свои самые худшие черты. Полиция обещает в ближайшее время подавить волнения».

– Ближайшее время, – фыркнул юноша, – до конца осталось всего-то восемь часов!

– Боже, я не могу этого слышать! – воскликнул подросток, закрывая ладонями уши.

– Ладно, – Парфенов поднялся из-за стола. – Всем до свидания!

– Куда вы? там же опасно, – сказал дед.

– В аэропорт. У меня есть билет на Мальту, там есть шанс уцелеть.

– Возьмите с собой мальчика. Ты полетишь? – старик посмотрел на подростка.

Тот кивнул.

– Да. Если можно. Мне очень страшно.

Парфенов покачал головой.

– Извини, парень, но у меня всего один билет. Хотел достать больше, но не смог, все распродано. Этот и то с трудом достал, переплатив в десять раз! Так что я полечу один.

– Но вы же взрослый мужчина, – сказал дед, – уступите мальчику место. – Вы же видите, как он боится.

– Все мы боимся. Но выживает сильнейший. Для того, чтобы выжить, надо действовать. Пока вы тут сидели и болтали, я приложил все силы, чтобы достать этот билет и уж поверьте, я его вам теперь не отдам. Это мое!

– Право, Вова, отдай билет мальчику, – я встал из-за стола.

– О, наш пессимист проснулся! Сиди и не рыпайся, я купил этот билет за свои деньги.

– Я тебе за него заплачу.

– Боюсь, что сейчас он бесценен.

– Отдай билет.

Внезапно Парфенов выхватил из-за пояса пистолет.

– Больше ни шага! Если мне понадобится, я пристрелю любого из вас в два счета!

– Вот так философ! – присвистнул я.

– Прощайте, – Парфенов вышел, громко хлопнув дверью.

Я молча вернулся за свой столик.

– Надо же, какой негодяй! – покачал головой старик.

В эту секунду дверь открылась, и в кафе, пятясь, снова вошел Парфенов. Его лицо было разбито в кровь. Он шел, подняв руки, а перед ним, сжимая его пистолет, шел оборванец в грязной серой одежде с чумазой и наглой рожей.

– Сидеть! – гаркнул оборванец.

Парфенов повинуясь сел за свободный столик.

– Нечего сказать, неплохо вы тут устроились! – сказал оборванец, оглядевшись по сторонам. При этом на лице его гуляла широкая безумная улыбка.

– Что вам надо? – спросил старик.

– Что мне надо? – оборванец на секунду задумался. – Все! Хочу стать королем мира! И теперь, похоже, могу это желание осуществить!

– Вас все равно схватит полиция, – пробормотал бородач.

– Бросьте, – оборванец махнул сжимающей пистолет рукой, – многие полицейские сами грабят и убивают сейчас на улицах. К тому же завтра ни меня, ни полиции уже не будет на этом свете. А вот вас может не стать уже сейчас!

– Так чего же вы хотите? Денег? – Ирина Марковна даже сейчас оставалась спокойна.

– Хочу заставить вас всех плясать под мою дудку! Хочу... – эй, что это ты жрешь? – он вырвал из рук у юноши булку с вишней и принялся жевать. – Ни че, вкусно! Хорошо ты устроился, товарищ миллионер! А я, признаться, питаюсь одними нарезными батонами. Денег, видишь ли, нет. И подружка у тебя ничего! Дашь поцеловать? – при этом он направил дуло пистолета юноше в голову. Тот сидел бледный и молчал.

– Что это вы так расшумелись?

Сердце у меня сжалось. Ну, почему Марина решила выйти из своей комнатухи именно сейчас?

Оборванец окинул ее взглядом и осклабился.

– О, я лучше эту возьму. У тебя своя подружка, у меня своя.

Уверенным хозяйским шагом он подошел к Марине, направив на нее пистолет.

– Че, поцелуешь меня красавица? – оборванец схватил грязными пальцами ее за голову и притянул к себе.

Марина вырвалась и отвесила ему пощечину.

– Тварь! – он в ярости ударил ее кулаком в лицо.

В этот момент я вскочил из-за стола и, схватив табуретку, со всей силы врезал ему по голове. Но на этом не успокоился. Я начал бить его, уже потерявшего сознание, головой об пол и бил до тех пор, пока старик и бородач не оттащили меня в сторону. Тогда я подбежал к Марине, рядом с которой уже сидела Ирина Марковна.

– Что с ней? – закричал я. – Она мертва? Он убил ее?!!

– Успокойтесь, она жива, пульс есть, – сказала хозяйка.

– А вот бандит мертв, – проговорил бородач, – вы убили его.

– Ого, вот тебе и пассивный пессимист, ни во что не вмешивающийся и ничем не интересующийся! – усмехнулся Парфенов. – Похоже, ты здорово втрескался в эту девчонку!

Я взглянул на него в ярости.

– Заткнись, если не хочешь, чтобы я и тебе расшиб череп.

– Ого, вот так мышка, не желающая грести лапами!

– Убирайся отсюда, пока можешь ходить! – крикнул я.

– С превеликим удовольствием, – и, не задерживаясь больше ни секунды, Парфенов выскочил за дверь.

Я взял лицо Марины в ладони и поцеловал ее в разбитые губы. Мне было наплевать, что окружающие смотрят на нас. Через пару минут она пришла в себя.

– Что случилось? – голос ее был испуганным и слабым.

– Господин Смоленцев убил этого мерзавца, – сказала хозяйка.

– То есть как убил?

– Вот так вот – убил! – улыбнулась Ирина Марковна.

– Вы – и убили? – Марина глядела так удивленно, будто увидела перед собой настоящего Деда Мороза.

– Да, Марина. Я – и убил.

– Но как такое...

– Похоже, я тоже неожиданно в вас влюбился.

Она улыбнулась и села на пол.

– Пожалуй, безопаснее будет закрыться, – Ирина Марковна подошла к двери и закрыла ее на ключ. – Ну вот, теперь мы в безопасности. Дверь прочная, проломить ее не удастся.

– В относительной безопасности, – проговорил подросток, – мы ведь все равно все умрем из-за Нибиру.

– А сколько сейчас времени? – спросил бородач.

– Семнадцать ноль-ноль, – ответил Борис, так и оставшийся сидеть за своим столиком.

– Значит, через пять часов поджаримся, – мрачно проговорил старик.

– Вы заметили, стало труднее дышать? – спросил подросток.

– Это тебе только кажется, ты слишком нервный. А ведь совсем молодой еще! У тебя должны быть нервы как канаты, – сказал старик.

– Сейчас послушаем, что происходит снаружи? – проговорил бородач, увеличивая громкость радиоприемника.

Снова раздался голос диктора: «Международная космическая станция начала использовать новейший аппарат по воздействию электромагнитными волнами на приближающуюся планету-убийцу. По мнению ученых, есть шанс, что Нибиру все-таки изменит траекторию и пройдет, хоть и в опасной близости от Земли, но не сталкиваясь с нашей планетой».

– Врут, – сказал старик.

– Ясное дело, – проговорила девушка.

– Отчего вы так не верите в науку? – рассердился бородач. – Я сам физик и считаю, что нельзя так наплевательски относиться к заявлениям научного мира.

– Они это делают только для того, чтобы избежать паники, – сказал старик. – А наука – это настоящая помойка. Что она дала людям полезного? Зуб вылечить для современной науки и то проблема, я уж не говорю о том, как я боролся четыре месяца за свою жизнь. Что она

нам дала ваша наука? За две тысячи с лишним лет даже не научились бороться со старением организма! Я уж не говорю о смертности. Грош цена вашей науке! Все что вы сумели создать – это водородную бомбу! Вот уж вам спасибо за это! Думаю, японцы особенно вам признательны!

Бородач мрачно потупил взгляд.

– Половина шестого, – проговорил Борис.

Мы с Мариной сидели на полу, она уткнулась в мое плечо и, чувствуя ее дыхание, я ощущал, что начинаю превращаться в нечто иное.

– Я люблю тебя.

– Я тебя тоже, – эти слова дались мне тяжело. Будто сдвинулось мельничное колесо, зацементированное и давно негодное. Заскрипело, посыпался скреплявший его раствор.

– Предлагаю сдвинуть столы и сыграть в карты, – сказал старик, – на улицу идти опасно, а просто сидеть и ждать, когда Нибиру в нас врежется, слишком тоскливо.

Со всех сторон слышались слова одобрения.

– Одну секунду, мы сейчас придем, – Марина взяла меня за руку и увела в моечную.

Заперев дверь, она придвинулась ко мне близко-близко.

– Ты, правда, меня любишь?

– Понимаешь, когда он схватил тебя, я так разволновался...думаю тут сыграл роль аффект. Да, возможно дело не столько в любви сколько в страхе, хотя, безусловно то, что я испытал, говорит о сильных чувствах к тебе...

– Ах, господин Смоленцев, опять вы прибегаете к бесконечным словесным играм! Просто скажи, любишь ты меня или нет?

– Да.

– Тогда я хочу, чтобы ты меня целовал. Прямо сейчас.

– Но...

– Ну же!

Я наклонился и осторожно поцеловал ее в губы. В тот же миг она обхватила меня руками и страстно стала целовать в глаза, щеки, губы. Спустя мгновение я уже делал то же самое.

Когда мы вернулись все уже сидели за одним большим столом, состоящим из сдвинутых маленьких.

Старик перемешивал карточную колоду.

– Предлагаю сыграть в «дурака». Игра всем знакома, и правила никому объяснять не придется.

Мы сели за отдельный стол, одиноко стоящий в углу.

– А вы что же, не будете? – спросил старик.

– Нет, у меня после удара сильно болит голова, – ответила Марина

– А вы?

– А он побудет со мной.

– Ну, как скажете, – старик начал сдавать карты.

– Как вы думаете, когда мы начнем задыхаться? – похоже, подросток продолжал медленно доводить себя до истерики.

– Слушай, мы решили поиграть в карты как раз для того, чтобы об этом не думать! – недовольно пробурчал дед.

– Да, вам хорошо! Вы можете не думать! – он вскочил из-за стола. – А мне всего пятнадцать лет! Это ужасно! Мои родители неизвестно где! Телефон не отвечает! А эта чертова планета...она всех нас превратит в шашлык. Я не могу этого больше терпеть! – внезапно он бросился к трупам оборванца, чьи охладевшие пальцы все еще сжимали пистолет.

– Держите его! – закричал старик.

Подросток схватил оружие, но в ту же секунду, я отнял его.

– Ты что это задумал? – я постарался придать голосу как можно больше строгости.

– Не хочу больше жить! Когда я думаю об этой планете...лучше уж быстро и безболезненно! Я хочу застрелиться. Отдайте мне пистолет.

– Вот уж нет.

Нас обступили Борис, бородач, Ирина Марковна и старик.

– Если вы боитесь, что я начну палить по вам, можете сами меня застрелить, – проговорил подросток. – Стреляйте сюда, – он указал себе пальцем на левый висок.

– Послушай, – сказал я, – Нибиру еще может пройти мимо. Ученые делают все возможное. Представляешь, что будет, если ты сейчас застрелишься, а Земля все еще будет крутиться? Через день прилетят твои родители. И что они увидят?

– У меня нет сил ждать! Я схожу с ума от этого ожидания!

– Возьми себя в руки, ты же мужчина! – проговорил старик.

– А я не хочу им быть! Я просто хочу, чтобы все кончилось! Почему я должен это терпеть? Где мои родители? Не хочу умирать с незнакомыми людьми!

Он расплакался.

– У меня есть реланиум, – сказала Ирина Марковна.
– Мой покойный муж страдал припадками, и я делала ему уколы.

– Несите, – проговорил старик.

– Я не хочу уколов, – проговорил мальчик.

– Тебе станет от него лучше, – произнесла Марина, погладив его по голове.

– Ладно. Как скажете.

Через пять минут Ирина Марковна сделала ему укол. Через двадцать он стал спокойнее, через час уснул.

– Да уж, – я вытер испарину надо лбом.

– Ты молодец, – сказала Марина.

– Если бы этот пистолет попал мне в руки раньше, возможно я бы и сам застрелился.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Марина, ты же прекрасно меня знаешь. Я терпел жизнь только по необходимости. Потому что деваться было некуда. Но вот сейчас, отобрав у него пистолет, я отчетливо понял, что, появившись он у меня утром, я бы застрелился.

– А теперь?

– А теперь я не знаю, что со мной происходит. Какая-то ломка. Понимаешь, когда я увидел, как этот мерзавец, – я кивнул на труп оборванца, – начал к тебе приставать, во мне как будто что-то сломалась. И теперь, я это уже не я.

– А если Нибиру действительно пройдет мимо?

– Что?

– Если Нибиру пройдет мимо. Что будет с нами? Ты не станешь снова обращаться ко мне на «вы» и мечтать о пуле в лоб?

– Ну вот, теперь можно продолжить игру, – сказал старик.

Ставшие за это время столь близкими друг другу посетители медленно поплелись к сдвинутым столам.

– Приемник, похоже, сломался, – недовольно проговорил бородач. – Одни помехи!

– Да Бог с ним, ничего нового они нам уже не сообщат! – сказала жена Бориса.

– Разве что президент вернулся за своим котом, – проговорил старик.

Все рассмеялись. Но смех был нервным. В воздухе стояло такое сильное напряжение, что казалось его можно потрогать руками. Все мы ждали десяти часов. Ждали – и в то же время боялись их наступления.

Молодожены снова начали рассказывать о своей свадьбе.

Бородач, трижды оставшись «дурнем», отказался дальше играть и, встав из-за стола, подошел к лежавшему на полу труп. Посмотрел на него в упор.

– Ты-то, поди, уже ни о чем не волнуешься!

Повернулся ко мне.

– Ловко вы его! Наверное, служите в каких-то войсках?

– Господин Смоленцев писатель, – сказала Марина.

– Да? И о чем пишете?

– Два года уже ни о чем не пишу. Творческий кризис.

– А раньше о чем писали?

– О том, как отвратительно жить.

– Сколько там времени? – спросил старик.

– Двадцать ноль-ноль, – проговорил Борис.

Мельком взглянув на него, я заметил, что его жена плачет. Из-за спины к ней подошла Ирина Марковна.

– Ну, полно вам, девочка, все будет в порядке!

– Она в нас врежется, точно вам говорю, врежется! – голос у девушки вздрагивал.

– Похоже, придется вам снова идти за ампулой реланиума, – заметил бородач.

Ирина Марковна проигнорировала его слова.

– Терпи, девочка. Надо терпеть. Посмотри на меня. Я многое пережила: перестройку, дефолт, финансовые кризисы. В России, тот, кто не умеет терпеть, сходит с ума.

Бородач подошел к старику.

– Я не расслышал, сколько времени он сказал?

– Двадцать ноль-ноль.

– Прелестно. Значит до смерти два часа. Помните, фильм «Дон Сезар де Базан»? Там была замечательная песня «Когда до смерти два часа, когда до смерти два часа».

– Только не пойте ее, пожалуйста, – попросил старик, – и без того тошно.

Я почувствовал на щеках теплую ладонь.

– Какой ты красивый! Если мы уцелеем, я буду целовать тебя по тысячу раз за день!

– Марина, я хочу, чтобы ты знала, у меня очень скверный характер. Ночью я кричу от кошмаров, утром – маюсь от головной боли, днем мучаюсь от тяжести бытия, а вечером думаю о том, как повезло Сократу, что цикута была в свободном обращении.

– Это все в прошлом. Теперь ты будешь другим.

– Что ж, возможно...

– Ты уже другой.

Старик снова собрал всех за игральным столом.

– Может, на этот раз присоединитесь? – спросил меня бородач.

– Оставьте их, они давно к этому шли. Пусть, наконец, наговорятся, – сказала Ирина Марковна.

Он пожал плечами и уселся за стол.

Пока они играли, Марина рассказывала мне о своем детстве.

Внезапно пол под ногами затрясся. Столы в кафе начали подскакивать. Послышался звон бьющейся посуды.

– Что это? – закричала жена Бориса.

– Землетрясение, – бесстрастно сказал бородач.

– Похоже, Нибиру уже рядом, – проговорил старик.

– А все вы со своими картами! – сказал Борис.

– Сколько времени? – спросила Марина.

– Сейчас погляжу.

И в этот миг землетрясение стало таким сильным, что столы попадали на пол, карты посыпались, посуда побилась. Люстра упала на пол, и неожиданно стало темно. Меня мотало из стороны в сторону, я пробовал подняться, но не удавалось. Сверху на меня упала какая-то посуда. Потом я ударился головой о перевернутый стол. Со всех сторон слышались стоны, хрипы, истошно закричала жена

Бориса. Наконец землетрясение прекратилось. Я аккуратно сел на пол, потрогал ушибленный висок.

Внезапно стало так тихо, что я испугался сильнее, чем за весь этот день. Набрался смелости: «Марина, ты цела»?

– Да, только плечом сильно ударилась.

– А я, похоже, разбил губу, – послышался голос бородача.

– А меня столом придавило, – проговорил старик.

В темноте, казавшейся непроницаемой, мы провели переключку.

– Ну, слава Богу, все живы, – сказала Ирина Марковна.

– Пока живы, – прибавил старик, – Борис, сколько там на часах?

– Я так не вижу. Надо найти спички.

– Постойте, у меня есть фонарик, – проговорил бородач.

– А, черт, разбился!

– Вот я дурак! У меня же у самого в мобильном есть фонарик! – сказал Борис.

Послышалось шуршание. Звук включаемого телефона. Бледный свет.

– Ну что, молчишь? Сколько времени? – не выдержал старик.

– Десять.

– Проклятье!

– Хотя нет, постойте! Пятнадцать минут одиннадцатого!

В темноте снова повисло молчание.

– Значит, крошечная надежда на спасение все-таки есть? – спросила Марина.

– Как всегда, – ответил я. – Как всегда.

Дмитрий Петунин
Днепропетровск, Украина

Уличные псы

Рассказ «Уличные псы» стал финалистом Международного литературного конкурса «Пролет Фантазии». Журнал ЧАЙКА оказывает конкурсу информационную поддержку.

Громкий плач маленькой девочки нарушил тишину утра. Ребёнок встречал новый солнечный день в слезах. Ни высокий каменный дом, ни любящие родители не уберегли малышку от жестокости ночных кошмаров.

Нег сидел на небольшом кирпичном выступе под окном её комнаты. Он не видел, что происходит внутри, но распахнутое настежь окно доносило до него все звуки.

– Девочка моя, солнышко ты моё! – причитала мать, пытаясь успокоить истерику ребёнка, – да что ж это такое происходит?!

Послышался скрип двери, тяжело заскрипели половицы, и низкий мужской голос спросил:

– Чего она орёт? Неужто и у неё кошмары начались?

– Да, – мать всхлипнула, – теперь и у нашей дочери.

Ударили чем-то тяжёлым по деревянному столу. Посуда немедленно задрезжала в ответ, и девочка зарыдала ещё громче.

– Да неужели нет в городе ребёнка, который спокойно спит всю ночь?! – повысил тон отец, – у кузнеца сын боится идти спать, у соседских истерика каждое утро, теперь и у нас...

– Ну хоть ты замолчи! – мать тоже перешла на крик.

Теперь тишину утра нарушали уже все обитатели этого дома. Через открытое окно не только Нег, но и вся

улица слышала громкий плач малышки и ругань родителей ребёнка. Но вот из комнаты опять донёся скрип половицы, кто-то быстро подошёл к окну и с треском захлопнул ставни. Нег ещё некоторое время прислушивался, но больше ничего так и не разобрал.

– Теперь и она стала плохо спать, – тихонько пробубнил себе под нос Нег. – Неужели во всём огромном городе только мой малыш видит хорошие сны?!

С тяжёлым вздохом он встал со ступеньки перед окном и пошёл в переулочек.

– Пёс! – крикнул он в подворотню. – Где ты спрятался?

Из ближайшей кучи мусора высунулась большая мохнатая голова – грязной шерсти настолько много и вся спутана так, что даже глаз совсем не видно. Раздался радостный лай, и Пёс, разнеся кучу в стороны, подбежал к Негу. В зубах он держал сомнительной свежести небольшой кусочек хлеба. Пёс положил под ноги добычу и уселся рядом, бешено колотя мохматым хвостом по булыжникам мостовой. Нег высунул худую бледную руку из шерстяных косичек, переплетение которых и составляли его одежду, и ласково потрепал друга за ухом. Тот звонко гавкнул в ответ.

– Спасибо, дружище. – Нег поднял кусок хлеба и сунул его обратно в пасть псу, – Ты всегда делишься со мной едой, но я, как и всегда, не голоден.

Если собаки и умеют пожимать плечами, то сейчас для Пса самый подходящий момент. Не часто в мусоре оказывался сухарик, в котором чувствительный собачий нос сквозь вонь помоев и удушающий аромат всей этой кучи мусора ещё улавливал запах хлеба. Поэтому он не стал отказываться от возвращённого лакомства и, щёлкнув пару раз пастью, проглотил кусок, и звонко залаял.

В это время над ними открылись ставни, грубый окрик заставил Нега подскочить от неожиданности:

– Чёртовы псы! Опять роетесь под окном, сейчас выйду и шкуру...

Пёс и Нег решили не слушать продолжение истории со шкурой, а со всех ног и лап побежали прочь от дома. Пробежав несколько переулков, они оказались у моста. Неширокая речка разделяла огромный город на две почти равные части, они ничем не отличались друг от друга – на обеих сторонах было так же темно, так же грязно и так же воняло. Поэтому эти половины и соединяли многочисленные мосты. Чтобы жители одной части города могли перейти на другую и убедиться – да, здесь то же самое... Каждый день по этим мостам проходят кареты и повозки, идут люди и животные, перебегают крысы и собаки. Изредка можно заметить и Негов, которые жмутся к краям моста, злобно сверкая глазёнками из-под шерстяных тулупов. Неги не похожи на собак, но кличка «псы» прочно закрепилась за ними. Они так же шныряют по улицам, часто попадают людям под ноги, умеют бегать на четвереньках и получают такие же пинки от всех, кому ни лень этот пинок выдать.

Но если собаки могут огрызаться и кусаться, то Неги – существа абсолютно безобидные. Ни зубов, ни когтей. Небольшой комок из шерсти, над которым едва виднеется широкая голова с большими чёрными глазами. Их руки и ноги настолько тонкие и слабые, что удивительно, как они вообще могут бегать. Но могут, и притом – очень хорошо, что в очередной раз доказал Нег, обогнав Пса.

– Знаешь, Пёс, – Нег остановился, по-собачьи громко и часто дыша, – а нам ведь нет нужды от него убегать, мы не сделали ничего плохого, верно?

Пёс заскулил и носом коснулся задней лапы, того места, откуда вчера утром разъярённый кузнец, пытаясь его поймать, выдрал кусок шерсти.

– Помню, – Нег присел на булыжник у берега реки, – и ему ведь мы тоже ничего плохого не сделали. Просто с тобой всегда я... а люди не очень любят Негов. Может, лучше...

Пёс подошёл и уткнулся носом в бок товарища по несчастью.

– Несмотря на то, что Неги живут с людьми уже много лет, они так и не поняли нас, продолжают ненавидеть. «Мохнатые клубки шерсти с глазами» – наверное, самое приятное, что я когда-либо слышал о нас.

Пёс улёгся рядом с Негом у реки, не обращая внимания на резкую вонь от грязной воды. Когда весь город пахнет одинаково, нет разницы, где его нюхать.

– А ведь что мы им сделали? Ну живём рядом с ними, наблюдаем потихоньку, слушаем немножко. От крыс больше вреда, чем от нас! Но нет – пинают нас, охотятся за нами, всё прибить пытаются. Необычные мы для них. Так бы и поубивали всех, если б могли. Но мы сами появляемся и... пропадаем, когда нужно. Вот смотри, пёс...

Тот в полудрёме слегка приоткрыл один глаз, всё это он уже слышал, но обижать друга невниманием не хотел.

– Наши действия им не понятны, и люди хотят от нас избавиться. А мы всего лишь выполняем своё предназначение. Делаем то, ради чего созданы. Наше бессмертие их пугает, ведь мы не умираем, а лишь... засыпаем и заново просыпаемся каждое утро. Это пугает ещё больше, и они хотят избавиться от нас ещё сильнее. Замкнутый круг!

Две худенькие ручки высунулись из-под шерстяного тулупа и разошлись в стороны, выражая тем самым полное недоумение. Пёс поднял голову и несколько раз гавкнул на проезжающую телегу. Её неровные деревянные колёса оглушительно стучали по камню моста.

– А мы не можем им сказать! – Нег продолжал свои раздумья, не обращая внимания на шум, – их мы понимаем, а они нас нет. Пёс, вот кто, как не ты, должен это знать? Ведь ты тоже их понимаешь, а ответить не можешь.

Назойливая муха не давала покоя, жужжала над ухом, садилась на грязную шерсть и улетать никак не хотела. Пёс

не вытерпел и вскочил, клацнув зубами перед нахалкой. В животе у него заурчало.

Это отвлекло Нега от горестных дум:

– Сухарик для такого большого пса – это не еда, идём разживёмся чем-нибудь съедобным.

Негу пища без надобности. Существо, которое не может погибнуть, в еде и прочих подобных неудобствах не нуждается, но его друг – совсем другое дело, и поиск еды иногда занимал весь день.

Они взошли на мост и по самому краешку вдоль перил начали переходить на другую сторону, где гремел и шумел рынок в самом разгаре базарного дня. Навстречу им шёл ещё один Нег – очень грязный, взлохмаченный и с таким злым взглядом, что пёс попятился, и зарычал.

– Доброго дня! – Нег махнул рукой, приветствуя собрата, а другой погладил Пса, пытаясь его успокоить.

– Ххрр! – прохрипел злой Нег и шмыгнул куда-то под мост.

– Мы не сбиваемся в стаи, как собаки, – задумчиво произнёс Нег, – это ещё одно наше отличие от вас, Пёс. Обычно мы сами по себе. Не встретить я тебя, может, был бы похож на него...

Пёс махнул хвостом и лизнул Нега в едва виднеющийся из-за шерстяных косичек нос. Нег засмеялся. Громкий шум заставил их обернуться. Две женщины кричали друг на друга и размахивали руками. Возле них валялся разбитый деревянный ящик с рассыпавшимися булочками, а вокруг расходилось большой чёрно-белой лужей молоко из опрокинутых бидонов.

– Ты толкнула меня, дрянь! – кричала одна из них в заляпанном грязью халате, даже не пытаясь собрать рассыпавшуюся по мосту выпечку.

– Что-о? – другая, забыв про бидоны с молоком, пыталась вцепиться пальцами в волосы соперницы, – сама ты дрянь!

Вокруг них собралась уже большая толпа, но никто не вмешивался. Люди кричали и смеялись, показывали пальцами на дерущихся женщин. Движение по мосту остановилось. Пёс, облизываясь, смотрел на рассыпанную выпечку, но подойти и ухватить кусок не успел. Весь этот шум разрезал громкий свист, и толпа на мосту шарахнулась к перилам, пропуская карету. Две ослепительно белые на фоне окружающей грязи лошади как пушинку несли за собой небольшую обшитую золотом карету без верха. Кучер громко свистел, разгоняя толпу, но придержать лошадей даже не пытался. В карете сидела пожилая женщина с двумя детьми. Одной рукой она держала небольшой зонтик, пытаясь защитить им себя от полуденного солнца. Другой же – старательно зажимала нос. Зато дети носились по всей карете, с любопытством разглядывая людей и их товары.

– Нег! – вдруг пронзительно завизжал один из мальчишек, и показал на вжавшееся в перила моста мохнатое существо.

– Сейчас мы ему! – весело ответил кучер и направил лошадей на Нега.

Люди в панике бросились в стороны, бросая товар прямо под копыта. Пёс увидел несущихся на них лошадей, схватил испуганного друга зубами за шкуру и во весь дух бросился бежать.

– Дави его! – кричали мальчишки кучеру. И он, забыв об охающей и подскакивающей на каждом камне женщине в карете, со свистом рассекал воздух плёткой, подгоняя лошадей. Те неслись во весь опор, за каретой оставался след от побитых ящиков с фруктами, разбитых яиц и разлетающихся во все стороны перепуганных куриц. Пёс ловко уворачивался от бегущих впереди людей, несмотря на болтавшегося перед мордой Нега. Тот сжался в маленький мохнатый комок и пытался рассмотреть – далеко ли до другого берега, но видел перед собой то мелькание чьих-то ног, то кусочек синего неба, то неровные камни

моста. Позади гроыхала карета, совсем близко стучали железными подковами лошади, а крики людей, визги мальчишек в карете и рёв испуганных животных сливался в один оглушающий гул.

Наконец, перила моста остались позади, Пёс подбежал к краю и с разгона перепрыгнул на спасительный берег. Для лошадей с каретой такой манёвр оказался невозможен. Погоня прекратилась, лишь вслед им неслись громкий свист кучера и звонкий хохот мальчишек.

Пёс бережно опустил Нега на берегу и стал лакать воду из реки. А у Нега кружилась голова, и он всё никак не мог прийти в себя:

– Ну чего они все такие злые...

Он встал, пошатываясь, направился поближе к воде и посмотрел на своё отражение. Взлохмаченный клочок жёстких волос, покрытых пылью, большие чёрные глаза, короткий, но широкий нос, шерстяные косички тулупа.

– Крысы страшнее, – уверенно заключил он и снова уселся на берегу.

Пёс уже успел залезть в воду полностью, а теперь тщательно отряхивался, брызгаясь во все стороны. Затем подошёл к Негу. Грязная сбитая шерсть свисала кусками, струйки воды стекали под лапы и образовывали под ним грязную лужицу.

Нег посмотрел на своё отражение в лужице, затем перевёл взгляд на Пса:

– И собаки тоже! – продолжил он мысль.

За что был награждён грязными брызгами отряхивающегося Пса. Тот весело залаял и принялся старательно вычёсывать шерсть.

– А может, дело и не в нас... – задумчиво пробормотал Нег, сбивая капельки воды с косичек тулупа, – на мосту был не только я, но и Пёс, и люди, и козы, и куры...

Мохнатый друг гавкнул в ответ.

– Верно? Столько лет люди живут рядом с Негами, а всё никак не могут к нам привыкнуть? Странно. Может, они просто вот... такие. Какие есть. Может, им нравится это, и гоняют они нас не со злобы и не от страха, а просто так, потому что они... такие?

Пёс ответил журчанием в животе.

– Ах да... – Нег поднялся и отряхнулся, – идём, дружище.

Они направились к большой рыночной площади. Недалеко от реки в этой части города дома стоят не так близко, как в других районах. Если на обычных улицах едва разминаются две кареты, а в самые узкие улочки с трудом протискивается более-менее упитанная крыса, то здесь и каретам, и крысам есть где разгуляться. Насколько хватает глаз – прилавки и лотки. Накрытые – с фруктами, овощами мясом и хлебом; без навеса – с кузнечными товарами, деревянной и фарфоровой посудой, тканями и украшениями; простые загоны для мелкого скота; большие крепкие ограждения с лошадьми, коровами и маленькими бычками. Люди снуют во всех направлениях, обходя подъезжающие телеги с новыми товарами, а те всё прибывают и прибывают – места хватает для всех. Крики продавцов с торгующимися покупателями переплетаются с грохотом телег, ржанием, бляением, рычанием и кудахтаньем животных и птиц, создавая единый – привычный для Нега – шум. Его мохнатых собратьев Негов здесь тоже в избытке, они шныряют под ногами, прислушиваются к разговорам, присматриваются к товарам, буквально впитывая в себя эти запахи, крики, эмоции – рабочий день в самом разгаре. Для Пса же рынок – лучшее место во всём городе. Запахов здесь столько, что все их невозможно перенюхать и за день. Несмотря на риск попасть под колёса или копыта, он бегал вокруг и жадно принюхивался – там только пожарились пирожки с бараниной, а туда понесли свежую выпечку, недалеко разделявают свиную тушу, а чуть дальше забивает нос

жгучий аромат специй. Нег привычно осматривался по сторонам в поисках мясной лавки с большим количеством покупателей. Сразу за загоном с курами здоровый мясник точил тесак, не переставая расхваливать жирность своих кур. Нег подозвал Пса. Тот вынырнул из толпы совсем рядом.

– Потроха от жирных кур?

Пёс заскулил и начал кружиться на одном месте.

– Нет, нет! Взять целую курицу – значит украсть её! – Нег бросил обеспокоенный взгляд на мохнатых собратьев, которые расположились вокруг рыночной площади на крышах домов. Их чёрные тулупы резко выделялись на фоне чистого голубого неба. Нег знал, что многие из них сейчас в толпе людей, некоторые даже спрятались за прилавками под носом у торговцев, поэтому ни одно событие не укроется от них.

– Я же говорил – мы не воруем, – продолжил Нег, – мы берём то, что и так попадёт к нам... только получаем это раньше, чем оно вываливается в мусоре и пропитается отбросами. Мы ведь не будем злить мясника?

Пёс привык к манере своего друга всегда искать правильный вариант. Из двух возможных решений Нег всегда выбирал самое сложное, потому что считал, что поступает правильно. Украсть курицу легко. Нег отвлекает внимание торговца и покупателей, а Пёс спокойно забирает жирную тушку с прилавка. Но его друг называет это воровством. Другое дело – забрать потроха, которые и так скоро попадут в мусор. Тоже легко... Зато не так вкусно, не так жирно, не так питательно, но... правильно. А Пёс всегда соглашался с Негом поступать правильно, он перестал крутиться и сел рядом.

– Отлично. Жди у корзины с потрохами. Я иду к его палатке, как только все отвлекутся на меня – хватай еду и беги к реке.

Мохнатый сообщник припал носом к земле и медленно пошёл к палатке мясника. Нег проводил его взглядом. Конечно, можно ловить крыс и искать сухари в мусорных кучах. Можно просто стянуть с прилавка целую тушку. А можно найти золотую середину – и Пёс сыт, и мясник не в убытке. Нег решительно направился к палатке с курами. Его собратья не упустят этот поступок – он поможет другу и не совершит ничего плохого. Подойдя к толпе людей у лавки, он остановился, наклонил голову и пристально посмотрел на мясника.

Тот уже заносил тесак над шеей перепуганной птицы, как увидел Нега:

– Ах ты ж чёрт! – выругался мясник, – тварь ты эдакая, самому от себя не противно?!

Люди у палатки обернулись и уставились на Нега, который продолжал стоять, не двигаясь.

– Чёртова тварь!

– Грязный пёс!

«И чего ж они такие злые?» – подумал про себя Нег, выискивая взглядом хотя бы равнодушное лицо, но тщетно – все перекошены лютой необъяснимой злобой. Один покупатель в оборванной рубаше без рукавов подбежал к Негу и хотел ударить его, но тот ловко увернулся, и отбежал в сторону, краем глаза заметив Пса с полной пастью куриных потрохов. «Ну вот и всё, – подумал Нег, – теперь нужно побыстрее скрыться с глаз». Но сделать ничего не успел. В это время в толпу врезался всадник и, не обращая внимания на людей, направился прямо к Негу:

– Так, так... – процедил он сквозь зубы. – Мохнатая тварь вылезла из помойки на свет.

Богатая одежда, холёный конь и шпага с резным узором на эфесе – хранитель порядка решил вмешаться в рыночные дела. Нег растерянно оглянулся. За ними пристально наблюдали сотни других Негов.

Далеко от лошади не убежать, но успеть скрыться с глаз собратьев можно. Он развернулся и бросился в сторону, поближе к домам.

– Нееет, собака, не уйдёшь.

Люди разбегались в стороны, лошадь со всадником неотвратно приближалась к Негу. Большая площадь рынка казалась теперь просто огромной. Бежать, прятаться, скрыться. Неги не должны видеть. Конечно, погоню они запомнят, но только бы не увидели ничего больше. Нег свернулся в клубок и прокатился под проезжающей мимо телегой. Оглянулся на бегу. Лошадь даже не заметила препятствие, легко перемахнув через него. Видя хранителя порядка, люди в панике разбежались, освобождая дорогу, а тот был уже совсем близко. Лошадь даже не бежала, а грациозно пританцовывала, догоняя беглеца.

И вот Нег заметил поворот в переулок, из последних сил бросился туда, но не успел. В тот момент, когда стена дома заслонила Нега от глаз собратьев на рыночной площади, удар копыта отбросил его к стене. Люди в переулке прижались к стенам и с отвращением разглядывали обмякшее тельце Нега. Он лежал без движения, но видел, как хранитель порядка слез с лошади, достал шпагу и под восхищённые взгляды девиц медленно с достоинством приблизился.

– И почему вы все недохните... – тихо сказал хранитель порядка, поднося острие шпаги к телу Нега. – Ну хоть поспишь до утра!

Он уже готов был вонзить шпагу в обмякшее тельце, но в этот момент у одной из дам, наблюдавшей сцену казни, с корзинки порыв ветра унёс платок. Она попыталась схватить его, но не успела, и платок подлетел прямо к ногам хранителя порядка. Он заметил это, повернулся к даме и слегка приподнял шляпу в знак приветствия:

– Одну минутку, барышня, я лишь закончу небольшое дельце, с вашего позволения, и платок снова окажется у вас.

Девушка покраснела и рассмеялась.

Хранитель снова посмотрел на сжавшийся мохнатый комок и скривился:

– Даже шпагу о тебя марать не хочется!

Он отвёл острие от тела Нега, ловко поддел лежащий рядом платок и, бережно сняв его со шпаги, направился к смущающейся девице.

Нег отвернулся и пополз вдоль стены в ближайшую подворотню. Он залез в грязный тёмный угол меж двух домов и прижался к стене.

Резкий хриплый голос привёл его в себя:

– Ну вот – есть о чём рассказать, да?

Нег поднял голову и увидел перед собой большого Нега. Тот ехидно улыбался и смотрел на него, злобно прищурившись. «Всё видели!» – с горечью подумал Нег.

– Я не покажу это ему, – сказал он и отвернулся.

– А что ещё? – искренне удивился большой Нег. – Расскажи, как он гнался за тобой, покажи острие шпаги, направленное прямо на тебя, нарисуй, что ты чувствовал при этом.

– Он не проколол меня, – возразил Нег.

– Повезло твоему малышу, а? Если бы проколол – какой бы кошмар ты ему показал!!

Большой Нег громко и злобно засмеялся.

– Не показал бы...

– Что? – большой Нег перестал хохотать, – И почему же? С тобой обращаются как с тварью, а ты держишь это в себе?

– Да...

Большой Нег сжал кулачки и потряс ими перед лицом собрата.

– Глупец! Ребёнок должен знать об этом мире всё! Ребёнок должен видеть его без прикрас, а наша задача – показать ему это. Ты появился на свет, чтобы показать ему мир, подготовить его к жизни в этом мире. А что делаешь

ты? Скрываешь всю эту грязь, жестокость, злость. Врёшь и не даёшь увидеть правду!

– Я не вру, – Нег поднял взгляд, – я показываю ему правду. Рисую ему яркое синее небо, вместо грязных улиц, рассказываю о дружбе, вместо злобы и жестокости, рассказываю о взаимопомощи, вместо эгоизма и предательства.

– Ты должен! Дети рождаются – мы появляемся. Они взрослеют – мы пропадаем. Или ты хочешь не справиться и пропасть раньше? Мы – беспристрастное отражение этого мира. Дети должны знать реальную жизнь, а не видеть фальшивые сказки!

– Это не фальшивые сказки. – Нег встал. – Просто ты видишь вокруг только плохое, а я стараюсь разглядеть крупинцы хорошего.

– И где ты видел дружбу? Самопожертвование? Взаимопомощь? Вокруг лишь грязь и вонь, злоба и жестокость. Ребёнок, который видит в снах твои яркие сказочки, не сможет выжить в этом мире, не будет готов к этому.

– Сегодня! Мой друг спас меня, ведь мог убежать сам, но спас. А ещё он мог оставить меня одного, но нашёл.

– И где же твой друг? – злобно сверкнул чёрными глазами большой Нег.

– Обернись и увидишь, – улыбнулся Нег.

Тот обернулся и замер. Прямо перед ним стоял огромный лохматый Пёс, и его рычание было красноречивее любых слов. Большой Нег медленно попятился в соседний переулок. Затем остановился, пристально посмотрел на Нега и тихо сказал:

– Наша задача – показать детям настоящий мир. Сегодня они все увидят шпагу у твоей груди и почувствуют твою боль в своих кошмарах. Мы покажем им, они должны знать.

Он отвернулся и ушёл.

– Успеют ещё узнать... – прошептал Нег, глядя Пса, а тот пытался облизнуть его руку.

Они перешли мост и направились к небольшому деревянному дому, где живёт сапожник со своей небольшой семьёй. Его маленький сын как раз засыпал под убаюкивающие звуки колыбельной. Малыш, за которого Нег в ответе.

Нег заглянул в маленькое окошко:

– Если вокруг жестокость – и все несчастны, может, если её убрать, все будут счастливы? Ребёнок, который видит жестокость в снах... разве вырастет счастливым?..

– Я выберу для тебя самые добрые моменты и нарисую их в твоих снах. Сегодня я покажу тебе дружбу, я расскажу тебе про Пса.

Он посмотрел на друга, тот лежал под стеной дома и засыпал, свернувшись калачиком.

– Ты не будешь злым и жестоким. А когда вырастешь, даже если я пропаду раньше и не увижу этого, другие Неги увидят. Увидят твою доброту, твое самопожертвование, дружбу и покажут это другим детям в их снах. Я верю в это. Добрых снов, малыш.

Александр Дубинин

Тамбов, Россия

Добрая сказка

Устраивайся поудобней, малыш, кутайся в свой тёплый плед. А я подложу дров, буду смотреть, как огонь танцует румбу на твоём лице, и рассказывать одну добрую сказку.

Давно, в одной далёкой стране, в огромном сером каменном городе жил старый и очень добрый человек. Он

носил длинный плащ, который спускался почти до самой земли. Он носил его в любую погоду, впрочем, в том городе почти никогда не было тепло: шли дожди, снег, или был ветер. Этот человек жил тем, что делал очень маленькие и звонкие колокольчики – и продавал на городском рынке. После продажи он всегда заходил в табачную лавку, покупал табак, набивал свою трубку и, попыхивая ей, неспеша, шёл домой. Часто, когда он утром выходил из дома и шёл на рынок продавать свой товар, его окружала шумная толпа детей. «Колокольный мастер, колокольный мастер», – кричали они и прыгали вокруг него. И тогда он доставал из карманов своего плаща колокольчики и раздавал детям все до единого, и дети разбегались, весело звеня ими. «К завтрашнему дню ещё сделаю», – думал он и, улыбаясь, шёл домой своей неспешной походкой. Его колокольчики знали все: их нашивали на длинные разноцветные ленты, которые привязывали к длинным шестам, а шесты вкапывали в землю на рынке и на городской площади, и, когда дул ветер, даже самый легкий, ленты взвивались и колокольчики отзывались звоном. Эти колокольчики знали все, но кто их делает – не знал никто, только дети.

Так прошло время, но в один дождливый ненастный год старый человек умер. И первыми узнали об этом те самые дети, которые так любили играть с его колокольчиками. Они, как и раньше, приходили утром к дверям его дома, а он всё не появлялся. Так прошло несколько дней, и в одно утро самый смелый из детей робко приоткрыл дверь его дома и вошёл. Они нашли его сидящим в его кресле-качалке и – странное дело – эта смерть их совсем не испугала. Казалось, будто старый добрый человек по-стариковски задремал после обеда. Дети побежали к своим родителям и рассказали им всё об этом человеке, и взрослые собрались и похоронили его на пустыре за городом.

И вскоре на том месте вырос чудесный цветок. Это было очень удивительно, потому что земля на пустыре была

сухая и каменистая, на ней никогда ещё ничего не росло. А цветок был большой и очень-очень красивый, и ни один другой цветок не мог бы сравниться с ним. Это было так удивительно, что на то место стали приходить люди, чтобы посмотреть на чудесный цветок. И каждый видел его по-своему: одни говорили, что он пылает, как дикое пламя, другие – что он тихо мерцает, как луна, а третьи утверждали, что он может менять свои цвета.

Однажды к цветку пришла женщина, у которой было большое горе. Её единственный сын не вернулся с войны, а те, кто пришёл, говорили, что он пропал без вести. Этой женщине было некому рассказать о своём горе, и она пожаловалась цветку. «Только бы он вернулся, – шептала она, – я верю, он вернётся. Цветок, ты такой большой и красивый, ты ведь сам – чудо, сделай чудо и для меня. Пусть он вернётся, пожалуйста, пусть». И она ушла. Прошло четыре дня – и её сын вернулся домой, и даже привел с собой жену из другой страны. После этого женщина рассказывала всем о чуде, которое сотворил для неё цветок. И в ее глазах были слезы, но то были уже слёзы радости.

Тогда к цветку стали приходить другие люди и тоже просить чуда. Они хотели, чтобы в их город начало заглядывать солнце, чтобы дети их росли здоровыми, чтобы их близкие были счастливы. И всё исполнялось. В городе начало светить солнце, люди стали радостными и беззаботными, они научились петь красивые песни и танцевать, и так продолжалось много лет.

Но в один из особенно солнечных дней к цветку пришёл маленький горбун. Он попросил, чтобы все те, кто смеялся над ним, сами стали такими же горбатыми и слабыми. И его желание исполнилось. Потом к цветку пришёл слуга, которого побил жестокий хозяин. И слуга просил у цветка, чтобы тот умер, а он завладел бы всем хозяйским добром

и его женою. Вскоре так и случилось. И пришла молодая девушка. Она просила у цветка, чтобы все юноши в округе восхищались только ею одной, и скоро слава о её красоте разошлась по всему свету. Вот только цветок с тех пор стал чахнуть. Он сох и изо дня в день всё больше гнулся к земле, он потерял свою чудесную красоту и стал похож на засохшую колючку. В каменном городе снова начались дожди и пошёл снег, ветер завывал на безлюдных окраинных улицах. И люди в городе потеряли радостные улыбки.

И вот в самый дождливый и холодный день к цветку пришёл мальчик. Он был плохо укутан, и злой ветер продувал его до костей и заставлял дрожать его маленькое тело. Но, несмотря на непогоду, мальчик упорно шёл к цветку, пересиливая усталость. Он нежно обхватил цветок ладонями и просил, чтобы его младший брат, который был тяжело болен, не умирал. Мальчик лежал на земле, и теплые слезы капали из его глаз на цветок, и теплое дыхание паром струилось изо рта, а сильный ветер всё трепал его непослушные волосы и одежду, которую, казалось, хотел разорвать в клочья. Так мальчик пролежал рядом с цветком много времени и, когда тьма стала покрывать всё вокруг, встал и, утирая слёзы, побрёл домой. После этого дня прекратились дожди и вновь стало выглядывать солнце, цветок выпрямился и набрался сил и стал ещё красивей, чем прежде.

А по одной из улиц каменного города шёл тот самый мальчик и вел за руку своего младшего брата, который шурился на солнце и весело смеялся. А в это время на городской площади от лёгкого прикосновения ветра звенели на разноцветных лентах маленькие колокольчики.

Анастасия Буркова
Москва, Россия

Миша и Гор Горыныч

Из-за дальних гор

За окном что-то резко зашумело и ударилось оземь. Миша взглянул на светящийся циферблат часов – 4 часа утра. Время, когда все должны спать.

Мальчик на цыпочках подошёл к окну и осторожно выглянул во двор, так чтобы занавески не сдвинулись. За окном была непроглядная темень.

Какое-то время стояла тишина, и Миша было уже подумал, что ему почудилось, как кто-то резко начал фыркать и копошиться.

От страха у Миши побежали мурашки по коже. Но он был смелый мальчик, поэтому быстро взял себя в руки, вынул из шкафа фонарик, надел ботинки и, аккуратно и бесшумно ступая, направился во двор.

Спрятавшись за первым кустом, осторожно выглянул, – никого не видно. Перебежал к соседнему кусту. Послышались опять звуки. Миша с замиранием сердца направил фонарик на то место, откуда слышались звуки, и замер на месте.

В середине двора сидел зелёный трёхголовый с крылышками за спиной Змей Горыныч. Миша определил это сразу, всё-таки мама часто читала ему сказки.

Самое странное, что Миша не испугался Змея Горыныча. Может потому, что тот был такого же размера, что и мальчик. А может потому, что Змей Горыныч выглядел трогательно, пытаясь передними лапками очиститься от одуванчиков, в которые он попал при так называемой посадке.

В тот момент, когда фонарик скользнул по траве рядом со Змеем Горынычем, тот на какой-то момент застыл, не двигаясь, а потом начал издавать угрожающие звуки.

Миша храбро выступил вперёд:

– Ты откуда? Как здесь очутился?

Змей Горыныч от удивления от такой решительности мальчика сел на свой хвост.

– Я Гор Горыныч. А ты что, богатырь русский, будешь?

– Да, Михаилом зовут, – гордо ответил мальчик.

– Мне мама рассказывала про вас, богатырей. Мы что теперь – биться будем не на жизнь, а на смерть? Вот я тебя сейчас огнём спалю. – И Гор Горыныч начал открывать свои пасти.

– Стой! – вскричал Миша. – Огонь разводить запрещено у нас во дворе. Вон знак висит, не видишь, что ли?

Гор Горыныч от удивления начал крутить головами в разные стороны:

– Где? Где? Где? – спрашивали головы ни то друг друга, ни то Мишу.

Увидев запрещающий знак, Гор Горыныч опять сел на свой хвост.

– Странно, – через какое-то время произнёс он, – мама и папа мне всегда говорили, что палить огнём можно.

– Несколько веков назад, может быть, и было можно, а сейчас строгая противопожарная безопасность. Дети не должны играть с огнём. А где твои папа и мама?

Гор Горыныч посмотрел на небо.

– Не знаю. Папа и мама решили, что мы должны перебраться в другие леса и горы. Все наши соседи уже перебрались, так как люди стали появляться в наших краях всё чаще и чаще, не дают жить спокойно. Кричат, включают громко музыку, дымят, мусор разбрасывают. И мы полетели, но по дороге я увидел птицу и решил за ней погоняться. И, похоже, потерялся. И вообще, – Гор Горыныч опять посмотрел на мальчика, – мне родители говорили, что

с богатырями не надо общаться, а то они могут и голову снести.

Миша рассмеялся:

– Не снесу. Я природу охраняю и животных берегу. Тебя, Гор Горыныч, надо в Красную книгу занести.

– А что такое Красная книга?

– Список особо редких животных.

Гор Горыныч заважничал:

– Редкие мы на Руси.

Миша в это время громко зевнул.

– Пойдём лучше спать Горыныч, а то мне утром в школу.

– Я есть хочу, – жалобно проговорил Горыныч. – Уже два часа, как во рту ни крошки не было. Не смогу уснуть.

– Ладно.

Миша сходил в дом и принёс с собой хлеб, миску и пакет молока:

– Мама говорит, что детям надо на ночь молоко пить, тогда будут лучше спать, – и начал наливать молоко в миску.

Одна голова Гор Горыныча наклонилась и попробовала молоко на язык, другая недоверчиво наблюдала за первой, а третья в это время выхватила у мальчика батон хлеба и заглотила его целиком, тут же закашлявшись.

– Жевать надо лучше, – наставительно заметил Миша.

– А нам! А нам! – завозмущались другие головы.

Мише ничего не оставалось, как вернуться назад в дом и принести ещё несколько буханок хлеба и головку сыра, которую он сразу же разделил на три части, чтобы головы не спорили между собой.

Похоже, Гор Горыныч остался доволен, так как в желудке у него что-то умиротворенно забурчало, и Гор Горыныч зевнул.

– Пойду спать под тот куст, – указал он на росший неподалеку куст сирени и пошёл укладываться.

Миша посмотрел ему вслед и отправился домой. Засыпая, он думал о том, как это интересно встретить Змея Горыныча в наше время.

В школу вместе

Проснулся Миша от крика своей мамы где-то за окном. Мальчик вскочил и, как был в пижаме, бросился во двор.

Там он увидел маму и напротив неё стоящего Гор Горыныча. Каждый из них тянул на себя ведро, наполненное водой.

– Что здесь происходит? – поинтересовался Миша.

– Вот видишь, хулиган! – мама указала пальцем в сторону Гор Горыныча. – Хочет у меня ведро с водой отобрать.

– Пить очень уж хочется, – оправдывался, в свою очередь, Гор Горыныч.

– Мама, это Гор Горыныч. Он потерялся.

– Как потерялся? – всплеснула руками мама, выпустив ведро. – Бедненький. Пей, пей водички. Ты, наверное, ещё и голодный?

Гор Горыныч жалобно шмыгнул тремя носами одновременно.

Мама накормила кашей и Мишу, и Гор Горыныча. А потом задумчиво посмотрела на Мишу, который собирался в школу:

– Я думаю, что ты должен сегодня взять Горыныча с собой в школу, чтобы он не пропускал занятия. А как его мама с папой прилетят, я попрошу их подождать.

– Хорошо, – кивнул головой мальчик.

И уже через несколько минут Миша с Горынычем бодро шагали по направлению к школе. Вернее, Миша шагал, а Гор Горыныч летел вслед за ним.

– А почему тебя зовут Гор? – поинтересовался Миша.

– Так как я вырос в горах. Но имя «Гора» – это для девочек, а для мальчиков без буквы «а», – то есть «Гор» получается.

Первым был урок математики.

– Сколько будет пять плюс шесть? – спросила учительница.

– Десять, – тут же ответила одна голова Гор Горыныча.

– Двенадцать, – не поддержала её вторая голова.

А третья голова долго думала, загибала пальцы на лапках и наконец-то выдала:

– Одиннадцать.

Учительница удивленно посмотрела на Горыныча:

– Я думаю, что вы, головы, должны договориться между собой, какой ответ правильный, а потом его высказать.

– А мы всегда думали, – загалдели головы, – что одна голова хорошо, а три лучше.

– Так-то так, если только эти головы не противоречат друг другу, – наставительно сказала учительница.

– Ну тогда, – предложили первая и вторая головы, – пускай третья голова решает, она у нас самая математическая.

– Тогда ответ правильный. Ставлю Горынычу пять, – вывела оценку в школьном журнале учительница.

Все головы Гор Горыныча расцвели от похвалы и хорошей оценки.

Следующим предметом был окружающий мир.

– Кто из животных живёт в горах? – спросила учительница у ребят.

– Змеи Горынычи живут в горах, – уверенно сообщила первая голова Гор Горыныча, в то время, как остальные головы согласно кивали.

Учительница пролиставла учебник:

– Об этом ничего в учебнике не сказано. Но думаю, что ответ правильный. А кто ещё из животных живёт в горах?

И посыпались ответы со всех сторон от ребят: горные козлы, яки, медведи, лисицы и т.д.

На уроке пения Гор Горыныч ещё больше приободрился. И его три головы перекрыли своим звучным пением хор остальных ребят.

– Я прямо отличник какой-то, – радостно рассказывал он Мише по дороге домой. – Не зря папа и мама говорят, что я умный.

Родители нашлись

Ближе к вечеру, когда Миша с Гор Горынычем изучали карту мира, в доме раздался телефонный звонок.

– Вы заявляли о найденном Горе Горыныче? – строго спросили Мишину маму.

– Заявляли.

– Так вот, его родители нашлись. Мама сейчас будет у вас. А папу мы задержали в полицейском участке.

– За что? – поинтересовалась мама.

– Он хулиганил, пуская огонь, тем самым нарушая правила противопожарной безопасности, отказывался выполнять требования полицейских, агрессивно ведя себя и вызывая на бой, а в довершении хвостом сломал скамейку на улице. Пока не исправит всё, что наделал, не отпустим.

В это время во дворе раздался громкий глухой удар, от чего мама чуть не уронила телефонную трубку.

– Похоже, что мама Гор Горыныча нашла вас, – весело отрапортовал голос в телефонной трубке, и связь прервалась.

Миша и Гор Горыныч выбежали во двор.

– Мама! Мама! – радостно закричал Гор Горыныч и бросился в объятия своей большой мамы.

Зрелище было такое трогательное, что Мишина мама даже немного прослезилась. Тут и Мишин папа подошёл.

Посовещавшись, что делать дальше, все пятеро направились к полицейскому участку. Полицейского долго пришлось упрашивать отпустить Змея Горыныча, папу Гора Горыныча, но полицейский согласился это сделать только

при условии, что Змей Горыныч починит сам, что наделал, и также попросит прощение за плохое поведение.

На радостях, что его сын нашёлся и с ним всё хорошо, Змей Горыныч-папа быстро слетал в лес за бревном, чтобы починить поломанную им скамейку.

Родители Гор Горыныча с удивлением узнали, что Гор Горыныч в этот день не лентяйничал, а ходил в школу и даже получил там хорошие оценки.

– Мы всегда знали, что наш сын подает большие надежды, но не были уверены, что его стоит отдавать в общую школу, и обучали дома. Теперь мы подумаем, может, Гор Горыныч будет учиться вместе со всеми, – доверчиво сообщили они Мишиной маме.

Змей Горыныч-папа с мамой Гор Горыныча решили переночевать на находящемся неподалеку высоком холме, поросшем лесом, так как был уже вечер и куда-то лететь дальше не представлялось возможным.

А уже совсем поздно вечером Миша, довольный, засыпал в своей кровати, думая о Горе Горыныче, и о том, что у него, у Миши, появился ещё один друг, который, кстати, обещал его научить летать уже в эту субботу, то есть завтра.

Миша учится летать

Птичий гам в кустах не умолкал. Бабочки перелетали с цветка на цветок, на листьях ещё блестела роса.

Миша сидел на скамейке возле дома и ждал своего друга, Гор Горыныча. Сегодня предстоял замечательный день, ведь Гор Горыныч обещал научить Мишу летать.

Мама Миши, узнав об этом, только рассмеялась и сказала, что люди не летают.

«Ох, уж эти взрослые, – подумал про себя Миша. – Ничего они не знают. Если Гор Горыныч сказал, что научит,

то точно научит. Он же знает, о чём говорит, ведь сам умеет летать».

Через пять минут объявился Гор Горыныч. Важно постукивая хвостом по земле, он сказал Мише:

– Всё очень просто. Поднимай немного крылья, взмахивай ими и взлетай.

Гор Горыныч взмахнул крылышками и поднялся над землёй, сделал круг и приземлился обратно.

– Давай, Миша, давай за мной! – но, увидев расстроенное лицо Миши, остановился и спросил. – Что случилось?

– У меня нет крыльев, – грустно признался мальчик.

– Как нет? – Гор Горыныч удивился. – Ну-ка повернись. Действительно нет. Как же ты такой уродился – без крыльев? Не повезло тебе.

Гор Горыныч подумал, а потом продолжил:

– Хорошо. Давай тогда учиться без крыльев. Мамина подруга, Баба-Яга, например, летает в ступе. У тебя есть ступа?

– Ведро есть, а ступы, думаю, нет.

– Эх, пропащий ты какой-то. Мне также папа рассказывал, что в некоторых странах люди летают на ковре-самолёте.

– Ковёр у меня есть, – оживился Миша. – Я мигом.

Он сбегал в дом и вытащил небольшой коврик.

– Теперь садись на него и говори: ковёр-самолёт, вперёд!

Миша расстелил коврик, сел на него и приказал коврику лететь. Но тот не сдвинулся с места. Ещё раз – безрезультатно.

– Может, ты неуверенно говоришь? – предположил Гор Горыныч. – Надо как командир говорить – только тогда тебя будут слушаться!

Миша расправил плечи и командным голосом проговорил:

– Ковёр-самолёт, приказываю тебе, лети!

Ковёр как был, так и остался лежать на земле.

– Знаю, знаю, – вдруг запрыгал Миша от внезапно пришедшей ему на ум идеи, – воздушные шарик. – Если их много надуть и взяться за верёвку, то полетишь в небо.

Через пару минут Миша притащил упаковку воздушных шариков и начал их надуть вместе с Гор Горынычем.

Вскоре весь двор был завален красными, жёлтыми, зелёными, синими, оранжевыми, фиолетовыми и розовыми воздушными шариками. Гор Горыныч и Миша связали их вместе, и Миша ухватился за верёвку. Но как ни тянул её, так и не взлетел.

Сзади раздался смех Мишиного папы.

– Папа, папа! – бросился к нему мальчик. – Почему Гор Горыныч летает, а я не могу? Мы с ним уже всё попробовали.

– Так уж и всё? – улыбнулся папа и взглянул на небо, где в этот момент промелькнул самолёт.

Потом перевёл глаза на Мишу и Гор Горыныча.

– Дело в том, что есть земное притяжение, которое человек должен преодолеть, чтобы полететь. Сам человек это сделать не может. Однако, зная физические законы, может придумать, как это делать с помощью специальных устройств и машин.

Птицы опираются в полёте на воздух, они подсказали человеку идеи, как можно летать, так как люди, как и ты Миша, всегда хотели научиться летать.

По легенде, первым полетел Икар, сын Дедала, на крыльях, сделанных из воска и перьев, похожих на птичьи крылья. К сожалению, пролететь долго на таких крыльях Икар не смог.

В семнадцатом столетии люди начали полёты на воздушных шарах, наполненных горячим воздухом или водородом.

Однако воздушным шаром тяжело управлять – если плохая погода, воздушные шары не летали. Более того,

воздушные шары были неудобны для комфортной перевозки людей и не отличались безопасностью.

И люди задумались над концепцией самолёта. О том, как создать самолёт, думали лучшие исследователи из разных стран мира. На протяжении примерно двухсот лет учёные во многих странах работали над изобретением таких летающих машин. И они смогли это сделать. В 1882 году Александр Можайский взлетел на самолёте с паровым двигателем. В 1902 году братья Райт поднялись в воздух на самодельном самолёте.

А потом люди даже в космос полетели, куда птицы и даже Гор Горыныч не могут добраться.

– Так я сам, получается, не могу полететь сейчас, папа? – расстроился Миша.

– Ну, почему? – подбодрил Мишу папа. – Я сейчас тебе высокие качели сделаю, и ты будешь летать.

Качели понравились всем. И не только Миша катался на них, взмывая выше неба, но и Гор Горыныч, который говорил, что качание на качелях действительно напоминает полёт.

До встречи

После обеда Змей Горыныч, к сожалению, сообщил Мише и его родителям, что им надо лететь дальше.

Миша и Гор Горыныч очень расстроились. Ведь они так успели сдружиться за эти пару дней.

– А зачем вам лететь куда-то? Оставайтесь здесь.

– Так у нас там друзей много осталось, – сообщила мама Гор Горыныча. – Баба-Яга, Водяной, Кощей Бессмертный.

– Так они же плохие, – вспомнил Миша сказки, которые ему читала мама.

– Это в сказках они такие, а в жизни они намного добрее, – сказала мама Гор Горыныча. – Баба-Яга, например, умеет очень вкусно готовить. Водяному нравится купаться

и плавать среди кувшинок. Лягушки о нём всегда очень хорошо отзываются. А Кощей Бессмертный – учёный-исследователь, даже вот придумал, как стать бессмертным и жить вечно, о чём люди только мечтают. В общем-то они неплохие.

– Ты прилетай, когда сможешь, – повернулся Миша к Гор Горынычу.

– Ты тоже, – в тон ему ответил Гор Горыныч. – Я буду тебе писать.

И друзья обнялись.

Миша долго стоял и смотрел, как семья Гор Горыныча скрылась за горизонтом. Но он точно знал, что начало большой дружбе положено и Гор Горыныч обязательно прилетит обратно. Ведь им двоим ещё столько всего интересного предстояло сделать.

Победители Новогоднего конкурса журнала ЧАЙКА
на лучший рассказ для детей

Евдокия Бражникова, 9 лет
Роквилл, США

Ёлочка

Однажды в одном лесу появилось деревце, которое звали Ёлочка. Никто не подходил и не разговаривал с Ёлочкой, потому что все боялись её иголок, да и потому что незачем к ней подходить. Ведь на ней ничего не растёт – разве что иголки...

Но вот как-то раз в первый раз в жизни к Ёлочке кто-то подошёл. Это был Ёж. Он не боялся её колючек, потому что сам был колючий, и спросил у Ёлочки...

– А зачем ты появилась? Какая у тебя работа? У тебя есть друзья?

– Я не знаю. И друзей у меня нет, – ответила Ёлочка.

– Как не знаю? – сказал Ёжик – ведь у всех есть дела, даже я хоть и колючий, как ты, а у меня есть дела, которые я сам придумал. Я – почтальон еды, которую ношу на иголках. И из-за этой работы у меня появились друзья.

– А вот у меня нет.

– Как нет? – продолжил Ёж.

А вот нет, – ответила Ёлочка.

– А ты подумай! – очень смешно посоветовал Ёж.

И Ёлочка начала думать... Думала и думала, но не придумала. А в то время, когда Ёлка думала, звери и деревья готовились к зиме. Для них это было самое плохое время года. Животные собирали запасы и готовили тёплые норы, а деревья стряхивали листья.

И вот когда наступил последний день перед снегом, Белочка собралась идти за своими любимыми орешками, которые она думала подобрать ещё три дня назад, но тогда так этого и не сделала, потому что вспомнила о том, что ей нужно идти за лекарствами с мёдом к маме Мишки. И сегодня она уже собиралась уходить, когда поняла, что забыла собрать малины у кустов. Когда она вернулась, была ночь, пошёл снег, началась холодрыга и идти за орешками уже было поздно.

– А я так хотела попробовать новый сорт шишек на сосне, – сказала Белочка и прыгнула внутрь дуба.

На следующее утро Белочка проснулась и начала чистить зубы. Потом она скушала несколько орешков из своих запасов и начала читать предсказания Совы о том, что вырастет новой весной после зимы. А перед сном она вспомнила про новый сорт шишек и так их захотела, что даже записала своё желание на листочке. Она положила листик на стол и пошла спать.

Когда Белочка проснулась, она увидела, что надпись исчезла, а потом услышала «тук-тук-тук». Кто-то стучал в дверь... Белка открыла, это был Ёж. «Бежим к Ёлочке!» – сказал он. Белка удивилась, но когда Ёжик сказал, что уже всех зверей туда позвал, решила тоже пойти. Белка не любила пропускать то, что другие звери не пропускают.

Когда все там собрались, они увидели под Ёлочкой подарки в коробках и начали их открывать. В одной была профессиональная ручка для Совы, в другой бубенчики для Оленя, ещё гречишный мёд для Мишки, красные яблоки для Ежа, новый сорт шишек для Белочки и в последней коробке были подарки для самой Ёлочки – игрушки, которые звери на неё сразу надели ну, и конечно, золотая звезда!

После этого все стали любить Ёлочку и зиму. Ей наконец нашлось дело, и все зимой с тех пор пишут на

листочках, что они хотят получить на Новый Год. И никто уже не задумывается, почему надпись исчезает ночью. А вы знаете, кто это делает?

Наталья Бестужева
Сидней, Австралия

Две сказки

Символ Жизни

Ярко-зеленая гусеница устало передвигала свое тельце по листе. Она чувствовала, что пришло время побыть в тишине, дремоте, уединении, чтобы потом воскреснуть в новом прекрасном облике.

В коконе было темно, тепло, тесновато, гусеничка чувствовала, как погружается в липкую дремоту, в голове проплывали образы: золотистые крылья, море одуванчиков, белокурая худенькая девочка на залитой солнцем лужайке.

Почему-то стало страшно, вспомнилась история о нерадивом человеке, желающем помочь природе...

Однажды человек увидел кокон, но не стал терпеливо ожидать рождения бабочки, а перочинным ножом разрезал его. Бабочка появилась, но ее тельце и крылья были слабы, а ножки еле двигались. Человек все стоял и ждал, когда же бабочка окрепнет и полетит, но, увы... крылья так и не окрепли, и остаток жизни бабочка только устало волочила их по земле.

«Эх, глупые люди, – думала гусеница, – не понимают, что для того, чтобы родиться летать, нужно приложить свои усилия. Ведь если бы все давалось так легко, мы не были бы

столь сильны, мы не могли бы летать. Нет, нет, я хочу сама, сама».

На зеленой, залитой солнцем лужайке в инвалидном кресле сидела белокурая девочка. А на раскрытой ладошке медленно опускались и поднимались золотистые крылья бабочки. Девочка вспомнила слова мамы о том, что нужно загадать желание и тихо прошептать его бабочке, чтобы для всех остальных земных существ оно осталось тайной. Бабочка не умеет говорить, поэтому на своих крылышках она доставит просьбу прямо на небеса и желание обязательно сбудется.

Девочка осторожно, боясь спугнуть, наклонилась к бабочке и прошептала: «Хочу кататься на роликах, прыгать через скакалку и играть в «классики». ХОЧУ ВСТАТЬ НА НОЖКИ!»

Золотистые крылья еще долго сверкали на солнце, пока бабочка взмывала все выше и выше.

Сказка о букве Ч

На одном из чердаков четырехэтажного дома жила Буква Ч. А какая она была почемучка!!! А уж вопросов задавала – четыре тысячи!

– Что? Почему? Зачем? Отчего? Чей? За что? О чем?

Часто из чулана к букве Ч приходил почаявничать паучок Чуча. Чуча был чудаков, читал Чехова, носил тапочки с начесом и очки. Паучок садился в кресло-качалку и приговаривал:

– Чудный вечерок! А что в чашках? Чай? Чудесно! Чем угостите? Чебуреками? Очаровательно!

Пить чай с печеньем при свечах было замечательно!

Однажды утром, когда тучи рассеялись, на чердак влетел Чижик.

– Чур меня! – чертыхнулся он, споткнувшись о свой чемодан.

Оказалось, что какой-то человек разорил гнездо Чижики и теперь ему негде жить.

– За что? Что я сделал не так, чем не угодил? – задумчиво ворчал Чижик.

А в чемодане у Чижики было все самое ценное: часы, баночка варенья из черешни, портрет Чебурашки и сказки Чапека.

Чересчур разговорчивая буква Ч сразу же закричала:

– Что такое? Что такое? Чижик нам не чужой!! Будет жить с нами и точка!!!

Так, буква Ч, паучок Чуча и Чижик стали закадычными друзьями: вместе, хохоча, играли в чехарду и мечтали по ночам о чудесах.

Наташа Филимошкина
Днепропетровск, Украина

Крылья

Подойдя к зеркалу, Добромир ахнул. Неужто сбылось? Из-за спины выглядывали два белоснежных крыла. Перышко к перышку. Добромир выбежал во двор, взмахнул... и ноги оторвались от земли. Взмах, еще взмах. Будто всю жизнь летал. Небеса, казавшиеся неприступными, доброжелательно встречали гостя. Сверкающая радуга раскинулась от одного бесконечного края до другого.

– Ух ты! – восклицал Добромир, пролетая над древними лесами и раздольными полями. Ветер свистел в ушах. Свобода, словно могучий извилистый Днепр, разливалась перед ним.

Вернувшись домой, первым делом Добромир направился к другу.

– Невзор! Невзор! Мое желание сбылось!

– Это какое? У тебя же их тьма, – с иронией спросил друг, забивая гвоздь в крыльцо.

– Крылья! У меня есть крылья!

Невзор обернулся и обомлел.

– Как? Как это?

Добромир весело подмигнул.

– Так ведь на то они и желания, чтобы сбываться!

– Да неужто... – еле выдавил из себя Невзор. – И на что они тебе?

– Как на что? Летать буду! Парить! Добрым людям помогать, а злых наказывать.

– А-а-а, – вымученно протянул друг. Не впервой в его сердце вползала опасная шипящая зависть.

– Ну, летай, летай.

– Так я пойду. Остальным еще надо рассказать.

– Ну иди, иди.

Невзор долго смотрел на счастливого Добромира, заходившего во дворы и хваставшегося крыльями. Сам он тоже имел заветное желание – огромный сундук доверху набитый золотом. И так заела его несправедливость, что не мог он уснуть до самого рассвета. Все думал, думал... и надумал.

Утром пришел Невзор к князю Твердиславу.

– Дай ответ, князь. Можно ли исправить несправедливость?

– Хм, – задумался князь. – У нас этой несправедливости нет. Все по закону да по традициям живем. Но, – поднял князь вверх указательный палец, – сильный должен помогать слабому, а мудрый глупому, значит можно.

– Ты, наверное, слыхал, что у Добромира крылья выросли?

– Слыхал.

– А на что они ему? Почему все мы по земле ходим, а он один летает? Чем он особенный? Разве роду он княжеского?

Твердислав нахмурился.

– Ты к чему клонишь?

– А коли все летать захотят? Кем ты тогда править будешь? Кто казну пополнять станет? С крыльями-то землю не попашешь. Мешают. Эх, князь, чует мое сердце, взбаламутит народ Добромир.

Вскочил князь с дубового кресла, топнул ногой от злости.

– Не бывать этому!

Скоро в княжеские палаты привели Добромира. Князь долго и настороженно рассматривал его крылья.

– Почто они тебе? – допытывался он.

– Летать хочу. Матушка земля наша русская с высоты необыкновенная. А затем всю эту красоту я нарисую, а картины в заморские страны отправлю, пусть знают, как у нас тут живет! А если вдруг зло какое угляжу...

– А чем ты особенный? – недовольно перебил князь. – Мы то ведь по земле ходим! – резонно заметил он.

Добромир почесал в затылке.

– Может..., – пожал он плечами, – мечтать умею. Вот бывает, как размечтаюсь, напридумываю всякого – аж на душе светлее становится. С мечтой-то оно и живет легче.

Твердислав сурово сдвинул черные кустистые брови.

– Ты что это хочешь сказать, что лучше меня, князя! Что только ты умеешь мечтать, а я нет?

– Что ты, что ты и в мыслях такого не было, – испуганно заговорил Добромир.

– Вырвать крылья у выскочки, – сердито крикнул князь. – Вырвать! Вырвать!

– Смилуйся, смилуйся, – запричитал Добромир.

Но его уже взяли под руки и потащили в подземелье.

Вечером, на Добромира лежащего в уличной пыли, наткнулся добрый старик Любомудр. Все тело юноши было в ужасных ранах и запекшейся крови.

– Э-хе-хе, – жалостливо кряхтел Любомудр, вспоминая, как радостно хвастался Добромир крыльями. – Давай я тебе помогу. Обхвати меня за шею.

Старик привел его к себе, промыл раны, наложил мазь. Добромир тяжело вздыхал и плакал.

– Вырвали крылья. Крылья мои с мясом вырвали.

– Ничего, ничего, – приговаривал Любомудр, – жизнь-то у тебя осталась. А время затягивает любые раны.

Через месяц Добромир поправился, но возвращаться к себе домой отказался. Он помогал старику по хозяйству, улыбался солнечным дням, но в глазах затаилась глухая тоска.

– Благодарю тебя за доброту и помощь, Любомудр, – сказал он однажды. – Пойду я.

– И куда же?

– В дальние края

– Для чего? Чем тебе наша матушка земля не приглянулась?

– Здесь все ходят, а я летать хочу.

– А почто знаешь, что в дальних краях по-другому будет?

– Не знаю. Не могу я жить и не мечтать!

– Мечтать... А ты еще умеешь мечтать?

Добромир тяжело вздохнул и промолчал.

– Что ж... от себя не сбежишь. В добрый путь.

Взяв посох и котомку, Добромир направился в дальние края. Много дней шел он через древние леса и широкие поля и совсем не знал, куда придет. Да и неважно это было. Он думал о дружбе и предательстве, о себе, о том, как глупым хвастовством навлек на себя беду. Часами засматривался

на небесное половежье и понимал, что это только тело выздоровело, а душа по-прежнему кровоточила. Каждый день рассматривал свое отражение в реке – может, хоть одно перышко да пробьется? Но тщетно. Словно, что-то умерло в нем. И порою такая тоска заедала, что даже смерть не казалась избавлением. Шли годы. Добромир повидал много городов, повстречал много добрых людей, но мечтать так, как выходило раньше, больше не получалось. Память о причиненном зле будоражила сердце. Он сочинял и рассказывал сказки городской ребятне на ярмарках и базарах. Детский искренний смех и наивная восторженность в глазах неспешно залечивали тяжелые душевные раны.

Однажды, сидя на городской площади и сочиняя сказку, Добромир не сразу заметил, как босой мальчишка с белоснежными крыльями за плечами пристально рассматривал что-то у него за спиной.

Добромир грустно улыбнулся. Печаль, словно глубокое и мутное озеро, заполнила душу.

– У меня тоже когда-то такие были.

Мальчик пожал плечами и протянул руку. В ладошке, словно в лодке, лежало белое перышко.

– Это из твоих выпало, когда ты мимо проходил.

Добромир с замиранием сердца осторожно взял перышко и, преодолевая страх, спросил:

– Что там?

Мальчик улыбнулся.

– Крылья пробиваются.

Семен Мизрах
Иерусалим, Израиль

Болдухины и Дед Мороз

Предисловие

Болдухины, как их прозвали во дворе, а потом и в школе, имели имена и даже фамилию, одну на двоих. Старшему, Сене было уже девять, младшему Жене исполнилось вчера шесть. У Сени день рождения был 30 августа, а у Жени 31. Эта несправедливость неоднократно приводила к спорам и даже к битвам. Женя не хотел признавать разницу в возрасте, и так понятно, что Сеня старше всего на один день, а ведет себя как будто старше на все три года.

Братья были очень похожи внешне, но на этом сходство заканчивалось. Впервые о Болдухинах узнал Колька, ровесник Сени, который считался лучшим футболистом двора, и гордо называл себя «Месси». В футбол он действительно играл классно, но в остальном был вредным и хвастливым. Сеня бегал быстро, но с мячом не дружил, а больше любил лазить по деревьям или забираться куда-нибудь высоко. Однажды он оказался на верхушке самого высокого дерева во дворе, чем удивил всех ребят, но спускали его всем двором, и Колин папа сказал тогда в шутку: «Прям как бабуин по деревьям скачет». Что услышал Коля, осталось загадкой, но уже на следующий день Сеня стал «Болдухином». Когда Женя подрос и стал больше бывать во дворе с братом, их уже стали называть «Болдухинами».

Уже совсем скоро, через неделю, Новый год. Сеня перебрал 30 вариантов подарка от Деда Мороза, но никак не мог выбрать, что же ему больше надо. Письмо Деду Морозу писать он не стал, если он такой умный, то и так узнает, но если по правде, то может, его вообще нет, а все подарки от родителей. Женька в такое верить отказался, «А как тогда

он в прошлом году принес мне скейтборд? Я папу просил автомат с прицелом, а про скейтборд никому не говорил, только тебе. Ты папе или маме рассказал? Нет. А Мороз знал про скейтборд. Значит, он есть и не морочь мне голову!» Сеня спорить с братом не стал. Во-первых, с Женькой спорить себе дороже, он даже если не прав, все равно не сдавался, а обычно говорил: «Я все правильно сказал, это ты не понимаешь, пустая башка». Конечно, получал за «пустую башку», ну, если не успевал спрятаться или убежать к маме. Во-вторых, Сеня еще сам не решил, верит или нет в Деда Мороза.

Нужны доказательства. Это такие штуки, после которых точно знаешь. Например, Женька вчера, по-тихому сожрал целых четыре конфеты, а потом сказал: «Я только две съел, а остальные, наверно, потерялись». Сеня нашел две обертки в мусоре, а еще две рядом с Женькиной кроватью, они-то и есть доказательство. Ну, еще и то, что Сени дома в тот момент не было, он на музыке был. Значит, конфеты съел Женька, и все четыре разом. За что и был наказан, целую неделю без сладкого. Папа терпеть не мог, когда кто-то обманывал.

С Дедом Морозом то же самое надо сделать. Найти доказательства того, что он есть или его нет. Конечно, помощник в таком важном деле нужен, но брат мог все испортить. С другой стороны, Женька, если надо, тайну хранить умел. Без его помощи будет очень тяжело найти все доказательства. Да и веселей как-то вдвоем, рассуждал Сеня перед сном.

Женька внимательно выслушал и решил: «Нужно план сделать. Тогда мы его точно найдем».

– Кого найдем? Ты не понял. Мы не Деда Мороза ищем, а доказательства, что он есть, ну, или его нет. Понятно? – начал объяснять Сеня.

– Если мы его не найдем, то как узнаем, что он есть? – не сдавался брат.

– Где его искать? Он живет на Севере, где жутко холодно, – заорал Сеня.

– Чего ты орешь? Думай головой! Мы его под елкой словим, когда он подарки туда ложит. Понял? – довольный своей догадкой прокричал Женя.

– Не «ложит», а кладет. И еще: ты всю ночь ждать его собрался? Мы заснем, а он тогда и придет. Помнишь, как в прошлом году мы спать пошли аж в час ночи, – поучительно разъяснял Сеня. – Он так и не пришел, а подарки с утра были. План, конечно, нужен, но всю ночь его ждать я не собираюсь.

– Тогда что будем делать? У тебя план есть? А? Вот у меня уже есть, – победоносно заявил Женя.

– Ну, давай свой план, – немного удивился Сеня. Как – то очень быстро у брата все получилось.

– Слушай и не перебивай, – быстро сказал Женька. Значит, так: я скажу папе, что страшно хочу от Деда Мороза машину с пультом. Понял? Ты тоже что-то придумаешь и по секрету скажешь маме. Если на Новый год мы получим то, что просили, значит, нет никакого Деда Мороза.

Сеня задумался: брат, конечно, прав. План простой, но другого и не надо. Если слишком мудрено, то может и не получиться.

– Ладно. Здорово ты придумал, – похвалил брата Сеня.

На следующий день план уже начал действовать. Папа сказал: «Ну, машина дорогая, может, Дед Мороз добрый и тебе принесет».

Мама, услышав о новом мобильном телефоне, сразу сказала: «Это если Дед Мороз совсем больной на голову. Девятилетним телефоны раздавать!»

Новый год встречали у друзей и домой пришли поздно, около двух часов ночи. Болдухины бросились к елке, но там ничего не было.

– Я так и знал, что Дед Мороз – сказки для

маленьких, – расстроенно сказал Сеня. Женька промолчал, но было видно, как на глазах сверкнули слезы.

Когда Болдухины проснулись, был, наверно, уже обед. Женька первый вылез из кровати и пошел смотреть телевизор. Родители еще спали.

– Сеня, быстро иди сюда. Тут коробка под елкой, – заорал Женька так, что Сеню с кровати сдуло. Под елкой стояла картонная коробка, с дырочками. Когда братья подошли ближе, коробка немного сдвинулась и как-то странно зашумела.

Сеня, может молоток, возьмем? – зашептал брат. – Вдруг там опасное что – то?

Сеня подошел поближе к коробке и открыл ее. Внутри сидел и испуганно смотрел на братьев щенок.

– Он настоящий! – заорал Сеня. – Понимаешь, Жека? Дед Мороз – ЕСТЬ!